

Данцэла Стиа

Роман
о любви,
нежности
и страсти

Звезда

Даниэла Стил

Звезда

OCR Roland

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158567

Звезда: АСТ; Москва; 2001

ISBN 5-17-005263-4

Аннотация

Это – вечная сказка о Золушке, сказка, так и не утратившая своего очарования. Это – блестящий Голливуд, город циничных негодяев и самовлюбленных красавиц, город славы и богатства, коварства и соперничества. Это – история восхождения к славе прекрасной Кристел Уайтг, история ее нежной и страстной любви, верности первому, еще полудетскому чувству, которое с годами становится лишь сильнее...

Содержание

1	5
2	33
3	64
4	90
5	109
6	114
7	121
7	129
8	138
9	157
10	164
11	179
12	189
13	200
14	204
15	207
16	222
17	234
18	240
19	250
20	257
21	270
22	293

23	305
24	328
25	336
26	379
27	396
28	414
29	429
30	455
31	470
32	488
33	502
34	521
35	531
36	544
37	553
38	557
39	563
40	570
41	602
42	616
43	623
44	629

Даниэла Стил

Звезда

1

В утренней тишине Александровской долины уже начали перекликаться птицы, и солнце, медленно поднимающееся из-за гор, запустило свои золотые пальцы в светлеющее небо, окрасив его местами в пурпурный цвет. Листья на деревьях тихонечко перешептывались от малейшего дуновения легкого ветерка, и Кристел молча стояла в сырой траве, наблюдая, как прозрачное небо начинает розоветь. На мгновение птицы перестали петь, казалось, их тоже заворожила красота долины. Эти обширные, поросшие сочной травой поля, окруженные грядой неровных холмов, небольшие стада мирно пасущегося скота принадлежали ее отцу. Отцовское ранчо охватывало две сотни акров плодородной земли, на которой раскинулись поля пшеницы, ореховые рощи и виноградники, разгуливал племенной скот, приносящий основной доход семье Уайттов. Их ранчо существовало уже сотню лет. Кристел была просто влюблена в этот сказочный уголок природы. Казалось, она безмолвно беседует с духами, населяющими долину и известными только ей. Они были повсюду: и в высокой, шелестящей на ветру траве, и в лучике солн-

ца, нежно коснувшегося ее волос цвета спелой пшеницы. Девушка начала тихонько напевать. У нее были глаза цвета летнего неба, а ноги длинные и красивые; вдруг она сорвалась с места и побежала к реке, приминая босыми ступнями мокрую траву. Сидя на гладком сером камне и чувствуя, как ледяная вода омывает ее босые ноги, девушка продолжала наблюдать, как солнечный свет медленно окрашивает высящиеся вдали скалы. Она любила встречать восход солнца, любила бегать по полям и ощущать себя частью этой природы и в то же время существом живым, молодым и свободным. Это истинное наслаждение: сидеть на камне и петь в этой тишине раннего утра. Казалось, голос не принадлежит ей, он рвался наружу, наполнял тишину волшебным очарованием. Эта утренняя песня, которую мог слышать только Бог, казалось, имеет для Кристел особое значение.

На ранчо работники ухаживали за скотом, мексиканцы убирали пшеницу и виноград, за всем этим следил отец. Но среди них не было ни одного человека, который бы любил эту землю так искренне, как она или ее отец, Тэд Уайтт. Ее брат Джед, окончив школу, начал помогать отцу, но в шестнадцать лет ему больше нравились другие занятия: например, взять отцовский автомобиль и прокатиться с друзьями в Напу, которая была почти в часе езды от их родного Джим-Тауна. Он был симпатичным парнем, с такими же, как у отца, темными волосами. И так же прекрасно умел укрощать диких лошадей. Но ни в нем, ни в его сестре Бекки не было

и намек на ту лирическую красоту, которая в полной мере была присуща Кристел. Сегодня Бекки выходила замуж, и Кристел прекрасно знала, что их мать и бабушка уже хлопочут на кухне. Она слышала их голоса, когда сама тихо крадась по дому, чтобы убежать сюда и посмотреть, как из-за гор поднимается солнце. Она начала медленно переходить горную речку, чувствуя, как от ледяной воды, доходящей до бедер, немеют ноги и пощипывает колени. В тишине летнего утра раздался ее громкий смех, когда она стянула через голову хлопчатобумажную ночную рубашку и бросила ее на берег. Она знала, что никто не сможет увидеть ее, грациозно стоящую посреди потока и даже не сознающую, как завораживающе она красива – юная Венера, выходящая из горной речки посреди Александровской долины. Издалека ее можно было принять за взрослую женщину, когда она, придерживая одной рукой на макушке длинные белокурые волосы, медленно опускалась и ледяная вода омывала каждый изгиб ее прекрасного тела. Только ее близкие и знакомые знали, как она молода. Незнакомцу она показалась бы вполне взрослой, восемнадцати – двадцатилетней женщиной с прекрасной фигурой. На мир она смотрела огромными голубыми глазами. Она весело зажмурилась, глядя на восходящее солнце, и в его лучах ее изумительное тело казалось вылепленным из нежно-розового мрамора. Но она не была женщиной, она была еще совсем ребенком, четырнадцатилетним ребенком. Только этим летом ей должно было испол-

ниться пятнадцать. Она рассмеялась, представив себе, как они будут искать ее, как зайдут в комнату, чтобы поднять с постели и отправить на кухню; как, обнаружив, что ее нет, разозлится сестра, а бабушка в раздражении зашамкает беззубым ртом. Как всегда, она опять сбежала от них. Это было ее любимым занятием: ускользнуть от повседневных обязанностей и убежать, затеряться где-нибудь на ранчо, пробираясь сквозь высокую траву, или спрятаться в лесу от зимнего дождя, или скакать без седла на лошади, напевая себе под нос, до самых холмов, посещать те укромные уголки, которые она примечала во время их с отцом длинных прогулок. Здесь она родилась, и однажды, когда она будет совсем старой, такой, как бабушка Минерва, и, может, даже еще старше, она умрет здесь. Она любила ранчо и эту долину всем сердцем, и эту любовь унаследовала от отца. Так же, как и он, она радовалась этой плодородной земле, сочной зелени, покрывавшей, словно ковром, весенние холмы. Она улыбнулась, заметив стоящего неподалеку оленя. Это ее мир, и для Кристел нет врагов в этом мире, нет никакой опасности и тайных страхов. Она сама часть этого уголка природы и ни на минуту не сомневалась, что ее здесь не может поджидать никакая опасность.

Все еще не отрывая взгляда от восходящего солнца, она медленно двинулась к берегу, легко ступая длинными ногами по острым камням, и, дойдя до своей ночной рубашки, подняла ее и легко надела через голову. Ткань тут же при-

липла к мокрому телу, а белокурые волосы рассыпались по спине. Жаль, но она знала, что ей пора возвращаться, ведь домашние наверняка уже в ярости. Мать уж точно нажаловалась отцу. А ведь вчера она помогала готовить двадцать четыре яблочных пирога, пекла хлеб, разделявала цыплят, следила за тем, как копятся семь окороков, и начиняла базиликом и грецкими орехами бесчисленное множество огромных сочных помидоров. Всю свою часть работы она сделала, теперь все, что ей оставалось, – беспокоиться и путаться у всех под ногами да еще слушать, как Бекки орет на брата. А для того чтобы принять душ, одеться и явиться в церковь к одиннадцати часам – на это у нее есть масса времени. Ее присутствие в доме вовсе не обязательно, им только кажется, что она нужна им. Ей гораздо больше хочется побродить по полям или поплескаться в горной речке этим солнечным утром. Воздух между тем уже начал прогреваться, а утренний ветерок почти стих. Да, для свадьбы сестры день просто отличный.

Она уже видела вдалеке их дом, когда услышала визгливый голос бабушки, зовущей ее с крыльца кухни: «Кри-исте-ел!» Ее имя, казалось, эхом отдается по всей долине, она засмеялась и помчалась к дому – длинноногая девочка с развевающимися за спиной волосами.

– Кристел!

Девушка приближалась к старой женщине, стоящей на крыльце кухни. Бабушка Минерва облачилась в черное пла-

ть, которое надевала всегда, когда ей предстояла большая работа на кухне. Поверх платья красовался чистый белый фартук. Ее губы гневно сжались, когда она увидела Кристел, вприпрыжку приближающуюся к дому в белой хлопчатобумажной ночной рубашке, прилипшей к мокрому телу. В движениях девушки не было ни капли жеманства или скованности, она вела себя непосредственно, как ребенок, совершенно не сознавая, насколько она красива. Она и была еще совсем ребенком, и, казалось, должна пройти вечность, прежде чем она почувствует себя женщиной.

– Кристел! Ты только посмотри на себя! Тебя всю можно разглядеть через эту ночную рубашку! Ты уже не маленькая девочка. Что, если кто-нибудь из мужчин тебя увидит?

– Но, бабушка, ведь сегодня суббота... и здесь никого нет. – Она посмотрела прямо в старое морщинистое лицо и улыбнулась широкой, открытой улыбкой, в которой не было ни тени раскаяния или смущения.

– Тебе, должно быть, самой стыдно, и вообще пора готовиться к свадьбе сестры, – укоризненно ворчала бабушка, вытирая руки о фартук. – Носишься по полям на рассвете, как дикая кошка. А между прочим, у нас тут полно работы, Кристел Уайтт. Зайди в дом и посмотри, чем ты можешь помочь маме.

Кристел улыбнулась и побежала вокруг широкого крыльца к окну своей спальни, в которое ей ничего не стоило влезть, а бабушка с грохотом захлопнула дверь и вернулась

на кухню помогать своей дочери.

Кристал, оказавшись в своей комнате, замерла на секунду, а потом, мурлыча что-то себе под нос, стянула ночную рубашку и небрежным движением забросила ее в угол, при этом ее взгляд упал на платье, которое она должна надеть на свадьбу: простое белое хлопчатобумажное платье с пышными рукавами и маленьким кружевным воротничком. Мать шила его сама и сделала все возможное, чтобы платье было как можно проще: никаких кружев, никаких украшений, которые могли бы подчеркнуть и без того ошеломляющую красоту дочери. Оно выглядело совсем по-детски, но Кристал ничего не имела против. Потом она сможет носить его в церковь. В Напе ей купили белые туфельки-лодочки, а отец привез пару капроновых чулок специально для нее. Бабушка, конечно, как всегда, начала неодобрительно ворчать, а мама сказала, что Кристал еще слишком мала, чтобы носить их.

– Она же еще совсем ребенок, Тэд. – Оливию ужасно раздражало, что муж так откровенно балует их младшую дочь. Отец всегда приносил ей сладости или привозил из Напы или Сан-Франциско какие-нибудь невероятные наряды.

– Ничего, пусть чувствует, что она особенный ребенок.

Кристал с самого рождения стала предметом его обожения. Каждый раз, когда он ее видел, у него начинало щемить сердце. Она была еще совсем крошкой, ее головку окружал ореол очень светлых волос, а ее глаза, казалось, заглядывали

прямо в его душу; ему всегда казалось, будто она хочет сказать что-то именно ему и никому другому. Ребенок с глазами, полными мечты, в ее облике было что-то завораживающее, что заставляло прохожих останавливаться и долго смотреть ей вслед. На нее всегда все смотрели. Кристел привлекала внимание людей не только своей красотой, но и чем-то другим, скрытым, казалось, в самой глубине ее души. Она не походила ни на кого из членов семьи, была совершенно особенной, а для отца была песней души. Именно он дал ей имя, когда впервые увидел малышку, которую Оливия прижимала к груди через несколько секунд после ее рождения. Чистая и прекрасная, Кристел. И это имя подходило ей как нельзя лучше, оно прекрасно гармонировало с ее ясными светлыми глазами и волосами платинового цвета. Даже ребяташки, с которыми она играла, будучи еще ребенком, понимали, что она не такая, как они, что она каким-то непостижимым образом отличается от них. Она была свободнее, естественнее, веселее, никогда не подчинялась тем правилам и запретам, которые пытались ей внушить домашние. С ней никто не мог сладить: ни нервная, вечно на что-то жалующаяся мать, ни сестра, которая была далеко не так красива, как Кристел, ни ее брат, который бесцеремонно издевался над младшей сестрой, ни даже грозная бабушка, переехавшая к ним, когда Кристел было семь лет и когда в Оризоне умер ее дедушка Ходгес. И только отец, казалось, понимал ее, только он видел, какая она замечательная, как диковинная птич-

ка, которой хозяин время от времени разрешает вылетать из клетки и парить в вышине над всем земным и обыденным. Можно было подумать, что он верил, будто это существо передано ему прямо из рук Господа. Ради нее он всегда готов был идти против правил: приносил ей небольшие подарки и всячески выделял ее, зачастую к великому раздражению всех домашних.

– Кристел! – За дверью раздался грубый голос матери. Кристел продолжала стоять посреди комнаты, которую она делила со своей сестрой почти пятнадцать лет. Прежде чем она успела ответить, дверь распахнулась и Оливия Уайтт остановилась на пороге, уставившись на нее гневным, осуждающим взглядом. – Почему ты стоишь в таком виде? – Дочь была ослепительно хороша в своей наготе, но как раз это и не нравилось Оливии. Ей не хотелось думать о ней как о женщине, женщине с невинными глазами ребенка. И сейчас взгляд этих глаз был обращен к матери, одетой в синее шелковое платье, в котором она собиралась пойти на свадьбу Бекки. Поверх платья, так же как и на бабушке Минерве, красовался белый фартук. – Оденься немедленно! Отец и брат уже встали! – Она пристально посмотрела на Кристел и еще плотнее прикрыла за собой дверь, как будто опасалась, что они оба стоят там, прямо за порогом, жаждущие взглянуть на голую Кристел. Честно говоря, отец восхищался ею как ребенком, он просто боялся увидеть в ней женщину, а Джед оставался совершенно равнодушен к потрясающей красоте сестры.

– О мамочка... – Она прекрасно понимала, как разозлилась бы мать, увидев ее несколько минут назад стоящую голышом посреди горного потока. – Но они же не станут заходить сюда. – Она улыбнулась и недоуменно пожала плечами. Но Оливия продолжала ворчать:

– Разве ты не знаешь, что у нас еще полно работы?

Сестре нужно помочь с платьем. Бабушке разделать индюшку и нарезать окорок. Будет от тебя когда-нибудь какая-нибудь польза, Кристел Уайтт? – Они обе прекрасно знали, что от Кристел всегда была польза. Правда, она с гораздо большим удовольствием работала не дома на кухне, а помогала отцу, занимаясь с ним чисто мужскими делами. Она охотно работала с ним на тракторе или пасла скот, когда на ранчо не хватало людей. Она была совершенно неутомима, когда во время ужасных бурь отыскивала и приводила домой заблудившихся телят. Она с невероятной нежностью относилась ко всем домашним животным. Но для ее матери это ничего не значило. – Одевайся, – повторила мать, а потом, взглянув на чистое белое платье, висевшее на двери кладовки, добавила: – Но надень свое синее хлопчатобумажное платье, пока мы не отправимся в церковь. А то, помогая бабушке, ты испачкаешь новое.

Мать наблюдала, как Кристел надела нижнее белье и натянула через голову старое синее платье. На какое-то мгновение она стала снова похожа на ребенка, но ее женственность была уже настолько очевидна, что ее невозможно было

скрыть даже под старым, вылинявшим платьем. Она еще не успела его застегнуть, когда дверь распахнулась и в комнату влетела Бекки, нервно жалуясь на брата. У сестры были каштановые волосы, такие же, как у матери, и широко посаженные карие глаза. Черты ее лица были правильные и ничем не выдающиеся, а фигура – высокая и стройная, почти такая же, как у младшей сестры, но в ней не было ничего от той притягательности, которой обладала Кристел. Ее высокий голос срывался на визг, когда она рассказывала Оливии, что Джек намочил все полотенца в единственной на ранчо ванной комнате.

– Я даже не смогла как следует вытереть волосы. Он делает это каждый день, мама! И я уверена, что он делает это специально!

Кристел молча смотрела на нее с таким видом, будто впервые повстречалась с ней. После того как они прожили бок о бок почти пятнадцать лет, две девушки больше походили на двух незнакомых людей, чем на родных сестер. Ребекка выдалась вся в мать: у нее был точно такой же характер, темные волосы и карие глаза, и она все время нервничала и на все жаловалась. Она выходила замуж за парня, которого любила, когда ей было столько же, сколько сейчас Кристел, и Бекки прождала его всю войну. И вот теперь, когда не прошло и года, как он вернулся целый и невредимый из Японии, она выходила за него замуж. В свои восемнадцать лет она все еще была девственницей.

– Мама, я ненавижу его! Я просто его ненавижу! – Ее длинные темные мокрые волосы прилипли к спине, а в глазах, гневно смотревших на мать и сестру, стояли слезы, когда она нещадно ругала Джеда.

– Ну ладно, ладно, с сегодняшнего дня ты больше не будешь жить с ним под одной крышей, – улыбнулась мать.

Накануне они со старшей дочерью долго бродили вокруг амбара, и мать объяснила ей, что нужно будет Тому от нее во время их первой брачной ночи в Мендочино. Бекки уже знала об этом из бесед со своими подругами, большинство из которых повыходили замуж несколько месяцев назад, сразу после того как их парни вернулись с Тихого океана. Для Тома было важно, прежде чем жениться, найти работу, а отец Бекки настоял, чтобы она сначала окончила школу. Пять недель назад она как раз и сделала это, и вот сегодня, солнечным днем в конце июня, должна была осуществиться ее мечта. Она станет теперь миссис Томас Паркер. Это звучало очень по-взрослому и немного пугающе. И, если честно, Кристел в душе не понимала, почему ее сестра выходит за этого парня. Ведь с Томом Бекки никогда не уедет дальше Буневилла. Теперь вся ее жизнь от начала до конца пройдет на этом ранчо, где она родилась и выросла. Кристел и сама очень любила ранчо, может быть, даже больше, чем кто-либо другой, и она бы очень хотела когда-нибудь поселиться здесь навсегда, но только после того, как увидит мир. Она мечтала увидеть другие места, другие уголки земли и узнать побольше людей,

кроме тех, в окружении которых выросла. Она прекрасно понимала, что мир огромен и этот кусочек земли, окруженный Маякамскими горами, вовсе не единственный на свете. На стене в ее комнате висели фотографии знаменитых кинозвезд: Греты Гарбо и Бетти Грейбл, Вивьен Ли и Кларка Гейбла. Вперемежку с ними там были цветные репродукции видов Голливуда, Сан-Франциско и Нью-Йорка, и однажды отец показал ей открытку с видом Парижа. Иногда она даже мечтала отправиться в Голливуд и сделаться кинозвездой. Но больше всего ей хотелось повидать те загадочные места, о которых они так часто шептались с отцом. Она понимала, что эти места – просто выдумка, но ей очень нравилось представлять их себе. И девушка всем сердцем сознавала, что она ни за что бы не хотела связать свою жизнь с таким человеком, как Том Паркер. Отец предложил ему работу на ранчо, потому что молодой человек не смог бы найти ее больше нигде. Сразу после школы он уехал в Перл-Харбор, чтобы поступить там на воинскую службу. И Бекки терпеливо ждала, писала ему каждую неделю. Иногда проходили месяцы, прежде чем она получала от него ответ. Он вернулся повзрослевшим и был напичкан всякими историями о войне. В двадцать один год он стал взрослым мужчиной, во всяком случае, Бекки считала его таким. И вот теперь, когда прошел год после его возвращения, они собирались стать мужем и женой.

– Почему ты до сих пор не одета? – Бекки неожиданно

повернулась и посмотрела на сестру, стоявшую босиком в старом синем платье, которое ей велела надеть мать. – Ты сейчас же должна одеться! – Было семь часов утра, в церковь же они должны были идти не раньше пол-одиннадцатого.

– Мама хочет, чтобы я помогла бабушке на кухне. – Кристел произнесла это спокойным голосом, совершенно непохожим на голос сестры или матери: глубоким, с хриплыми чувственными нотками, выдающими натуру девушки. Она любила петь, и ее песни были совершенно невинными, но голос наделял их страстью.

Бекки кинула мокрое полотенце на их общую кровать, которая все еще была не заправлена. Ведь Кристел рано утром убежала в поле, чтобы взглянуть на восход солнца.

– Кристел, заправь постель, – сказала Оливия строгим голосом: сама она хотела помочь Бекки уложить волосы. Мать сделала фату, которую старшая дочь должна будет надеть: маленькую корону из белого сатинового шитья с вшитыми в нее крошечными перламутровыми жемчужинами. К короне крепилось почти два метра прозрачного белого тюля, который Оливия купила в Санта-Розе.

Кристел разгладила простыни и встряхнула тяжелое стеганое одеяло, которое бабушка сделала специально для них уже несколько лет назад. Оливия сама простегала точно такое же в качестве свадебного подарка для Бекки. Его уже отнесли в тот маленький коттедж на ранчо, в котором они будут жить, как сказал отец, пока у них не появится возмож-

ность завести настоящий дом. Оливия радовалась, что дочь будет около нее, и Том тоже остался доволен, так как это избавляло его от необходимости платить за жилье, чего они с Бекки пока не могли себе позволить. По мнению Кристел, так Бекки вообще никуда не переезжала. Она будет жить меньше чем в полумиле от них, в доме, стоящем на обочине фунтовой дороги, по которой они с отцом очень часто ездили на тракторе.

Оливия тщательно расчесала волосы дочери, и женщины заговорили о Клиффе Джонсоне и его жене-француженке. Парень привез ее с войны, заявив, что это его фронтовая подруга. Бекки долго и упорно спорила с Томом по поводу того, приглашать или нет супругов на свадьбу.

– Она вовсе не такая уж и плохая, – впервые за целый год высказала Оливия свое мнение об иностранке, в то время как Кристел молча стояла в стороне. Кристел была всегда для них кем-то посторонним. Они никогда не допускали ее в свои беседы. Теперь девушка удивленно думала о том, что, если Бекки переедет из дома, станет ли ей мать уделять больше внимания и прислушиваться к тому, что она говорит? Вряд ли, скорее всего мать будет проводить все свое свободное время в коттедже у Бекки. – Она принесла тебе в подарок невероятно красивые кружева и сказала, что они достались ей от бабушки еще во Франции. Когда-нибудь потом ты сможешь сделать из них что-нибудь симпатичное.

Это были первые добрые слова, которые сказал кто-либо

в городе о Мирелле, с тех пор как она год назад появилась здесь. Эта женщина не была красавицей, но она держалась очень дружелюбно и отчаянно старалась влиться в местное общество, несмотря на явное неодобрение со стороны всех друзей и соседей Клиффа. Ведь в городке очень много девушек ждали парней, и вовсе не обязательно Клиффу было возвращаться с войны с женой-иностранкой. Но в конце концов, она-то хоть была белой. В отличие от девушки, которую другой парень, Бойд Вебстер, привез домой из Японии. Это был такой позор, что его семья так и не смогла смириться с этим. И никогда не смирится. И у Бекки с Томом дело чуть до размолвки не дошло, когда он заявил, что пригласит Бойда и его жену на свадьбу. Она плакала, кричала, негодовала, даже пыталась умолять его. Но Том был непреклонен, он сказал, что Бойд – его лучший друг, что они провоевали бок о бок четыре года и что, как бы ни глупо его решение жениться на этой девушке, он не собирается из-за этого отказываться от его присутствия на своей свадьбе. Мало того, он попросил Бойда быть его шафером, что чуть не свело Бекки с ума. Но в конце концов она уступила. Оказалось, что Том Паркер еще упрямее, чем его будущая жена. Никто, казалось, не мог смириться с присутствием Хироко, никто не хотел забывать, кто она такая с ее раскосыми глазами и блестящими, черными как смоль волосами. Каждый, видя ее, вспоминал о тех парнях, которые погибли во время войны в бассейне Тихого океана. Да, это просто позор и бесчестье. Тому она тоже не

навивалась, но Бойд – его самый лучший друг, и он не мог предать его. Тем более, как он считал, его друг уже сам давно поплатился сполна за то, что женился на японке. Когда он появился с ней в городке, никто не хотел давать ему работу и буквально все двери захлопывались перед их носом. В конце концов старый мистер Петерсен пожалел молодого человека и разрешил ему откачивать газ. Платил копейки, а Бойд, несомненно, заслуживал большего. Еще до войны он мечтал поступить в колледж, но теперь об этом не могло быть и речи. Сейчас он должен работать, чтобы прокормить себя и Хироко. Почти все жители городка думали, что после всего этого супруги отступятся и покинут эти места. Во всяком случае, очень многие надеялись на это. Но Бойд по-особенному, подобно Тэду Уайтту и Кристел, был влюблен в свою родную долину.

Кристел просто очаровала миниатюрная японка, когда она впервые появилась в городе в качестве жены Бойда. Доброта, деликатность, необыкновенная вежливость, мягкость и стеснительность, а также певучий акцент Хироко притягивали Кристел, словно магнитом. Но Оливия строго-настрого запрещала дочери общаться с ней, и даже отцу казалось, что для нее гораздо лучше держаться от супругов подальше. Есть некоторые вещи, по его мнению, в которые лучше не вмешиваться, но в эти дни Вебстеры будут среди них на равных.

– Ты долго еще собираешься стоять так, уставившись на свою сестру? – Оливия наконец-то вспомнила о присутствии

Кристал и заметила, что та стоит, наблюдая за ними. – Я еще полчаса назад велела тебе идти на кухню и помогать бабушке.

Не говоря ни слова, Кристал выскользнула из комнаты, бесшумно ступая босыми ногами, в то время как Бекки нервно продолжала говорить о своей свадьбе. На кухне Кристал обнаружила еще трех женщин, пришедших с соседних ферм, чтобы помочь их семье. Свадьба Бекки – первая свадьба за это лето, похоже, станет в их городке событием года. Гостей пригласили с ферм и ранчо, расположенных на многие мили вокруг. Ожидалось, что придет почти двести человек, и женщины работали не покладая рук, завершая последние приготовления к роскошному угощению, которое будет подано гостям сразу после венчания.

– Несносная девчонка, где ты ходишь? – заворчала на нее бабушка и указала ей на огромный окорок. К этому дню они зарезали несколько свиней и сами их приготовили. И вообще все, что будет подаваться на стол, выращено и приготовлено на их ранчо, все, даже вино, которое отец разливал сейчас в бутылки.

Кристал молча принялась за работу, но через несколько минут почувствовала довольно ощутимый шлепок по тому месту, которое расположено ниже спины.

– Отличное платье, Сис. Это папа привез его тебе из Сан-Франциско? – Конечно, это был Джед, который хитро смотрел на нее с высоты своего огромного роста. Парню испол-

нилось шестнадцать, он обожал всех дразнить и над всеми издеваться. На нем ловко сидели новые брюки, правда, чуть коротковатые, и белая рубашка, которую бабушка накрахмалила и выгладила. Он стоял босой и туфли держал в руках. Жилет и галстук небрежно перекинул через плечо. Последние несколько лет они с Бекки жили как кошка с собакой, но в этом году предметом его внимания все чаще стала становиться Кристел. Он схватил было сочный кусок окорока, но Кристел успела ударить его по руке.

– В следующий раз я отхвачу тебе пальцы, так что будь внимательнее. – Она замахнулась на него ножом, и это не очень-то походило просто на шутку. Вечно он издевается над ней. Он просто обожал дразнить и доводить ее. Обычно все кончалось тем, что она, не выдержав, пыталась ударить его, но ему ничего не стоило перехватить ее руку и отпустить ей совсем нешуточную пощечину. – Отстань от меня, пожалуйста... Почему бы тебе не поприставать к кому-нибудь другому, Джей? – Чаще всего она называла его Джей-хед. – А почему бы тебе не помочь?

– Ну, у меня есть занятие получше. Я должен помогать отцу разливать вино.

– Да... держу пари... – Кристел нахмурилась: как-то раз она видела, как он пил со своими друзьями. Она скорее бы умерла, чем пожаловалась отцу. Даже когда они ссорились с братом, между ними оставалось в силе некое соглашение. —

Надеюсь, что после этого гостям все-таки хоть что-нибудь

останется?

– Надеюсь, ты не забудешь надеть туфли. – Он снова шлепнул ее, а она, отбросив нож, попыталась схватить его за руку, но слишком поздно: он уже выбежал в коридор и направился, насвистывая, к своей комнате. Вдруг он на секунду остановился у двери комнаты, просунул туда голову и увидел сестру, стоящую посреди комнаты в лифчике и трусиках, застегивающую пояс для чулок. – Послушай, крошка... О! – Он издал разбойничий свист, а Бекки разразилась совершенно идиотским визгом.

– Уберите его отсюда! – закричала она и запустила в брата щеткой для волос, но тот успел захлопнуть дверь, прежде чем она долетела до него. Это были совершенно нормальные, повседневные звуки, создававшие на ранчо даже своеобразный уют, и никто на кухне не обратил на них внимания, тем более что в это время на кухню зашел Тэд Уайтт, в темно-синем костюме, почти одетый для свадебной церемонии. От него так и веяло уверенностью, спокойствием и каким-то теплом. Когда-то давно его семья была очень богата, но потом, много лет назад, еще до Депрессии, они потеряли почти все. Они продали тысячи акров земли, но именно Тэд сумел повести дело так, что ранчо снова приносило доход. Он трудился не покладая рук, и рядом с ним была Оливия. Но все-таки, перед тем как жениться на ней, он успел немного посмотреть мир. И именно об этом он и рассказывал Кристел во время их совместных длинных прогулок, когда они укры-

вались в лесу от дождя, или зимой, когда они, сидя в хлеву, ждали, когда отелится корова. Он рассказывал ей о том, что уже давным-давно прошло и было почти забыто.

– Ты знаешь, девочка, мир такой огромный... и в нем так много красивых мест... Правда, многие из них несколько не красивее, чем это... но все равно их стоит посмотреть.

Он рассказывал ей о Новом Орлеане, и о Нью-Йорке, и даже об Англии. Если его слышала Оливия, она требовала, чтобы он не забивал голову Кристел всякой ерундой. Сама Оливия за всю свою жизнь не уезжала дальше Саусвеста, да и он-то казался ей чуть ли не заграницей. И двое ее старших детей вполне разделяли ее точку зрения. Для счастья вполне достаточно этой долины и тех людей, которые жили в ней. И только Кристел мечтала о чем-то большем и постоянно думала о том, сможет ли она увидеть мир или нет. Конечно, она тоже любила эту долину, но в ее душе был уголок, в котором, как она понимала, должно было поместиться еще что-то. Подобно отцу, она страстно обожала этот кусочек мира, и, подобно отцу, она мечтала о незнакомых городах и странах.

– Как моя девочка? – Тэд Уайтт не спеша шагнул к ней и гордо взглянул на свою младшую дочь.

В стареньком линялом платье, Кристел притягивала к себе его взгляд, ее красота ошеломила его. Он не в состоянии был скрывать это. Он благодарил Господа, что это не она выходит замуж. Он знал, что не вынес бы этого. И уж конечно, он не позволил бы ей выйти замуж за парня, подобного Тому

Паркеру. А вот для Бекки этот парень как раз то, что надо. Бекки ни о чем не мечтает... и в душе у нее нет небес, с которых она хватала бы звезды, и сердце ее не наполняют романтические грезы. Она хочет иметь мужа и детей и жить в коттедже на ранчо с таким обыкновенным парнем, как Том, который нисколько не честолюбив, а желания его очень скромные, вот это и надо его старшей дочери.

– Привет, пап. – Кристел взглянула прямо в глаза отцу и ласково улыбнулась. Им не были нужны слова, они разговаривали на языке любви.

– Мама сшила тебе к сегодняшнему дню красивое платье? – Он хотел, чтобы у нее тоже было красивое платье, он всегда этого хотел. Улыбнувшись, он вспомнил чулки, которые подарил Кристел, чтобы она надела их на свадьбу, хотя Оливия и заявила, что это глупо.

Он пристально смотрел на дочь, и она кивнула. Платье вполне симпатичное. Конечно, не такое, что показывают в кино. Это простое платье. Белое симпатичное платье. Однако главным украшением будут капроновые чулки, но, может быть, они не очень подойдут. Тэд прекрасно знал: что бы ни надела его дочь, на ней это будет смотреться просто великолепно.

– А где мама? – Он уже огляделся по сторонам и заметил, что в кухне только теща, три подруги его жены и Кристел.

– Она помогает Бекки с платьем.

– Уже? Оно же все пообтреплется, пока мы доберемся до

церкви. – Они опять обменялись понимающими улыбками, и им показалось, что день стал теплее, а на кухне прибавилось свету. – А где Джед? Я ищу его целый час. – Произнося эти слова, он совсем не выглядел сердитым, его было не так-то просто вывести из себя. Тэд обожал всех своих детей.

– Он сказал, что собирается помочь тебе с вином. – Кристел опять улыбнулась, и их глаза снова встретились. Она предложила ему кусочек окорока, который минуту назад выхватила из рук брата.

– Похоже, он собирается мне помочь его выпить. Они оба рассмеялись, и отец направился по коридору в сторону спальни Джеда. Он прекрасно знал о страсти сына к машинам. Сын не любил ранчо, так что единственным человеком, который действительно понимал его жизнь и кто любил землю так же, как любил ее сам Тэд Уайтт, была Кристел. Он прошел мимо спальни, где Бекки одевалась с помощью матери, и постучался в дверь комнаты сына.

– Пошли, сынок, сможешь поставить столы. Да и вообще еще полно работы. – Они должны были поставить на улице длинные столы и покрыть их белыми льняными скатертями, оставшимися еще со свадьбы его собственной матери, а тому уже полвека. Гости будут есть под тенью огромных деревьев, посаженных вокруг дома.

Тэд Уайтт заглянул в комнату сына и увидел, что Джед лежит на кровати, рассматривая журнал, полный женских фотографий.

– Осмелюсь оторвать тебя от дела, сынок, но мне нужна твоя помощь.

Джед, нервно улыбаясь, вскочил на ноги, галстук у него съехал набок, он приглаживал волосы, обильно смазанные бриолином, который он купил в Напе.

– Да, конечно, папа, извини.

Стараясь не испортить аккуратной прически сына, отец покровительственно обнял его за плечи. Ему казалось таким странным, что одна из его дочерей выходит замуж. Для него они оставались маленькими... Он прекрасно помнил, как Джед учился ходить... бегал за цыплятами... вывалился из трактора, когда ему было четыре года... потом, когда ему было семь, Тэд учил его водить этот самый трактор... брал его с собой на охоту, когда мальчишка был чуть выше ружья... И ведь Бекки совсем не намного старше его, а вот сегодня выходит замуж.

– Прекрасный день для свадьбы твоей сестры. – Он посмотрел на небо и улыбнулся сыну, показывая ему и еще трем работникам с ранчо, куда ставить столы. В их распоряжении час, чтобы все успеть. Затем они с Джедом отправились на кухню за выпивкой, Кристел там уже не было, как не было никого из женщин. Они все столпились в комнате Бекки и Кристел, восхищаясь платьем невесты, вздыхая и закатывая глаза, видя Бекки во всем этом великолепии из газа и белых кружев. Она была красивой невестой, как, впрочем, большинство девушек, и все женщины суетились вокруг

нее, желая ей счастья и давая тонкие советы по поводу первой брачной ночи, пока она вдруг не вспыхнула и не повернулась к Кристел, спокойно надевающей свое простенькое белое платье в углу комнаты. В платье не было ничего особенного, но, несмотря на простоту, оно непостижимым образом только подчеркивало красоту девушки. Блестящие капроновые чулки оказались весьма кстати, а туфли без каблучков несколько не делали ее ниже. И когда все повернулись и посмотрели на нее, стоящую тихо в углу, с ореолом светло-золотых волос с вплетенными в них нежными белыми розами, она показалась им ангелом. По сравнению с ней Бекки выглядела разодетой куклой, слишком нарядной и далеко не такой очаровательной. Казалось, что Кристел переживала то единственное мгновение, когда она должна вот-вот перестать быть ребенком и стать женщиной, в ней не было ни капли кокетства, никакого обмана, ничего грубого или вульгарного, а только нежная мягкость потрясающей красоты.

– Отлично... Кристел тоже хорошо выглядит, – сказала одна из женщин, как бы пытаясь обыкновенными словами приуменьшить ее великолепие, но сделать это оказалось невозможно. Окружающие ее люди не могли отвести взгляд от ее плавных движений и необыкновенного лица под венчиком нежно-белых роз. У Бекки в руках тоже был огромный букет роз, и женщины в комнате в конце концов заставили себя повернуться к невесте и продолжить восхвалять ее. Но это восхищение уже не было искренним. Совершенно очевидно, что

красавица не она, а Кристел.

– Ну, нам пора двигаться, – наконец сказала Оливия и повела всех во двор, где их уже ждали Тэд с Джедом. Чтобы доехать до церкви, заказали несколько машин. На свадебную церемонию пригласили немногих, все гости прибудут на ленч.

Тэд наблюдал, как женщины спускаются с крыльца, смеясь и болтая, как молодые девчонки. Это напомнило ему день собственной свадьбы. Оливия тогда выглядела просто потрясающе в свадебном платье, доставшемся от ее матери. Ему показалось, что с тех пор прошла целая вечность. Сейчас она выглядела такой уставшей и изможденной и совсем не походила на ту его невесту. Жизнь прошла в трудах. Депрессия разрушила очень многие хозяйства, но теперь все позади. Дела на ранчо идут прекрасно, все их дети уже почти взрослые, они живут спокойно и счастливо в уютном мирке своей уединенной долины. И вдруг у него перехватило дыхание – он увидел стоящую на крыльце Бекки; она выглядела застенчивой и в то же время гордой; фата, как облако, закрывала лицо, а руки, сжимавшие букет роз, слегка дрожали. Она была просто очаровательна, и он почувствовал, как на глаза ему наворачиваются слезы.

– Правда, она как картинка, Тэд? – гордо прошептала Оливия, видя, какое впечатление произвела на него старшая дочь. Все эти годы она старалась, чтобы муж обращал на Бекки побольше внимания, но в сердце у него жила только Кри-

стел... Кристел с ее дикими повадками и грациозностью, он был просто без ума от нее. Но вот теперь наконец-то он обратил внимание и на красоту Бекки.

– Ты просто прекрасна, дорогая. – Он нежно, сквозь фату, поцеловал дочь в щеку и ласково стиснул ей руку, у обоих в глазах стояли слезы. Они направились к машинам, чтобы проводить невесту в церковь, где она станет миссис Томас Паркер. Это знаменательный день для них всех, а особенно для Бекки, но, когда Тэд спешно обходил машину, чтобы открыть дверцу, он вдруг увидел младшую дочь и замер, почувствовав, как что-то кольнуло его в самое сердце, совсем как тогда, когда он увидел ее в первый раз. Стоя в стороне, как пугливый олененок, в простом белом платье, растерянная, застенчивая, Кристел смотрела прямо на него, и казалось, что солнце запуталось у нее в волосах, а в глазах отражалась голубизна неба. У него никогда ни на минуту не возникало сомнений в том, что она для него значит: она была, есть и будет для него всем в его жизни. Она тоже замерла всего на мгновение, и они улыбнулись друг другу. Находясь рядом с отцом, она всегда чувствовала себя надежно и уверенно и ни на минуту не сомневалась в его любви к ней. Он улыбался, глядя, как его младшая дочь подошла к машине, в которую Джек как раз усаживал бабушку, и вдруг Кристел резким движением бросила ему одну из своих белых роз, и он с веселым смехом поймал ее. Да, это был день Бекки, и Оливии вовсе не обязательно напоминать ему об этом, но

Кристал оставалась для него тем, кем она была. И она значила для него все. Она – единственная и неповторимая. Она просто... Кристал.

2

Простая приятная свадебная церемония состоялась в маленькой церкви Джим-Тауна, где жених с невестой давали друг другу клятву верности. Бекки выглядела красивой и гордой в платье, которое ей сшила мать, а Том слегка нервничал и казался совсем юным в новом синем костюме, который он купил специально ко дню свадьбы. Его шафером был веснушчатый медноволосый Бойд Вебстер. И Тэд, сидевший на скамье в первом ряду и наблюдавший за церемонией, думал о том, как все-таки они все молоды, почти дети.

Кристал была единственной подружкой невесты. Стоя сбоку от молодых, она застенчиво смотрела на Бойда и изо всех сил старалась не бросать восхищенные и любопытные взгляды на задний ряд скамеек, где сидела его жена. Хироко надела простое шелковое зеленое платье, нитка жемчуга мерцала на шее, а на ногах – простенькие черные кожаные туфельки. Она старалась одеваться по-западному, хотя Бойду нравилось, когда она носила кимоно. Во время их свадьбы в Японии на ней было свадебное кимоно, и она была похожа на куколку с традиционным украшением в волосах. В руках Хироко держала золотой кинжал и маленькую парчовую сумочку, в которую все бросали зерно, а вокруг талии – яркий шелковый широкий пояс. Теперь все это забыто, потому что сейчас существовала только Бекки, ее родные и близ-

кие, наблюдавшие за тем, как она становится женой Тома. Том поцеловал невесту, что развеселило Джеда и заставило Оливию смахнуть слезы кружевным платочком, который сохранился у нее еще со времени ее собственной свадьбы. Все прошло прекрасно, и участники церемонии постояли немного на улице возле церкви, весело болтая друг с другом и не переставая восхищаться невестой. Шафер похлопал по спине сияющего от счастья новоиспеченного мужа, в то время как все пожимали друг другу руки, целовались и радовались, что все так быстро и хорошо закончилось. Дед швырнул в молодых полную горсть риса, когда они шли к машине, чтобы в сопровождении гостей вернуться на ранчо Уайттов, где они должны были разделить с друзьями и близкими великолепный свадебный обед, который Оливия, Минерва и еще несколько соседок готовили в течение четырех дней.

Как только они приехали домой, Оливия отправилась на кухню и тут же начала давать распоряжения рабочим, чтобы они носили подносы и блюда с едой и расставляли их на столы, накрытые на улице. Их жен специально наняли обслуживать гостей, убирать и мыть посуду, после того как все закончится. Вскоре столы просто ломились под тяжестью блюд, поток которых казался бесконечным: индюшки, каплуны, жареное мясо, ребра и окорока, коровий горох, сладкие помидоры, овощи и салаты, холодец и фаршированные яйца, домашнее печенье и конфеты, сладкие пироги с ягодами и фруктами и, наконец, огромный белый свадебный торт,

стоящий отдельно на специальном столике. Еды хватило бы, чтобы накормить целую армию. Тэд помогал рабочим открывать вино, Том стоял в стороне и улыбался, глядя на свою невесту. Из-за его плеча, застенчиво улыбаясь, выглядывал Бойд. Бойд был симпатичным парнем с открытым сердцем и добрыми глазами, он просто обожал семью Уайттов. Его сестра Джинни ходила вместе с Бекки в школу, и он помнил Джеда и Кристел, когда они были еще совсем маленькими, хотя сам был не намного старше. Но в свои двадцать два года, четыре из которых он провел на войне, ему казалось, что он старше их на целую жизнь.

– Ну вот, Том, наконец-то и ты совершил это. Ну, как ты себя чувствуешь в роли женатого мужчины? – весело усмехаясь, спросил его Бойд Вебстер, и Том, оглянувшись, посмотрел на него, несколько не скрывая, как он доволен. То, что он стал теперь членом семьи Уайттов, было для Тома Паркера очень важным событием в жизни. Заглядывая вперед, он рассчитывал, живя на ранчо, что станет если и не полноправным его хозяином, то хотя бы частично будет владеть им. Уже несколько месяцев Тэд готовил его к этому, показывая ему амбары, скотные дворы и винные погреба. Сбор грецких орехов считался самым недоходным делом на ранчо, но и это было вовсе не простым трудом. И когда наступал сезон, все работники занимались сбором и обработкой грецких орехов, так что все ходили с черными руками. Но для начала они решили, что Том будет помогать тестю управляться

в винных погребах.

– О, держу пари, что тебе все это по душе, – поддразнил Тома один из его друзей, указывая рукой на огромные тарелки с окороками и индюшками. – Ты, кажется, будешь у них дегустатором вин, так, Том?

Жених счастливо рассмеялся в ответ, его глаза блестели чуть ярче обычного. Бекки тем временем стояла, хихикая, в центре группы подружек, с которыми она училась в школе. Большинство из них уже были замужем. Когда кончилась война и парни стали возвращаться в свой родной город, а девушки как раз закончили школу, в долине было сыграно больше дюжины свадеб. Все это было еще год назад, и многие из молодых уже успели обзавестись детьми. Теперь подруги, окружавшие Бекки, весело поддразнивали ее, просящая по вопросу беременности: «Тебе не придется долго ждать, Бекки Уайтт... не успеешь оглянуться... пройдет всего месяц, ну, может, два, и ты будешь уже ждать ребенка!» Девушки продолжали веселиться, в то время как машины и экипажи с гостями все прибывали, появлялись все новые соседи, одетые в праздничные наряды, многие с детьми, которым они постоянно делали замечания, объясняли, как надо себя вести, предостерегали их, чтобы те не испачкались, бегая с друзьями между столами. Не прошло и часа, как празднично разодетая, весело желающая счастья жениху с невестой толпа, состоящая из двухсот с лишним гостей, разместилась вдоль длинных столов, полных угощения. Кро-

ме взрослых, прибыли еще сто детишек. Те, что помладше, старались держаться около родителей, грудные – на руках, несколько маленьких мальчиков сидели на плечах у отцов, а остальные, постарше, отделились и на некотором расстоянии от накрытых столов организовали свою компанию, где весело носились и играли, совершенно не обращая внимания на замечания и предостережения родителей. Мальчишки затеяли игру в саду, самые отчаянные лазали по деревьям, а девочки стояли в стороне, разбившись на группки, весело болтали и смеялись. Некоторые из них по очереди качались на качелях, которые Тэд смастерил уже давно для своих детей. Время от времени кто-нибудь из детей храбро присоединялся к толпе взрослых. Родителей устраивало, что дети рядом, но не путаются под ногами, а дети радовались, что родители слишком заняты, общаясь друг с другом, и не обращают особого внимания на них.

Кристалл, как обычно, стояла с краю в группе старших девочек, никто не обращал на нее внимания, разве что иногда она ловила на себе взгляды, полные либо откровенной зависти, либо восхищения. Девочки всегда смотрели на нее ревниво, а мальчики ее возраста бывали обычно просто заморожены ею, но выражали это немного странно: например, могли толкнуть, или ударить ее, или схватить за длинные белокурые волосы, некоторые даже притворялись, что собираются ее побить. Все эти действия должны были привлечь ее внимание, но никто из них никогда не пытался заговорить с

ней. А девочки так вообще никогда с ней не разговаривали. Ее вид почему-то пугал их. Она отошла в сторону расстроенная и обескураженная, не понимая, почему так происходит. Это цена, которой она расплачивалась за свою красоту. Она принимала такое к себе отношение как должное, но никак не могла понять – почему. Когда у нее хватало смелости, она отвечала на пинки и толчки мальчишек и могла даже задать хорошую трепку, если кто-нибудь уж больно надоедал ей. Но это был и оставался единственный пока способ ее общения с ними. Большую же часть времени они не обращали на нее внимания. Она знала их всех, знала очень хорошо с самого рождения, но в последние несколько лет их отношения изменились, она стала для них совершенно чужой. Дети, так же как и их родители и другие взрослые, начали понимать, как завораживающе, невероятно она красива. Но ни те, ни другие не знали, как вести себя с ней. Эти люди – простые фермеры – считали, что она сильно изменилась за последний год. И это лучше всего почувствовали парни, которые были на войне. Вернувшись домой после четырехлетнего отсутствия, они все были просто поражены, увидев, какой стала Кристел. Милая девчушка превратилась в красавицу. Какой же она станет в восемнадцать?! Но самое поразительное, что она все еще так и не осознавала, какое впечатление производит на окружающих ее мужчин. Она вела себя спокойно и естественно, как если бы еще была маленькой девочкой. Ну разве что стала еще более застенчивой, видя, как окружаю-

щие внезапно переменялись к ней. Она не понимала почему. И только ее брат, как всегда, дразнил и издевался над ней все с той же грубостью. И эта ее наивность и непонимание своей красоты делали ее настолько желанной для мужчин, что отец, который это прекрасно видел, уже два года назад запретил ей крутиться среди рабочих на ранчо. Он не хотел, чтобы они пялили на нее глаза, не хотел, чтобы Кристел, сама того не сознавая, спровоцировала бы кого-нибудь из них. Ее манера мягко и бесшумно двигаться оказывала на рабочих эффект больший, чем если бы она появилась среди них голой.

Но сейчас он не волновался за свою младшую дочь, он был занят беседой о политике, спорте, ценах на виноград и другими местными сплетнями. Для их семьи это был счастливый день, и все его друзья ели, пили, болтали и смеялись, а чуть поодаль играли их дети. Кристел наблюдала за ними.

Хироко тоже стояла в стороне ото всех, под тенью большого дерева, одинокая и печальная, ни на минуту не отрывая взгляда от своего мужа. Бойд и Том в окружении еще нескольких друзей делились воспоминаниями о войне. Им казалось невероятным, что война кончилась больше года назад. Она осталась для каждого из них частью жизни, со всеми ее ужасами и неожиданностями, с друзьями, которых каждый из них приобрел, и с теми, кого они все потеряли. А теперь только Хироко, стоявшая здесь же, была для них живым напоминанием о том, где им пришлось побывать и что дове-

лось пережить. Все бросали на нее явно враждебные взгляды, и ни одна из женщин так и не приблизилась к ней. Даже ее золовка Джинни Вебстер старательно избегала встречи с ней. Джинни надела облегающее розовое платье с глубоким вырезом на полной груди, а сверху накинула короткий, под цвет платья жакет в белый мелкий горошек. Сзади на платье чуть пониже спины красовался волан. Она хохотала гораздо громче, чем остальные девушки, и заигрывала почти со всеми друзьями Бойда. Это началось еще тогда, когда они оба учились в школе и брат приводил одноклассников домой. Джинни всегда пыталась соблазнить их. Она производила впечатление на мужчин, но ее красота отличалась от красоты Кристел. С рыжими волосами, в облегающем платье и с яркой косметикой на лице, она выглядела сексуально. Уже несколько лет она знала, что такое любовь, и мужчинам нравилось обнимать ее за плечи, заглядывать в глубокий вырез платья, разглядывать красивую полную грудь. Это возбуждало приятные воспоминания. С тех пор как Джинни исполнилось тринадцать, ее все время окружали поклонники.

– Что это у тебя там, Джинни? – Жених бочком приблизился к ней, от него пахло чем-то более крепким, чем то вино, которым Тэд угощал гостей. Несколько мужчин пили виски в конюшне, и Том, как всегда, не замедлил присоединиться к ним. Он смотрел на нее с явным интересом и позволил себе обнять девушку. Его рука скользнула ей под жакет. Джинни держала в руках букет невесты, но Тома инте-

ресовали явно не цветы. Он откровенно смотрел на вырез ее платья. – Что, решила подержать букет? Уверен, ты будешь следующей невестой. – Он хрипло рассмеялся, обнажив красивые зубы в улыбке, которая несколько лет назад покорила сердце Бекки. Но Джинни знакома была не только улыбка Тома, и для некоторых это не было секретом.

– Обещаю тебе, Том Паркер, что я вот-вот выйду замуж, – хихикнула она, и жених притянул ее еще ближе к себе, в то время как Бойд вспыхнул и отвернулся от сестры и друга и встретился взглядом со своей миниатюрной женой, стоявшей поодаль и наблюдавшей за ними. Глядя на нее, Бойд почувствовал угрызения совести. Он очень редко оставлял ее одну, но сегодня, будучи шафером Тома, не мог уделить ей должного внимания. Пока Джинни с Томом любезничали, он тихонечко отошел от них и направился к Хироко. Увидев, что он приближается, она улыбнулась, и Бойд почувствовал, как сжимается его сердце. Это происходило каждый раз, когда он смотрел в мягкие глаза жены. Она полюбила его там, за много миль от дома, и здесь, в его родной долине, ни на минуту не предавала его. Ему очень тяжело было видеть, как недобро окружающие относятся к ней. Друзья предупреждали его еще в Японии, но он не верил, что они окажутся так правы. Все двери захлопнулись перед их носом. Ему не раз приходила в голову мысль уехать отсюда, но здесь был его дом, и он не собирался отсюда бежать, что бы ни делали или ни говорили про них окружающие. Единственное, что его

беспокоило, – это Хироко. Женщины очень жестоко отнеслись к ней, а мужчины еще хуже. Они называли ее не иначе как «обезьяна» или «япошка», и даже дети не разговаривали с ней, наученные своими родителями. Это так не похоже на те отношения, которые были в ее семье в Японии.

– С тобой все в порядке? – Он улыбался, глядя на нее; а она наклонила голову и кивнула, а потом подняла глаза и посмотрела на него тем застенчивым взглядом, от которого у него всегда начинало щемить сердце.

– У меня все прекрасно, Бойд-сан. Это очень красивый праздник. – Он рассмеялся, как она подобрала слова, а она немного смутилась, но потом усмехнулась: – А что, нет?

– Да. – Он нагнулся и поцеловал ее. Плевать ему, кто там на них смотрит. Она его жена, и он ее любит, и пошли все к черту, если не могут этого понять. Его рыжие волосы и веснушки резко контрастировали с ее медной гладкой кожей и черными как смоль волосами, собранными в аккуратный пучок на затылке. Она вся такая простая, чистенькая и хорошенькая. Когда в Японии они сообщили, что собираются пожениться, ее семья была шокирована не меньше, чем его. Ее отец запретил ей вообще встречаться с Бойдом, но в конце концов, видя доброту и мягкость молодого человека и его явную любовь к девушке и несмотря на свое нежелание и слезы матери Хироко, смирился и разрешил им пожениться. В своих письмах к родителям Хироко ни словом не обмолвилась о том жестоком отношении, с которым столкнулась

в Александровской долине. Она описывала им домик, в котором они жили, и красоты окружающей природы, рассказывала о своей любви к Бойду простыми и мягкими словами. До приезда в Америку она не знала ничего об огромных японских кладбищах, возникших во время войны, и о той ненависти и презрении, с которыми ей пришлось столкнуться в Калифорнии.

– Ты поела? – Он почувствовал себя виноватым, сознавая, что оставил ее одну на очень долгое время. Он понял, что она вообще ничего не ела. Она была слишком застенчива, для того чтобы приблизиться к одному из столов, окруженных гостями.

– Я не очень голодна, Бойд-сан. Это правда.

– Сейчас я тебе что-нибудь принесу.

Она уже начала привыкать к западной пище, хотя пристрастие к японской кухне сохранила. Но Бойд полюбил эту еду еще в Японии, и она готовила все, чему ее когда-то научила мать.

– Я сейчас вернусь. – Он снова поцеловал ее и поспешил к столам, все еще ломившимся под тяжестью еды, приготовленной Оливией и ее матерью. Когда он направился обратно с полной тарелкой для жены, он вдруг остановился и застыл, не веря своим глазам. Все еще держа в руках тарелку с едой для Хироко, он ринулся к высокому темноволосому человеку, который как раз пожимал руку Тому Паркеру. Он стоял чуть поодаль ото всех остальных гостей. На нем были

темно-синяя рубашка, белые брюки, на шее – ярко-красный галстук; его окружала особенная аура, которая выдавала в нем пришельца совсем из другого мира, мира, который находится далеко за пределами долины. Он был старше Бойда всего на пять лет. Он сильно изменился, но тогда, на Тихом океане, они были очень близкими друзьями. Спенсер Хилл – его с Томом старший офицер, он даже приезжал на его с Хироко свадьбу в Киото. Бойд, широко улыбаясь, приближался к нему, в то время как Спенсер пожимал руку Тому и желал ему счастья; он выглядел загоревшим и уверенным в себе, таким же уверенным, как и в Японии. Впрочем, Спенсер чувствовал себя легко и свободно везде, казалось, его темно-синие глаза видят и замечают все вокруг. В следующую секунду он рассмеялся, заметив Бойда Вебстера.

– О, черт возьми!.. Это опять ты! Мальчишка с веснушками! Как Хироко? – Бойда тронуло, что Спенсер помнит имя его жены, он опять улыбнулся и махнул рукой в сторону деревьев, под которыми стояла Хироко.

– Нормально. Но, Боже мой, капитан, сколько мы не виделись... – Их глаза встретились, и оба они вспомнили ту боль и страх, которые пережили когда-то вместе. Между ними возникла близость, которая не вернется уже никогда. Эта близость была рождена печалью и переживаниями, ужасом и радостью победы. Но победа казалась теперь лишь крошечным эпизодом по сравнению с тем, что оба они пережили за четыре долгих года до нее. – Пойдемте, поздоровайтесь с ней.

Спенсер извинился перед парнями. Том пребывал в прекрасном настроении, ему очень хотелось снова заглянуть в конюшню, чтобы еще раз подкрепиться виски.

– Как ты поживаешь? Я, честно говоря, удивился, увидев тебя здесь. Я думал, что вы оба переехали в город. – Спенсер часто думал о том, что для них обоих лучше бы жить где-нибудь в Сан-Франциско или Гонолулу, но Бойд твердо решил, что вернется домой в родную долину, о которой он так часто вспоминал и рассказывал.

Глаза Хироко удивленно раскрылись, когда она увидела Спенсера. Она наклонила голову, приветствуя его. Улыбаясь, Спенсер подумал, что она все такая же маленькая и скромная, как и год назад, когда он видел ее последний раз на ее с Бойдом свадьбе. Но в глазах у молодой женщины появилось что-то новое, он заметил там мудрость и печаль, которых не было год назад. Он без труда определил, что этот год не был для нее ни счастливым, ни легким.

– Ты прекрасно выглядишь, Хироко. Я очень рад видеть вас обоих.

Он нежно взял ее за руку, и она вспыхнула, не смея даже взглянуть на него, в то время как Бойд наблюдал за ними. Капитан в свое время был очень внимателен к ним обоим. Он сделал все, чтобы удержать их от женитьбы, но в конце концов он встал на сторону Бойда, потому что знал всех своих людей. Его подчиненные могли обратиться к капитану с любым вопросом. Он был сильным, образованным и добрым,

но в то же время безжалостным к тем, кто подводил его, что случилось очень редко. В их роте всего несколько человек не старались подражать ему. И он делал все возможное, чтобы, сражаясь с ними бок о бок, выиграть войну. Он всегда оставался для них примером, был неутомим в бою. Теперь же видеть его было удивительно, ведь война кончилась, и они находились в другой части света, и вокруг был мир, хотя никто из них ничего не забыл.

– Сто лет прошло, правда? – Капитан встретился взглядом с Бойдом и заметил, что в глазах молодого человека появилось новое выражение. Из них исчезло то чувство постоянной боли, которое было во время войны, но зато он заметил мудрость и бремя лет, как будто с момента их последней встречи действительно прошла целая вечность. Сам же капитан и без формы выглядел стройным, красивым и, казалось, даже помолодевшим с того дня, когда Бойд, улетаая из Японии в Сан-Франциско, видел его в последний раз.

– Я не знал, что вы сегодня окажетесь здесь. – Бойд произнес эти слова спокойно, но капитан даже представить себе не мог, как Бойд рад его видеть. Ведь он – первый человек, который сам ласково заговорил с Хироко с тех пор, как они в сентябре приехали в Калифорнию. – Том мне ничего не сказал.

– Должно быть, его мысли слишком заняты невестой. – Спенсер улыбнулся широкой, добродушной улыбкой. – Я написал ему и сообщил, что постараюсь приехать, но не был

уверен в этом. Несколько дней назад все решилось, и я смог приехать. Как выяснилось, мне надо вернуться в Нью-Йорк. А я ведь никогда не предполагал, что захочу покинуть Калифорнию. – Он посмотрел вокруг, а Бойд в это время протянул тарелку с едой Хироко, настаивая, чтобы она что-нибудь съела, но женщину гораздо больше интересовал их друг, поэтому она аккуратно поставила тарелку на пенек позади себя.

– Вы здесь в отпуске, сэр? – Глаза Бойда выражали восхищение и уважение.

Спенсер отрицательно покачал головой и весело рассмеялся:

– Нет, не в отпуске, и ради Бога, Вебстер, мое имя Спенсер, или ты забыл об этом?

Бойд Вебстер моментально покраснел, он всегда краснел, даже в самый разгар сражения. По этому поводу командир давал ему множество самых разных кличек, и сейчас, вспомнив об этом, они оба весело рассмеялись.

– Я подумал, а вдруг ты отдашь меня под трибунал, если я назову тебя по имени?

Хироко улыбаясь смотрела на них, это напоминало ей те счастливые времена, когда они были далеко, очень далеко отсюда, она была дома, в своей стране, и никто не называл ее «чужаком».

– Верить или нет, но я опять пошел учиться. Когда закончилась война, я не смог придумать ничего лучшего. Я за-

кончил курс юридического факультета. – Это было не совсем так: на самом деле Спенсер за один год закончил два курса стэнфордского юридического факультета и на следующее лето собирался стать его выпускником.

– На Востоке? – Бойд считал, что такой человек, как Спенсер Хилл, должен учиться по крайней мере в Йелле или Гарварде. Он знал, что у него есть деньги, только не знал, как много. Капитан никогда не затрагивал эту тему, но вокруг него существовала некая аура образованности и уверенности в себе, и по полку ходили слухи, что он выходец из семьи знатного рода откуда-то с Востока, хотя сам он об этом никогда не говорил. Он закончил колледж и был у них командиром, это знали все, но все остальное, связанное с ним, было совершенной для всех загадкой. Однако когда пробираешься с человеком бок о бок по минному полю, все остальное в принципе и не важно.

Глядя на своего молодого друга, Спенсер покачал головой, думая о том, как все-таки далеко этот мирок от того огромного мира, который он хорошо знал. Казалось, они находятся на разных планетах. Об этом маленьком уголке земли он никогда раньше даже не слышал: здесь раскинулись ранчо и фермы, жили люди, возделывающие землю. И эта жизнь далеко не легкая, и даже по молодому лицу двадцатидвухлетнего Бойда это было прекрасно видно.

– Нет, я учусь в Стэнфорде. А здесь – проездом по пути домой и уже чувствую, что влюбился в эти места. Перед

тем как вернуться в Нью-Йорк, я поступил на военную службу. Мне казалось, подожди я еще хоть немного, и я бы уже никогда не сделал этого. Но здесь мне нравится. – Ему казалось удивительным, что Стэнфорд находится всего в трех часах езды отсюда. – Я опять возвращаюсь в полк. Я пообещал своим ребятам, что вернусь на Восток этим летом. Я пробыл с ними только несколько недель после того, как ушел со службы, а потом поступил на юридический факультет. В моем возрасте это кажется не вполне нормальным, но после войны многие парни сделали то же самое. И некоторые даже старше, чем я. Ну а ты, Бойд? Ты чем живешь?

Хироко тихонько села рядом и молча слушала их разговор. Ей было интересно, расскажет ли Бойд своему бывшему капитану о тех трудностях, с которыми им пришлось здесь столкнуться. Он никогда ни на что не жаловался ни ей, ни кому-либо другому, а в последнее время, как она знала, ему вообще не с кем было даже поговорить. Они оба страшно удивились, когда Том пригласил их на свадьбу. Ведь до этого никто никогда их не приглашал и даже не разговаривал с ними, и иногда старый мистер Петерсен сам ехал к клиентам, чтобы наполнить баллоны газом, так как боялся, что кому-то не понравится, если это будет делать Бойд.

– У нас все нормально. Было, правда, тяжело найти работу, потому что все парни возвращались с войны одновременно. Но сейчас все отлично.

Глаза наблюдавшей за ними Хироко не выражали ничего,

и Спенсер кивнул:

– Рад за вас. – Он еще тогда волновался за них обоих, а сам не один раз был близок к тому, чтобы не попасть в такое же положение. Бойд был одним из его людей, и он по долгу службы принимал участие в его судьбе. Его очень беспокоило то, что он женился на Хироко. Он знал, что ни к чему хорошему это не приведет. Он знал других, которые заходили так же далеко, как Бойд, и становились изгнанниками в своих семьях, некоторые привозили домой даже детей, и после возвращения многие спивались, некоторые кончали с собой, оставляя женщин, которых они привезли, на произвол судьбы в незнакомой стране. Но, глядя на Бойда и Хироко, он заметил, что выглядят они оба вполне нормально, и самое главное – до сих пор вместе, а это кое-что значило. – Ты когда-нибудь был в Сан-Франциско?

Бойд улыбнулся и покачал головой. Жизнь здесь далеко не сладкая, и даже на нее у них не хватает денег. Но Спенсеру он бы об этом ни за что не сказал. Он молод и горд и безоговорочно верил, что дела у них скоро пойдут на лад.

– Ты должен как-нибудь приехать повидать меня. Мне еще целый год учиться, а потом я стану адвокатом. Ты представляешь? Мне самому в это не верится.

Они оба рассмеялись, но Бойд совсем не удивился. Даже там, на фронте, капитан всегда был везунчиком, его любили все: и солдаты, и офицеры. Бойд ни на минуту не сомневался, что в один прекрасный день Спенсер станет влиятель-

ным человеком, и поэтому должность адвоката казалась ему только первой ступенькой на пути к успеху и славе. Спенсер огляделся по сторонам, а потом снова повернулся и посмотрел в глаза все еще улыбающемуся Бойду.

– А что собой представляет невеста Тома? С виду довольно симпатичная девушка.

– Да, нормальная девушка. Она подруга моей сестры. – Когда Бойд произнес эти слова, они вновь рассмеялись. Про Джинни Вебстер Спенсер изрядно понаслышался. Пока Бойд был в армии, она постоянно присылала брату свои фотографии, в основном в купальниках, и просила его, чтобы он нашел ей среди солдат друзей для переписки. Тогда она была совсем подростком, с такими же, как у Бойда, рыжими волосами и веснушками, но ее тело было, несомненно, гораздо более привлекательным для молодых солдат. – Уайтты очень хорошие люди. Том собирается работать на ранчо вместе с отцом Бекки. – Для Бойда это было бы подарком судьбы, но он вдруг подумал, что для человека, учащегося в Стэнфорде, в этом нет ничего заманчивого. Но Спенсер почувствовал уважение к этим людям, когда с удивлением оглядывался по сторонам. Ранчо выглядело удобным и ухоженным, а гости, беседующие в тени больших деревьев, казались людьми скромными и солидными. – Тэд Уайтт очень хороший человек. Так что Томми можно вполне назвать счастливчиком.

– Тебя тоже. – Эти слова Спенсер произнес очень тихо,

глядя на Хироко, а потом перевел полный понимания и зависти взгляд на Бойда.

На свете не было никого, о ком бы он так заботился или любил, или того, кто бы любил его так, как Хироко полюбила своего мужа. Он почти завидовал им, но все-таки не спешил последовать примеру Бойда. В его жизни было множество женщин, и он хорошо проводил с ними время. И в свои двадцать семь лет он пока не собирался связывать себя чем-либо. Он считал, что для него в жизни существует много других вещей, которые он должен сделать, прежде чем жениться. Например, закончить юридический факультет и в конце концов вернуться в Нью-Йорк. Его отец – судья, и он всегда говорил ему, что самое лучшее в жизни – это стать адвокатом. С дипломом юриста и с имеющимися связями он вполне может преуспеть. И эта жизнь ему больше всего подходила. А с его способностью легко заводить знакомства через какое-то время, в этом никто не сомневался, перед Спенсером Хиллом откроются если не все, то очень много возможностей. Впрочем, они существовали всегда, его манеры просто очаровательны, и где бы он ни появлялся, окружающие тут же влюблялись в него. В нем сочетались прямота, свое собственное мнение обо всем, к тому же он был дьявольски обаятелен. И это не раз сослужило хорошую службу там, на Тихом океане, как ему самому, так и его подчиненным. Самые невероятные авантюры ему всегда удавались.

– Может быть, пойдем познакомимся с гостями?

Бойд рассмеялся:

– Конечно. Пошли, я представлю тебя своей сестре.

– Наконец-то, – поддразнил его Спенсер Хилл. – Надеюсь, на этот раз я смогу ее увидеть не в купальном костюме? – Но когда они стали медленно приближаться к остальным гостям, он издалека разглядел и узнал ее – и не только по волосам и веснушкам, которые были такого же цвета, как у Бойда, но и по фигуре, затянутой узким розовым платьем с накинутым сверху подходящим по цвету жакетом. Смеющаяся, изрядно подвыпившая девушка, все еще сжимающая в руках свадебный букет, который отдала ей невеста, только она и могла быть сестрой Бойда, Джинни.

Бойд представил их друг другу. Джинни вдруг покраснела, и лицо у нее стало почти такого же цвета, как платье, пока Спенсер пожимал ей руку и говорил о том, как храбро ее брат сражался на Тихом океане.

– Да, но он никогда не рассказывал мне, какой симпатичный у него был капитан. – Она хихикнула и придвинулась к нему поближе. От нее пахло дешевой парфюмерией и вином. Потом Бойд представил его своему отцу. По тому как неодобрительно смотрел на сына пожилой человек, пожимая руку капитану, Спенсер понял, что их отношения с отцом довольно натянутые, и ему ничего не стоило догадаться, что это из-за Хироко.

Спенсер постоял еще немного в окружении гостей, вспоминая с Бойдом и Томом о военной жизни, затем направил-

ся к столу, решив попробовать местного вина. Налив себе стакан, он поболтал с гостями, а потом решил уединиться под большим деревом. Под густой зеленой кроной он ощутил всю глубину спокойствия и умиротворения, царивших в этом уголке природы. Это всколыхнуло в его душе какое-то давно забытое чувство. Вся его жизнь была полна городских забот и учебы в Стэнфорде, ему очень редко удавалось в одиночестве вырваться куда-нибудь на природу. В этой долине время, казалось, остановилось: под огромными деревьями за прочными дубовыми столами, покрытыми белыми льняными скатертями, сидели старики, тихо беседуя, обдуваемые легким ветерком, а невдалеке от них бегали и кричали детишки. Если закрыть глаза, то можно подумать, что это все происходит где-нибудь во Франции или что сейчас вообще другое столетие и все знакомые семьи и друзья собрались вместе и беседуют, и смеются, и за ними возвышаются вечные горы. Он стоял и думал обо всем этом, как вдруг почувствовал, что его кто-то внимательно рассматривает.

Спенсер повернулся и увидел очаровательную девочку, которая пристально смотрела на него. Босоногая, она была выше многих местных женщин, но он нисколько не сомневался, что она еще совсем ребенок. Ребенок с красивым телом молодой женщины и огромными голубыми глазами, взгляд которых проникал, казалось, ему прямо в душу, когда их взгляды встретились. Тонкой нежной рукой она откинула белокурый локон с лица, поразившего его своей красотой.

Он стоял, боясь пошевелиться, боясь произнести хоть слово или отвести взгляд от этих пронзительных голубых глаз. Он не встречал таких красавиц; девушка выглядела удивительно невинной в простом платье и с босыми ногами, утопающими в траве. Он не выдержал и, слегка наклонившись вперед, дотронулся до нее.

– Привет, – заговорил Спенсер, и ему показалось, что она побоялась ему ответить. Он хотел ей улыбнуться, но чувствовал себя парализованным под взглядом ее глаз. Они были пронзительно-голубого цвета, и он не мог припомнить, чтобы когда-нибудь в жизни встречал такие глаза – глаза цвета бледно-лилового летнего неба, когда солнце еще не появилось из-за горизонта. – Как ты сегодня повеселилась? – Ему показалось, что вопроса глупее нельзя было и придумать, но он просто не мог прямо заявить ей, как она красива, а именно это ему хотелось сделать больше всего. Она медленно улыбнулась и осторожно приблизилась к нему, похожая на олененка, вышедшего из леса. В ее глазах он отчетливо увидел любопытство и интерес к себе. Ему показалось, что стоит ему сделать малейшее движение, как она испугается и убежит. Он решил позволить ей самой подойти к нему, хотя ему очень хотелось протянуть руку и прикоснуться к ней.

– Вы друг Тома? – Ее голос был глубоким, чистым и таким же нежным, как и ее белокурые волосы. Казалось, она так и манит к себе. Но он удержался. Ведь она совсем ребенок, и все же он искренне удивился своим чувствам. В ней не бы-

ло ничего явно сексуального, как в Джинни Вебстер в ее розовом платье, наоборот, она была сама осторожность и чувственность, как редкий цветок, выросший на горе, в недоступном месте.

– Мы вместе воевали в Японии.

Она кивнула с таким видом, словно его слова ее совсем не удивили. Она никогда не видела его раньше. Точнее сказать, она никогда раньше не видела никого, кто был бы на него похож. Он слишком изыскан для мужчины, и его утонченность прямо-таки завораживала ее. В его облике все было безукоризненно и опрятно: от дорогой рубашки до белых безупречных брюк; то же самое можно было сказать о ярком шелковом галстуке и изящных руках. Но больше всего ее поразили его глаза. В них она увидела что-то такое, что притягивало ее как магнит.

– А вы знаете Бойда Вебстера? – Она осторожно склонила голову набок, и ее прелестные волосы мягко заструились по плечу. – Ведь он был в Японии вместе с Томом.

Он кивнул, не в силах отвести от нее глаз и все время думая, кто же она такая, как будто это имело огромное значение.

– Конечно, я знаю обоих. – Он не стал говорить, что во время войны был их капитаном. Вот уж это ему казалось сейчас совсем не важным. – И Хироко тоже знаю. А ты ее знаешь?

Она медленно покачала головой:

– С ней никому не разрешают разговаривать.

Он кивнул, ему стало грустно, хотя он и предполагал, что так будет. Именно этого он и боялся с самого начала.

– Это очень плохо. Она хорошая девушка. Я был у них на свадьбе. – Он не знал, о чем с ней говорить, ведь она совсем юная. Кроме того, он чувствовал, как в нем поднимается страстное желание, когда он просто смотрит на нее. Ему вдруг пришло в голову, что он сошел с ума. «Она же совсем ребенок, – твердил он про себя, – ну может быть, уже девушка, но совсем-совсем юная. Ей, должно быть, не больше четырнадцати или пятнадцати лет». Но почему же тогда у него перехватило дыхание от одного ее вида?

– А вы из Сан-Франциско? – Конечно, он оттуда. В долине ни один человек не выглядит, как он, но она не могла себе представить, что он может быть откуда-нибудь еще, кроме как из Сан-Франциско.

– Сейчас да. А вообще я из Нью-Йорка. Я учусь в Сан-Франциско. – Он улыбнулся, произнес эти слова, и она весело засмеялась в ответ. Ее смех прозвучал, как звук чистого горного ручейка, и она еще немного приблизилась к нему. Другие дети играли в стороне, и никто из них, похоже, даже не заметил ее отсутствия.

– А где вы учитесь? – Ее глаза ярко сияли. Он заметил, что в глубине их под ее застенчивостью скрывается озорство.

– На юридическом факультете.

– О, это, наверное, очень тяжело.

– Да, нелегко. Но зато очень интересно, и мне нравится. А ты чем занимаешься? – Это, конечно, глупый вопрос, и он прекрасно знал об этом. Ну чем она может заниматься в ее возрасте, кроме как ходить в школу и играть с подругами?

– Я хожу в школу. – Она сорвала длинную травинку и вертела ее в руках.

– Ну и как, нравится?

– Иногда.

– Это звучит почти как «да». – Он опять улыбнулся ей, и ему вдруг стало интересно, как ее зовут. Может быть, Салли, или Джейн, или Мэри. Наверняка в этой глуши только так называют девушек. И потом он вдруг представился, как будто это могло иметь для нее какое-то значение, и она кивнула, все еще глядя на него с настороженным удивлением.

– А я – Кристел Уайтт. – Имя ей подходило идеально.

– Ты что, родственница невесты?

– Она моя сестра.

Спенсер удивился, что Том не дождался, пока вырастет эта красавица, вместо того чтобы жениться на ее сестре, но потом он решил, что местные жители просто не понимают, насколько ошеломляюще она красива, хотя трудно себе представить, что это правда.

– Очень красивое ранчо. Должно быть, в таком месте очень хорошо жить.

Она улыбнулась еще радостнее, как будто желала поделиться с ним каким-то секретом:

– Но еще лучше там, у подножия холмов. Там есть река, которую отсюда не видно. Мы с отцом иногда добираемся к самым холмам. Вот там действительно красиво. А вы умеете ездить верхом? – Она интересовалась им так же, как и он ею, и он ее внимательно слушал.

– Да, но не очень хорошо. Но мне это нравится. Может быть, как-нибудь я приеду снова, а ты и твой отец покажете мне эти места.

Она кивнула с таким видом, как будто ей понравилась эта идея. Тут кто-то позвал ее. Сначала она не обратила на это внимания, но потом повернулась, сожалея, что вынуждена уйти. Это был ее брат. Спенсер почувствовал, как у него защемило сердце. Все-таки им стало скучно без нее.

– Было очень приятно поговорить с тобой. – Он понимал, что через секунду она уйдет, и ему захотелось протянуть руку и дотронуться до нее хотя бы на мгновение. Он боялся, что больше никогда ее не увидит; он замер, изо всех сил стараясь продлить этот момент, который, как он знал, ему теперь никогда не забыть, здесь, под деревьями... пока она еще не выросла... пока она не ушла... пока жизнь не успела изменить ее.

– Кристел! – Теперь уже несколько голосов слились в нестройный хор. И их нельзя было не услышать. Она прокричала в ответ, что придет через минуту.

– А вы правда когда-нибудь вернетесь? – Было похоже, что она это тоже почувствовала. Как будто она тоже не хоте-

ла, чтобы он уходил. Она никогда раньше не видела мужчин, таких красивых, как он, кроме разве что тех кинозвезд на фотографиях, приколотых на стене в ее комнате. Но он не такой, как они, он настоящий. И он говорил с ней так, как будто она взрослая.

– Мне очень бы хотелось вернуться. А теперь, когда я знаю, что Бойд здесь, я, наверное, обязательно приду как-нибудь навестить его.

Она кивнула, как бы молча одобряя его слова.

– Конечно, я обязательно навещу и Тома... – Его голос сорвался, когда он чуть не сказал: «И тебя», но он знал, что не может сказать ей это. Она подумает, что он сошел с ума, а ему вовсе не хотелось обижать ее.

Может быть, во всем виновато вино, говорил он себе, может быть, она только кажется ему такой красивой, может, во всем виновато настроение, и хороший день, и сама атмосфера свадьбы. Но он прекрасно понимал, что это нечто большее и сама эта девочка является для него чем-то большим, нежели просто красивым ребенком. Потом она взглянула на него в последний раз, застенчиво улыбнулась и, помахав на прощание рукой, побежала к остальным. Он стоял и смотрел ей вслед, наблюдая, как ее брат что-то сказал ей, потом дернул за волосы, и потом вдруг она с веселым смехом погналась за ним – можно подумать, что она уже забыла об их встрече. Но когда он хотел повернуться, чтобы уйти, она остановилась, посмотрела в его сторону и замерла. Спенсеру показалось,

что она хочет что-то сказать ему, но она не сделала этого – просто отвернулась и посмотрела на своих друзей. И он медленно пошел по направлению к Хироко и Бонду.

И все-таки он увидел ее еще раз перед отъездом – она стояла на крыльце, разговаривая с матерью, которая ее явно за что-то ругала. Потом взяла большую тарелку и занесла ее на кухню. Больше она не вышла, а уже через минуту Спенсер мчался на машине прочь от ранчо, и его мысли были заняты девочкой, которую он встретил. Она похожа на дикого жеребенка – красивая и свободная, это ребенок с глазами взрослой женщины. Вдруг он рассмеялся над собой. Это же просто наваждение. У него своя жизнь, он живет в мире, который неизмеримо далек от этой долины. Невероятно, что его могла очаровать четырнадцатилетняя девочка, выросшая среди дикой красоты Александровской долины. Да, невероятно, кроме разве того, что у нее такое необычное имя – Кристел. И он без конца повторял его про себя-, все дальше уезжая от этого места, думая о том, что пообещал Бойду и Хироко в конце лета навестить их. Да, конечно, хорошо было бы заехать... даже, наверное, это просто необходимо сделать... И в конце концов он уверился в мысли, что должен сделать это обязательно.

Кристел, помогая матери мыть последние тарелки, оставшиеся после свадебного обеда, обнаружила, что думает о нем, об этом красивом незнакомце из Сан-Франциско. Теперь она уже знала, кто он такой. Она слышала, как Том рас-

сказывал о нем, что он был их командиром в Японии. Тому польстило, что он приехал к нему на свадьбу, но сейчас его голова была занята вещами более серьезными. Они с Бекки уезжали, чтобы смыть свадебный рис и провести медовый месяц на побережье в Мендочино. Через две недели они вернутся в коттедж на ранчо, начнут работать с отцом, а Бекки будет рожать детей. Кристел казалось это ужасно скучным. Таким будничным и обыкновенным. В их жизни не будет ничего интересного, ничего необычного, такого, что бывает всегда в жизни тех людей, о которых она часто думала, или тех знаменитых актеров, о которых она читала. Она с удивлением думала о том, что в один прекрасный день с ней произойдет то же самое – она выйдет замуж за одного из этих парней, которых она так хорошо знала, за одного из друзей Джеда, которых до сих пор просто ненавидит. Ее желания раздваивались. С одной стороны, ей хотелось остаться и жить в том знакомом мире, который она так хорошо знала, а с другой стороны, ее манил иной мир – мир, полный тайн и загадок, красивых незнакомцев, подобных этому мужчине, которого она встретила сегодня на свадьбе своей сестры.

Была уже полночь, когда они наконец закончили мыть посуду и убирать со столов остатки трапезы. Бабушка уже отправилась спать. Дом притих и как будто опустел, когда Кристел пожелала родителям спокойной ночи, собираясь отправиться в свою комнату. Отец встал, и они медленно пошли к ее комнате, он нежно поцеловал ее в щеку и ласково по-

смотрел на дочь:

– Когда-нибудь придет и твоя очередь... и ты уйдешь так же, как Бекки.

Она пожала плечами. Сейчас это ее не интересовало; они слышали, как Джек, улюлюкая, прошел в свою комнату. Отец снова улыбнулся:

– Хочешь завтра поехать со мной верхом? У меня есть кое-какая работа, ты бы могла мне помочь.

Он очень гордился дочерью, она даже не представляла себе, как он любил ее. Она улыбнулась и кивнула в ответ:

– Это было бы просто замечательно, папочка.

– Я разбудю тебя в пять. Так что теперь спи.

Он потрепал ее по волосам, и она тихо закрыла за ним дверь. Первую ночь она проведет в своей комнате одна, без сестры. Наверное, это самая спокойная ночь за всю ее жизнь. Теперь наконец-то она единственная владелица своей комнаты. Она легла в постель и стала думать о Спенсере, чувствуя, как постепенно погружается в сон. А в Сан-Франциско, лежа на гостиничной кровати, Спенсер Хилл думал о Кристел.

3

Первый ребенок Тома и Бекки родился через десять месяцев после свадьбы. Минерва с Оливией принимали роды прямо в коттедже на ранчо, а Том в ожидании мерил шагами крыльцо. Это был здоровый мальчик, и назвали его Вильям в честь отца Тома – Вильяма Генри Паркера. Бекки, так же как и Том, ужасно гордилась сыном. Это было, пожалуй, самое счастливое событие за этот год, который оказался очень тяжелым для семьи Уайттов. После долгих сильных дождей большая часть пшеницы полегла, а Тэд заболел воспалением легких, и казалось, что он никогда не поправится. Когда родился его первый внук, он все еще был очень слаб, но изо всех сил старался не показывать этого. И только Кристел знала, как он плохо себя чувствует. Они все еще ездили верхом вместе, но их прогулки делались все короче, она видела, с каким облегчением отец возвращался домой и торопился лечь в постель, иногда не в силах даже поужинать.

И все-таки Тэд начал выздоравливать. Когда они крестили ребенка и за два дня до шестнадцатилетия Кристел отец явно почувствовал себя лучше. Малыша крестили в той же церкви, где год назад венчались Бекки с Томом, и Оливия пригласила на праздничный обед человек шестьдесят друзей и соседей. Это торжество не было таким грандиозным, как свадьба, но все-таки праздник состоялся. Джинни Вебстер бы-

ла крестной матерью, а крестным отцом Том попросил стать Бойда, что опять вызвало протест со стороны семьи Уайттов. Как и год назад, все избегали Хироко. Ее единственной подругой теперь была Кристел, но даже она не знала, что жена Бойда беременна. Местный врач отказался осматривать ее. Его сын погиб в Японии, и он заявил Хироко с каменным выражением на лице, что не собирается помогать ее ребенку появиться на свет. Бойду пришлось отвезти ее в Сан-Франциско, где они нашли доктора, но часто возить жену в город он не мог. Доктор Йошикава был мягким и добрым человеком. Он родился в Сан-Диего и прожил всю жизнь в Сан-Франциско, но после разгрома американского флота в Перл-Харборе работал в японской больнице. В течение четырех лет он заботился о японцах в военных концлагерях, всегда помогал им, чем мог, хотя практически никаких средств для лечения у него не было. Для него это было тяжелое время, время боли и разочарования, но он оставался верен себе и сохранил уважение к тем людям, о которых заботился и среди которых жил во время войны. Хироко случайно узнала о нем от одной знакомой японки из Сан-Франциско, и молодая женщина вошла в кабинет врача на трясущихся ногах после того, как ее оскорбил и выгнал врач, которого все в долине считали большим авторитетом. Пока доктор Йошикава осматривал ее, Бойд стоял рядом. Врач заверил их обоих, что беременность протекает вполне нормально. Он прекрасно понимал, как тяжело этой молодой женщине жить в

стране, где все считают ее чужаком и ненавидят ее только за цвет кожи и разрез глаз, за то, что она родом из Киото.

– В марте у вас родится здоровый крепкий малыш, мистер Вебстер, – заверил он Бойда, а потом улыбнулся Хироко. Он заговорил с ней по-японски, и Бойд успокоился, видя, как расслабилась жена, услышав родную речь. На мгновение ей показалось, что она снова дома, она почти поверила в это. Он говорил, что ей надо обязательно отдыхать после обеда и хорошо питаться, причем рекомендовал ей диету, состоящую из ее самых любимых японских блюд, что заставило ее рассмеяться.

Бойд как раз помогал ей готовить одно из этих блюд на следующий день, когда к ним в дверь постучала Кристел. Теперь, после свадьбы Бекки, она иногда заходила к ним, чтобы немного поболтать. В долине об этом никто не знал, и Бойд был вполне разумен, чтобы не кричать об этом направо и налево.

– Привет, есть кто-нибудь дома? – Она прискакала на одной из лошадей отца и, привязав ее у дверей, осторожно вошла в дом; на ней были синие джинсы, волосы собраны высоко на голове под ковбойской шляпой. Она еще похорошела с прошлого года, и в ней еще больше стала проявляться женственность. Но аура невинности все так же окружала ее. Казалось, она совершенно не обращает внимания на свою внешность, что делало ее красоту еще более привлекательной. Она надела одну из старых рубашек Тэда. Когда Кри-

стел, бросив шляпу на стул, тряхнула головой, ее великолепные платиновые волосы каскадом заструились по плечам.

– Привет, Кристел! – Бойд вытер руки кухонным полотенцем, а Хироко улыбаясь предложила ей сашими, которое они только что приготовили. – Ты уже позавтракала?

Была суббота, и Кристел не надо было идти в школу. Отец отдыхал, так что девушке было абсолютно нечего делать. Она уже навестила Бекки и малыша Вилли, как его называли, – толстого, здорового мальчишку.

– Что это? – Кристел с удивлением посмотрела на сырую рыбу.

– Это сашими, – застенчиво улыбаясь, ответила Хироко. Светлые волосы и огромные голубые глаза Кристел прямо-таки завораживали ее, и в глубине души она мечтала, что если бы ей дано было родиться еще раз, она бы хотела быть такой же, как эта девушка. Она не раз мечтала о том, чтобы сделать себе западный разрез глаз, но на это у них не было средств, да и Бойд бы просто убил ее за одну только мысль об этом. Он любил ее именно такой, какой она была, со всей ее изысканной японской красотой.

Хироко была всего на три года старше Кристел, но жизнь, одинокая жизнь в этой долине смыла все следы веселья с ее лица.

– Хотите попробовать немного сашими, Кристел-сан? – За последний год она гораздо лучше стала говорить по-английски. По ночам она вслух читала Бойду и вообще очень

старательно следила за своим произношением. Кристел даже приносила ей свои школьные учебники, и молодая женщина тщательно прочитывала их, схватывая все быстро и точно.

Кристел удобно уселась в маленькой кухне вместе с супругами и осторожно попробовала то, что ей предложили и что, на ее взгляд, было просто сырой рыбой. Она всегда смело пробовала в их доме все, что ей предлагали, смакуя деликатесы, которые Хироко готовила своими проворными маленькими пальчиками.

– Твой отец чувствует себя лучше? – застенчиво спросила Хироко, и Кристел кивнула, нахмутив при этом брови.

– Да, ему лучше. Но эта зима была очень тяжелой. Я сегодня заходила проведать Бекки. – Она улыбнулась своим друзьям. – Малыш становится таким симпатичным.

И вдруг она заметила странный взгляд, которым обменялись супруги. Бойд нерешительно посмотрел на жену, и веснушки вдруг необычайно четко проступили на его побледневшем лице. Его молочно-белая кожа сильно отличалась от кожи Кристел, имевшей почти бронзовый оттенок, несмотря на светлые волосы и голубые глаза. Но казалось, что он не обращает на красоту девушки никакого внимания. Ему нравилась только Хироко.

– Скажи ей. – Он улыбнулся жене, приняв решение, что теперь, когда они нашли доктора Йошикаву, им незачем скрывать хорошие новости от единственного друга. Они оба переживали из-за этого, и вообще иметь ребенка было их

давней мечтой. Их немного удивило, что пришлось ждать так много времени. Прошло целых два года, прежде чем Хироко забеременела. – Ну давай же... – подбадривал он ее, но Хироко выглядела совершенно растерянной.

Кристал молча ждала. Она была слишком молода, чтобы самой что-то понять. К тому же о беременности она совсем никогда не думала, поэтому она смотрела на них широко открытыми, полными ожидания глазами, но Хироко все никак не могла решиться сказать. Наконец Бойд сделал это за нее:

– У нас весной родится малыш. – Сказав это, он выглядел ужасно гордым, а Хироко стыдливо отвернулась. Она все еще не привыкла к американским манерам говорить открыто о том, что, по ее понятиям, было делом сугубо интимным, и все же она была так же рада этому, как и ее муж.

– Это просто здорово, – улыбнулась Кристал, – а когда?

– Мы полагаем, в марте. – Он с гордостью, улыбаясь, посмотрел на жену, в то время как та накладывала Кристал еще сашими.

– Ну это еще не скоро, правда? – Для Кристал это действительно было «не скоро». Например, когда забеременела Бекки, девушке казалось, что прошла целая вечность, пока она наконец родила.

Причем сестра жаловалась день и ночь, вечно стонала и говорила, что ее все время тошнит, что она себя ужасно чувствует. В конце концов Кристал перестала ее выносить. От нее уставал даже Джед, а Том целыми ночами пропадал где-

то с друзьями. И только Оливия продолжала ей сочувствовать до самого конца. Казалось, две женщины сблизились еще больше, впрочем, Кристел ничего не имела против. Она была счастлива, как никогда, проводя время с отцом. Да и встречи с Хироко приносили ей все больше и больше радости. Они разговаривали о природе, о жизни, обсуждали планы на будущее и очень редко в своих беседах касались кого-либо из людей. У Хироко не было знакомых, которых можно было обсуждать, семья осталась в Японии, и она теперь редко говорила о ней. Ее родные были так далеко, что ей иногда казалось, будто она потеряла их. Но однажды она призналась, что очень скучает по своим младшим сестренкам. И в ответ на ее признания Кристел открыла свой секрет – она мечтает сниматься в кино. Хироко потрясла эта идея и восхитила. Но Голливуд далеко, ужасно далеко от Александровской долины. Для них он находится на другой планете.

Хироко с Бойдом оба присутствовали на крестинах Вильяма. Он жалобно хныкал, когда священник смачивал водой его крошечную головку. На него надели рубашечку, в которой крестили еще отца бабушки Минервы. Хироко выглядела бледнее, чем обычно, когда они все выходили из церкви. Бойд нежно взял ее за руку, с тревогой посмотрел на нее, а жена только кивала ему в ответ. Она ни разу не пожаловалась на плохое самочувствие, но он знал, что у нее начался токсикоз. Она продолжала готовить его любимые блюда все с той же тщательностью, но сама едва притрагивалась к еде.

Он несколько раз слышал, как ее рвало по утрам. Перед тем как Бойд увел жену, Кристел встретила с ней взглядом, и две женщины улыбнулись друг другу, но этого, казалось, никто не заметил. Все гости восхищались малышом.

Для праздничного обеда на ранчо все подготовили как надо, но на этот раз гостей пришло гораздо меньше. Женщины сидели маленькими группками и сплетничали: кто женился, вышел замуж, у кого родились дети. Про Хироко не знал никто, и всем гораздо интереснее было обсуждать Джинни Вебстер. Она заметно поправилась, и ходили слухи, что она спит с Маршаллом Флойдом. Кто-то даже видел, как они вместе выходили из гостиницы в Напе.

– Она беременна, помяните мое слово, – заговорщически произнесла Оливия, а Бекки добавила, что неделю назад во время церковной службы Джинни чуть не упала в обморок.

– Вы думаете, он на ней женится?

– Он просто обязан это сделать, – заявила одна из женщин, – но лучше бы он делал это побыстрее, пока она совсем не растолстела.

Женщины разговаривали, мужчины стояли возле столов – выпивали и закусывали, а дети играли в стороне: все было так же, как и год назад. После войны прошло уже два года, и здесь ничего не изменилось, ну разве что дети выросли. Кристел стала девушкой. Ее длинные ноги и красивое тело приняли женственные очертания, она теперь постоянно притягивала взгляды мужчин. Ее фигуру уже не скрывало платье,

да и выражение глаз потеряло безмятежность. Всю зиму она очень беспокоилась за отца. Джед в июне окончил школу, и теперь ему предстояло работать весь день на ранчо вместе с Томом. Отец хотел, чтобы он поступил в колледж, но сам Джед не горел желанием это делать. Он копался в машинах, которые были на ранчо, и часто ездил на прогулки со своими друзьями. У него теперь появилась девушка в Калистоге.

– Он уже почти мужчина, – восхищенно говорила одна из подруг Оливии. – Помяни мое слово – следующая свадьба будет его. Я слышала, он встречается с дочерью Томпсонов. – Оливия гордо улыбалась в ответ. Но вдруг глаза соседки потемнели, она взглянула на Кристел. Она надела синее платье, которое отец привез ей из Сан-Франциско. – Она очень хорошо выглядит... Прямо настоящая красавица... – Женщина заметила, что Оливия смотрит на Кристел. – Неплохо было бы в ближайшие дни запереть ее в амбаре, – поддразнила подруга, но Оливия притворилась, что не расслышала. Она никак не могла понять свою младшую дочь. Та совершенно не походила на других девушек и особенно на свою сестру. Она держалась обособленно. Ее мысли были глубокими, и когда она говорила о них (что случалось крайне редко), это ужасно раздражало ее мать. Девушке совсем не обязательно рассуждать о высоких материях или мечтать о тех городах и странах, про которые рассказывал Тэд. Несомненно, это его вина, что он с самого детства забивал ей голову всеми этими глупостями. Его вина и в том, что она так любит носиться по

полям на лошади и купаться голышом в горной речке, как какая-нибудь дикая кошка.

Она совсем не похожа на других девушек, а уж тем более на Бекки или на свою мать. Теперь, когда она выросла, это стало особенно заметно. Казалось, она не обращала никакого внимания на окружающих ее парней. Она не страдала от одиночества, могла часами разговаривать с отцом о ранчо, о книгах, которые она прочитала, или о тех местах, где он побывал и где она тоже непременно хотела бы побывать.

Оливия даже один раз слышала, что они беседовали о Голливуде. И ведь он знает, что это просто безумие. С такими запросами не так-то просто найти для нее мужа, даже несмотря на ее внешность. Внешность – еще не все. Она и так слишком отличается от всех. Ее красота раздражает женщин, а мужчин – просто шокирует. Все это несколько не льстило Оливии. Нет ничего хорошего в том, что ты мать самой красивой девушки в долине. Она слишком красива, слишком свободна и совсем-совсем не похожа на окружающих. Даже сейчас, когда женщины разговаривали, Кристел одиноко сидела на качелях, и ее мысли были где-то далеко, в то время как другие дети шумно играли. Казалось, она не замечает их, как не замечала никогда. Она стала еще более замкнутой за этот год. И даже Джед, у которого теперь была своя жизнь, оставил ее в покое. На нее обращали внимание только тогда, когда она пела в воскресенье в церкви. Этот необыкновенный голос заставлял остановиться и прислушаться. Вот про

ее голос теперь и говорили.

Кристал высоко взлетала на качелях, что-то напевая про себя, совершенно не интересуясь тем, о чем вокруг говорят, и почти не замечая праздника, когда вдруг увидела подъехавшую машину. Она узнала его тотчас, как только он вышел из нее. Она не видела его целый год, но не забыла. Она ни на минуту не забывала его, но лишь иногда нерешительно спрашивала Бойда, не получил ли он письма от Спенсера. И вот теперь он приехал на крестины, и она замерла, давая качелям остановиться и неотрывно наблюдая, как он пожал руку ее отцу, а потом отправился искать Бойда и Хироко. Он был так же красив, как и год назад, может быть, даже еще красивее. Она весь этот год постоянно думала о Спенсере Хилле, и теперь, когда увидела его, сердце у нее замерло.

На нем был летний костюм и соломенная шляпа. Она подумала, что он выглядит еще эффектнее, чем в прошлый раз, наблюдая, как он рассмеялся, что-то сказав Хироко. И потом, отойдя от своих друзей, очень медленно оглянулся и увидел ее, неподвижно сидящую на качелях. Даже находясь на таком расстоянии, он знал, что она смотрит на него, он почти чувствовал, как ее взгляд проникает ему в самую душу, когда он медленно двинулся в сторону. Он подошел к ней почти вплотную, и его лицо с темно-синими глазами было серьезным. И воздух вокруг них моментально наэлектризовался. Они не понимали, отчего это произошло. Когда их глаза встретились, они оба знали, что весь этот год думали

друг о друге. Это было какое-то наваждение, которое невозможно выразить словами или понять. И все-таки, как они оба знали, они оставались чужими друг другу.

– Привет, Кристел. Как поживаешь? – Он почувствовал, как у него дрожат руки, поэтому засунул их в карманы, а сам прислонился к дереву, с которого свисали качели. Он изо всех сил старался, чтобы его голос звучал нормально, чтобы она не догадалась, что он чувствует. Это далось непросто. Она не двигалась и ничего не говорила, только смотрела на него. На минуту ему показалось, что весь остальной мир исчез. Рядом рос куст магнолии, и воздух был наполнен его благоуханием. Ему даже послышалось, что где-то вдалеке раздается бой барабана.

– Полагаю, что хорошо. – Она изо всех сил старалась, чтобы ее голос не дрожал. Ей очень хотелось спросить, почему он не приехал, как обещал, но она не осмелилась этого сделать. Никто из них не мог бы выразить словами свои чувства. Она просто смотрела на него; он был точно такой же, как и год назад: все те же безупречно подстриженные и расчесанные темные волосы, загорелое лицо, те же глаза, ждущие от нее чего-то, чего она еще пока не могла понять. Она знала теперь точно, что не сможет сдвинуться с места под его взглядом, да и не хотела этого. Кристел хотела бы простоять вот так рядом с ним всю жизнь, чувствуя его дыхание и зная, что он смотрит на нее.

Довольно прохладный день сделался вдруг невыносимо

жарким. Ему показалось, что у него внутри все растаяло, и он продолжал твердить про себя, что она всего лишь ребенок. Но они оба прекрасно знали, что он хочет ей сказать: «Я тебя люблю». Но конечно, он не мог этого сделать. Ведь он едва ее знает. И все же для него невыносимо сознавать, что девушка, мысли о которой он весь год старался выкинуть из головы, оказалась еще более желанной, чем он ее помнил.

– Как учеба? – Она задала вопрос, а ее глаза неотрывно смотрели на него. Тогда, год назад, она была наполовину ребенком, наполовину подростком, а теперь превратилась в женщину.

– Я только что сдал выпускные экзамены.

Она кивнула, но по ее глазам он понял, что она хочет задать ему еще тысячу вопросов. Внутри у него все пылало, он знал, что ничего никогда не боялся так, как своих чувств по отношению к ней, к этой девочке, которую едва знал. Она ничего не заметила по его лицу и по глазам, которые спокойно смотрели, как легкий летний ветерок слегка гладит ее волосы.

– А как насчет тебя? – Как никогда, в тот момент ему хотелось протянуть руку и дотронуться до нее.

– Мне исполнится шестнадцать лет послезавтра, – спокойно проговорила она, и он почувствовал, как заныло у него сердце. На мгновение, всего лишь на миг, у него мелькнула надежда, что в прошлом году он ошибся и она окажется старше. Но за этот год она явно изменилась. Она казалась теперь

такой взрослой и такой женственной в этом синем платье. Она была уже гораздо более женщиной, нежели ребенком, и он опять удивился тому безумному чувству, которое так тянуло его к ней. Ведь он приехал сегодня вовсе не для того, чтобы повидать Бойда. Он приехал, чтобы увидеть ее, надеясь, что она будет здесь, страстно желая еще раз взглянуть на нее, перед тем как уехать из Калифорнии. Но теперь ему больше нет нужды терзать себя. Ведь в свои шестнадцать она все еще ребенок. И все-таки... ее глаза говорили ему, что она чувствует то же самое, что и он. В свои двадцать восемь он с трудом мог поверить, что эта шестнадцатилетняя девочка может так чувствовать.

– У тебя будет праздничный вечер? – Он продолжал разговаривать с ней, как с ребенком, хотя все говорило ему, что она уже женщина, и она рассмеялась в ответ и покачала головой:

– Нет... – Конечно, он и представить себе не мог, что у нее почти нет друзей, что все девушки просто ненавидят Кристел из-за ее внешности, хотя она сама этого не понимала. – Отец обещал взять меня с собой в Сан-Франциско в следующем месяце. – Она хотела спросить его, будет ли он там в это время, но не сделала этого. Они оба не могли сказать вслух того, о чем думали. Им приходилось притворяться, что они не понимают друг друга, что они не замечают тех чувств, которые оба испытывали друг к другу, несмотря на разницу в возрасте и на ту пропасть, которую жизнь проложила между

ними.

И как бы прочитав ее мысли, он ответил на ее вопрос сам, ведь она не решилась спросить его, куда он сейчас едет:

– Я через несколько дней собираюсь вернуться в Нью-Йорк. Мне предложили работу в адвокатской конторе на Уолл-стрит. – Он чувствовал себя ужасно глупо, говоря ей это. – Я теперь буду принадлежать к миру финансистов. – Он улыбнулся и еще сильнее навалился на дерево, казалось, только благодаря ему он и может удержаться на ногах. Но в тот момент он действительно не был уверен, что его дрожащие колени не подогнутся под ним. – Надо полагать, я отлично начинаю карьеру. – Ему хотелось произвести на нее впечатление, но это было вовсе не обязательно. Он и так произвел на нее впечатление сам по себе, и гораздо большее, чем какая-то контора на Уолл-стрит.

– Вы волнуетесь? – Она смотрела на него широко раскрытыми глазами, как бы желая заглянуть в самые отдаленные уголки его души. Он боялся, что она действительно видит его насквозь, боялся того, что она сможет там увидеть: душу взрослого мужчины, напуганного теми чувствами, которые он испытывает по отношению к ней, к этой девочке... девушке, которая уже перестала быть ребенком, но еще и не стала женщиной и которая притягивала его к себе так, как ни одна из женщин до нее. И он не мог понять, происходит ли это потому, что она так красива, или потому, что ее глаза излучают этот непонятный свет. Он не мог понять, что с

ним происходит и почему, но он совершенно точно знал, что перед ним – удивительный человек, не такой, как все. Она весь год не выходила у него из головы, несмотря на все его попытки забыть о ней. И теперь, стоя рядом с ней, он чувствовал, как все его тело наполняется удивительной истомой и волнением только оттого, что она рядом.

– Да, думаю, что волнуюсь. А еще я немного напуган. – Так просто было признаваться ей в этом! – Это ответственная работа, и моя семья будет расстроена, если я не справлюсь с тем, чего все они от меня так ждут. – Сейчас ему казалось, что его семья вообще не существует. Сейчас его интересовала только Кристел.

– А вы когда-нибудь вернетесь в Калифорнию? – Ее глаза стали такими печальными, как будто он покидал ее.

Они оба вдруг почувствовали, какая их ждет потеря, хотя этого еще не произошло.

– Конечно, я бы очень хотел вернуться сюда когда-нибудь. Но скорее всего ненадолго. – Его голос звучал спокойно и печально, и на мгновение он вдруг пожалел, что вернулся сюда. Было бы гораздо легче больше не видеть ее. Но он не мог не вернуться. Уже несколько недель он знал, что должен обязательно увидеть ее, и теперь она смотрела на него своими прекрасными глазами, в которых было столько мудрости и печали и отражалось все то одиночество, с которым она жила все это время.

Сегодняшний день стал для нее подарком, подарком, о ка-

ком она столько мечтала. Для нее он уже давно стал мечтой, подобной тем мечтам о кинозвездах, фотографии которых были приколоты на стене в ее комнате. Он был таким же далеким и нереальным, несмотря на то что она видела его и разговаривала с ним. Он не мог стать для нее ближе, чем те, портреты которых она видела каждый день. Единственная разница между ними и им в том, что она его любила.

– Хироко весной родит малыша. – Она произнесла это, слегка запнувшись, а он вздохнул и чуть отвернулся, как бы пытаясь набрать в легкие немного воздуха и заставить себя подумать о чем-то другом.

– Я рад за них. – Он ласково ей улыбнулся и представил себе то время, когда она сама выйдет замуж и родит детей. Может быть, когда он вернется сюда в один прекрасный день, за ее юбку будут цепляться полдюжины детей, и ее муж, если ей с ним повезет, будет пить не слишком много пива и водить ее в кино по субботам. От этой мысли его чуть не затошнило. Он не хотел, чтобы с ней это произошло. Несомненно, она заслуживает гораздо большего. Она совсем не похожа на остальных. Она походила на голубку, затесавшуюся в стаю павлинов, и при первой же возможности самки поранят, а может, даже убьют ее. Она не заслужила этого. Но он также прекрасно понимал, что сам он не может сделать ничего, чтобы спасти ее от такой участи. – Она будет прекрасной матерью. – Он сказал это про Хироко, но вдруг понял, что в глубине души имел в виду и Кристел.

Кристал лишь кивнула в ответ и слегка оттолкнулась ногой, давая качелям чуть-чуть сдвинуться с места. Те же белые лодочки, которые на свадьбе Бекки она держала в руках, сейчас были у нее на ногах поверх новой пары капроновых чулок.

– Может быть, ты когда-нибудь приедешь в Нью-Йорк? – Он сказал это больше для того, чтобы в самого себя вселить надежду, но они оба прекрасно знали, что это более чем маловероятно.

– Мой отец один раз был там. И он все мне про него рассказал.

Спенсер улыбнулся. Все-таки его жизнь совершенно другая. И когда он подумал об этом, его сердце снова сжалось.

– Я думаю, тебе бы он понравился. – Ему так хотелось самому показать ей этот город... может быть, если бы она была хоть чуть-чуть старше...

– А я хочу поехать в Голливуд. – Она мечтательно посмотрела на небо и в этот момент стала снова ребенком. Ребенком, который мечтает попасть в Голливуд и стать кинозвездой. Эта мечта так же несбыточна, как та, что он хотел бы любить ее, но он, конечно, не сказал ей об этом.

– А кого бы ты хотела встретить в Голливуде? – Ему захотелось узнать: кто ее любимая кинозвезда, о чем она разговаривает с подругами, о ком мечтает? Ему хотелось узнать про нее все, может быть, тогда он избавится от ее чар. Он понимал, что должен забыть эту девушку раз и навсегда, ведь

он уезжает из Калифорнии. Мысли о ней преследовали его целый год, и не один раз он порывался сесть в машину и поехать навестить Бойда, каждый раз сознавая, что хочет попасть в Александровскую долину только для того, чтобы увидеть Кристел. И каждый раз, боясь того странного наваждения, которое она будила в нем, он откладывал и откладывал поездку до тех пор, пока... он не решился приехать сюда в последний раз, перед тем как покинуть Калифорнию.

Она немного подумала над его вопросом, кого бы она хотела встретить в Голливуде, и наконец ответила:

– Кларка Гейбла. Может быть, еще Гарри Купера.

– О, звучит солидно. А что бы ты хотела делать там, в Голливуде?

Она рассмеялась, ей вдруг понравилось, что она может немного поиграть со своими мечтами, а заодно и с ним:

– Мне бы хотелось сниматься в кино. И еще, может быть, петь. – Он ни разу не слышал ее голоса и не знал, что он завораживает всех в долине, даже тех, кто ее не любит.

– Может быть, в один прекрасный день так и случится. – И они оба рассмеялись над этим. В кино снимаются кинозвезды, а не простые девушки. А ее жизнь будет самой обыкновенной, как бы красива она ни была. Она и сама прекрасно понимала, что не суждено ей сниматься в кино. – Но ты действительно подходишь для этого. Ты очень красивая. – Его голос прозвучал мягко, и она медленно качнулась и замерла, глядя на него. Было что-то завораживающее в том, как он

произнес эти слова. И их сила поразила обоих, заставив на минуту замолчать. Потом она грустно улыбнулась и покачала головой. Она уже смирилась с мыслью, что он исчезнет из ее жизни навсегда.

– Широко красивая, а я нет.

– Да, она красивая, – согласился он, – но ты тоже. – Спенсер сказал это так тихо, что она едва расслышала его голос.

И вдруг она, почувствовав себя смелее, задала ему вопрос, который хотела задать с того самого момента, как только увидела его этим утром:

– А почему вы сегодня приехали?

На этот вопрос было сто ответов: увидеть Бойда... Широко... Тома... посмотреть на его малыша... но только один ответ был по-настоящему честным. И когда он снова посмотрел ей в глаза, он понял, что должен ответить ей правду. Она должна знать об этом.

– Перед тем как уехать, я хотел еще раз увидеть тебя, – тихо проговорил он, и она кивнула в ответ. Это были именно те слова, которые она хотела от него услышать, но теперь почему-то они ее испугали. Этот красивый мужчина, совершенно из другого мира, действительно приехал для того, чтобы увидеть ее. А она так и не может понять, чего же он от нее хочет. Но этого не знал и сам Спенсер, и от этого ситуация казалась ему еще более нелепой.

Она мягко спрыгнула с качелей, сделала шаг и остановилась прямо перед ним, глядя ему в глаза своими голубыми,

цвета горной лаванды, глазами, которые он не сможет забыть никогда.

– Спасибо вам.

Они стояли друг против друга бесконечно долгое мгновение. Вдруг он краем глаза заметил, что к ним приближается ее отец. Он махал рукой Кристел, и на секунду Спенсер подумал, что он сердится, зная, что может быть на уме у молодого человека, и не одобряя это. Он действительно долгое время наблюдал за ними и удивлялся, о чем они могут разговаривать. В этом мужчине было что-то, что нравилось Тэду, но он знал и о том, что он всего лишь прохожий. И все же ему нравилось, что такой мужчина восхищается Кристел. Тэд Уайтт сожалел лишь о том, что у них в долине таких молодых людей нет. Но сейчас, подходя к ним, он думал совсем о другом; его глаза светились теплотой, а на губах играла улыбка, так похожая на улыбку его дочери.

– Вы оба выглядите ужасно серьезными. Вы что, молодежь, решаете мировые проблемы? – Слова его были шутливыми, но мудрые глаза старика, казалось, заглядывали Спенсеру прямо в душу. И то, что он увидел, ему понравилось.

Тэду понравился Спенсер с первого взгляда, хотя старик и понимал, что капитан слишком взрослый для Кристел. В лице дочери он увидел что-то такое, чего никогда не видел раньше, только иногда, один или два раза, когда она вот так смотрела на него самого с нескрываемым обожанием. Но на этот раз это было нечто другое: выражение радости и печали

одновременно. И вдруг Тэд Уайтт осознал, что его девочка стала женщиной.

– Вам предстоит испытать истинное удовольствие, капитан Хилл, – он гордо улыбнулся дочери, – если, конечно, Кристел согласится. Малышка, народ хочет, чтобы ты спела. Ты споешь?

Она вспыхнула и покачала головой, длинная белокурая прядь упала ей на лицо; она стояла в тени дерева, но сзади луч солнца пробился сквозь листву и высветил золотом ее платиновые волосы. И оба мужчины на мгновение замерли, пораженные ее красотой. Потом она подняла голову и взглянула на отца: выражение ее лавандовых глаз было застенчивым, но в их глубине пряталась улыбка.

– Слишком много людей вокруг... и потом... мы же не в церкви...

– Ну право, какая разница? И потом, ты тут же забудешь обо всем, как только начнешь петь. – Сам он очень любил слушать, как она поет, когда они вдвоем скакали верхом по полям. Ее сильный красивый голос притягивал к себе так же, как притягивает восход солнца. Ему никогда не надоедало ее слушать. – Некоторые парни принесли с собой гитары. Ну спой одну или две песни, просто чтобы поддержать праздничное настроение.

Кристел увидела в его глазах чуть ли не мольбу. Она никогда бы не смогла отказать ему, хотя ее бросало в дрожь при мысли, что ей придется петь перед Спенсером. Ведь он

может подумать, что она просто глупая. Он уже присоединил свой голос к голосу Тэда, уговаривая ее, и когда их глаза встретились, на мгновение повисла тишина, и за это мгновение они смогли молча сказать друг другу все, о чем не смели говорить вслух. И она вдруг решила, что это, возможно, будет ее подарок ему, что он будет помнить ее всю жизнь. Она кивнула и медленно пошла за отцом туда, где их ждали все остальные. Спенсер снова подошел к Бойду и Хироко, и Кристел, обернувшись, увидела, что он неотрывно смотрит на нее. Даже на расстоянии она чувствовала его взгляд, полный любви, которую никто из них не мог понять. Их любовь родилась год назад, и они ее сохраняли в себе все это время, пока не встретились вновь. Это была любовь, которой не суждено сбыться, но которая останется с ними навсегда, после того как он уедет.

Она взяла гитару у одного из парней, в то время как двое молодых людей подошли к ней и сели вместе с ней на скамейку, глядя на нее с одобрением и восхищением. Оливия наблюдала за дочерью с крыльца. Как всегда, ее раздражало, что муж позволяет ей устраивать этот спектакль. Но она знала, что всем нравится, как Кристел поет. Некоторые из женщин прямо таяли, когда слушали, как она поет в церкви, а когда она пела «Очаровательная Грейс», многие из них плакали. Но на этот раз девушка спела несколько баллад, которые так любил ее отец и которые они пели с ним вместе, когда ранним утром скакали верхом. Не прошло и минуты, как

вокруг собрались все гости, и никто не произнес ни звука, позволяя ее сильному красивому голосу завораживать их. Ее голос был такой же незабываемый, как и ее лицо. Спенсер, закрыв глаза, чувствовал, как растворяется в музыке, в этой невероятной красоте ее голоса, в то время как его сила и простота прямо-таки поразили капитана. Она спела четыре песни, и последние звуки растаяли в воздухе, подобно тому как ангелы взлетают на небеса. Когда она замолчала, повисла долгая тишина, и все смотрели на нее в немом изумлении. Каждый сто раз слышал, как она поет, но всякий раз ее пение снова и снова завораживало их. Толпа разразилась аплодисментами, и Тэд украдкой смахнул с глаз слезы. Такое с ним происходило всякий раз, но уже через минуту все успокоились и вернулись к разговорам и выпивке. Однако он знал, что в ту минуту, когда она пела, все до единого были влюблены в нее. Спенсер долгое время не мог произнести ни слова. Он хотел еще раз поговорить с ней, но она ушла куда-то со своим отцом, и он больше не видел ее до тех пор, пока гости не начали расходиться. Она стояла около своих родителей, и люди подходили, пожимали им руки, благодарили за обед, созывали детей.

Спенсер подошел, чтобы поблагодарить ее родителей, но, когда ее рука оказалась в его, ему вдруг стало страшно, что встреча получилась такой короткой. Ведь он больше никогда ее не увидит, и эта мысль была для него невыносимой, когда он смотрел ей в глаза, мечтая о том, чтобы это мгновение

продлилось вечно.

– Ты не говорила, что умеешь петь. – Он произнес это почти шепотом, в то время как его глаза внимательно изучали ее. Она засмеялась в ответ, смущенная его словами, и на мгновение снова стала в его глазах ребенком. Она пела сегодня специально для него, и сейчас ей стало интересно, понял ли он это. – С таким голосом ты действительно можешь ехать в Голливуд.

Она снова рассмеялась, и ее смех звучал мелодично.

– Я так не считаю, мистер Хилл... Я действительно так не думаю.

– Надеюсь, что мы еще когда-нибудь встретимся. Глаза у них обоих стали серьезными, и она кивнула:

– Я тоже на это надеюсь. – Но оба знали, что это маловероятно.

И вдруг он сказал те слова, которые не мог не сказать ей:

– Я никогда не забуду тебя, Кристел... никогда... береги себя... – «Живи счастливо... не выходи замуж за человека, который будет недостоин тебя... не забывай меня...» – что еще он мог ей сказать, чтобы не выглядеть в ее глазах абсолютным глупцом? И уж конечно, он никак не мог сказать ей, что любит ее.

– Вы тоже... – Она грустно кивнула. Она понимала, что через несколько дней он уедет в Нью-Йорк и их пути, возможно, больше никогда не пересекутся. Огромная страна, целый мир, вся жизнь отныне будут лежать между ними.

И потом, не говоря больше ни слова, он наклонился и нежно поцеловал ее в щеку, а через минуту был уже в машине и ехал прочь от ранчо. Сердце было готово выскочить у него из груди, в то время как Кристел молча стояла среди своих родных и неотрывно смотрела вслед удаляющейся машине.

4

По пути домой Спенсер свернул перед мостом через Золотые Ворота и, оставив машину на обочине, подошел к берегу. Ему хотелось подумать, разобраться в себе и все вспомнить. Кристел притягивала его к себе целый год, и теперь, всего через несколько часов после того, как он расстался с ней, он снова хотел ее видеть. Сама по себе долина осталась для него лишь смутным воспоминанием, но лицо этой девушки... ее глаза... то, как она смотрела на него... ее голос, когда она пела эти простые баллады, стояли перед ним. Она была редкой птицей, которую, как он знал, он теперь навсегда потерял. Нет никакой вероятности, что он вернется к ней. Сама мысль об этом приносила боль. Она была всего лишь шестнадцатилетним ребенком, живущим в затерявшейся калифорнийской долине. Она не знала ничего о той жизни, которую он вел. Но даже если бы и знала, она бы ее просто не поняла. Она слишком не похожа на ее собственную. Что ей известно об Уолл-стрит и о Нью-Йорке, о тех кругах, в которых ему приходилось бывать? Его семья ожидала от него слишком многого, и в тех планах, которые они для него приготовили, не найдется места для деревенской девушки, еще почти ребенка, в которую он имел несчастье влюбиться. Девушки, напомнил он себе, которую он к тому же едва знал. Его родители никогда не смогут понять этого. Да и как они могут это

понять, если он сам ничего не понимает? И подобно тому, как Кристел мечтала о Голливуде и о кинозвездах, у Спенсера тоже были мечты. Но его мечты исчезли, когда его брат погиб на острове Гуам. И теперь он должен не только изменить свою жизнь, он должен сделать то, что не успел сделать его брат. Его семья ждала от него именно этого, и в конце концов он вынужден был согласиться. А что обо всем этом может знать Кристел? Она не знает вообще ничего, кроме своей долины, в которой выросла. Он понял, что должен забыть ее. Он грустно улыбнулся, глядя на залив, на мост, и еще раз сказал себе, что просто сошел с ума. Он ненадолго увлекся симпатичной девочкой, а теперь надо выбросить ее из головы и продолжать жить собственной жизнью. Юридический факультет и обеды в Пало-Альто с хорошенькими однокурсницами, с которыми он развлекался, еще не все в его жизни. Теперь его ждал целый мир. И в этом мире не будет места для Кристел Уайтт, какой бы красивой она ни была и как бы она ни привлекала его в данную минуту. Он повернулся и пошел обратно к машине, думая о том, что сказал бы его отец, узнай, что его сын влюбился в шестнадцатилетнюю девочку из Александровской долины.

«Прощай, маленькая девочка», – прошептал он про себя, в последний раз проезжая по мосту через Золотые Ворота. В этот вечер он должен был пойти на званый обед. Он пообещал отцу, что будет там. У него не было настроения, но он понимал, что это поможет ему отвлечься. Она ушла из его

жизни навсегда. Но он знал, что независимо от того, встретится он с ней когда-нибудь или нет, забыть ее не сможет никогда.

Последние несколько дней он жил в отеле «Фармонт». Из его комнаты открывался потрясающе красивый вид, по которому он будет скучать. Он почти жалел, что не нашел себе работу в Сан-Франциско, но это никогда не входило в его планы. Он пообещал родителям, что вернется домой, и очень хорошо знал, что они ждут его. До войны его отец был адвокатом, а потом его назначили судьей. Он преуспел в жизни. Но он всегда имел далеко идущие планы по отношению к своим сыновьям, особенно это касалось старшего брата Спенсера, Роберта. Но он был убит на Гуаме, оставив вдову с двумя детьми. Он изучал исполнительное и законодательное право в Гарварде и хотел стать политическим деятелем, конгрессменом, в то время как Спенсер хотел стать врачом. Но война все изменила. Потеряв четыре года, он не мог позволить себе потратить слишком много времени, изучая медицину. Решение поступить на юридический факультет казалось ему самым правильным. Судья Хилл уверил его в этом, и Спенсер знал, что отец сам мечтает встать во главе апелляционного суда. И если это произойдет, то правота отца, без всяких сомнений, будет доказана. Он будет следовать по стопам Роберта.

Семья Хиллов была довольно старинной. Предки матери пришли в Бостон еще с паломниками. Род отца был не на-

столько древним. Он усердно работал, чтобы сделать себе карьеру, и смог закончить юридический факультет в Гарварде. И теперь для них обоих было очень важно, чтобы Спенсер самостоятельно сделал в жизни что-то значительное. И это «значительное» вовсе не подразумевало, что он влюбится в такую девушку, как Кристел. Роберт в свое время женился очень удачно. Он всегда делал именно то, что от него ждали, в то время как Спенсер был свободен в своем выборе, и это ему нравилось. И теперь, когда не стало старшего брата, он чувствовал себя так, как будто родители ждали, что он будет делать то, что не успел сделать Роберт, что он должен идти тем путем, который всегда казался ему неподходящим, а теперь вдруг стал правильным. И учеба на юридическом факультете была частью этого пути. И возвращение в Нью-Йорк. И работа в конторе на Уолл-стрит... Он никак не мог представить себя на этой работе. Ему казалось, что три года на юридическом факультете – слишком мало. Но, черт возьми, Уолл-стрит звучало для него довольно заманчиво. В конце концов, если он сможет сделать что-нибудь стоящее, сумеет заложить первый камень на пути к своей карьере, может быть, тогда он действительно пойдет в гору. Подумав об этом, он еще раз посмотрел в окно, думая о том уголке, где расстался с Кристел. Потом вздохнул и вернулся в комнату. Она была хорошо обставлена: на полу лежал толстый ковер, мебель новая и дорогая, а над головой висела огромная люстра. И все-таки он думал о ранчо, вспоминая холмы, девуш-

ку, сидящую на качелях. У него осталось только две ночи. Две ночи перед тем, как он вступит в ту жизнь, которая так неожиданно досталась ему от Роберта. Почему, черт возьми, он не может плюнуть на все это? Почему он должен ехать в Нью-Йорк, делать то, что от него хотят, работать в этой чертовой конторе на Уолл-стрит...

Он решительно вышел из комнаты и с силой захлопнул дверь. В восемь часов его ждали в доме Гаррисона Баркляя. Он был другом его отца, федеральным судьей и имел большие связи среди политиков. Поговаривали, что в один прекрасный день он может оказаться в Верховном суде. Отец настоял, чтобы Спенсер увиделся с ним. Они один раз уже встречались, это было в прошлом году, и теперь, несколько недель назад, он опять позвонил ему и сказал, что заканчивает Стэнфорд и уезжает в Нью-Йорк, где будет представлять юридическую фирму. Гаррисон Барклай был очень рад за него и пригласил на званый обед. Спенсер понимал, что это первый званый обед, в его жизни будет множество таких вечеров, он должен привыкать к этому. Он вернулся в отель, принял душ, побрился и переоделся. Затем быстро спустился вниз, но настроение было неважное, не хотелось видеть никого, тем более Гаррисона Баркляя.

Дом семьи Барклаев – красивый кирпичный особняк – находился на пересечении улицы Дивисадеро и Бродвея. Дворецкий открыл ему дверь, и, войдя внутрь, он услышал по звукам, доносившимся из глубины дома, что вечер в самом

разгаре. На мгновение ему показалось, что он не выдержит этого. Ему придется беседовать, очаровывать и развлекать их друзей, а так хотелось бы в этот вечер побыть одному. Посидеть где-нибудь в одиночестве и думать о своем, мечтать о девочке, с которой он был едва знаком... о девочке, которой послезавтра исполнится шестнадцать лет.

– Спенсер! – громко окликнул его судья, когда молодой человек вошел в комнату. Ему показалось, что он школьник и сейчас предстал перед учительским советом.

– Добрый вечер, сэр. – Он поздоровался с другом своего отца с приветливой улыбкой. – Очень рад видеть вас. Добрый вечер, миссис Барклай.

Судья Барклай чуть ли не силком провел его по комнате, знакомя с каждым из гостей и объясняя, что он только что закончил юридический факультет Стэнфорда. Он сообщал всем, кто его отец, и это приводило Спенсера в явное замешательство. Меньше всего ему хотелось оставаться в этом доме, он почти физически чувствовал, что не вынесет этого.

К ужину было приглашено двенадцать гостей, но в последний момент жена одного из судей отказалась от приглашения. Она пыталась уговорить своего дядю вернуться с ней домой после гольфа, но тот все равно пошел на ужин к Барклаям. Он был старым другом семьи и знал, что они не будут против его присутствия, но Прициллия Барклай расстроилась, сосчитав гостей. Их было тринадцать, включая хозяев, а она знала, что по крайней мере двое из них ужасно суевер-

ны. В столь поздний час она ничего не могла поделать. Обед должны были подать через полчаса, и единственное, что ей оставалось, – это попросить дочь, чтобы она присоединилась к ним во время обеда. Она торопливо взбежала наверх по ступеням и постучала в дверь ее комнаты. Элизабет готовилась идти на вечеринку. На ней было черное вечернее платье, а на шее – нитка жемчуга. Этой зимой она собиралась вступить в клуб «Котильон». В свои восемнадцать лет она блистала своеобразной красотой.

– Дорогая, мне нужна твоя помощь. – Мать посмотрела на себя в зеркало, поправила ожерелье, пригладила рукой волосы и только после этого повернулась и с улыбкой посмотрела на дочь. – Жена судьи Армистеда подвела своего дядю.

– О Боже, она что, внизу? – Взгляд Элизабет Барклай был холоден и суров в отличие от просящего взгляда ее матери.

– Конечно, нет. Она позвонила в последнюю минуту и сказала, что не может прийти. И теперь за столом у нас будет тринадцать человек.

– Ну притворись, что ты этого не знаешь. Может быть, никто ничего и не заметит. – Она надела черные атласные туфли на высоких каблуках и стала немного выше матери. У Элизабет было два старших брата: один член правительства в Вашингтоне, в федеральном округе Колумбия, а другой – адвокат в Нью-Йорке. Она была единственной дочерью Барклаев.

– Я не могу этого сделать. Ты же знаешь Пенни и Джейн.

Кто-то из них обязательно уйдет, и тогда у нас будет на двух женщин меньше. Дорогая, не могла бы ты помочь мне?

– Сейчас? – Дочь выглядела раздраженной. – Но я собираюсь в театр. – Она договорилась отправиться туда с несколькими друзьями, хотя ей не очень хотелось проводить вечер таким образом. Это был один из редких вечеров, когда свидания не предвиделось, они решили развлечься большой компанией.

– Это так важно для тебя? – Мать посмотрела ей прямо в глаза. – Мне действительно нужна твоя помощь.

– О, ради всего святого. – Элизабет посмотрела на часы и потом кивнула. Может быть, это к лучшему. Ей действительно никуда не хотелось идти. Прошлой ночью она вернулась домой только в два часа. Последний месяц она каждый вечер ходила по балам, после того как окончила Бург. Она хорошо повеселилась, и на следующей неделе они с друзьями собирались поехать на озеро Тахо. – Хорошо, мама. Я позвоню друзьям. – Она любезно улыбнулась матери и поправила двойную нитку жемчуга, которую одолжила у матери. Несомненно, она была довольно симпатичной девушкой, но ей с трудом можно было дать восемнадцать лет. Во многих отношениях она казалась гораздо старше. Уже многие годы она находилась среди взрослых, и родители приложили немало усилий, чтобы она могла вести себя непринужденно с их друзьями, поддерживать разговоры. Ее братья были старше на десять и двенадцать лет, и она привыкла к тому,

что все уже давно общаются с ней, как со взрослой. К тому же она унаследовала холодный замкнутый характер, который был свойствен всем членам семьи Барклай. Она прекрасно владела собой, ее поведение было безупречным, так что в свои восемнадцать лет она была леди до мозга костей. — Я спущусь через минуту.

Мать взглянула на нее с благодарностью, и Элизабет улыбнулась в ответ. У нее были густые рыжеватые волосы, которые она стригла не очень коротко, большие карие глаза, матовая кожа и тонкая талия. Она великолепно играла в теннис. Но в этой девушке не было ни капли тепла, только безупречное воспитание и живой ум, который постоянно восхищал всех друзей ее родителей. Даже ее осанка внушала благоговение и уважение. Да, Элизабет Барклай была не тем человеком, над которым можно посмеяться. Она девушка серьезная, с проницательным умом и острым языком; у нее собственные взгляды на жизнь, и она строго их придерживалась. И для нее не существовало проблемы с выбором колледжа: Радклифф, Веллслей или Вассар.

Через десять минут она не спеша спустилась вниз, успев за это время позвонить друзьям и небрежно извиниться перед ними, сказав, что у нее испортилось настроение и ей необходимо остаться дома. Отказаться от вечеринки Элизабет могла только в том случае, если у нее плохое настроение или нет нового платья. В ее жизни не было никаких страданий, переживаний или трудностей. Ничего такого, что ее

родители не могли бы с легкостью устранить, ничего, что ее отец не мог бы уладить или купить для нее. Но нельзя сказать, чтобы она была избалованна. Она просто выбрала для себя определенный образ жизни, и все окружавшее ее служило декорацией к нему. Для своего возраста она не была обыкновенной девушкой. Ее детство кончилось, когда ей исполнилось десять лет. С тех пор она вела себя совершенно по-взрослому, обладала прекрасными манерами. Однако она не получала от этого никакого удовольствия. Но что для Элизабет Барклай удовольствия! У нее была цель. И все ее поступки были направлены на достижение этой цели.

Гости уже пропустили по рюмке, когда девушка вошла в гостиную и огляделась в поисках знакомых. Среди приглашенных оказалась только одна пара, которую она не знала, и ее мать представила их как старых друзей отца из Чикаго. Потом она увидела еще одно незнакомое лицо – очень красивого молодого человека, который спокойно разговаривал с судьей Армистедом и ее отцом. Она быстро взглянула на него, затем взяла бокал с шампанским с серебряного подноса, который дворецкий держал перед ней, и улыбаясь направилась к отцу.

– Отлично, отлично, Элизабет, какой чести мы все сегодня удостоены, – улыбнулся отец, и в глубине его глаз появился едва заметный лукавый огонек. – Неужели ты смогла при всей своей занятости выкроить время и для нас? Как удивительно! – Он демонстративно обнял ее за плечи, и она

улыбнулась, глядя на него. Она всегда была с ним в очень близких отношениях, он ее обожал.

– Мамочка попросила, чтобы я присоединилась к вам.

– Прекрасная причина. С судьей Армистедом ты знакома, Элизабет, а это Спенсер Хилл из Нью-Йорка. Он только что закончил юридический факультет Стэнфорда.

– Поздравляю. – Она безразлично улыбнулась ему, и он оценивающе посмотрел на нее. Девушка выглядела совершенно невозмутимой, и он решил, что ей двадцать один или двадцать два года. Ее внешность и манеры делали ее куда старше, и это впечатление еще более усиливали черное платье, жемчужное ожерелье и взгляд, которым она окинула его, когда пожимала ему руку. – Вы, наверное, очень рады, – добавила она с вежливой улыбкой, в то время как он продолжал смотреть на нее.

– Да. Спасибо. – Он подумал, чем она может заниматься. Наверное, играет в теннис и ходит по магазинам с друзьями или матерью. Он очень удивился, услышав слова ее отца:

– Элизабет собирается по собственному желанию ехать в Вассар. Мы пытались уговорить ее на Стэнфорд, но это бесполезно. Она решила ехать на Восток и бросить нас здесь одних, чтобы мы переживали за нее. Но я надеюсь, что холодные зимы быстро охладят ее пыл и она очень скоро снова окажется дома. Ее мать и я будем ужасно скучать без нее.

Элизабет улыбнулась в ответ на его слова, и Спенсер удивился, узнав, как она молода. Определенно, восемнадца-

тилетние девушки стали совсем другими за эти последние несколько лет. И, глядя на нее, он вдруг поразился мысли, что у этой девушки есть все, чего нет у Кристел.

– Это очень хорошая школа, мисс Барклай. – Его тон был дружелюбным, но довольно прохладным. – Моя свояченица училась там. Уверен, она вам понравится.

Элизабет почему-то решила, что он женат. Она не подумала, что он имеет в виду жену брата. На какое-то мгновение она почувствовала разочарование. Он очень приятный молодой человек и каким-то странным образом притягивает ее.

Тут дворецкий объявил о начале обеда, и Прициллия Барклай пригласила гостей в столовую – красивую комнату с черно-белыми мраморными полами, стенами, обитыми деревом. Над массивным английским столом висела красивая хрустальная люстра. В серебряных подсвечниках горели свечи, старинные приборы на столе сверкали белизной и золотом, а хрустальные бокалы, на которые попадал свет свечей, переливались огнями. Салфетки украшала монограмма с инициалами матери Прициллии. Гости без труда нашли свои места. Около каждого прибора, конечно, были карточки, вставленные в изящные серебряные подставки. Элизабет приятно удивилась, обнаружив, что ее посадили рядом со Спенсером. Она поняла, что ее мать уже успела все переставить.

На первое подали копченую лососину и крошечные грече-

ские устрицы. И к тому времени когда подали основное блюдо, Элизабет и Спенсер увлеченно беседовали. Он не переставал удивляться ее уму и образованности, тому, как много она знала. Казалось, не было ни одной темы, которую она не могла бы с легкостью поддержать, будь то мировая или внутренняя политика, история или искусство. Без сомнения, она была незаурядной девушкой, и он не ошибался, думая, что она преуспеет. Во многих отношениях она напоминала ему жену брата, хотя можно было с уверенностью сказать, что Элизабет лучше. В ней не было ничего показного и наигранного. В глаза бросались лишь ее острый ум и прекрасные манеры. Она даже умудрилась в какой-то момент повернуться и завести разговор со своим соседом справа—с одним из друзей ее отца, но быстро вернулась к разговору со Спенсером:

– Итак, мистер Хилл, что же теперь собирается делать новоиспеченный выпускник Стэнфорда? – Она смотрела на него с интересом и насмешкой, и ему вдруг показалось, что она на самом деле старше его. Ему пришлось немного отпить из бокала, чтобы слегка успокоиться.

– Собираюсь работать в Нью-Йорке.

– У вас уже есть место? – Она была заинтересована и немного нахальна. Но ей не хотелось попусту терять время. И в какой-то мере ему это даже нравилось в ней. Незачем ходить вокруг да около, и раз она задавала вопросы, то таким образом давала возможность и ему спрашивать. Это намно-

го легче, чем просто флиртовать.

– Да, есть. Я буду работать у Андерсона, Винсента и Соброка.

– Я потрясена. – Она сделала маленький глоток вина и улыбнулась ему.

– Вы знаете их?

– Я слышала мнение моего отца о них. Это самая крупная фирма на Уолл-стрит.

– Теперь потрясен я, – пошутил он, но с другой стороны, это была правда. – Для восемнадцатилетней девушки вы знаете невероятно много. Неудивительно, что вы собираетесь в Вассар.

– Спасибо. Я с детства обедаю со взрослыми. Думаю, это просто вошло у меня в привычку. – Но тут она явно скромничала. Она действительно отличалась незаурядным умом. Будь у Спенсера настроение немного получше, она могла бы даже ему понравиться. Конечно, в ней отсутствовали загадочность, романтизм, волшебное очарование, но ее точный ум и прямота заинтересовали его. И даже ее холодность была довольно привлекательна.

Так или иначе, но вечер шел своим чередом, и Спенсер продолжал пить вино, которым угощал Гаррисон Барклай. Странно, что день, который начался крестинами в Александровской долине, заканчивался таким образом. И он даже представить себе не мог присутствия здесь Кристел. Что бы он ни чувствовал по отношению к ней, здесь ей места нет. В

данный момент он не мог представить себе никого на месте этой девушки со спокойными карими глазами и манерой говорить обо всем прямо. И все же, слушая Элизабет, он чувствовал, что сердце его тоскует по Кристел.

– Когда вы покидаете Сан-Франциско?

– Через два дня. – Он сказал это с сожалением, которое не могли до конца понять ни он, ни она. Он не понимал, откуда это чувство ноющей тоски, которое он начал испытывать сегодня после обеда. А по ее мнению, не было ничего замечательнее, чем поехать в Нью-Йорк. Она не могла дождаться сентября.

– Это плохо. Я надеялась, что вы сможете приехать повидать нас на озере Тахо.

– Мне бы очень хотелось. Но у меня невероятно много дел. Через две недели мне уже надо приступить к работе. У меня нет возможности прохлаждаться, иначе мой стол на Уолл-стрит окажется завален целым морем бумаг.

– Вы волнуетесь? – Ее глаза снова изучающе посмотрели на него, и он решил быть с ней откровенным.

– Честно говоря, не знаю. Я до сих пор не могу понять, почему пошел на юридический факультет.

– А чем вы хотели заниматься?

– Медициной, если бы меня не забрали в армию. Война для всех что-то изменила, и я полагаю... что для многих эти изменения гораздо хуже, чем для меня. – Он на минуту загрустил, подумав о брате. – Мне просто повезло.

– Я думаю, вам повезло в том, что вы стали адвокатом.

– Правда? – Он опять удивился. Она действительно странная девушка, и он понял, что в Элизабет Барклай нет ни капли жалости и нерешительности. – Но почему?

– Я бы тоже хотела поступить на юридический факультет после того, как закончу Вассар.

Это опять произвело на него впечатление, но на этот раз он не удивился:

– Тогда вы так и поступите. Но не лучше бы для вас выйти замуж и рожать детей? – Ему казалось, что это вполне естественно и что такая девушка, как она, может сделать это с любимым мужчиной. Сейчас, в 1947 году, любой может выбирать то, что ему нравится. Он не считал, что это слишком дорогая цена за карьеру. Будь он на ее месте, он бы не задумываясь выбрал мужа и детей, но Элизабет не считала это решение подходящим.

– Может быть. – На какое-то мгновение она вдруг показалась ему юной и растерянной, но в следующую минуту она пожалала плечами. И потом вдруг совершенно выбила его из колеи, задав следующий вопрос: – А какая у вас жена, мистер Хилл?

– Простите? Я... я не понял... но что заставило вас подумать, будто я женат? – Он выглядел ошеломленным, а потом вдруг рассмеялся. Неужели он выглядит таким старым, что она даже представить себе не может, что он до сих пор не женат? Если это так, то каким же стариком он должен был

казаться сегодня утром Кристел! Она все еще не выходила у него из головы, хотя он заставлял себя поддерживать беседу с Элизабет Барклай, что, как он признался себе, было совсем несложно. Но его мысли были все еще далеко, и ему казалось, что часть его сердца уже никогда не будет принадлежать ему.

В первую секунду Элизабет казалась сконфуженной, и он даже заметил, что она покраснела.

– Мне показалось, вы сказали... вы упомянули свояченицу в начале вечера... вот я и сделала вывод...

Он рассмеялся, и она запнулась. Он покачал головой, и его голубые глаза вспыхнули в отблеске свечей.

– Боюсь, вы ошиблись. Я имел в виду вдову моего брата.

– Он погиб на войне? -Да.

– Очень сожалею.

Он кивнул, и тут подали кофе. Дамы поднялись, начали демонстративно прощаться с Прициллией Барклай. Мать и дочь вышли из комнаты, и мать спокойно поблагодарила ее:

– Спасибо тебе, Элизабет. Без тебя мы оказались бы в очень неловком положении.

Девушка принужденно улыбнулась и на секунду обняла пожилую женщину за плечи. Прициллия Барклай сохранила красоту, хотя ей было уже около шестидесяти.

– Я получила удовольствие. Мне очень понравился Спенсер Хилл. А сейчас он мне нравится еще больше, потому что сказал, что не женат.

– Элизабет! – Мать притворилась пораженной, хотя на самом деле это было не так и дочь прекрасно знала об этом. – Но он же слишком стар для тебя. Ему, наверное, уже почти тридцать.

– Совершенно верно, и мне, должно быть, будет очень приятно встретиться с ним в Нью-Йорке. Он собирается работать у Андерсона, Винсента и Соброка.

Ее мать кивнула и отправилась болтать с оставшимися дамами. Вскоре к ним присоединились мужчины. После этого вечер мало-помалу подошел к концу, Спенсер поблагодарил супругов Барклай за гостеприимство. Потом подошел к их дочери, чтобы попрощаться и с ней:

– Удачи вам.

– Спасибо. – Ее глаза потеплели, и в первый раз за вечер он подумал, что она ему нравится. Она симпатичнее жены Роберта и, несомненно, намного привлекательнее. – А вам удачи в работе. Уверена, вы станете известным адвокатом.

– Я вспомню ваши слова через месяц или два, когда начну тосковать по той легкой жизни, которая была у меня в Стэнфорде. Может быть, мы встретимся в Нью-Йорке.

Она нерешительно улыбнулась ему, но тут к ним подошла ее мать:

– Я попрошу вас присмотреть за Элизабет в Нью-Йорке.

Спенсер улыбнулся, подумав о том, что они вряд ли встретятся, но он старался быть вежливым. Он считал, что для первокурсницы он слишком стар, и потом... его мысли заня-

ты Кристел...

– Дайте мне знать, когда появитесь в Нью-Йорке.

– Обязательно. – Элизабет тепло улыбнулась Спенсеру, еще раз показавшись ему совсем молоденькой, и уже через минуту он ушел от них.

Вернувшись в отель «Фармонт», он продолжал думать о ней и о том интересном разговоре, который у них состоялся. Может быть, она права, сказал он себе. Может, ей действительно стоит поступить на юридический факультет. Если она просто выйдет замуж, то погрязнет в быту, играя в бридж и сплетничая с другими женщинами. В тот день ему приснилась вовсе не Элизабет. Когда он наконец уснул при свете зарождающегося утра... в его сон пришла девочка со светлыми платиновыми волосами и глазами цвета летнего неба... девочка, которая, казалось, вкладывает в песни все свое сердце... И в его сне она сидела на качелях, глядя прямо ему в глаза, а он никак не мог дотянуться и прикоснуться к ней. Он проспал всего несколько часов, а проснувшись, долго смотрел, как солнце медленно движется по небу. В это время за сто миль от него по полю, босоногая, брела Кристел, думая о нем и тихонько напевая. Она направлялась к реке.

5

На следующий день Спенсер заканчивал свои дела и готовился к отъезду: ему надо было навестить нескольких друзей, попрощаться и пожелать им всего хорошего. Ему вдруг стало мучительно жаль расставаться с ними. Он жалел о своем решении уехать в Нью-Йорк и дал себе слово, что обязательно вернется сюда. Для него это был грустный день, и он рано отправился спать. На следующее утро он улетал в Нью-Йорк. В тот день, когда Кристел исполнялось шестнадцать лет.

Его встречали родители, и он чувствовал себя ужасно глупо. Встреча была торжественной, даже Барбара приехала в аэропорт со своими двумя дочками. Они всей семьей ужинали в доме его родителей, и Барбаре пришлось уйти к себе, чтобы уложить девочек, иначе они уснули бы прямо за столом.

– Ну как, сынок? – выжидательно спросил отец после того, как гости ушли, а мать отправилась в спальню. – Как ты себя чувствуешь дома? – Он волновался, боясь услышать уклончивый ответ. Сын отсутствовал слишком долго, целых шесть лет – четыре года на войне и два – в Стэнфорде, и теперь отец с облегчением видел его дома, в Нью-Йорке, в родной семье. Отец считал, что настало время наконец-то осесть и начать думать о карьере, как это сделал бы Роберт, будь он жив.

– Я еще не знаю, – честно признался Спенсер, – кажется, ничего не изменилось с тех пор, как я последний раз был дома. Нью-Йорк не изменился. – Он не добавил вслух того, о чем подумал: «...зато изменился я...»

– Надеюсь, ты здесь будешь счастлив. – Но на самом деле Уильям Хилл не был уверен в этом.

– Спасибо, отец, я тоже на это надеюсь. – Но именно в этом Спенсер был уверен сейчас меньше всего. Часть его сердца рвалась обратно в Калифорнию. – Да, я встретился с судьей Барклаем перед отъездом. Он шлет тебе наилучшие пожелания.

Уильям Хилл кивнул, ему было приятно это услышать.

– Помяни мои слова, в один прекрасный день он окажется в Верховном суде. И я этому не удивлюсь. Его сыновья тоже очень приятные люди. Старший не сегодня-завтра получит должность в моем суде. Он весьма толковый адвокат.

– Я очень надеюсь, что когда-нибудь кто-нибудь скажет такое обо мне. – Спенсер уселся на тахту и с усталым вздохом провел рукой по волосам. Для него это был тяжелый день, тяжелая неделя... и долгая-долгая война... Вдруг он понял, что то, к чему в конце концов он пришел, его просто угнетает.

– Ты выбрал правильный путь, Спенсер. Не сомневайся в этом.

– Как ты можешь быть в этом уверен? – «Ведь я же не Роберт, отец... я – это я...» – но Спенсер никогда бы не сказал

этого вслух. – А что, если я просто возненавижу работу у Андерсона, Винсента и Соброка?

– Тогда ты сможешь работать в общественном юридическом отделе. С дипломом юриста ты сможешь делать все, что захочешь. Заниматься частной практикой, бизнесом, юриспруденцией... стать политиком... – Отец произнес последнее слово с надеждой, он действительно хотел, чтобы Спенсер в один прекрасный день сделался политиком. Так же, как это сделал когда-то его брат Роберт, который был их светлой надеждой и который так рано ушел от них. – А Барбара хорошо выглядит, правда?

– Да. – Спенсер спокойно кивнул, думая о том, насколько хорошо отец знает своего младшего сына и знает ли он его вообще. – Как у нее дела?

– Для нее это был тяжелый удар. Но я думаю, она потихоньку оправилась. – Сказав это, старик отвернулся, боясь, что сын увидит слезы у него на глазах. – Надеюсь, мы все скоро оправимся. – Потом он повернулся и улыбнулся Спенсеру: – Мы сняли дом на Лонг-Айленде. Мы с матерью решили, что тебе он понравится. И Барбара с детьми проведут там конец августа.

Спенсер подумал о том, каким все-таки странным стало для него возвращение в семью, он уже не был уверен, что это вообще его семья. Когда он уходил на войну, ему было двадцать два, и с тех пор изменилось очень многое. И он сам сильно изменился. И теперь, когда Роберта не стало, все хо-

тят, чтобы он его заменил, прожил не свою, а его жизнь.

– Это очень мило с вашей стороны, отец. Но теперь, когда я начну работать, я не уверен, что у меня будет много свободного времени.

– Но у тебя будут выходные.

Спенсер кивнул. Они ждали, что он снова станет для них ребенком, их младшим сыном. Однако большую часть жизни он оставил где-то по пути домой из Калифорнии.

– Посмотрим. На этой неделе мне нужно подыскать квартиру.

– Пока ты не встанешь на ноги, ты вполне можешь жить здесь.

– Спасибо, пап. – Он посмотрел на отца и впервые в жизни подумал о том, что его отец в принципе уже старик, старик, потерявший со смертью старшего сына почти все надежды. – Я очень люблю вас. – Потом спросил безразличным тоном: – А Барбара встречается с кем-нибудь? – В конце концов, прошло уже три года, а она довольно привлекательная женщина. Роберту она подходила идеально. Честолюбивая, спокойная, умная и хорошо воспитанная – именно такой должна быть жена будущего политика.

– Не знаю, – честно признался отец, – мы это не обсуждали. Ты можешь как-нибудь пригласить ее на обед. Ей, наверное, ужасно одиноко.

Спенсер кивнул. Он также был не против того, чтобы видеться с племянницами, но только не сейчас. Он вдруг по-

чувствовал тяжесть всех обязательств, которые на него свалились.

Когда он в этот вечер наконец добрался до постели, он был совершенно измотан. Весь груз этих «надо» начал давить на него с невероятной силой. И постепенно погружаясь в сон, он вдруг захотел расплакаться. Он чувствовал себя ребенком, который заблудился по пути домой. Но он знал, что ему надо искать квартиру и начинать новую, свою жизнь, и чем быстрее, тем лучше.

Конец лета пролетел незаметно. Кристел помогала на ранчо и иногда забегала к сестре, чтобы поиграть с малышом. Тома вечно не было дома, он или проверял вместе с Тэдом винные погреба, или был в городе с друзьями. А Джед проводил все свободное время со своей девушкой в Калистоге. Кристел казалось, что она вдруг осталась совсем одна, ей не с кем было даже поговорить. И она все чаще и чаще стала ездить к Хироко. Японка или тихо читала, или шила, а несколько раз Кристел заставляла ее за столом с листом бумаги и с ручкой. Подруга научила девушку писать некоторые иероглифы. Хироко была доброй женщиной с мягким характером, и ее мастерство и умение делать красивые вещи все больше поражало Кристел. Хироко научила ее делать маленьких птичек из бумаги и показала, как составлять букеты. В японке не было ничего показного, что так присуще западным женщинам, она была тихой, спокойной и уютной. И так же, как Кристел, страдала от одиночества. У нее так и не появились друзья среди родственников Бойда, более того, она теперь понимала, как они ее презирают, и уже не надеялась, что что-то может измениться. Она радовалась Кристел, скоро их связала настоящая дружба. И это в тот период, когда Хироко ждала ребенка и ей особенно хотелось иметь рядом подругу.

Когда начались занятия в школе, Кристел все так же продолжала навещать подругу, просиживая у них в домике целыми часами перед камином и делая уроки. Ей все меньше хотелось бывать дома. Мать все время проводила с Бекки, а бабушка вечно ругала ее. Единственный, кто всегда встречал ее добрым словом, – это отец, но он опять заболел. Както после Дня благодарения Кристел призналась Хироко, что очень волнуется за отца. Он выглядит бледным и уставшим, кашляет не переставая. Это пугало ее. Человек, который всю жизнь казался нестигаемым, угасал на глазах. У него снова открылось воспаление легких, и он целыми неделями не выходил из дома. Кристел хотелось удержать его. Она понимала, что если потеряет отца, то жизнь для нее кончится. Он ее единственный друг, ее союзник, яростный защитник, все остальные либо безразличны к ней, либо откровенно не выносят ее. А она просто не хотела жить так, как жила Бекки. Она не хотела целыми днями сидеть с ней на кухне, пить кофе и готовить еду; она не хотела сплетничать с другими женщинами и выходить замуж за такого человека, как Том, рожать от него детей. Том Паркер за эти два года ужасно растолстел, он непрерывно пил пиво и не делал этого только по выходным, когда напивался виски.

Кристел знала, что она не такая, как все. Она чувствовала себя чужой среди них и понимала, что отец тоже это знает. И Хироко. Она уже давно призналась своей доброй подруге-японке, что мечтает сниматься в кино. Но пока она не

могла уехать и бросить отца. Даже ради своей мечты. Но однажды... может быть, в один прекрасный день... Мечта о Голливуде не оставляла ее... Так же как и мечта о встрече со Спенсером. Но об этом она никогда не говорила ни Хироко, ни Бонду, хотя теперь она часто изливала им душу. Они были ее единственными друзьями. До Хироко у нее никогда не было подруги, и прошло много времени, прежде чем Кристел смогла действительно полюбить ее. Японка тоже привязалась всей душой к этой милой девушке.

Кристел часто сетовала, что вряд ли ей удастся уехать из долины, скорее всего ее мечты никогда не осуществятся. По своему она очень любила долину. Это была ее родина, здесь живет ее любимый отец. Она любила землю, деревья, гряды холмов, громоздящиеся за ними горы. Ей нравился даже запах этих мест, особенно весной, когда все такое свежее, новое, а дожди, омывая молодую зелень, заставляют ее сверкать.

Если она проживет здесь всю жизнь, это не будет для нее злым роком, даже если мечты о Голливуде никогда не осуществятся. Она только не хотела выходить замуж за такого парня, как Том Паркер. При одной мысли об этом она содрогалась.

– Он что, плохо обращается с твоей сестрой? – Иногда Хироко спрашивала ее о ком-то из соседей. Но для японки они все так и оставались чужими, даже сестра ее мужа, которая все-таки успела выйти замуж, прежде чем у нее родился

ребенок.

– Мне так кажется, особенно когда он пьяный. Она мне, конечно, ничего не говорит. Но несколько недель у нее был синяк под глазом. Она сказала, что упала с табуретки. Но мать наверняка знает правду. – Эти две женщины все так же избегали Кристел. Впрочем, ее избегали все женщины. Ее красота пугала всех, кто знал ее, кроме этой миниатюрной японки, которая сама была так не похожа на других. Они были подходящей парой: одна – высокая и стройная, другая – маленькая; у одной волосы блестящие и черные, а у другой – пушистые и длинные, цвета платины; одна такая свободная и необузданная в своих поступках, а другая – сама деликатность и сдержанность. Казалось, они пришли из разных миров, чтобы встретиться здесь и стать сестрами.

– Может быть, ты когда-нибудь прославишься в Голливуде, а мы с Бойдом приедем навестить тебя.

Они шли по дороге от дома Вебстеров, делясь друг с другом своими мечтами. Кристел рассмеялась. Хироко мечтала, что когда-нибудь у нее будет хороший дом и много детей. Кристел же хотела петь и уехать из этой долины, где ее никто не любил. Но между Кристел и Хироко было и нечто общее – обе они были изгнанницами.

Хироко необходимо было гулять, но она не любила выходить одна. Кристел всегда с радостью сопровождала ее. Они могли бродить и разговаривать часами. Хироко восхищалась каким-нибудь крошечным цветком, или необычным листом,

или яркой бабочкой, а потом, придя домой, рисовала увиденное. Они обе очень любили природу. И Кристел чувствовала себя с ней настолько свободно, что позволила себе слегка поддразнить подругу:

– Ты замечаешь все эти мелочи, потому что маленькая, гораздо ближе к земле, чем я, Хироко.

Японка рассмеялась, и они заговорили о том, как было бы здорово поехать вместе в город. Однако они хорошо знали, что им не следовало показываться вместе где бы то ни было. Это вызвало бы невообразимую бурю среди соседей. Бойд как-то пригласил Кристел поехать с ними в Сан-Франциско, но она побоялась исчезать так надолго, мать обязательно бы заметила, да и отцу она могла понадобиться в любой момент.

К Рождеству отец так ослаб, что не мог вставать с постели, и Кристел не приходила к Вебстерам в течение нескольких недель. И когда в конце января она наконец пришла, лицо у нее было отсутствующим. Тэд Уайтт умирал. Она сидела в маленькой кухоньке и безутешно рыдала, а старшая подруга обнимала ее за плечи. Кристел казалось, что ее сердце разорвется на части, – отец слабел с каждым днем. Все на ранчо целыми днями плакали. Бабушка Оливия, Бекки. А Джед вообще не появлялся, он не мог видеть, как отец умирает. Кристел просиживала около отца часами, заставляя его есть и шепотом разговаривая с ним. Иногда, когда он спал, она молча сидела, глядя на него, и слезы беззвучно катились у нее по щекам. Он хотел, чтобы Кристел была рядом с ним,

именно Кристел он звал в бреду; открывая глаза, он тут же принимался искать Кристел. Редко он видел около себя жену и почти никогда – Бекки. Они стали для него чужими, такими же чужими, какой была для них Кристел. И именно она все это время нежно ухаживала за отцом, даже помогала матери купать его. Но эта привязанность злила Оливию. Она считала существующую между ними любовь ненормальной, и если бы муж не был болен, то она не преминула бы сказать ему об этом. Вместо этого она вообще перестала разговаривать с Кристел, но дочь это нисколько не волновало. Она продолжала заботиться только об отце. В эти дни она даже совсем забыла о Спенсере.

Бекки снова забеременела, а Том иногда пытался следить за ранчо, хотя большую часть времени пьянствовал. Кристел клокотала в душе от ярости, она готова была разорвать его на части, когда он приезжал к ним в дом. Она еле сдерживалась, чтобы не сказать ему все, что она думает, но ради отца приходилось молчать. Она не хотела беспокоить его, надеясь, что все изменится, но к февралю стало ясно, что перемен к лучшему не будет.

Кристел сидела неподвижно день и ночь у его постели, держа его за руку, не отходила от него ни на шаг, она не видела его, только когда он был в ванной или когда она сама бегала на кухню, чтобы быстренько что-нибудь перекусить. Она ужасно боялась, что в ее отсутствие он умрет. Она не ходила в школу и вообще не выходила из дому, только

иногда выскакивала на крыльцо подышать свежим воздухом. Несколько раз вечером, перед тем как стемнеет, она бегала на реку. Один раз Том проследил за ней и видел, как она сидела с отсутствующим видом, погруженная в свои мысли, думая об отце, о Спенсере. Она ничего о нем не слышала с тех пор, как он приезжал на крестины маленького Вилли. Но она и не надеялась услышать. Бойд получил от него письмо на Рождество, в котором он писал, что доволен своей жизнью в Нью-Йорке и ему нравится работа. Он пообещал дать им знать, если соберется приехать в Калифорнию. Но сейчас он слишком далеко, чтобы помочь ей. Теперь ей никто не мог помочь, кроме Господа. И она постоянно молилась, прося Его о том, чтобы Он оставил ей отца. Но в глубине души она знала, что этого не произойдет.

В ту ночь она как всегда сидела около старика, глядя, как он дремлет. После полуночи он вдруг открыл глаза и огляделся. Сознание вернулось к нему, и он улыбнулся Кристел. Мать спала на кушетке в гостиной, а Кристел вот уже много ночей подряд дремала на стуле возле его кровати. Сейчас она тут же проснулась, как только он пошевелился, и поднесла к его губам чашку с водой.

– Спасибо, малышка. – Он заговорил, и его голос звучал немного тверже, чем раньше. – А теперь тебе надо идти спать.

– Я не устала, – проговорила она сквозь дремоту, хотя ей действительно очень хотелось спать. Но если она уйдет, он может умереть, а пока она сидит здесь, может быть, он будет жить... может быть, пока она здесь... – Хочешь немного супа? Сегодня вечером бабушка сварила суп из индюшки, очень вкусный.

Ее белокурые волосы рассыпались по плечам, как белое покрывало, и он смотрел на нее с любовью. Он бы хотел жить вечно только ради того, чтобы защищать ее. Он знал, как все вокруг не любят ее, даже ее собственная мать. А все из-за ее красоты. Даже все мальчишки в долине боятся ее – она им кажется слишком красивой, чтобы быть настоящей, и все-таки она слишком, слишком реальна. Он очень хорошо ее

знал и гордился своей дочерью. Она настолько же смелая, естественная и умная, насколько красивая. Уже несколько месяцев он подозревал, что она ходит в гости к Хироко, и, хотя ему не очень нравилось, что они дружат, он не пытался отговорить ее. Ему хотелось спросить ее, что она находит в этой дружбе, но в конце концов решил не делать этого. Она имела право на свою собственную жизнь и на свои тайны. У нее так мало удовольствий. Он отказался от супа и лежал, откинувшись на подушки и просто глядя на дочь. Умиравший отец молился о том, чтобы жизнь была добра к ней и чтобы когда-нибудь она встретила хорошего человека и была с ним счастлива.

– Никогда не покидай этих мест навсегда... – Он произнес эти слова почти шепотом, и она сначала не поняла его.

– Что, папочка? – Ее голос был таким же тихим, как и его, но пальцы, сплетенные с пальцами старика, были намного сильнее.

– Ранчо... долину... Ты родилась здесь, и конечно, я хочу, чтобы ты увидела мир... но это... – казалось, что ему тяжело дышать, – но это ранчо... знай, оно всегда принадлежит тебе... и всегда будет принадлежать.

– Я знаю об этом, папочка. – Она не хотела говорить об этом. Похоже, он прощается с ней, а она не могла этого ему позволить. – А теперь постарайся уснуть.

Но он покачал головой. На это у него уже не оставалось времени. Скоро он уснет навечно, а сейчас ему нужно пого-

ворить в последний раз со своей младшей дочерью, со своей любимицей, со своей малышкой.

– Том не знает, как управляться с ранчо. – Она и сама это уже давно поняла, но не стала говорить об этом отцу, а только кивнула. – И в один прекрасный день Джед захочет заниматься чем-нибудь другим, он не любит землю... так, как любим ее мы... ты и я... Когда ты согласишься мир и когда не станет твоей матери, Кристел, я хочу, чтобы ты вернулась сюда... Найди хорошего человека, который не станет обижать тебя, мою маленькую девочку... – Он улыбнулся ей, и ее глаза наполнились слезами, в то время как пальцы сжимали его руку. – И живите с ним здесь счастливо...

– Не говори так, папочка... – Она едва могла говорить сквозь душившие ее слезы и, прижавшись щекой к его щеке, поцеловала его в лоб. Он был холодный и влажный. Она поднялась и посмотрела на него. – Ты единственный человек, с кем я хочу быть рядом. – Но на какой-то безумный миг она вдруг захотела сказать ему о Спенсере, о том, что она встретила человека, который ей понравился... очень понравился... так что она даже влюбилась в него... Но он был для нее только мечтой, подобной тем, которые висели на стене в ее комнате. Спенсер Хилл никогда не станет реальностью в жизни Кристел Уайтт. – Тебе действительно необходимо поспать, папочка. – Ей оставалось сказать ему только одно, прежде чем он, совершенно измученный, перестанет дышать. – Я люблю тебя, папочка, – прошептала она, когда

его глаза уже почти закрылись, но он вдруг снова открыл их и, глядя на нее, улыбнулся.

– Я тоже люблю тебя, малышка. Ты всегда была моей малышкой... моей любимой, самой любимой Кристел... – С этими словами его глаза закрылись, и лицо сделалось спокойным, он уснул, а она все держала его руку в своей и смотрела на него. Потом, не выпуская его руки, откинулась на спинку стула и тоже заснула, совершенно измученная долгими ночами, проведенными у его постели. Проснувшись, она увидела, что небо уже светлеет, в комнате холодно и ее отец умер, не выпуская ее руки из своей. Его последние слова, его последние мысли и его прощание были для Кристел. Она аккуратно освободилась от его руки, полными слез глазами в последний раз посмотрела на него, вышла из комнаты и закрыла дверь. Не говоря никому ни слова, она со всех ног выбежала из дома и бросилась к реке. Она плакала навзрыд, ее тело сотрясало от рыданий, пока она стояла на берегу. Вернувшись домой, она увидела, что мать громко рыдает на кухне, а бабушка молча готовит кофе. Они уже видели его.

– Твой отец умер, – произнесла Минерва почти грубо, когда Кристел вошла в кухню с заплаканным лицом. Эти слова прозвучали как обвинение, а не как сожаление, как будто Кристел могла что-то сделать, чтобы помешать этому. Она кивнула, боясь показать им, что она знала об этом еще до того, как ушла из дома. Она вспомнила его слова, которые он сказал ей ночью: «Я хочу, чтобы ты когда-нибудь верну-

лась сюда...»

Он знал, как сильно она любит ранчо, она сама – часть этого уголка земли и останется здесь навсегда. И ее отец всегда будет для нее жить здесь, в этом доме, но еще реальнее он будет с ней среди этих холмов, скачущий на лошади или сидящий за рулем своего трактора, ползущего по виноградникам.

Джеда послали в город, чтобы он привез похоронного агента. Друзья и соседи Тэда приходили все утро, чтобы выказать соболезнования, жена и теща покойного стояли возле него, пожимали всем руки и плакали. Оливия сквозь слезы ласково смотрела на Тома, в то время как Кристел из всех сил старалась не показать своей ненависти к нему. Мысль о том, что он теперь владелец ранчо, заставляла ее содрогаться от отвращения. Но сейчас она об этом не думала. Она думала только об одном человеке, которого она так любила. О своем отце. Теперь его не стало, и она чувствовала себя брошенной, одинокой и напуганной среди чужих людей.

Похороны состоялись на следующий день. Его похоронили прямо на берегу реки. Это место Кристел хорошо знала. Она часто приходила сюда, чтобы посидеть и подумать, и ей стало немного легче от мысли, что отец будет здесь, рядом с ней, всегда сможет наблюдать за ней. Она знала, что он навсегда остался с ней. И в тот же день после обеда она решила ненадолго отлучиться и проведать Хироко. Ребенок должен был родиться через несколько недель, и японка медлен-

но поднялась ей навстречу, когда Кристел бесшумно вошла к ним в гостиную. Ее глаза были полны сожаления: Бойд уже сказал, что Тэд Уайтт умер. Ей очень хотелось тут же пойти к подруге, но она знала, что не может этого сделать. Ее бы просто не пустили к ней. Но теперь она сама здесь, похожая на растерянного ребенка, и тут же начала всхлипывать, обняв Хироко. Кристел плакала, и сердце у нее ныло. Она знала, что теперь, без отца, жизнь круто изменилась. Он оставил ее одну среди людей, которые не любили ее никогда.

Кристел пробыла в доме Вебстеров несколько часов, и когда вернулась домой, было уже темно. Ее ждала мать. Она с каменным лицом сидела на кушетке гостиной и зло уставилась на дочь, когда та вошла, печальная и уставшая.

– Где ты была?

– Я не могла оставаться здесь. – Это было правдой. Она не могла выносить той угнетающей атмосферы и присутствия тех людей, которые все приходили и приходили, час за часом, неся подарки и продукты, чтобы поддержать их в горе. Но никакие подарки и продукты не могли заменить ей отца.

– Я спросила тебя, где именно ты была.

– На улице, мама. Это не имеет значения где. – Она ездила к Вебстерам верхом, так как жили они довольно далеко, а Кристел очень устала, чтобы идти пешком.

– Ты спишь с каким-нибудь мальчишкой, так?

Кристел в изумлении уставилась на мать. Она не выходила никуда последние несколько недель и вообще не покидала

комнату отца.

– Конечно, нет. Как ты можешь такое говорить? – Ее глаза наполнились слезами от обиды за эти жестокие слова.

– Я знаю, ты чем-то занимаешься, Кристел Уайтт. Я прекрасно знаю, в каком часу ты должна возвращаться из школы. А ты целыми днями шляешься где-то до темноты. Думаешь, я совсем дура? – Оливию душила ярость, по ее виду нельзя было сказать, что она только что похоронила мужа. Из скорбящей вдовы она в один момент превратилась в ведьму.

– Мама, не надо... пожалуйста. – Только утром они похоронили отца, и тут же вся ненависть и незаслуженные обвинения вышли наружу.

– Ты закончишь так же, как Джинни Вебстер. Ей еще повезло, что она успела выйти замуж, когда была на седьмом месяце.

– Но это же неправда. – Кристел едва могла говорить, слезы душили ее, она думала об отце, которого потеряла, и не могла поверить, что собственная мать может так жестоко обвинять ее. Конечно, она замечала отсутствие Кристел, когда та ходила к Бойду с Хироко.

– Твоего отца уже нет, это он вечно позволял тебе беззастенчиво лгать. И не думай, что тебе удастся так же дурачить меня. Если будешь злить меня, Кристел Уайтт, то живо уберешься отсюда. Я не позволю, чтобы ты носилась как бешеная! Это приличный дом, нечего забывать об этом!

Кристел невидящими глазами смотрела, как мать вошла в

комнату, в которой умер ее отец. Отца нет, и никто на свете не заступится за нее. Она стояла посреди гостиной и вслушивалась в тишину, царящую в доме. И как никогда она жалела в эту минуту, что потеряла отца. Потом она медленно вошла в свою комнату и легла на кровать, которую когда-то делила со своей сестрой. Она продолжала думать о том, почему же они ненавидят ее так сильно. Ей никогда бы не пришло в голову, что, может быть, это оттого, что отец ее так любил. Но не только из-за этого, а еще и оттого, как она выглядела... как двигалась... и как она на них смотрела. Лежа на кровати, она понимала, что теперь ее жизнь никогда не будет уже такой, как раньше. Отец оставил ее одну. И в тишине комнаты она начала плакать, ей было страшно.

Ребенок у Хироко родился позже назначенного срока. Она родила его не в марте, а только третьего апреля. Кристел пришла в тот день провести ее. Хироко выглядела усталой и больной, но в отличие от Бекки никогда не жаловалась и оставалась дружелюбной и ласковой, всегда приветливо встречала подругу. Прошло уже шесть недель со смерти отца Кристел, и она теперь приходила к Хироко почти каждый день. На ранчо ей было неуютно и одиноко, мать срывалась по всяким пустякам. Кристел думала, что мать очень переживает смерть Тэда и не знает, как выразить свою боль. Она поделилась своими мыслями с Хироко, и та согласилась, что это возможно, но Бойд по секрету сказал жене, что Оливия никогда не любила свою младшую дочь, даже когда та была еще маленькой. Он не раз замечал, что она могла отлупить Кристел из-за какого-нибудь пустяка, в то время как всегда открыто баловала Ребекку. Видимо, ей не нравилось, что Тэд души не чаял в Кристел, и об этом знали все, даже дети их друзей. Это был как бы всеобщий секрет в долине.

Хироко с Кристел спокойно провели послеобеденное время, и девушка вернулась домой в сумерках. Матери не было на ранчо – она с Бекки уехала в город, – и Кристел помогала бабушке накрывать на стол. С тех пор как умер отец, Кристел сильно похудела, ей никогда не хотелось есть. Так было

и в тот вечер. Она почти не притронулась к еде и рано ушла спать. Проснувшись на рассвете, она оседлала лошадь и решила прогуляться по окрестностям, а заодно навестить Вебстеров. Была суббота, и девушке не надо было идти в школу, кроме того, она знала, что ее друзья – тоже ранние пташки. Когда она добралась до их дома, Бойд встретил ее на пороге. Он выглядел уставшим и очень встревоженным. Роды у Хироко начались еще ночью, но ребенок никак не появлялся. Он позвонил местному врачу, но тот отказался прийти, заявив, что миссис Вебстер не его пациентка. Это был тот самый доктор, который отказался осматривать ее восемь месяцев назад, и с тех пор он не изменил своего решения. Бойд понял, что ему придется самому принимать у жены роды. У него не было никакой возможности отвезти ее в Сан-Франциско. Доктор Йошикава в свое время дал ему на всякий случай книгу, но, к сожалению, с родами было не все в порядке. У Хироко начались сильные схватки, он видел головку ребенка, но, как она ни тужилась, ребенок не выходил. Он быстро объяснил все это Кристе, и она услышала, как японка стонет в доме.

– А как насчет доктора Чандлера?

Чандлер не практиковал уже много лет и был почти слепой, но все-таки это был хоть какой-то специалист. В Кали-стоге жила повитуха, но она тоже давно отказалась иметь дело с Хироко.

– Он уехал в Техас навестить дочь. Я пытался дозвониться

до него со станции этой ночью. – Бойд уже серьезно подумывал о том, чтобы отвезти жену в Сан-Франциско, но боялся, что она может потерять ребенка.

– Можно я взгляну на нее? – Кристел не раз видела, как рожают животные, но никогда не видела рожавшей женщины. И, следуя за Бойдом в гостиную, она почувствовала, как у нее по спине от страха бегают мурашки.

Хироко корчилась на кровати, страдая от невыносимой боли, ей казалось, что ребенок набухает у нее внутри. Она беспомощно посмотрела на Кристел и опять зарылась в подушки.

– Ребенок не выходит... – Следующая волна боли подбросила ее, в то время как Кристел молча смотрела, а Бойд подошел и взял жену за руку. Кристел охватило чувство невыносимой жалости. Она испугалась, что ребенок может умереть или, что еще хуже, может умереть Хироко.

Не говоря ни слова, Кристел вымыла руки и вернулась с несколькими чистыми полотенцами. Постель вся была пропитана кровью, а длинные черные волосы Хироко прилипли к лицу. Кристел заговорила с твердостью, которой сама от себя не ожидала:

– Хироко, давай мы поможем тебе...

Она взглянула в глаза подруги, умоляя ее, чтобы она осталась жива, и молясь про себя, чтобы ребенок тоже остался жив. Она вспомнила, как они с отцом принимали роды у лошадей, и, закусив губу, молила Господа, чтобы этих знаний

ей хватило. Но все равно им больше не на кого надеяться. Ни один человек в городе не придет сюда.

По щекам Хироко градом катились слезы, но она не издала ни звука, пока Кристел осматривала ее и разглядывала головку ребенка. На ней были темно-рыжие волосики, как бы смешанный цвет волос Бойда и Хироко.

– Ребенок не выходит... – Она всхлипывала от боли, а Бойд посоветовал ей попробовать еще раз. И когда она все это сделала, Кристел вдруг увидела, что головка ребенка продвинулась еще на один дюйм.

– Давай, Хироко, продолжай... теперь он двигается... поднатужься еще раз...

Но Хироко была слишком слаба, боль совершенно измотала ее, и тут Кристел поняла, в чем дело. Ребенок двигался лицом вверх, а должен был – вниз. Необходимо перевернуть его. Она не раз это делала, когда принимала роды у лошадей, но сейчас ее привела в ужас мысль, что ей придется это делать с подругой.

Она посмотрела на Бойда и объяснила ему. Она знала, что если они не перевернут ребенка, то он скорее всего умрет или умрет Хироко. Кристел поняла, что действовать надо немедленно.

Еще одна схватка скрючила тело Хироко, но на этот раз Кристел не стала просить ее тужиться. Вместо этого она аккуратно засунула руки в ее лоно и, нащупав ребенка, затаив дыхание осторожно перевернула его. Хироко вскрикнула,

но Бойд крепко держал ее. Последовала еще одна схватка, и Хироко напряглась, как бы пытаясь освободиться от рук Кристел. И как только девушка убрала руки, головка начала медленно продвигаться. Хироко напряглась изо всех сил, как только могла. Боль была невыносимой, но малыш начал двигаться, и Кристел радостно вскрикнула – показалась вся головка, и, хотя тело было еще в лоне матери, ребенок уже заплакал. Слезы катились по щекам Кристел, когда она помогала Хироко освободиться от ребенка.

В комнате на секунду воцарилась тишина, а затем Хироко снова почувствовала схватки, но теперь она уже плакала и смеялась от радости, слыша, как кричит ее малыш. И вдруг ребенок вылетел из нее. Это была девочка. Все трое смотрели на нее в немом изумлении. Следом за ней появилась плацента, и Бойд избавился от нее, как было написано в книге. Но вообще-то книга им не пригодилась. Ребенка, без всякого сомнения, спасла Кристел, и теперь она смотрела на девочку с благоговением. Она очень походила на мать, и Хироко со слезами на глазах прижала ее к себе.

– Спасибо... спасибо... – Она была слишком слаба для того, чтобы сказать что-то еще, ее глаза закрылись, она заснула, но во сне продолжала прижимать к себе малышку, а Бойд смотрел на них и плакал.

– Ты спасла ее... ты спасла их обеих... – На глазах у него были слезы радости и облегчения.

Кристел медленно вышла из комнаты. Солнце поднялось

уже высоко в небе, и она поняла, как долго продолжались роды. Прошло несколько часов, в течение которых она старалась спасти подругу и ее малышку.

Через некоторое время вышел Бойд и приблизился к ней. Девушка сидела на траве и думала о том, как все-таки замечательно устроен мир и малышка такая красивая! Цвет кожи у нее был такой же, как у Хироко, и такой же, как у нее, восточный разрез глаз, но в ее облике было что-то и от Бойда. Улыбнувшись про себя, Кристел подумала, появятся ли у нее когда-нибудь веснушки. Новоиспеченный отец выглядел повзрослевшим. Он, переминаясь с ноги на ногу, стоял рядом с Кристел и подбирал слова, которыми мог бы отблагодарить ее.

– Как она? – Кристел все еще волновалась и настаивала, чтобы они позвонили доктору. Ведь может возникнуть опасность инфекции.

– Они обе спят, – улыбнулся он, усаживаясь рядом с ней. – И обе такие красивые.

Кристел улыбнулась в ответ. Они оба повзрослели этим утром. Для них обоих жизнь стала другой, и это чудо рождения ребенка, которое они пережили, будет для них незабываемым в жизни.

– Как вы хотите ее назвать?

– Джейн Кейко Вебстер. Я хотел бы назвать ее просто Кейко, но Хироко хочет, чтобы у нее было американское имя. Может быть, она и права. – Сказав это, он вдруг погрузился

и оглядел долину, в которой они оба выросли. – Кейко, так звали ее сестру, которая погибла в Хиросиме.

Кристал кивнула, Широко рассказывала ей об этом.

– Она красивая хорошенькая малышка, не обижай ее, Бойд. – Посмотрев на него, она вдруг поняла, что ей незачем было говорить это. Ему двадцать четыре года, и они знали друг друга с самого детства. Когда-то Бекки отказала ему, но сейчас это забылось. А Кристал всегда жалела об этом. Он был добрым, мягким человеком, совсем не таким, как Том Паркер. Разговаривая с ним, она мечтательно смотрела на холмы, это был чудесный весенний день, солнце всюду светило на небе. – Мой отец всегда был очень добр со мной. Он был самым лучшим человеком, которого я когда-либо знала. – Ее глаза наполнились слезами, и, повернувшись к Бойду, она вытерла их уголком рубашки.

– Ты, наверное, очень скучаешь без него.

– Да, конечно. И... не только это, сейчас все стало по-другому. Мы с мамой никогда не были близки. Она всегда больше любила Бекки. – Кристал сказала это прямо и с легким вздохом улеглась на теплую траву. Вдруг вспомнив о хорошем, снова улыбнулась. – Мне кажется, она всегда думала, что отец балует меня. Наверное, так оно и было. Но я никогда не обращала на это внимания. – Она тихонько рассмеялась и на мгновение сделалась совсем юной.

– Мне пора вернуться к ним. Может, нужно заставить ее поесть, как ты думаешь? – Бойд не знал, что ему делать, и

Кристал улыбнулась.

– Когда она проголодается. Мама говорила, что Бекки после родов ела как лошадь, но она родила Вилли гораздо легче. Скажи ей, чтобы она относилась к этому проще. – Она тоже поднялась. – Я постараюсь прийти и навестить вас сегодня или завтра, если меня отпустят. – Мать всегда находила для нее работу. А сейчас, когда Бекки ждала ребенка, она постоянно просила, чтобы Кристал убиралась дома у сестры или помогала со стиркой. Она иногда чувствовала себя рабыней, вылизывая гостиную Бекки, в то время как та с матерью пила на кухне кофе.

– Береги себя, Кристал. – Бойд стоял, растерянно глядя, как она отвязывает лошадь. И потом, застенчиво покраснев, подошел и поцеловал ее в щеку. – Спасибо тебе, Кристал, – его голос был хриплым от переполнявших его чувств, – я этого никогда не забуду.

– Я тоже. – Она посмотрела ему прямо в глаза, они были почти одного роста, в руках у нее были поводья. – Поцелуй от меня Джейн. – Потом она легко вскочила в седло и еще раз посмотрела на него. В этот момент она вдруг вспомнила о Спенсере. Они с Бойдом стали намного ближе друг к другу после родов, и ей даже захотелось рассказать ему все. Но рассказать о чем? Что она влюблена в человека, который наверняка уже давно забыл о ней? В конце концов, они видели друг друга только два раза в жизни. Но все-таки она ехала домой, улыбаясь про себя, думая о малышке, спящей на

руках Хироко, и о Спенсере. Это было все, что у нее оставалось: мечты о нем и память об отце, да еще фотографии кинозвезд, висящие в ее комнате.

8

– Где ты была целый день? Я искала тебя повсюду. – Мать ждала ее на кухне. И вдруг на какой-то безумный миг Кристел захотелось рассказать матери о том, что произошло. Это было так здорово и необычно и очень, очень страшно для нее. Для девочки, которой еще не было и семнадцати. Она вдруг поняла, что такое быть женщиной.

– Я ездила верхом. Я ведь не знала, что понадобится тебе.

– Твоя сестра плохо себя чувствует. Я хочу, чтобы ты пошла и помогла ей. – Кристел кивнула. Бекки никогда не чувствовала себя хорошо, во всяком случае, Кристел об этом не слышала. – Она хочет, чтобы ты посидела с Вилли. – Все та же старая история.

В раковине Оливия оставила грязную посуду. Кристел помыла ее и пошла через поле к коттеджу. Том слушал радио, комната вся пропахла запахом пива. Маленький Вилли ползал по полу в распашонке и ползунках. В комнате царил страшный беспорядок, а Бекки лежала в спальне на кровати и курила сигарету. Кристел спросила, будет ли она завтракать, и сестра кивнула, даже не взглянув на нее. Кристел пошла назад в кухню, чтобы приготовить ей сэндвич.

– Сделай мне один, хорошо, малыш? – попросил ее Том пьяным голосом. – И дай мне еще одну бутылку пива из холодильника, ладно?

Кристал прошла в гостиную, отдала Тому пиво и взяла на руки Вилли. Малыш занимался тем, что лил в пепельницу молоко из своей бутылочки с соской. Он радостно загугукал, когда Кристал взяла его. От него отвратительно пахло, и Кристал поняла, что никто не подумал поменять ему ползунки с самого утра.

– Где это ты пропадала? Я слышал, как мама искала тебя повсюду. – На Томе была нижняя рубашка, под мышками проступали пятна пота, он весь напрягся, наблюдая за Кристал. Его жена стала толстой и вечно жаловалась. Эти женщины были настолько разными, что никто бы не подумал, что они сестры.

– Ходила к друзьям, – кратко ответила Кристал, держа на руках ребенка.

– Завела себе дружка?

– Нет, – фыркнула она, направляясь обратно в кухню. Ее ноги казались еще длиннее из-за джинсов. Он залюбовался ее фигурой, пока она делала ему сэндвич.

Только к обеду Кристал смогла попасть домой. Она успела убраться, приготовить завтрак, искупать малыша Вилли. У нее сердце разрывалось на части, когда она видела, как они с ним обращаются. А теперь у них будет еще один ребенок, который тоже будет расти без присмотра, как дикая трава, крича по полдня от голода, пока Бекки соизволит приготовить малышу обед. Том куда-то ушел, прежде чем она закончила, и Кристал вздохнула с облегчением. Ей совсем не нравился

взгляд, которым он смотрел на нее, и все его вопросы насчет дружков. У нее нет никаких дружков. Никого, кроме Спенсера, да и то в мечтах. Остальные слишком боялись Кристел, и ее это вполне устраивало. Ни с одним из этих парней она не согласилась бы даже поговорить. Они все слишком зависимы от этой долины. Они даже представить себе не могут, что вокруг существует огромный мир, и никто из них никогда не пытался открыть его для себя. В отличие от Кристел, мечты которой всегда были устремлены далеко за пределы Александровской долины.

Бекки и не подумала поблагодарить сестру. Дома, на ранчо, мать заставила ее фаршировать помидоры к обеду. Кристел сделала все, что ей велели, но устала смертельно и, отказавшись от обеда, сразу же пошла в постель. Она немного подумала о Хироко и пообещала себе, что обязательно завтра выберется навестить их после церкви. Надо только придумать, как улизнуть от матери и сестры. А то они постоянно находят для нее кучу работы. При отце все было совершенно иначе. Когда она в течение двух летних месяцев помогала отцу на ранчо, ведь кто-то готовил еду, убирал комнаты и на кого-то они ведь кричали и без нее. Она замечала, с какой ненавистью смотрит на нее мать. Оливия презирала ее, но почему – девушка не могла понять, ведь она ничего плохого не делала, она просто очень любила отца.

В июне закончились занятия в школе, осталось отучиться всего один год. А что потом? Жизнь останется прежней.

Кристал будет продолжать делать для них всю эту работу на ранчо и смотреть, как Том разрушает все, что с таким трудом строили ее отец и дед, приводит в упадок ранчо, которое ее отец так любил. В конце этого года он собирался вырубить виноградники, так как не успел вовремя засадить их, и он уже продал большую часть скота, мотивируя это тем, что с ним слишком много возни. Он положил деньги в банк на свое имя, и это заметно пошатнуло доход ранчо.

Второй малыш Бекки родился сразу после того, как Кристал перестала ходить в школу. На этот раз родилась девочка, точная копия своего отца. Но Кристал привязалась к дочурке Бойда и Хироко, и она по-настоящему радовала ее сердце. Супруги крестили ее в Сан-Франциско и попросили Кристал быть ее крестной. После этого ей пришлось очень долго объяснять матери, где она отсутствовала целый день, но на этот раз Кристал согласилась поехать с ними, ее заранее притягивало то, что она там увидит. Она вернулась в долину довольная и полная новых впечатлений.

В этот год стояло замечательное лето. Кристал исполнилось семнадцать, она проводила целые дни у Бойда и Хироко, забавляясь с их дочуркой. Малышка Джейн очень походила на Хироко, и в то же время в ней все больше черт появлялось от Бойда: выражение глаз, улыбка и, конечно, темно-рыжие волосы, как бы смесь из цвета волос Бойда и Хироко. Кристал целыми часами могла лениво валяться на траве под деревом в их садике, забавляясь с девочкой, чувствуя

тепло, исходящее от весело смеющейся малышки. Эти визиты к ним стали для нее самым счастливым времяпрепровождением. Домой она возвращалась только к вечеру, когда нужно было помочь матери и бабушке готовить обед. Как и Том, мать время от времени подозревала ее в том, что она завела себе дружка, и постоянно твердила ей, что она должна помогать Бекки с ее детьми. Но Кристел было не до них. Впрочем, как и Бекки. Все в долине говорили о том, что Том опять завел шашни с Джинни Вебстер. И Кристел верила в это. Она как-то спросила об этом у Бойда. Он пожал плечами и сказал, что не верит в сплетни, но при этом покраснел так, что его лицо сделалось такого же цвета, как и его волосы. Значит, это правда, и Кристел задумалась, а мог бы Том позволить себе такое, будь жив Тэд Уайтт? Но теперь это не имело значения. Тэд умер, и Том Паркер мог делать все, что ему заблагорассудится.

Том и Бекки крестили девочку в конце лета, незадолго до того, как начались занятия в школе. Но на этот раз мать не устраивала большого застолья, и Спенсер не приехал. Они пригласили на обед лишь несколько друзей, Том напился и рано ушел домой, в то время как Бекки сидела на кухне с матерью и плакала. Кристел медленно спустилась к реке и села возле того места, где был похоронен отец. Ей с трудом верилось, что еще год назад он был жив, а она сидела на качелях, разговаривая со Спенсером. Кристел понимала, что была тогда еще ребенком, чего нельзя было сказать о ней те-

перь. Прошедший год оказался очень тяжелым, слишком велика была утрата и слишком глубока была скорбь. Ей всего семнадцать, но можно с уверенностью сказать, что Кристел Уайтт стала взрослой женщиной.

Приглашение пришло в офис, и Спенсер улыбнулся, увидев его. Отец оказался прав. Он уже прочел об этом в газетах неделю назад. Гаррисон Барклай назначен в Верховный суд, и Спенсер Хилл приглашен на банкет в честь его назначения.

Для Спенсера год выдался удачным, наполненным тяжелой работой, общением с людьми, которые ему нравились. Андерсон, Винсент и Соброк оказались слегка старомодными, но ему это импонировало. И дела у него шли отлично. Он стал уже ассистентом одного из партнеров. Отец тоже был им доволен. Поначалу у них с отцом возникли некоторые разногласия, в основном из-за Барбары. В то лето, когда он приехал домой, его родители сняли дом на Лонг-Айленде, и Барбара со своими дочерьми провела в нем большую часть августа. Алиса и Вильям Хилл решили, что Спенсер тоже должен поехать туда. В конце концов он понял, что этого ему не избежать. Он провел там два уик-энда. Барбара тоже жила там. Сердца его родителей наполнились надеждой. Мать постоянно говорила, как она его ждала, отец добавлял, что она, без сомнения, любит его. В результате Спенсер взорвался. Она ждала вовсе не его, а Роберта, и вовсе не его вина, что брат убит на войне в Тихом океане. Она милая женщина, и ему очень нравились племянницы, но она вдова Роберта.

Спенсеру достаточно, что он стал адвокатом. Он не обязан ни родителям, ни своему старшему брату настолько, чтобы еще и жениться на его вдове.

Барбара покинула дом вся в слезах, а потом последовала отвратительная сцена с родителями. Вскоре после этого он тоже уехал из Лонг-Айленда. Он не виделся с родителями до тех пор, пока окончательно не встал на ноги. Между тем Барбара с девочками вернулись в Бостон, и вскоре он услышал, что она встречается с сыном одного очень влиятельного политика. Для нее это была прекрасная партия, и он очень надеялся, что она наконец успокоится.

Спенсер не хотел упустить свой шанс, он решил жить исключительно для себя. Ему нравилось в Нью-Йорке, хотя он все еще скучал по Калифорнии. И не один раз он ловил себя на том, что думает о Кристел. Но теперь эти мысли редко посещали его. Она была слишком далеко и казалась чем-то нереальным – прекрасным видением, диким цветком, увидев который можно остановиться и восхищаться им, а потом отправиться дальше, зная, что не увидишь его больше никогда, так же как никогда не сможешь забыть. Он получил письмо от Бойда, где тот написал, что у них родилась дочь. В нем ничего не говорилось о Кристел. Пришла также открытка с сообщением, что у Тома и Бекки родился второй ребенок. Но теперь это все казалось далеко в прошлом. Это была часть войны, часть совершенно другой жизни. Он замотался со своей работой в конторе Андерсона, Винсента и Соброр-

ка. Теперь он стал хорошо разбираться в законах о государственных налогах. Правда, его больше интересовал преступный мир, но ни у одного из его клиентов с этим не было ничего общего. Он занимался отсуживанием имущества и составлением завещаний, и это была интересная работа, о которой он мог всегда поговорить с отцом.

В тот день, ужиная с родителями, Спенсер узнал, что они тоже получили приглашение, но отец сказал, что слишком занят и не может присутствовать на банкете.

– А ты собираешься поехать?

– Не знаю как и быть, отец. Ведь я с ним едва знаком. – Он улыбнулся отцу. Судья только что начал слушать дело о нашумевшем преступлении, и Спенсеру не терпелось узнать от него подробности, о которых не писали в газетах.

– Ты должен поехать. Очень мило с его стороны, что он продолжает поддерживать с тобой отношения.

– Я постараюсь, но не знаю, смогу ли в это время оставить офис. – Спенсер улыбнулся, он выглядел моложе своих двадцати девяти. Каждый уик-энд он ездил загорать на побережье и много играл в теннис. – Мне кажется, я буду чувствовать себя глупо, если поеду туда. Ведь он действительно меня почти не знает. И вряд ли у него будет время, чтобы поехать в Вашингтон.

– Ты должен найти время. Я уверен, что фирма будет только рада, если ты попадешь туда.

Все относятся к нему с пониманием и уважением. Это

иногда даже раздражает. Такая жизнь очень похожа на ту, которой от него всегда ждали, часть реального мира, но он иногда не уверен, что это ему нравится.

– Я посмотрю.

Но к его большому удивлению, владелец компании, в которой работал Спенсер, повторил слова отца несколько дней спустя. Он пригласил Спенсера в «Ривер клуб» и там за выпивкой сказал ему, что он должен поехать к Гаррисону Барклаю.

– Это большая честь, что вы приглашены.

– Но я его едва знаю, сэр. – Точно так же Спенсер сказал и отцу, но его начальник покачал головой:

– Это не важно. Когда-нибудь он может быть вам очень полезен. Во всяком случае, я бы настоятельно рекомендовал вам сделать это.

Спенсер кивнул, принимая его совет, но все же чувствовал, что поступает глупо, согласившись на приглашение. Фирма даже забронировала для него номер в «Шоехаме», и за день до представления Спенсер поездом выехал в Вашингтон. Комната, которую для него заказали, оказалась большой и прохладной. Он улыбнулся про себя, опустившись в удобное кожаное кресло, и заказал виски. Что ни говори, это приятный образ жизни. А встретиться с Баркляями даже интересно. Он надеялся, что там будет Элизабет. Спенсер ничего не знал о ней, после того как она уехала учиться в Вассар. Скорее всего она нашла кучу поклонников. Он, впрочем, то-

же не страдал отсутствием женщин. За этот год он встретился по крайней мере с дюжиной женщин. Обычно он назначал им девятичасовые свидания и водил ужинать в «Ле павильон» или «Валдорф». Он ходил с ними на вечеринки, в театры, играл в теннис в Коннектикуте или Ист-Хэмптоне, но ни одна из них серьезно не увлекла его. После войны прошло уже три года, но ему казалось, что все они озабочены только тем, как бы выгоднее выйти замуж. Он сам не чувствовал, что ему пора жениться. Да и адвокатская практика лишь первая ступень в его карьере. Правда, работа нравилась ему больше, чем он сам ожидал, но Спенсер часто признавался себе, что в ней не было ничего захватывающего. Он все еще мечтал о великих делах. Он надеялся, что в его жизни рано или поздно произойдут какие-нибудь изменения, и ждал, что жизнь еще подарит ему что-нибудь необычное, прежде чем он осядет и остепенится, женится, начнет строить спокойную семейную жизнь. В любом случае он еще не встречал подходящую девушку, которая была бы не занята.

Он только-только начал оправляться после всех потрясений войны и смерти брата. Боль утраты стала потихоньку притупляться. Роберт погиб четыре года назад, и родители продолжали говорить о том, как много он мог достичь. Спенсер уже избавился от чувства, что он должен идти по стопам своего погибшего брата. Теперь он был самим собой и иногда чувствовал себя так, будто весь мир принадлежит ему. Временами ему бывало одиноко, но он не обращал на

это внимания. Ему даже нравилось иногда побыть одному. И несмотря на то что юриспруденция никогда не была пределом его мечтаний, он уже начал от души наслаждаться своей работой.

Следующий день выдался ярким и солнечным. Спенсер прохладным сентябрьским утром отправился в здание Верховного суда, где должна была состояться официальная часть представления. На нем был темный костюм в тонкую полоску и темный галстук, что очень шло к его черным волосам и синим глазам. Выглядел он великолепно. Его провожали заинтересованные женские взгляды, но он делал вид, что не замечает их. Ему даже удалось пожать руку судье Барклаю, прежде чем его подхватила толпа и поволокла за собой. Спенсер не встретил никого из знакомых и очень сожалел, что с ним не было отца.

Он погулял по городу, посмотрел памятник Вашингтону и мемориал Линкольна, потом отправился обратно в гостиницу перекусить и переодеться к вечернему банкету, на который тоже был приглашен. Барклаи устраивали официальный обед с танцами в «Мейфлауер отель».

Спенсер вышел из гостиницы, поймал такси, которое доставило его к отелю. Он долго и терпеливо ждал, когда подойдет его очередь поздороваться с Прициллией Барклай, его терпение было вознаграждено, так как жена судьи очень приветливо кивнула ему:

– Как мило, что вы пришли, мистер Хилл. Вы уже видели

Элизабет?

– Спасибо. Нет, еще не видел.

– Она была здесь буквально несколько минут назад. Уверена, что она невероятно обрадуется, увидев вас.

Он прошел дальше, чтобы поздороваться с ее мужем, а потом быстро двинулся в зал, освобождая место другим гостям, ожидающим своей очереди. Оказавшись в баре, Спенсер заказал виски с тоником и оглянулся, чтобы рассмотреть небольшую компанию, стоявшую неподалеку от него. Большинство мужчин были пожилыми, женщины демонстрировали шикарные туалеты. Он узнал многих известных политических деятелей. Спенсер почувствовал волнение, что находится рядом с ними. Он отпил небольшой глоток из стакана, узнав в одном из мужчин еще одного члена Верховного суда. Тут он заметил молодую женщину, беседовавшую с пожилым мужчиной, и, когда она обернулась, он узнал в ней дочь Барклаев. Она показалась ему гораздо взрослее, чем год назад, и в то же время гораздо симпатичнее. Она улыбнулась, узнав его, и он вдруг припомнил, насколько уравновешенной она была во время их последней встречи и как это ему понравилось. Он решил, что девушка красивее, чем он ее помнил, и когда он, улыбаясь, направился в ее сторону, ему показалось, что ее бархатные карие глаза загорелись мягким светом. Медные волосы были подстрижены короче, чем в прошлый раз, она надела белое облегающее атласное платье, которое выгодно подчеркивало загар, явно приобретенный на

озере Тахо. И он опять удивился, насколько она красива, а он этого не запомнил.

– Привет, как поживаете? Как учеба в Вассаре?

– Скучно. – Она улыбнулась, разглядывая его, потом, усмехнувшись, добавила: – Мне кажется, что я слишком стара для колледжа. – Действительно, Вассар казался ей детской забавой. Не прошло и трех месяцев, а она уже мечтала поскорее закончить его и заняться чем-нибудь другим, но ей оставалось учиться еще три года. Едва начав второй курс, она уже сомневалась, что сможет закончить его. – Поукипси просто ужасен.

– После Калифорнии таким же иногда кажется и Нью-Йорк. Зимы прямо-таки убивают, вы не находите? – Он рассмеялся. Год назад он сам в душе боялся именно этого, но теперь уже начал привыкать, и ему нравилась беспокойная нью-йоркская жизнь, которая так отличалась от жизни тихого Поукипси.

– Очень хорошо, что вы приехали. Я уверена, мой отец будет тронут, – вежливо сказала она, и Спенсер чуть не рассмеялся. Смешно представить, что окруженный толпой коллег и друзей, судья Барклай будет тронут появлением никому не известного адвоката.

– Очень мило с его стороны пригласить меня. Должно быть, он рад своему назначению.

Она улыбнулась и отпила джин с тоником из своего стакана.

– Да, конечно. А еще больше мама. Она ужасно любит Вашингтон. Вы же знаете, она здесь родилась.

– Нет, не знал. Но надеюсь, для вас это тоже большая радость. Вы часто пропускаете занятия? – Спрашивая ее, он любовался формой ее плеч и находил, что ему определенно нравится ее новая прическа.

– Не так часто, как бы мне хотелось. За последний год я почти не была в Нью-Йорке. Но постараюсь проводить с родителями побольше времени, во всяком случае, во время каникул. Это намного проще, чем постоянно ездить в Калифорнию.

Они поболтали еще немного, но тут гости начали рассаживаться, и, спросив одного из слуг, распределявших места, где ему сесть, Спенсер обнаружил, что его место – за одним столом с Элизабет. Ему стало приятно, что ее мать и здесь позаботилась об этом. Он даже представить себе не мог, что так распорядилась сама Элизабет, когда они с матерью просматривали списки гостей. В прошлом году он произвел на нее сильное впечатление, и ей было немного обидно, что он не попытался связаться с ней в Вассаре.

– Как вы находите свою адвокатскую контору в Нью-Йорке? – Она не могла вспомнить, как именно она называется, помнила только, что она очень известная.

– Мне она нравится. – Он улыбнулся, помогая ей сесть за стол, и она рассмеялась:

– Вы сказали это так, как будто удивлены.

Он опять улыбнулся ей одними глазами, усаживаясь за стол рядом с ней.

– Так оно и есть. Я никогда не был уверен, что хочу стать адвокатом.

– А теперь переменили свое мнение?

– Более или менее. Раньше я думал, что это намного сложнее, я не справлюсь, но все оказалось гораздо проще. И это меня действительно устраивает.

Она кивнула, а потом, гордо улыбнувшись, посмотрела на отца, сидящего за соседним столиком:

– И смотрите, к чему это приводит.

– Боюсь, что не всех. Но на данный момент меня вполне удовлетворяет то, что я делаю.

– Вы когда-нибудь думали о том, чтобы стать политиком?
– поинтересовалась она.

Тут подали первое блюдо – пюре из омаров с белым вином. Спенсер оглядел девушку. У нее был все такой же настойчивый взгляд, который, казалось, хотел выпытать все, и она все так же не стеснялась задавать прямые вопросы. Именно это ему в ней понравилось еще год назад, и сейчас он снова был шокирован. Она не боялась показаться нескромной, и это восхищало. Элизабет брала инициативу в свои руки и двигалась прямо к цели. Она требовала откровенности от собеседника, и Спенсер надеялся, что и он имеет право спрашивать ее обо всем прямо. Сейчас она разглядывала его с явным интересом, политика действительно интересовала

ее, потому что политиком был ее отец.

– Мой брат мечтал об этом. Во всяком случае, думал, что мечтает. Но я не уверен, что это и мой конек. – Самое смешное было то, что он еще не знал, где же все-таки его конек.

– Если бы я была мужчиной, я занималась бы именно этим. – Ее слова прозвучали очень серьезно, и то, что он рассмеялся, слегка задело ее. У нее воистину пылкое воображение. Он припомнил, что в прошлый раз она заявила, что хочет стать адвокатом.

– А что вы изучаете в Вассаре?

– Живопись, литературу, французский, историю. Ничего особенного.

– А что бы хотели делать? – Его все больше интересовали ее склад ума и прямой подход к делу. Элизабет Барклай явно не была изнеженным цветочком.

– Поскорее закончить учебу и заняться чем-нибудь полезным. Я хотела бы остаться в Вашингтоне на некоторое время, но отца чуть удар не хватил, когда я только заикнулась об этом. Он хочет, чтобы я сначала закончила колледж.

– И это вполне разумно. Вам осталось всего-то три года. – Но ему самому этот срок казался бесконечно долгим.

– Вы в этом году были в Калифорнии?

– Нет, – ответил он с сожалением, – у меня действительно не было возможности, время пролетело очень быстро.

Она понимающе кивнула. Для нее этот год в какой-то мере тоже пролетел незаметно, но иногда ей казалось, что он

тянется бесконечно долго. На Рождество она летала в Сан-Франциско и дебютировала в клубе «Котильон» и на балу, который давали ее родители в «Бурлингем кантри клуб». А летом ездила отдыхать на озеро Тахо. Но этой зимой ее больше интересовали поездки в Нью-Йорк и Вашингтон. А на предстоящее Рождество родители уже пригласили ее в Палм-Бич.

Оркестр заиграл «Фантазию». Спенсер пригласил Элизабет на танец. Они начали медленно двигаться по залу. Танцевала она прекрасно, и Спенсер разглядывал ее медно-рыжие волосы и плечи, покрытые ровным загаром. В ней все дышало здоровьем, благополучием и властолюбием. Она сказала, что на будущее лето собирается поехать с родителями в Европу, на побережье Франции, и спросила, был ли он когда-нибудь там. Он признался, что никогда там не был. Отец обещал отправить его в Европу, когда он закончит колледж. Но сразу после этого началась война, его призвали в армию, и вместо побережья Франции он оказался на Тихом океане. Еще она сообщила ему, что собирается через несколько недель приехать в Нью-Йорк навестить своего брата. Иэн Барклай работал в адвокатской конторе, которая была даже еще более престижна, чем та, где служил Спенсер.

– Вы знакомы с ним? – Она выжидательно посмотрела на него, показавшись ему в тот момент совсем молодой и милой.

Виски уже начало действовать на него. Ему нравилось

ощущать под руками гладкость ее кожи, вдыхать приятный запах духов, который он уловил, когда они танцевали.

– Нет, я его не знаю. Но он наверняка знаком с моим отцом. – Он вспомнил, как отец говорил, что Барклай работает у него в суде. – Вы должны будете нас познакомить. – В первый раз он намекнул на то, что собирается продолжить знакомство с ней.

– Сделаю это с удовольствием. – Она посмотрела на него с видом победительницы и даже слегка высокомерно, когда он вел ее обратно к столику.

За ужином они разговаривали о друзьях ее отца. К концу вечера ему уже казалось, что он знает ее намного лучше. Она играла в теннис, любила кататься на лыжах, немного говорила по-французски, ненавидела собак и совершенно не интересовалась детьми. За десертом она поведала ему о том, чего хочет от жизни: достичь чего-нибудь значительного, а не играть целыми днями в бридж и рожать детей. Еще ему стало ясно, что она безумно любит отца и мечтает выйти замуж за человека, подобного ему, за человека, который бы сам к чему-нибудь стремился, а не сидел сложа руки, позволяя себе плыть по течению. Она хотела выйти замуж за человека, который имел бы авторитет в обществе. Она решила это, когда была совсем маленькой – в двенадцать лет, но ее решение твердое. Когда они выходили из зала, Спенсер подумал, что ей гораздо больше понравился бы Роберт.

– Не хотите ли пойти куда-нибудь выпить? – Он сам уди-

вился, что задал этот вопрос. Однако расставаться с ней не хотелось.

– Хорошо. Где вы остановились? – Она посмотрела ему прямо в глаза. Она никогда ничего и никого не боялась. Тем более Спенсера.

– В «Шоехаме».

– Туда и отправимся. Мы можем выпить в баре. Только скажу матери. – Она тут же сделала это, и через минуту они ушли.

Было уже около часа ночи, многие гости разошлись, но ее мать не возражала, что она отправляется куда-то со Спенсером. Он надежный, привлекательный мужчина, и она не боялась доверить ему свою дочь. Она помахала им рукой на прощание, и Спенсер не решился подойти к ней и прервать разговор с одним из членов парламента. Они не торопясь вышли на улицу, поймали такси и, приехав в гостиницу, зашли в бар, где заняли столик в дальнем углу. Он заметил, что несколько человек проводили их взглядами. Они явно были интересной парой.

Спенсер заказал шампанское, и они немного поговорили о Нью-Йорке, его работе, его жизни в Калифорнии. Он признался, что очень любит этот штат и хочет когда-нибудь поселиться там, хотя не представлял себе, как это можно будет сделать, работая в адвокатской конторе на Уолл-стрит. Это рассмешило ее, ведь она хотела поселиться в Нью-Йорке после окончания колледжа или в крайнем случае в Вашингтоне. Ведь теперь ее родители будут жить там почти весь год. Она заявила, что хотела бы иметь собственный дом в Джорджтауне.

Из ее слов он заключил, что она всегда получала то, что хотела. Ей даже в голову не приходило, что в жизни не всегда все получается. Хотя он понял это, когда встретился с ней

в первый раз в Сан-Франциско. И по их богато обставленному и очень красивому дому можно было догадаться, что ее жизнь протекает легко и счастливо, ведь родители – выходцы из семей с большими доходами.

– Вы должны приехать к нам на озеро Тахо. Мой дед построил там великолепный дом прямо у озера. Я обожаю его с самого детства.

Но когда он согласно кивнул, он вдруг вспомнил Александровскую долину и спросил, была ли она когда-нибудь там.

– Нет, но я как-то ездила в Напу к друзьям отца. Это почти то же самое: те же виноградники и дома в викторианском стиле. – Эта тема казалась ей очень скучной, но, когда Спенсер начал описывать север долины, она посмотрела на него с интересом.

У него в глазах появилось выражение, которое разожгло в ней любопытство. Это был взгляд, полный взаимопонимания, взгляд, который говорил ей, что для него это место очень много значит.

– У вас там есть друзья?

Он задумчиво кивнул:

– Там живут двое парней, с которыми я вместе воевал. – Потом он рассказал ей про Бойда и Хироко, и ее глаза помрачнели.

– С его стороны было ужасно глупо жениться на ней. Никто никогда не забудет Японию. – Ее слова прозвучали грубо и неискренне, и он почувствовал раздражение. Это было

именно то отношение, с которым столкнулась Хироко в Калифорнии. Но он, стараясь скрыть гнев, спокойно проговорил:

– Я думаю, японцы тоже никогда не забудут Хиросиму.

– Разве вы не говорили, что ваш брат погиб в Тихом океане? – Она сверлила его взглядом, и он честно ответил:

– Да, погиб, но я не могу их ненавидеть за это. Мы тоже убивали.

Она не одобряла такой справедливый взгляд на эту войну, тем более что он коренным образом отличался от взгляда ее отца. Тот был ярый консерватор и полностью оправдывал сброшенную на Хиросиму бомбу.

– Я ненавижу все, что мы делали там, Элизабет. В этой войне не победил никто, разве что правительства. А люди – они всегда проигрывают, и это касается обеих сторон.

– Я не разделяю ваши взгляды. – Она строго посмотрела на него, и он попытался разрядить обстановку, превратив все в шутку:

– Если бы это было возможно, вы бы, наверное, тоже пошли воевать. – В добавление к тому, что она хочет стать адвокатом или политиком.

– Моя мама работала на Красный Крест, и я бы делала то же самое, если бы не была тогда еще маленькой.

Он вздохнул. Она еще так молода и наивна и полностью разделяет взгляды своих родителей. Он же имел свое мнение о войне, которое в корне отличалось от мнения ее от-

ца. Спенсер был рад, что война закончилась, но он помнил о ней все: и друзей, которых потерял, и тех ребят, с которыми вместе служил... и, конечно, своего погибшего брата. Он посмотрел на Элизабет и вдруг почувствовал себя старым, ему показалось, что он годится ей в отцы, хотя он старше ее всего на десять лет.

– Жизнь – забавная штука, правда, Элизабет? Никогда не знаешь, что тебя ожидает. Если бы мой брат не погиб на войне, я, наверное, никогда бы не пошел на юридический факультет, – он мягко улыбнулся, – и никогда не встретил вас.

– У вас странный взгляд на вещи. – Он все больше заинтересовывал ее. Он честен, добр и интеллигентен, но ей бы хотелось, чтобы в нем было побольше честолюбия. Казалось, он просто наслаждается жизнью, такой, какая она есть. – Мы сами определяем свою судьбу, разве это не так?

– Не всегда. – Он слишком много пережил, поэтому мог с уверенностью сказать так. Если бы он сам определял свою судьбу, его жизнь сейчас была бы совсем иной. – Вы считаете, что сами решаете свою судьбу? – Он, так же как и она, был заинтересован, но они были очень разными.

– Да, возможно. – Ее слова прозвучали искренне, и он опять поразился ее твердости и уверенности.

– Я уверен, что это так и есть, во всяком случае, наполовину.

– Вас это удивляет? – Она выглядела уверенной в себе и непоколебимой. Несмотря на утомительный день, она пре-

красно владела собой.

– Нисколько. Вы производите впечатление человека, который всегда добивается того, чего он хочет.

– А вы? – Ее голос смягчился. – Вы чем-то разочарованы, Спенсер? – Она подумала, что, может быть, он потерял дорогого человека или у него расстроилась помолвка, но все это было не так.

Подумав об этом, он улыбнулся, прежде чем ответить:

– Нет, я ничем не разочарован. Это можно назвать отступлением. – Он весело рассмеялся и разлил остатки шампанского. Бар скоро закроют, и Спенсеру придется проводить ее домой к родителям. Они оба понимали, что у этого вечера продолжения не будет. – Мои родители хотели, чтобы я женился на жене своего брата, точнее, на его вдове, когда вернулся. Когда я оказался дома, они сделали для этого все возможное.

– И почему же вы отказались? – Ей было интересно узнать о нем как можно больше. И он ответил ей честно:

– Потому что я не любил ее. А это для меня важно. Она была жена Роберта, а не моя. А я – не он. Я совсем другой человек.

– А кто она, Спенсер? – Ее голос мягко прозвучал в темноте бара, в то время как она настойчиво пыталась встретиться с ним взглядом.

– Она... та, которую бы я любил... и уважал... и заботился о ней. С которой можно было бы вместе смеяться, когда дела

идут не очень хорошо... та, которая не задумываясь отдала бы мне свою любовь... та, которой я был действительно нужен. – Говоря это, он почувствовал странное волнение, хотя никак не мог понять, зачем говорит это. Он подумал о том, сможет ли когда-нибудь Кристел сыграть эту роль. Вряд ли. Она просто необыкновенно красивая девочка из необыкновенно далекой страны. И он удивлялся, что память о ней так долго не покидает его сердце. Он помнил, как она прекрасна и нежна и что он чувствовал, когда стоял рядом с ней. Он не знал, о чем она думает, и чем живет, и кем она станет, когда вырастет. Правда, он не знал этого и про Элизабет, но его не покидала уверенность, что уж у этой девушки нет никаких слабостей. Она сделана из железа и вряд ли в ком-то нуждалась, ну разве что в своем отце. – А если бы вам пришлось выбирать, кого бы вы предпочли, Элизабет?

Она улыбнулась и ответила ему так же честно:

– Того, кто имел бы положение в обществе.

– Этим все сказано, не правда ли? – Он рассмеялся, ее слова попали прямо в цель. Она именно такая, как он и думал. Конкретная, умная, любопытная, живая, темпераментная и независимая.

Спенсер проводил Элизабет домой и пожелал спокойной ночи в холле. Она уже собиралась открыть дверь гостиной, когда вдруг, обернувшись, спросила его с улыбкой:

– Когда вы собираетесь обратно в Нью-Йорк?

– Завтра утром.

– А я останусь здесь еще несколько дней. Мне хочется помочь маме освоиться в доме. Но на следующей неделе я вернусь в Вассар, Спенсер... – Потом она проговорила так тихо, что он едва мог слышать ее слова: – ...Позвоните мне.

– Как я смогу с вами связаться? – В первый раз он решил, что, может быть, действительно позвонит ей, хотя не знал зачем. Он находил, что она слишком властна, но все-таки ему было бы приятно пригласить ее на обед или сводить в театр. Он явно не был увлечен ею, но с ней было приятно поговорить, и для него было бы заманчиво появиться где-нибудь с дочерью главы Верховного суда.

Она сказала, в каком общежитии ее можно найти, и он пообещал запомнить его название. Потом поблагодарил ее за прошедший вечер:

– Я очень хорошо провел время. – Казалось, он немного колеблется, не зная, что ему делать дальше, но она, стоя в дверях, выглядела вполне удовлетворенной.

– Я тоже. Спасибо вам. Спокойной ночи, Спенсер. Дверь мягко закрылась за ней, а он медленно побрел к лифту, думая о том, позвонит ли ей когда-нибудь или нет.

Партнер, с которым работал Спенсер, был очень доволен его отчетом о представлении и банкете. Все представители фирмы благосклонно относились к молодым сотрудникам, которые были на короткой ноге с выдающимися политическими деятелями. Немаловажную роль сыграл и тот факт, что отец Спенсера – судья. Он, кстати, тоже был весьма доволен сыном, после того как тот рассказал им с матерью о своей поездке во всех подробностях. Правда, он не стал заострять внимание родителей на том, что провел весь вечер с Элизабет, это казалось ему не столь важным. Он считал, что родители начнут питать ложные надежды.

А он в конце концов, все хорошенько обдумав, решил, что не будет звонить ей.

Но Элизабет проявила инициативу сама, когда через месяц приехала в Нью-Йорк проведать своего брата. Она разыскала номер Спенсера в телефонной книге и позвонила ему. Это было в субботу, и он очень удивился, услышав ее голос. Он как раз собирался уходить – друзья из офиса пригласили его поиграть в мяч.

– Я позвонила в не очень удачное время? – Как всегда, она задала прямой вопрос, и Спенсер улыбнулся, глядя в окно и поигрывая ракеткой.

– Совсем нет. Как поживаете?

– Отлично. Этот семестр мне нравится немного больше.
– Она не стала говорить, что встречается с одним из своих педагогов. Но молодые люди ее возраста просто утомляли ее.
– Я позвонила, чтобы узнать, не хотите ли вы пойти сегодня вечером в театр. У нас есть лишний билет.

– Вы здесь с родителями?

– Нет. Я гощу у брата и его жены. Мы собираемся смотреть «Лето и туман». Вы видели эту постановку?

– Нет, – он улыбнулся, – но очень хотел бы.

Чем, черт возьми, он рискует? Ведь там будет ее брат. Наедине с ней он чувствовал себя не очень уверенно. Ему вовсе не хотелось давать ей понять, что он собирается связываться с ней свое будущее. Он прекрасно помнил, кого она хочет в спутники жизни: кто бы имел положение в обществе.

– Перед театром мы собираемся поужинать в «Шамбо». Почему бы нам не встретиться там? Скажем, в шесть?

– Отлично. Я присоединюсь к вам. Спасибо вам, Элизабет. Он не был уверен, стоит ли ему извиняться за то, что не позвонил ей сам, но в конце концов решил, что не стоит вообще говорить об этом. Она сама помогла ему. Они будут обедать в лучшем ресторане, посмотрят постановку в самом знаменитом театре плюс ко всему его ждет знакомство с довольно известным в своих кругах адвокатом, Иэном Барккларем.

Спенсер появился в ресторане ровно в шесть и сразу же узнал Элизабет. На ней ловко сидел хорошо сшитый черный

вечерний костюм и маленькая черная вельветовая шляпка, чудом державшаяся на волосах. Она явно следила за своей внешностью, и это ему тоже нравилось. Она всегда выглядела шикарно и без труда могла произвести впечатление на мужчин. Для девушки, которой еще не исполнилось двадцати, у нее был великолепный вкус; то же самое можно сказать и о ее брате Иэне. Спенсер нашел его очень образованным человеком, хотя слегка увлеченным политическими идеями. Но несмотря на это, Спенсеру он понравился. Его жена – красивая англичанка – произвела на него прекрасное впечатление. Она была дочерью лорда Вингхама, и Элизабет была уверена, что Спенсер не может не знать этого. Вся жизнь этой женщины была связана с известными именами и выдающимися людьми, а также событиями государственной важности. Это заставляло его чувствовать себя неуютно рядом с ней, он все время боялся, что может все испортить неосторожным словом. Супруги были чертовски уверены в себе и в том, что они делают. Нетрудно догадаться, почему они так нравились Элизабет. Иэн с Сарой говорили о том, что собираются провести Рождество в Санта-Морисе, рассказывали, как этим летом отдыхали в Венеции. После этого они поехали в Рим, где встретились с папой римским, который знал ее отца. Сара говорила об аристократической верхушке легко и непринужденно и, казалось, была абсолютно уверена в том, что все знают тех людей, о которых она рассказывала.

Пьеса очень понравилась, и после представления Спенсер

пригласил всех в «Сток клуб», где они танцевали, беседовали и веселились, а потом все вместе направились на квартиру Барклаев в Саттон-Плейс. У супругов не было детей, и Сару гораздо больше интересовали лошади. Они долго говорили о рысаках и гунтерах¹, и в конце концов супруги пригласили Спенсера как-нибудь покататься с ними верхом. Вечер получился очень удачный, и когда на этот раз Спенсер сказал Элизабет, что позвонит ей, он действительно решил, что сделает это. Он чувствовал, что должен отблагодарить ее за приятно проведенное время, не сознавая, что именно этого она от него и добивалась.

Он позвонил ей через две недели и, извинившись, объяснил, что не мог сделать это раньше, так как был по горло завален работой в офисе. Но она нисколько не рассердилась на него, и они договорились встретиться в следующий уик-энд. Она опять приехала к своему брату, и Спенсер пригласил ее пообедать и потанцевать в «Сток клубе». Он вовсе не собирался производить на нее впечатление, так как прекрасно понимал, что Элизабет была из тех девушек, которые привыкли бывать в самых шикарных местах. Он рассказывал ей о тех делах, над которыми работал, и в основном это были судебные тяжбы, связанные с бизнесом и закладными. Его интересовала эта работа, и девушка сделала несколько весьма умных замечаний. В этот вечер, когда он проводил ее домой и они стояли у двери квартиры ее брата, Спенсер

¹ Гунтер – порода лошади.

поцеловал ее.

– Все было здорово, – произнесла она спокойным тоном, но Спенсер не мог не заметить, что ее глаза заметно потеплели.

– Мне тоже понравилось. – Он говорил правду. Ему нравилась ее компания, и выглядела она просто чудесно в серебряном платье, которое невестка привезла ей из Парижа.

– Что вы делаете в следующие выходные?

– У меня экзамены, – рассмеялась она, – глупо, правда? Они станут помехой в моей личной жизни. – Теперь смеялись уже оба, и Спенсер попросил ее, чтобы она приехала в Нью-Йорк через две недели.

Она так и сделала. Они опять вместе пообедали и потанцевали, и на этот раз их поцелуи длились дольше и были намного жарче. Брат с женой уехали на уик-энд поохотиться в Нью-Джерси, и Элизабет пригласила Спенсера к себе, дабы завершить выпивкой удачный вечер. Они долго сидели в гостиной на кушетке, целовались и болтали. Но после Спенсер пожалел об этом. Девушка слишком молода, чтобы он мог позволить себе играть с ней, а он был уверен, что их отношения никуда не приведут. Она принадлежала совершенно другому кругу. Он не был в нее влюблен, но физически она привлекала его. Ему нравилось то чувство власти, которое было присуще всем людям ее круга, хотя он прекрасно видел, что с ее стороны теплые чувства отсутствуют. И все же ему было приятно ненадолго почувствовать себя своим

в этом незнакомом ему мире, мире, которым он так восхищался.

Элизабет сказала, что собирается на День благодарения поехать с родителями в Сан-Франциско, и он пообещал ей позвонить, когда она вернется. И когда он сделал это, она пригласила его провести Рождество в Палм-Бич.

– А ты не думаешь, что это может не понравиться твоим родителям? – Его голос звучал напряженно, но она лишь рассмеялась в ответ:

– Не будь глупым, Спенсер. Ты им нравишься.

– Честно говоря, я хотел бы остаться здесь. Для моих родителей с некоторых пор Рождество – не очень веселый праздник, да и Барбара сообщила, что на этот раз не привезет к ним девочек из Бостона. У нее там серьезный роман, и она предпочла, чтобы дети были с ней. – Он знал, что родители и так чувствуют себя одиноко, а Рождество напомнит им о погибшем сыне. Все это он обдумал, прежде чем отклонить ее неожиданное предложение.

– Но ты можешь приехать позже. Я после Нового года все еще буду здесь. Можешь остановиться у нас. В этом доме целая дюжина комнат для гостей.

Его нисколько не удивило это предложение, он ждал его.

– Посмотрю, как у меня будет со временем, и позвоню тебе.

Он позвонил ей еще до того, как она уехала во Флориду, и, к своему удивлению, принял приглашение. Он все еще не

решил, что будет с ней делать, но в любом случае ему было приятно, что она его пригласила.

Рождество прошло в их семье как обычно, и через два дня Спенсер взял на работе недельный отпуск и вылетел в Палм-Бич к Баркляям. Они приняли его радушно и гостеприимно. Весь дом, казалось, был полон такими же приглашенными, как и он сам. Там был и еще один старший брат Элизабет, Георг. Он был человеком палаты общин и выглядел как типичный старомодный банкир. Несмотря на то что он был женат, в Палм-Бич приехал один, но никто даже не пытался обсуждать эту тему. Спенсера это нисколько не волновало. Он был слишком занят Элизабет. Они не пропускали ни одной вечеринки в городе, и он пришел к выводу, что никогда в жизни не видел столько драгоценностей разом. Сама же Элизабет каждый вечер была в новом наряде, но на голове у нее неизменно красовалась маленькая прелестная диадема, которую родители подарили ей год назад на ее первый бал.

– Ну как, – спросила она однажды, когда они вдвоем лежали на пляже, – ты доволен?

В ответ Спенсер рассмеялся. Она всегда говорила обо всем прямо, но он уже понял, что именно это в ней ему и нравится. С ней не нужно притворяться, ходить вокруг да около или переспрашивать, что она подразумевает под своими словами. Все, что она имела в виду, то она и говорила.

– Конечно, еще как! А ты как думаешь? Может быть, я уже никогда не захочу вернуться на работу или вообще в Нью-

Йорк.

– Отлично. А я брошу колледж, и мы с тобой вместе уедем на Кубу.

Один раз ночью они сбежали с танцев и пошли в казино. Это была незабываемая неделя, и Спенсер признался себе, что ему нравится такое времяпрепровождение. Беззаботная жизнь, окружение интересных людей, с которыми приятно поговорить, шикарные женщины, сплошь увешанные бриллиантами. К ней очень легко привыкнуть, но он не мог понять, для чего ему все это нужно. Это ее жизнь, а не его. Но в конце концов он решил наслаждаться, коль уж ему выпала такая возможность.

– Учеба стала нравиться тебе? – Он повернулся и, подперев голову рукой, посмотрел на нее. Она великолепно выглядела в красном купальнике; тело покрывал темный ровный загар, который очень шел к ее медным волосам и карим глазам. Что ни говори, она очень симпатичная, и ему она нравилась.

– Не очень. Мне все кажется, что я там зря теряю время.

– Я не могу понять почему. – Он взглянул на официанта, приближающегося к ним с серебряным подносом, заставленным бокалами с лимонадом, ромом и пуншем. Потом снова повернулся к ней: – Наверняка это невероятно тяжело – вернуться после всего этого обратно в колледж. Теперь мне понятно, почему ты так хотела приехать сюда.

– Сказать по правде, – усмехнулась она, – мне действи-

тельно не хочется возвращаться.

– Да, но ты же не сможешь стать адвокатом, если не закончишь колледж. – Он улыбнулся и взял с подноса бокал с лимонадом, в то время как Элизабет уже отпила глоток рома из своего бокала и улыбнулась ему из-под полей огромной шляпы.

– Мне кажется, я все-таки не стану адвокатом. – Ее слова прозвучали как шутка, и он рассмеялся.

– Кем же вы тогда станете, мисс Барклай? Будете метить в президенты?

– Может быть, я просто выйду за него замуж.

Он посмотрел на нее и сказал уже почти серьезно:

– Да, это как раз подойдет тебе.

– А ты не хотел бы когда-нибудь стать президентом, мистер Хилл?

Он почувствовал себя ужасно неловко, поняв, какой оборот принял их разговор, но, продолжая улыбаться, покачал головой, поигрывая бокалом с лимонадом. Да, она сильная девушка, и все те, кто ее окружал, любили власть. С такими людьми долго не поиграешь. В какой-то мере Спенсер даже испугался. Внутри, под бесстрастной оболочкой, которую он надел специально для нее, скрывалась нежная и чувствительная душа, его больше заботили другие вещи, такие, о которых никто из Барклаев никогда даже не мечтал.

– Стать президентом никогда не было моим страстным желанием.

– Ну хотя бы сенатором. Ты был бы просто неподражаем на государственной службе.

– Почему ты так думаешь?

– Ты любишь людей, привык много работать, честен и открыт, и потом у тебя привлекательная внешность. – Она опять улыбнулась. – Тебя окружают именно те люди, которые могут многое.

Он не был уверен, что ему пришлись по душе ее последние слова, поэтому он ничего не ответил, а только задумчиво посмотрел на океан. Он вдруг удивился, как далеко зашли их отношения. Может быть, его приезд в Палм-Бич был ошибкой? Но теперь слишком поздно что-то менять. Через два дня он улетит в Нью-Йорк и, может быть, перестанет встречаться с ней хотя бы на какое-то время. Она внимательно наблюдала за ним, пока он все это обдумывал, и, не выдержав, рассмеялась:

– Не нервничай так, Спенсер. Я вовсе не собираюсь брать тебя в оборот. Я просто говорю что думаю.

– Иногда ты выражаешься очень странно, Элизабет. У меня такое чувство, что ты всегда добиваешься того, чего хочешь. Я имею в виду, что это происходит именно всегда. – А он не хотел, чтобы это случилось. Во всяком случае, не сейчас. Сейчас он не испытывал к ней чувств, достаточных для этого. И ему казалось, что вряд ли когда-нибудь будет испытывать их. Они – хорошие друзья. Но этого мало, они очень разные.

– А чего я хочу такого, чего не хочешь ты?

– Ничего, но знай, что если окружающие согласны с тобой, то это еще не значит, что они хотят того же, чего хочешь ты.
– Он сказал это спокойно, и она испытующе посмотрела на него.

– А чего же хотят окружающие? – Она задала вопрос так прямо, что он даже вздрогнул.

– Почему бы нам не испукаться? – Ему не хотелось отвечать ей. Он не был готов сказать ей то, что она хотела бы от него услышать. Он все еще лелеял мечту о девушке, которая нуждалась в нем, которая была сама мягкость, доброта и нежность. В Элизабет были эти качества, но в очень небольшом количестве. Зато в ней было нечто другое. И с этим другим он не мог до конца смириться.

– Ты не ответил на мой вопрос.

Он уже встал, и она смотрела на него снизу вверх. И он понял, что не сможет уйти от ответа. Ему ничего не оставалось делать, как сказать ей правду. Проигнорировать ее вопрос Элизабет не позволила бы никому. А уж тем более Спенсеру.

– Я еще не знаю.

Она кивнула, как бы размышляя над его словами, а потом снова посмотрела ему прямо в глаза:

– Мне кажется, из нас с тобой получилась бы отличная команда. У нас есть сила и ум, и мы могли бы сделать что-нибудь интересное. – Она сказала это деловым тоном, что подействовало на него угнетающе.

– Например, что? Создать корпорацию?

– Может быть. А может, заняться политикой. Или просто быть как Иэн и Сара.

– С их лошадьми и друзьями, их охотой и всеми этими клубами и с ее фамильным замком? Элизабет, – он снова сел и посмотрел на нее, – я не такой, как они. Я хочу от жизни совсем другого.

– Чего же? – Она казалась слегка удивленной.

– Например, я хочу, чтобы у меня были дети. Ты ведь никогда даже не думала об этом, правда?

Она действительно выглядела изумленной, дети никогда для нее не имели никакого значения.

– Мы можем их завести – как драгоценности, или лошадей, или капиталовложения. – Из ее уст это прозвучало как нечто, что можно отодвинуть на задний план. – Но ведь в жизни существует масса других, более важных вещей.

– Например, что? – спросил он, все еще поражаясь тому, как она смотрит на вещи. – Что может быть важнее, чем дети?

– Не будь таким глупым, Спенсер. Достичь чего-нибудь, сделать открытие, занять какой-нибудь важный пост.

– Как твой отец? – Это был чуть ли не вызов, но она не поняла этого.

– Ну да. Ты можешь в один прекрасный день оказаться на его месте. Если, конечно, захочешь.

– Вся беда в том, – он угрюмо посмотрел на нее, – что я

не уверен, что хочу этого. Это-то ты можешь понять?

– Да, – она медленно кивнула, – я думаю, ты просто боишься. Ты боишься пойти по стопам своего брата. Но ты не он, Спенсер, ты – это ты. И для тебя существуют прекрасные возможности, если только захочешь воспользоваться ими.

Но он еще сомневался, стоит ли использовать эти возможности. Однако с другой стороны, он не хотел всю жизнь поработать над составлением закладных для Андерсона, Винсента и Соброба. Но тогда кем же он станет, когда «вырастет»? Он все еще не знал, чем собирается заняться в будущем.

– Я хочу сделать правильный выбор.

– Я тоже этого хочу. Но мне виднее, чем тебе.

– Ну почему ты так уверена? Тебе всего двадцать лет! Ты еще ни черта не смыслишь в жизни! – Он вдруг разозлился. Если разобраться, она делала ему предложение, и это звучало так, будто она предлагала ему купить собственность, как дом, или машину, или что-то подобное. И ждала от него ответа, решится ли он в конце концов совершить эту покупку или нет. Но он откажется от нее и вряд ли когда-нибудь изменит свое решение. Он не любит ее.

– Я знаю о жизни гораздо больше, чем ты думаешь. Во всяком случае, я в отличие от тебя знаю, к чему стремлюсь.

– Может быть, ты и права. – Он снова поднялся и посмотрел на океан. – Пойду поплаваю.

Он вошел в воду, и, когда появился на берегу через пол-

часа, она не стала возобновлять разговор. Но и того, что она сказала, было достаточно, чтобы шокировать его. После этого он старался не говорить ничего, что она могла бы понять неправильно. В день его отъезда Элизабет зашла к Спенсеру в комнату и внимательно посмотрела ему в глаза. Он почувствовал себя как загнанный кролик.

– Я просто хочу, чтобы ты знал – я люблю тебя.

– Элизабет, пожалуйста... не надо... – Ему было тяжело, что он не может сказать ей то же самое. – Не делай этого.

– Но почему? И я считаю, что была права тогда, на пляже. Думаю, мы вдвоем сможем достичь очень многого.

Он рассмеялся и провел рукой по волосам.

– Я из тех, кто сам выбирает себе цель, малышка, и когда сделаю это, я обязательно дам тебе знать.

– Правда? – Она ласково посмотрела на него, и он подошел к ней.

– Обязательно. – Он притянул ее к себе и поцеловал. Она была так хороша, что ему хотелось соблазнить ее, хотя бы для того, чтобы доказать, кто из них хозяин, а кто подчиненный, показать, что иногда он может иметь власть над Элизабет Барклай. Но его план опять провалился. Находиться в ее объятиях – все равно что играть с огнем, и он так и не понял, кто кого соблазнил. Он знал, что они занялись любовью, и ему это понравилось. Она отдалась ему с жадной и страстью, и он вдруг понял, что испытывает невероятное удовлетворение от того, что может иметь над ней хоть какую-то власть,

пусть даже только в постели. Она оказалась великолепной партнершей, и ему не надо было спрашивать, чтобы понять – она не девственница.

Элизабет отвезла его в аэропорт, и там он долго смотрел на нее, не зная, что делать дальше. Ему нужно время, чтобы все обдумать. Ему хотелось поскорее оказаться в Нью-Йорке.

– Я вернусь в колледж на следующей неделе.

Он нежно поцеловал ее и, почувствовав желание, разлился на себя, что даже на минуту позволил ей вновь обрести над собой власть. Да, несомненно, она сильнее его почти во всех отношениях.

– Я позвоню тебе.

Подойдя к самолету, он обернулся и помахал ей рукой. Пока спускали трап, он все смотрел на нее, стоящую в толпе провожающих в летнем платье и огромной шляпе. Она не спускала с него глаз до тех пор, пока самолет не поднялся в воздух. Спенсеру казалось, что теперь он никогда не сможет избавиться от нее. Но он уже не был уверен, что ему этого хочется. Может быть, она права. Может быть, она действительно поможет найти ему именно то, чего он хочет. Он уже не был уверен ни в чем. Когда самолет приземлился в заснеженном нью-йоркском аэропорту, он понял, что будет скучать без нее.

В этом году Рождество на ранчо было просто угнетающим – первое Рождество без Тэда. Всем казалось, что веселье умерло вместе с ним. Бекки с детьми провела у них в доме весь день, а Том появился только к обеду, совершенно пьяный, и принялся открыто разглядывать Кристел. Когда он опять ушел, Бекки разрыдалась и заявила, что Кристел специально флиртует с ее мужем. Кристел пришла в ужас от этого, не смогла найти слов, чтобы сказать сестре, как она его ненавидит.

На следующий день они всей семьей пошли в церковь. Мать горько плакала о муже, которого потеряла, и о том, как изменилась их жизнь с его смертью. Кристел пела в хоре вместе с монахинями. Потом Уайтты отправились домой, и Кристел тихонько улизнула, чтобы отнести подарки Бойду и Хироко. Малышке Джейн исполнилось восемь месяцев, и она ползала по гостиной Бойдов и пыталась с радостным гугуканьем забраться Кристел на колени, пока они все трое с улыбками наблюдали за ней. У Бойдов в углу стояла рождественская елка, и Кристел раздала всем подарки: в первый раз она связала свитер и подарила его Хироко, Бойду – шарф, а Джейн вручила куклу, которую малышка тут же радостно обняла. Только здесь для Кристел наступило настоящее Рождество. Этот дом наполнен теплом и добротой сер-

дец, в отличие от злости и недоговорок ее родного дома. Бекки знала, что Том изменяет ей, до нее дошли слухи о нем и Джинни Вебстер. Но, казалось, она готова была обвинять во всем Кристел, повторяя время от времени, что сестра строит глазки ее мужу. Оливия, соглашаясь с ней, не раз говорила, что Кристел пытается соблазнить Тома, и девушка плакала от обиды в ответ на ее слова. Она не делала ничего, чтобы вызвать с их стороны такие подозрения, но была бессильна доказать это им обеим.

Даже Джед отвернулся от нее. Кто-то из друзей сказал ему, что она ходит в гости к Бойду и его жене, и он не раз грозился рассказать об этом матери. Казалось, что ненависть, как густой туман, с каждым днем все сильнее обволакивает Кристел.

– Не представляю, что я им всем сделала, – плакала она как-то вечером в доме у Бонда. Для нее это был ужасный день, казалось, что все домашние прямо-таки ополчились против нее. – Ну почему они меня так ненавидят? – Она всегда делала то, что ей говорили, никогда не отлынивала от работы, почти никогда ни с кем не спорила, и все-таки они все изо всех сил старались сделать ее несчастной.

– Потому что ты отличаешься от них, – спокойно ответил Бойд и посмотрел на Хироко, державшую малышку. – Ты выглядишь иначе, думаешь иначе. Ты никогда не была такой, как они.

Теперь у нее нет и отца, который всегда защищал ее. Она

понимала, что Бойд говорит правду, но никак не могла поверить в это. Разве она когда-нибудь делала им плохое? Никогда. Но она уродилась слишком красивой. Она похожа на дикую розу, выросшую среди бурьяна, и этот бурьян в конце концов должен заглушить ее.

Она шмыгнула носом, подумав об этом. Совершенно невыносимо оставаться с ними, но ей некуда пойти. Бойд и Хироко, так же как и сама Кристел, прекрасно знали об этом. Единственное, что она могла сделать, – это уехать из долины, но ей хотелось сначала закончить школу. Она пообещала это отцу. Она все еще мечтала о Голливуде, но сейчас слишком рано приступать к выполнению этого плана. Если она хочет чего-нибудь добиться, ей непременно надо закончить школу. Она знала, что сделает это. Она не допустит, чтобы ее мать или Том Паркер распоряжались ее жизнью. В ее натуре было много от отца. Ничего, она потерпит. Она уже решила, что, как только закончит школу, тут же уйдет от них. Она еще не знала, куда отправится, но была твердо убеждена, что ей придется покинуть долину. Конечно, понадобятся деньги, но теперь, когда нет отца, несмотря на то что она очень любит это место, ей надо уходить. Она понимала, что ей следует исчезнуть прежде, чем кто-нибудь из них сделает с ней что-нибудь непоправимое. А для того чтобы выполнить этот план, нужны были деньги.

В январе она пошла в город и устроилась там на работу официанткой. Это привело ее мать в бешенство. Она назы-

вала ее потаскухой и шлюхой, говорила, что она пошла туда работать только ради того, чтобы встречаться с каким-нибудь кобелем. Иногда в кафе заходил ее зять, и тогда девушке приходилось несладко. Она старалась уйти на кухню, чтобы вымыть посуду. Посетителям она нравилась, и они платили ей щедрые чаевые. Но с другой стороны, многие к ней цеплялись и делали различные «заманчивые» предложения. Кристел же, разыграв из себя дурочку, могла отшить любого, что нравилось хозяину. Он всегда следил за тем, чтобы кто-нибудь из клиентов не зашел слишком далеко. По его мнению, она была хорошей девушкой, и к тому же он был всегда высокого мнения о ее отце. А вот Тома Паркера он презирал, ему не нравилось, что он постоянно дразнит Кристел. Он не раз советовал девушке держаться от него подальше, особенно когда тот пьяный. Много раз хозяин сам отвозил ее домой и следил за тем, чтобы она благополучно добралась до ранчо. Девушка копила заработанные деньги и прятала их под кроватью. К концу апреля у нее уже было четыре сотни долларов. Это билет до Голливуда, ее путь к свободе, она дорожила этими деньгами больше жизни и пересчитывала их по ночам при лунном свете при запертой двери. Она уже начала считать дни, оставшиеся до того момента, когда она сможет уехать. Их оставалось немного. Но каждый день казался вечностью.

Джейн исполнился год, и Кристел солнечным воскресным утром прискакала на своей старой лошади, чтобы проведать

малышку. Она пробыла у них целый день, и было уже поздно, когда она собралась домой. Кристел хорошо знала дорогу и решила немного срезать путь, поскакав по полю. Она вдыхала такие знакомые свежие запахи и тихонько напевала любимые баллады. Впервые за долгое время у нее было хорошее настроение. С тех пор как умер отец, прошло уже больше года, и боль утраты начала потихоньку успокаиваться. Она чувствовала себя сильной, молодой и здоровой и могла позволить себе думать о будущем.

Она завела лошадь в конюшню, поставила ее в стойло, сняла седло, мурлыча что-то себе под нос. Вдруг она услышала позади себя шум и, обернувшись, застыла. Она увидела Тома, сидящего на мешке с кормами. В руке у него была бутылка.

– Отлично провела денек, Сис? – Выражение его глаз было отвратительным, и Кристел отвернулась, притворившись, что не заметила этого. Она услышала, как он подошел к ней, и рука у нее задрожала, когда она привязывала поводья. – Куда это ты ездила на этой старой кляче? В город, к своему дружку?

– Нет. – Она повернулась к нему, и ей не понравилось то, что она увидела. Глаза у него были красные, а бутылка в руке – наполовину пустая. – Я ездила к подруге.

– Опять к этой япошке? – Он слышал об этом и, конечно, сказал Бекки, а та немедленно доложила обо всем матери.

– Нет, – солгала она, – к школьной подруге.

– Да? И кто же она? – От выпитого его голос был хриплым.

Кристал отвечала ему спокойно, но внутри у нее все тряслось от страха.

– Это не важно. – Она попыталась выйти из конюшни, но он грубо схватил ее за руки. Это было так неожиданно, что ей пришлось резко отступить назад и опереться на его ноги, чтобы не потерять равновесие.

– Куда это ты так спешишь?

– Мне нужно скорее попасть домой, меня ждет мама. – Она хотела заглянуть ему в глаза, но боялась сделать это. Даже с таким ростом, как у нее, она не смогла бы с ним справиться. Он любил хвастаться друзьям, что он силен как бык, а может, и еще сильнее, если найти способ проверить это.

– Мама... как это трогательно, – засмеялся он, – домой, к маме. Ей на тебя наплевать. Она все равно сейчас с Бекки. Эта чертова сука опять понесла. Боже, можно подумать, что она делает это нарочно. Мы сейчас очень редко этим занимаемся, но стоит мне лечь с ней в постель, как она уже беременна.

Кристал понимающе кивнула, стараясь вырваться, но он держал ее за руки мертвой хваткой. Совершенно ясно, что он не собирается отпускать ее, во всяком случае, пока.

– Побудь немного здесь, хорошо?

Она кивнула, скованная ужасом. Ей всего семнадцать, и еще ни разу ни один мужчина не прикасался к ней. В глубине души она понимала, что если бы ее отец был жив, он бы

наверняка убил Тома.

– Хочешь выпить?

– Нет, спасибо. – Ее лицо побелело от страха, но она твердо покачала головой.

– Я уверен, что ты выпьешь. – Он крепко обхватил ее руки одной своей рукой, а другой поднес бутылку к ее губам. Она попыталась оттолкнуть ее, и виски пролилось на рубашку, но часть обжигающей жидкости попала в рот, несмотря на то что она крепко сжимала губы и старалась выплюнуть его.

– Перестань! Оставь меня... Отпусти!

Том засмеялся, поняв, что ей неприятно и больно, он увидел, как у нее на глазах выступили слезы. Потом он вдруг толкнул ее на стог сена, которое они держали здесь для лошадей.

– Раздевайся.

– Том... пожалуйста... – Она попыталась встать и вырваться, но он, стоя на коленях, схватил ее за ноги и подтащил к себе, спина ее оказалась на полу. Бутылка перевернулась, и конюшня наполнилась запахом дешевого виски. – Пожалуйста... не делай этого... – Она не сказала, что она еще девственница. Она вообще не знала, что ему сказать. Она просто кричала, пока он срывал с нее рубашку.

– Ты все равно занимаешься этим где-то на стороне, а, Сис? Ну давай же, будь хорошей девочкой, ведь я твой брат.

– Ты мне не брат... прекрати! – И вдруг, сжав кулак, она изо всей силы ударила его. Она попала ему прямо в глаз, и он,

замычав от боли, еще сильнее схватил ее и вlepил пощечину. Такую сильную, что у нее перехватило дыхание.

– Сука! Я же сказал тебе, раздевайся!

Одной рукой он попытался снять с нее джинсы, а другой крепко прижимал к земляному полу. Он навалился на нее всей тяжестью, и она подумала, что он сломал ей руки. Но она не обратила на это внимания. Пусть лучше убьет ее, чем она позволит ему себя изнасиловать. Она дралась с ним, как дикий зверь, но у нее не хватило сил, чтобы с ним справиться. Он снова и снова бросал ее на пол, ругаясь и обзывая ее, потом стащил с нее джинсы. Теперь она оказалась перед ним почти голая и дрожащая от ужаса.

– Нет, не надо... Том... пожалуйста...

Она всхлипывала, пока он снимал с нее нижнее белье, все еще не отпуская ее: одной рукой он крепко держал ее руки прижатыми к полу у нее над головой, а коленями уперся ей в ноги. Свободной рукой он расстегнул штаны и опустил их настолько, чтобы она могла увидеть, чем он собирается атаковать. Не колеблясь ни минуты, он вошел в нее, прижав ее к полу всем телом, и она кричала и всхлипывала под ним от боли, чувствуя спиной все неровности пола. Он прижал ее еще сильнее, и на этот раз пошла кровь. Из рта у нее тоже шла кровь, она лежала в луже крови, пока он насиловал ее. Спина у нее была вся в кровавых ссадинах от того, что он возил ее по полу и соломе. Она изнемогала от боли и ужаса, в то время как Том изнасиловал ее еще раз. Но у нее больше

не было сил сопротивляться. И не было смысла. Она лежала униженная и избитая, в то время как Том поднялся и натянул брюки. Он поднял бутылку и, сделав глоток, засмеялся, глядя вниз, на Кристел:

– Тебе следует умыться, прежде чем ты пойдешь домой, Сис.

Он опять рассмеялся и, хлопнув дверью конюшни, отправился к жене. Кристел осталась лежать на полу конюшни, избитая и истекающая кровью; у нее осталось только одно желание – умереть. Она лежала и плакала, но вскоре слезы кончились. У нее больше не осталось ничего. Она хотела только умереть. Прошло довольно много времени, прежде чем она смогла подняться на колени и добраться до шланга, из которого наполняли пойла лошадям. Открыв кран, она ополоснула холодной водой лицо и руки, а потом посмотрела на порванные джинсы, остатки нижнего белья и на огромную лужу крови, вытекшую из ее лона, когда Том ее насильвовал. Она опять опустилась на колени и тихо заплакала. Ей нельзя идти домой. Она не сможет объяснить это все домашним. Она никому не сможет этого объяснить. Они все равно обвинят во всем ее. На дрожащих ногах она подошла к стойлу и оседлала пегую лошадь. Выведя ее из конюшни, она с трудом забралась в седло и, чувствуя всем телом прохладу ночного воздуха, медленно поскакала через поля обратно к Вебстерам. Она уехала от них только два часа назад, и теперь, заметив вдалеке огонек, горящий в окне их дома, девушка опять

начала плакать. Она была почти голая, и все ее тело, покрытое спекшейся кровью, ужасно болело. Лошадь остановилась в саду около маленького домика, и Кристел соскользнула с ее спины как раз в тот момент, когда Бойд увидел ее в окно и поспешил на помощь. За ним выбежала Хироко.

– Крис... О Господи... Боже мой! – Он подумал, что кто-то пытался убить девушку. Тут она беспомощно упала к их ногам, истекая кровью, без сознания.

Бойд внес Кристел, и они уложили ее на кровать. Он взял ребенка, а Хироко начала обтирать ее влажным полотенцем. Она осторожно касалась синяков на руках, а когда увидела спину Кристел, невольно вздрогнула. Ее привели в ужас спина, ноги, разбитые в кровь губы девушки. Просто чудо, что Том ее не убил. Кристел плакала на той кровати, где помогала принимать роды Хироко. На следующее утро она сидела в маленькой уютной кухне и на все смотрела отсутствующим взглядом. Вебстеры были ее единственной семьей, и сейчас она не хотела видеть никого, кроме них. Когда Бойд протянул ей чашку кофе, девушка опять начала плакать.

– Я отвезу тебя домой на грузовике. Скажешь матери, что была у нас, а потом встретимся с шерифом.

Кристел удрученно покачала головой. Она не спала всю ночь, каждой частичкой тела ощущая боль. Из-за синяка глаз заплыл, и она с трудом могла видеть, что протягивал ей Бойд. Если бы не белокурые волосы, с трудом можно было бы догадаться, что это Кристел. И все же она понимала, что не сможет пойти к шерифу, иначе Том убьет ее.

– Я не могу встречаться с шерифом.

– Не будь душой! – рыкнул на нее Бойд. Ему самому хотелось убить Тома.

– Я не могу сделать это из-за Бекки и мамы.

– Ты что, ненормальная? Он же изнасиловал тебя! Кристел снова начала плакать. Широко потянулась и взяла ее за руки:

– Бойд прав, подлец должен быть наказан.

Кристел смотрела на них, не говоря ни слова. Это ее позор. Она не могла разобраться в своих чувствах: здесь был и гнев, и испуг, и опустошенность, и, непонятно почему, вина. В чем ее вина? Она ли спровоцировала его, не сознавая этого, или это расплата за то, что она так красива? Кристел ни в чем не была уверена, да это и не имело значения. Это случилось. И это еще одна причина, чтобы покинуть адскую долину, которую она когда-то так любила, а теперь просто возненавидела. Ей больше нечего оставлять здесь, кроме потерь, страданий, скорби и... Вебстеров.

– Ты не можешь позволить ему остаться безнаказанным. – Бойд внешне казался спокойным, но внутри у него все кипело от злости. – Я отвезу тебя домой.

Они не позвонили ее матери прошлой ночью. Им ничего не оставалось, как ухаживать за Кристел. Лошадь привязали в саду. Кристел села с Бойцом в машину и всю дорогу хранила молчание, думая о том, что ей теперь делать. Широко осталась с Джейн, крепко обняв Кристел на прощание, а та не могла даже говорить. Казалось, она онемела от горя, стыда, ужаса.

Бойд прошел с ней в дом, на кухне была бабушка. Она взглянула на Кристел, стоящую посреди гостиной в джинсах

Бойда, с синяками на лице, со спутанными волосами, и побежала за дочерью. Через минуту в комнату вошла мать, запахивая банный халат.

– Где, черт возьми, ты была? – И, увидев Бойда, произнесла: – А ты что здесь делаешь? – После того как он женился на Хироко, его не жаловали в доме. Они приезжали только на свадьбу и крестины.

– Я привез ее домой. Прошлой ночью она была у нас. – Ему не хотелось смотреть в глаза Оливии, в них не было сострадания, только обвинение. Она не сделала ни одного движения в сторону дочери, стоящей перед ней с безраличным взглядом. Бойд помог Кристел сесть на стул.

– Что ты делала? Что произошло?

Бойд повернулся к Оливии Уайтт, злобно на нее посмотрел и произнес то, чего Кристел была не в состоянии сказать сама:

– Ее изнасиловал ваш зять.

– Это ложь! – Оливия подлетела к Бойду. – Убирайся отсюда. Я сама во всем разберусь! – Затем обратилась к Кристел: – Как ты посмела сказать ему такое о муже своей сестры?

Девушка подняла глаза на мать, полные немного удивления. Независимо от того, что с ней произошло, мать это не заботит. Кристел не могла больше скрывать от себя, что эта женщина ее ненавидит, а может быть, и всегда ненавидела. Но теперь это не важно. Для Кристел теперь это все в про-

шлом. Она повзрослела за одну ночь, и последняя связь с ее семьей потеряна.

Бойд посмотрел на Оливию с нескрываемым бешенством:

– Взгляните на нее. Ей следует быть в больнице, но вчера ночью она была напугана и не хотела ехать туда, а я побоялся настаивать.

– Она просто бродяжка. С кем ты была? Ты вообще не пришла вчера домой.

– Я была вчера дома. Но Том... там, в конюшне... Он не разрешал мне выйти. Он был пьян. – Голос Кристел был безжизненным, как и глаза. В ней как будто что-то умерло прошлой ночью – то, что помогало ей вопреки всему любить мать, но теперь своим предательством она это уничтожила.

– Мне следовало бы вышвырнуть тебя отсюда! Марш в свою комнату!

Бойд не мог поверить в то, что услышал, но повернулся к Кристел, глядя на нее с еще большим состраданием:

– Вернемся к нам, Кристел. Не оставайся здесь.

Но Кристел только покачала головой. Ей нужно покончить с этим здесь и сейчас. Что бы это ни значило, чего бы это ни стоило. Она останется здесь, пока не придет в себя. Каким-то образом девушка почувствовала, что ее мать все поняла и рада этому. Она осознала, что мать хочет, чтобы она уехала с ранчо. И она уедет. В свое время. Когда будет готова к этому. Бойд все смотрел на нее.

– Кристел, пожалуйста, не оставайся здесь.

Но Кристел даже не пошевелилась. Она смотрела на него невидящими глазами, думая только о том, что же ей делать. А мать шагнула к двери и распахнула ее:

– Я тебе сказала, чтобы ты убирался, Бойд Вебстер, или ты не расслышал?

Он стоял, расставив ноги, как будто собирался бороться с ней.

– Я никуда не пойду.

– Я вынуждена вызвать шерифа.

– Именно этого я и хочу, миссис Уайтт.

– Ладно, Бойд... – заговорила наконец Кристел. – Со мной все будет нормально. Иди домой...

Он не хотел оставлять ее здесь одну, но ее глаза говорили, что он должен.

– Все будет о'кей, только ты уходи. – Голос Кристел звучал спокойно и твердо, а глаза были печальны.

Бойд еще колебался, а потом медленно побрел к выходу, глядя на Кристел через плечо.

– Я приеду еще. – Он хлопнул дверью, и через минуту машина рванула с места. Мать же приблизилась к Кристел, полная осуждения, но она никак не была готова к тому, что та сделает в следующую минуту. Когда мать приблизилась и в ярости подняла руку, чтобы ударить измученную девушку, Кристел схватила и сжала ее с такой силой, что мать сморщилась от боли и в ужасе отпрянула от нее.

– Не приближайся ко мне, слышишь? Я уже получила от

тебя все, что хотела. От тебя, от Тома, от всех...

Голос Кристел дрожал, а глаза гневно загорелись жгучей ненавистью. Она ненавидела всех. Ненавидела за то, что они сделали за любовь, которую они в ней не предполагали, за страдания, которые ей неоднократно причиняли. Ужасный поступок Тома прошлой ночью стал кульминацией всему. На мгновение вдруг она подумала, что, если бы ее мать относилась к ней по-другому после смерти отца, Том не посмел бы даже дотронуться до нее. Но он знал, что никто не пошлет на него проклятия... так какая разница. Но теперь это будет иметь для него значение. Она отпрянула от матери и ринулась к шкафу, где и сейчас хранилось отцовское оружие. Она взяла одно из ружей, мать закричала, а в дверях появился брат, взирающий на эту сцену в полном замешательстве.

– Черт возьми, Кристел, что ты делаешь? – Он встретился с Кристел взглядом и подумал, что она хочет убить мать. Оливия визжала, а бабушка смотрела на все в немом ужасе.

– Отойди, Джед. – Кристел наставила на него ружье, и он, встретившись с ней взглядом, подумал, что сестра сошла с ума.

– Отдай его мне. – Он протянул руку к ружью, но она ударила его им по руке достаточно сильно, чтобы дать понять брату, что он лезет не в свое дело.

– Она собирается убить Тома! – заорала Оливия, и Кристел повернулась к ней с яростью, о которой никто из них никогда не догадывался, яростью, копившейся месяцами, ро-

дившейся от беспомощности и отчаяния, от скорби по отцу, от полной растерянности, когда она видела, как Том разрушает все, что отец создавал с таким трудом. Никто из них этого не понимал.

– Да, черт возьми, ты абсолютно права. – Она посмотрела Джеду прямо в глаза, и он понял, что в ней не осталось ничего от ребенка. Несмотря на растрепанные волосы и безобразные синяки, она была красива в своей ярости, белая от гнева. – Если хочешь знать, за что – иди посмотри в конюшне!

– Что, черт возьми, он натворил на этот раз? – Джек выглядел обеспокоенным. Быть может, Том опять напился и застрелил одну из лошадей? Но больше он был обеспокоен тем, что его сестра собирается сделать в отместку.

– Почему ты не спросишь его? – Ее лавандовые глаза напоминали льдинки, когда она переводила их с матери на брата.

Оливия опять закричала:

– Не верь ей, она лжет!

– Почему ты так думаешь, мама? – Голос Кристел был странно спокоен. Наставив на них ружье, она, казалось, вновь обрела самообладание. Она перестала быть жертвой. Она собиралась убить Тома за то, что он совершил, и эти мысли привели ее в чувство. – Почему ты считаешь, что он не мог этого сделать? Почему у вас всегда не права я?

Кристел опять начала плакать, и это были слезы ярости

впережку со слезами печали. Чертовски больно осознавать, что тебя не любит собственная мать. Руки, сжимающие отцовское ружье, дрожали. Она держала его направленным на мать и брата. Не важно, что они сделают, она не даст себя в обиду.

– Вспомни, когда я была маленькой, ма, ведь ты любила меня тогда! Помнишь, ты говорила, что я никогда не лгала, как Джед и Бекки... и я не... я никогда... я тоже любила тебя тогда... – Она запнулась. – Почему ты меня так ненавидишь теперь? С тех пор как умер папа, ты ведешь себя так, словно я тебе что-то сделала... а я никогда... ведь так?

На мгновение стало тихо. Но когда мать прорычала свой ответ, в нем была вся ненависть, которую она долго копила в душе:

– Ты знаешь, что сделала. Папочкина прелестница, поющая ему целыми днями... скачущая с ним повсюду, как маленькая бродяжка... и в конце концов... ты была его единственной сладостью. – Оливия посмотрела на Кристел с негодующим обвинением, а та все не могла понять материнского гнева и обиды. В том, что она говорила, не было ни малейшего смысла.

– О чем ты говоришь?

– Ты знаешь о чем, ты – несчастная бродяжка! Значит, ты получила все, что хотела? Ты не получишь ничего от меня, пока я жива. – Она посмотрела на дочь, и взгляд ее наполнился ужасом и страхом. Она решила, что Кристел собирает-

ся убить ее, когда та нервно пошевелила пальцами, державшими ружье. Но Кристел бросилась к двери, пока Джед смотрел в замешательстве на мать. Потом он помчался за ней, но Кристел опередила его, она всегда была проворнее. Он бежал следом за ней через поля, а она неслась, размахивая ружьем, выкрикивая слова предостережения, даже выстрелила в воздух. Он уже понял – что-то случилось, но до сих пор не знал, что именно. Он понимал, что должен остановить Кристел, пока она не натворила что-нибудь с Томом или с Бекки и детьми. Она была не в себе, но он не знал, почему она обезумела.

Том услышал их приближение задолго до того, как они достигли дома. Он увидел Кристел, мчащуюся через поля с ружьем. Он сорвал с вешалки у двери свой дробовик и стал ждать ее появления. Кристел уже дважды выстрелила в воздух, у нее оставалось четыре патрона. Бекки появилась позади Тома, пронзительно крича, истерически хватаясь за него. Она не знала, что происходит, но мгновенно почувствовала приближение чего-то страшного.

– Что ты собираешься делать? – Ее всю трясло, она была страшно напугана, а Том грубо оттолкнул ее и велел вернуться в дом и оставаться там с детьми.

Она послушно пошла в дом и сидела, сжавшись, в гостиной, когда Кристел встала против Тома, нацелив на него ружье дрожащими руками. Джед, задохнувшись, подбежал вслед за ней.

– Опусти его, Сис. – Он старался говорить спокойно, боясь того, что она может сделать, а Том лишь ухмылялся. Он, как всегда, казался пьяным, но руки у него не дрожали, когда он направил свой дробовик на Кристел.

– Как приятно вновь встретиться с тобой, Кристел. Это светский визит или вы с Джедом просто охотитесь?

Он был невозмутим, а Джед беспомощно стоял позади Кристел.

– Том, опусти ружье. Оба вы прекратите это! – Джед был напуган.

Они, очевидно, оба сошли с ума. Неожиданно посмотрев на сестру, он вдруг понял, что с ней произошло. Ему тотчас захотелось взять у нее ружье и самому убить свояка. Но нечего было и думать об этом, пока Кристел держала ружье направленным в голову Тома. Внезапно Кристел опустила его и с выражением удовольствия на лице прицелилась Тому между ног.

– Я пришла поблагодарить тебя за прошлую ночь. – Голос Кристел дрожал. Они держали ружья направленными друг на друга. – Ты больше ни с кем не сделаешь такого, слышишь, Том!

Ей бы хотелось, чтобы он испугался, кричал, оправдывался, умолял, а он только злобно смотрел на нее, на губах прилипла обычная гадкая ухмылка.

Кристел внезапно, без предупреждения, выстрелила и промахнулась, а Том, не зная, ранен ли он, дважды выстре-

лил в ответ. Кристел вздрогнула от звука выстрелов и, повернувшись, увидела Джеда, падающего к ее ногам. У него была прострелена голова, вокруг все было в крови. Джек был мертв. Кристел опустилась перед ним на колени. Откуда-то донесся пронзительный крик. Кристел без чувств упала на Джеда, и все, что она могла вспомнить потом, были Том, злобно смотрящий на нее, и орущая Бекки. Джек умер... И это ее вина. Как если бы она сама выстрелила в него. Он мертв... мертв. А Том спокойно подошел к ней, поднял отцовское ружье и вошел в дом, чтобы вызвать шерифа.

Шериф прибыл через полчаса. Джед все еще лежал в поле, и Кристел по-прежнему обнимала его. Она смутно помнила, как ее подняли, отвели в сторону и расспрашивали о случившемся. В памяти осталась машина «скорой помощи», приехавшая за Джедом, истерически кричащая мать, Бекки с детьми, которые недоуменно на все смотрели, шериф, который все повторял, что она совершила ужасную вещь. А она все твердила, что не убивала Джеда. Но они знали. Выяснилось, что сделал с ней Том; ходили в конюшню, где на полу еще оставалась ее кровь. Потом ее отвезли в больницу, с ней были Бойд и Хироко. Там они подписали свидетельство о том, что она находилась в невменяемом состоянии прошлой ночью, сфотографировали ее синяки. Шериф, вместо того чтобы поместить ее в тюрьму, позволил ей остаться у Вебстеров, и они ходили с ней на дознание. Ее должны были обвинить в покушении на убийство, но Том настаивал, чтобы с нее сняли обвинение. В противном случае его самого обвинили бы в изнасиловании и непреднамеренном убийстве. На суде происшедшее назвали случайностью, а Том был обвинен в изнасиловании. Но в конце концов все обвинения были сняты, и смерть Джеда объявили несчастным случаем. Кристел из зала суда поехала к Вебстерам и не видела Тома и мать вплоть до похорон Джеда. В церкви во время похоро-

рон Кристел и Вебстеры сидели сзади. Потом всю церемонию подробно описали в местных газетах.

На похоронах присутствовали все друзья Джеда, девушка из Калистога, с которой он встречался. Все плакали, включая Тома, который, выходя из церкви, с осуждением посмотрел на Кристел. Он нес гроб с телом свояка, и это вызвало у Кристел приступ дурноты. Но так хотела Оливия. По ее мнению, вина за смерть Джеда лежала не на Томе, а на Кристел. Его похоронили рядом с отцом. Этого дня Кристел не забыть никогда. Она стояла, слепо уставившись в небо, и думала о превратностях жизни. Не осталось ничего, кроме злобы, вины, лжи, печали от потери отца и брата. Бойд хотел увести ее и взял под руку, но она остановилась и посмотрела на мать.

– Не смей возвращаться на ранчо. Отца, который мог бы защитить тебя, нет, а я хорошо знаю, какая ты. Ты убийца, бродяжка, ты не наша, чужая здесь, хотя отца ты ухитрилась убеждать в обратном. – Мать изливала яд на младшую дочь, а та лишь покачала головой. Ее собственная ярость иссякла. Она всю жизнь будет помнить, как ее гнев стоил брату жизни. Она сделает все, чтобы изменить свою жизнь, даже если для этого придется позволить Тому остаться безнаказанным. Ничего не восстановить, не изменить того, что он сделал, не вернуть к жизни Джеда. Его жизнь закончена, ее продолжается.

– Тебе не надо выгонять меня, ма. – Кристел говорила спокойно. – Я сама не хочу возвращаться. Не хочу видеть эти

места. Это все теперь ваше. А я уезжаю.

– Почему бы тебе не отказаться письменно? – Том заговорил у нее за спиной, и его запах вызвал у нее тошноту, но Кристел старалась не обращать внимания.

– В этом нет необходимости. Завтра я уезжаю. – Ей нечего было оставлять, кроме кусочка земли, которую она так любила. Люди, которых она любила, ушли, а единственные оставшиеся были посторонними людьми.

– Смотри не возвращайся! – прогремел голос Тома, а Бойд подошел и взял ее за руку:

– Пойдем, Кристел. – И, крепко держа ее под руку, увел прочь.

Когда они сели в машину, слезы невольно потекли по ее щекам, она отвернулась к окну, а Хироко тихонько погладила ее по руке. Никто не мог произнести ни слова. Ровное течение жизни резко изменилось. Умер Джед, а ведь он был почти еще мальчик. Приехав к Вебстерам, Кристел отправилась гулять в одиночестве. Она бродила среди высокой травы позади дома, напевая тихонько песню, которую когда-то любили слушать ее отец и брат. Она напевала «Изумительную молитву», и ее захватили воспоминания.

Никто не слушал ее, никто не любил. Возвращаясь, она чувствовала себя такой одинокой, ей казалось, она не сможет пережить это одиночество. Но она должна, обязана выжить. Она должна выполнить то, что обещала отцу и себе несколько лет назад. Сейчас она должна уехать в другой мир. Но с

памятью о них, сокрытой глубоко внутри.

К памяти Джеда примешивалось чувство вины, которое, она знала, пронесет через всю жизнь. Если бы она не помчалась к Тому с отцовским ружьем, Джек бы не погиб. В известном смысле получалось, будто она сама его убила, и она знала, что это чувство останется с ней навсегда. Ничто никогда не изменит его и не заглушит боль. Ничто не сделает ее вину меньше, что бы ни случилось в ее жизни. По ее мнению, она виновата в смерти брата, как будто она сама нажала на курок.

Она медленно брела среди высокой травы, напевала песни, которые они пели вместе, когда были детьми, слезы текли у нее по щекам, и она печально смотрела в небо.

– Прощай, Джек, – прошептала она слова, которые не сказала ему при прощании, – ...я люблю тебя.

Кристалл пробыла у Бойда с Хироко несколько дней. Она намеревалась уехать на следующий день после похорон, но была настолько подавлена горем и чувством вины, что оказалась не в состоянии сделать это. Понадобилось несколько дней, чтобы прийти в себя. Она играла с Джейн, ходила гулять одна, и Хироко не беспокоила ее. Она инстинктивно понимала, что сейчас необходимо Кристалл.

Девушка побывала в своем доме, забрала вещи и кошелек с деньгами. Бойд и Хироко уговаривали ее остаться у них и закончить школу, но она знала, что не может. Она не смогла бы встретиться со своими одноклассниками – за одну ночь она стала старше их всех на целую жизнь. До окончания занятий осталось всего шесть недель, но теперь это не важно. Кристалл должна уехать прямо сейчас, и она понимала это.

– Но куда ты поедешь? – спросила как-то за ужином Хироко.

– В Сан-Франциско. – Девушка уже все для себя решила. У нее пятьсот долларов, которых хватит на первое время, чтобы снять комнату, пока она подыщет работу. Она решила устроиться куда-нибудь официанткой, заработать побольше денег, а потом – в Голливуд. Теперь ей нечего терять, и она попробует.

– Ты же еще совсем ребенок, как ты поедешь в город одна?

– Бойд беспокоился за нее, в глазах Хироко стояли слезы. Но Кристел была уверена, что справится со всеми трудностями, ее детство закончилось. Ребенок умер в ней в тот момент, когда пуля Тома убила Джеда.

– А сколько было тебе, когда тебя призвали в армию?

– Восемнадцать.

Кристел печально улыбнулась:

– Война – это, пожалуй, посерьезнее поездки в Сан-Франциско.

– Что ты сравниваешь! У меня не было выбора.

– Так же как и у меня.

Эти слова она произнесла спокойно. Волосы Кристел собралась на затылке, синяки начали проходить, хотя их оставалось много. Но даже с синяками она была чертовски красива. В ней появились сила и уверенность. И она прекрасно знала, что ей надо уехать. Ее жизнь в долине подошла к концу.

В день отъезда Бойд довез ее до автобусной остановки. Кристел пообещала дать им знать, где она остановится. Они вместе дождались автобуса. Хироко попрощалась с ней дома, и их прощание было не из легких. А сейчас они с Бойдом уже несколько минут боролись со слезами.

– Малышка, береги себя. – Он относился к Кристел, как к сестре, и они с Хироко были для нее всем. Ее семьей, которую она любила. Тяжело покидать близких, но ее ждал целый мир, полный обещаний и надежд. Она достаточно молода, чтобы начать новую жизнь без таких людей, как Том Паркер.

Кристал села в автобус, помахала Бойду рукой и послала ему воздушный поцелуй. Мужчины в автобусе разглядывали их с интересом. Во время поездки она смотрела из окна на проплывавшую мимо долину и, несмотря на печальные воспоминания, которые девушка увозила с собой, почувствовала нарастающее возбуждение. Мир вокруг полон волнующих мест, которые она хотела бы увидеть, и Сан-Франциско – это лишь первый шаг. А потом, кто знает, куда занесет ее судьба?

Автобус остановился на углу Третьей и Таунсенд улиц. Кристел вышла и огляделась. Все выглядело оживленно и волнующе, хотя вокруг было довольно грязно. Кристел приехала в Сан-Франциско дважды. Один раз с отцом, будучи еще ребенком, а второй – с Бойдом и Хироко на крестины их дочери. Но в этой части города, непривлекательной, грязной, она не была. Она заметила несколько пьяных, в воздухе стоял запах пива, вина и невымытых тел, но чувство приключения не покидало Кристел. Она купила прямо на остановке карту и газету и уселась их изучать. Оделась она просто, у ног стоял чемодан.

Кристел нужно было найти комнату до наступления темноты. Вопрос лишь в том – где. Она не имела ни малейшего понятия, с чего следует начинать поиски. В газете нашла несколько подходящих объявлений о сдаче комнат в Чайна-тауне и выбрала два адреса, решив начать с них.

Выйдя на дорогу, девушка поймала такси и спросила у водителя, какой из районов более безопасен. Водитель, оглядев ее, сразу понял, что она не местная. В своем голубом платье и с соломенными волосами, собранными на затылке, она выглядела совсем юной, и он никогда не видел девушку красивее ее. Он удивленно подумал о том, что она делает в городе совсем одна. У него самого была внучка примерно ее

лет, и ему не хотелось бы встретить ее одну в этом районе. Он глянул в газету и предложил поехать по адресу, который Кристел не заметила. Это был итальянский район рядом с Телеграф-Хилл, где-то на Норт-Бич.

– Давай сначала попробуем туда. Это лучше, чем те два, к тому же там наверняка не так дорого.

Ему захотелось сделать для этой малышки что-нибудь приятное. Она так молода и красива. Он решил не брать с нее денег. Этот пожилой мужчина хотел помочь ей.

– Ты приехала к друзьям?

Он вдруг подумал, что она убежала из дома, но не похоже, что она от кого-то скрывается. У нее был вид ребенка, впервые попавшего в большой город. Он продолжал разглядывать ее в зеркало. Кристел ответила, что не собирается никого навещать, с опаской глядя в его сторону. Она изо всех сил старалась держаться уверенно, ей не хотелось, чтобы он догадался, как она напугана.

– Откуда ты?

– Из Александровской долины. Это севернее Напы. – Произнеся эти слова, она почувствовала горечь. Ей показалось, что с тех пор, как она уехала отсюда, прошли дни, а не часы.

– Ты, наверное, к родственникам?

– Нет, – спокойно ответила она, глядя в окно. – Я собираюсь тут пожить. Немного.

А потом, кто знает? Мир ждал, чтобы открыть перед ней все свои двери, как когда-то обещал ей отец. Когда они подь-

ехали к Норт-Бич, она почувствовала, как свежа в ней боль от прощания с прошлым.

Они пересекли Маркет-стрит и повернули на восток. Он повез ее через пристань Амбаркадеро, затем поднялся через Чайнатаун по Норт-Бич туда, где находился дом, указанный в адресе. Это был маленький простой домик с чистыми занавесками на окнах. На ступеньках крыльца сидели две пожилые женщины и оживленно беседовали. Их белые передники и аккуратно собранные на затылке волосы напомнили Кристел бабушку Минерву, но она постаралась избавиться от этих мыслей. Ее жизнь в долине и все, что напоминало об этом, и все, кто там остался, – все было в прошлом.

Она поблагодарила водителя и спросила, сколько ему должна.

– Да все в порядке, ничего ты мне не должна. – Его голос прозвучал немного хрипло, а сам он казался смущенным, но он не хотел брать с нее денег. В конце концов, она просто ребенок, такая симпатичная и молодая. Ему приятно смотреть на девушку.

Кристел еще раз поблагодарила пожилого человека, но он задержался и наблюдал, как она подходит к женщинам со своим чемоданом. Потом сел в машину, насвистывая и надеясь, что у этой девушки все будет хорошо. Она молода, очень красива, и ему показалось, что она сможет постоять за себя. Женщины тоже все это заметили, когда она подошла к ним и, поставив свой чемодан, спросила о сдающейся комнате.

Девушка выглядела даже моложе своих лет с ореолом светлых волос, обрамляющих лицо. Женщины продолжали пристально ее изучать, и ей стало интересно, о чем они думают.

– Извините, я насчет комнаты. У кого это можно узнать?

– А почему ты не в школе?

Женщина смотрела на Кристел с подозрением. Она поднялась, отряхивая фартук. У нее были черные глаза и лицо, испещренное морщинами.

– Я закончила школу в прошлом году, – солгала Кристел, пока женщины продолжали ее рассматривать. – Могу я посмотреть комнату?

Она не позволит себе расслабиться и испугаться.

– Может быть. У тебя есть работа? – Женщина опять села на ступеньки.

Кристел улыбнулась, стараясь казаться уверенной. Вдруг ей придется сначала искать работу, чтобы найти комнату? Что же делать? Она была на грани паники, но решила говорить правду или часть ее:

– Еще нет. Я приехала сегодня днем. Я собираюсь начать поиски, как только найду квартиру.

– Откуда ты?

– Несколько часов езды на север.

– А твои родители знают, что ты здесь? – Как и водитель такси, она подумала, что Кристел убежала из дома.

Кристел покачала отрицательно головой, а в глазах ее ни-

чего нельзя было прочитать.

– Мои родители умерли. – Она произнесла это с таким странным спокойствием, что в первый момент женщины не знали, что сказать. Затем хозяйка поднялась со ступенек. Она смотрела на Кристел и думала, что никогда не видела такой красавицы: светлые волосы, длинные ноги, тонкие черты. Она выглядела как кинозвезда.

– Идем, я покажу тебе комнату. Посмотришь, понравится ли она тебе.

– Спасибо. – Кристел взяла чемодан. Она казалась спокойной и полностью владела собой.

Комната была крошечной и душной. Хозяйка сдавала шесть комнат. На всех постояльцев была одна ванна. И только у самой хозяйки при комнате была отдельная ванна. Она находилась на первом этаже, рядом с кухней, которой квартиранты могли пользоваться за отдельную плату. За саму комнату хозяйка просила сорок пять долларов в месяц. Она была почти пустой и выходила окнами на стоящее позади строение. Но Кристел сочла ее подходящей, так как не знала, куда еще пойти. Здесь было довольно чисто, на двери прочный замок. Она чувствовала себя здесь в безопасности, да и хозяйка наблюдает за всеми проходящими и уходящими.

– Будешь платить за месяц вперед, наличными. Если захочешь отказаться от комнаты, предупредишь за две недели.

Как раз этого жильцы обычно не делали. Они постоянно менялись, но хозяйка содержала комнаты в чистоте и ста-

ралась сдавать их только приличным людям. Никаких пьяниц, проституток и распутных мужчин. Она всегда старалась брать людей аккуратных и спокойных, таких, какой, на ее взгляд, была Кристел. На третьем этаже жили двое пожилых мужчин и одна девушка, а на одном этаже с Кристел – три девушки и молодой страховой агент.

– Если у тебя не будет работы, ты не сможешь платить за комнату. Разве только у тебя есть деньги.

– Я постараюсь найти работу как можно скорее.

Кристел посмотрела хозяйке прямо в глаза. Она отсчитала из бумажника четыре десятидолларовые купюры и пять долларовых. Эти деньги она заработала в кафе. Как хорошо, что она сохранила их. Девушки ее возраста тратили на чулки, кино, газировку, а Кристел дрожала над каждым центом, который зарабатывала и прятала от матери.

– Нет ли поблизости ресторана, где нужны работники? Женщина рассмеялась. Здесь их полно, но она не знает ни одного, где бы Кристел могли взять на работу.

– Ты говоришь по-итальянски?

Кристел с улыбкой покачала головой.

– Без этого они не принимают на работу. И не берут девушек.

Кристел была слишком юная и симпатичная, а на Норт-Бич официантами принимали лишь мужчин-итальянцев.

– Может быть, в городе, в другом районе?

Но когда Кристел пошла искать на следующий день, ни-

кто не хотел нанимать ее на работу, хотя она говорила, что у нее есть опыт. Все лишь смеялись и даже не просили ее оставить номер телефона. Кристел была обескуражена. Она купила сэндвич и вернулась на квартиру к миссис Кастанья. Та сидела, как обычно, на ступеньках, наблюдая за постояльцами, болтая со знакомыми.

– Нашла работу?

Она смотрела, как Кристел медленно поднималась по ступенькам. Неудобные туфли растерли ноги, голубое платье выглядело таким же выцветшим, как и сама Кристел. Сгустился туман, она дрожала от холода. В мае здесь холоднее, чем в долине, а она к этому еще не привыкла. В комнате она зажгла маленькую газовую плитку. Миссис Кастанья сказала, что никто ничего не получает у нее бесплатно. Она не собирается никого содержать. Она вырастила десять детей, и они все разъехались. А она хорошо зарабатывает, сдавая эти комнаты. В отличие от Кристел, которая пересчитывала дрожащими пальцами оставшиеся деньги, сидя на единственном стуле и глядя на распятие над кроватью. Кроме него, единственным украшением комнаты был акварельный рисунок Девы Марии, нарисованный одной из дочерей миссис Кастанья, бывшей, как потом узнала Кристел, в монастыре. Другие вышли замуж и обычно приходили к матери по воскресным дням. Кристел моталась по городу две недели и уже начала паниковать. Возвращаясь однажды вечером домой, она думала, что ей вообще не удастся найти работу.

Она уже соглашалась работать кассиром или посудомойкой, но над ней только посмеивались. Она всегда оказывалась то не того цвета, то не того пола, говорила не на том языке.

Этим вечером она шла домой через знаменитый район Сан-Франциско – Пиратский берег. Сияли огни клубов и ресторанов, парочки прогуливались рука об руку, смеясь и болтая. В отличие от Норт-Бич здесь все сияло, выглядело намного респектабельнее. Кристел была в голубой юбке и белой блузке, старых лакированных выходных туфлях и свитере, заимствованном у хозяйки. Он был черный, как и все, что та носила, и на десять размеров больше, но миссис Кастанья пожалела Кристел, дрожащую от холода по вечерам. У Кристел единственной теплой вещью был меховой жакет, который она надевала, отправляясь верхом с отцом по утрам. Ее гардероб оставлял желать лучшего. Но не это беспокоило ее. Она хотела найти работу, какую-нибудь, даже если ей придется мыть полы. Это далеко от ее мечты о Голливуде, но ей надо есть и платить за квартиру. Ей нужно хоть как-то зарабатывать на жизнь. Она решила на следующей неделе обойти отели, а сейчас в последний раз попытать счастья в ресторане. Она стояла перед красивым, респектабельным рестораном, надпись на котором гласила «У Гарри». Кругом яркие огни и надпись пониже, обещавшая представление.

Кристел нерешительно топталась на ступеньках, не обращая внимания на взгляды парочек, выходящих из ресторана. Все они были хорошо одеты. Кристел смотрела через окно

на стоящего на сцене мужчину, исполняющего песню Кола Портера, и двух аккомпанирующих ему музыкантов. К ней торопливо подошел старший официант и резко спросил, чего она хочет. Здесь не терпели любопытных, пялящихся на шоу, не терпели проституток, стремящихся подцепить клиента. Однако Кристел никак не походила на проститутку. В этом не по размеру свитере и поношенной одежде она больше смахивала на сироту.

– Так что же ты хочешь?

Кристел посмотрела ему прямо в глаза и постаралась унять дрожь в коленях.

– Работу какую-нибудь. Я буду мыть посуду, убирать со столов... что-нибудь... Мне очень нужна работа.

Он только собрался ей отказать, как вдруг увидел, до чего она хороша собой. От одного взгляда замирало сердце, взгляд ее волновал. Он подумал вдруг, что она, вероятно, понравится Гарри, взглянул на часы, может, шеф еще в конторе, но час уже был поздний.

– Ты работала в ресторане? – Он поправил галстук-бабочку, скользнув взглядом по столам, и вновь посмотрел на Кристел. У нее такое лицо, что хотелось плюнуть на все и смотреть на него всю жизнь. А Кристел, казалось, не заметила, какое произвела впечатление. Она очень нервничала, но все же в ней были особая открытость и чувственность. – Ты когда-нибудь работала официанткой?

– Да. – Из страха, что он ей сейчас откажет, она не сказала,

что работала в деревенском кафе.

– Сколько тебе лет?

– Восемнадцать. – Кристел не умела врать и произнесла это неуверенно.

– Для того чтобы работать здесь, надо быть постарше. Таков закон. – Он указал ей на дверь.

– Ну тогда мне двадцать один... пожалуйста! – Голос у Кристел был нежный, невероятно синие глаза улыбались, и он начал оттаивать. – Ну пожалуйста, ведь никто не узнает...

– Кристел почувствовала, что он смягчился. – Я буду хорошо работать, клянусь... ну испытайте меня, хоть несколько дней, неделю... пожалуйста.

Она смотрела на него с такой мольбой, что он не решился ей отказать. К тому же она просто красавица и такая молодая, незащищенная. Что-то подсказывало ему, что ей действительно очень нужна работа и она будет стараться. Но, черт возьми, что скажет Гарри? Хотя, в конце концов, если она им не подойдет, они всегда могут отказать. Он вновь посмотрел на Кристел и встретил ее серьезный взгляд.

– Ладно, приходи завтра в обед. Одна из девушек даст тебе униформу. И подкрасься немного, а то выглядишь на пятнадцать. И ради Бога, избавься от этого свитера.

– Да, сэр. – Она улыбнулась ему совсем по-детски. Он смотрел на нее и думал, что никогда не видел девушки красивее ее. Значит, ей восемнадцать. Он надеялся, что Гарри поверит, что ей больше.

– Приходи завтра ровно к четырем.

– Да, сэр, спасибо, – поблагодарила она хриплым от волнения голосом.

Ему было немного странно, что никто не перехватил ее. С такими данными из нее можно сделать танцовщицу или даже стриптизерку. Хотя совершенно очевидно, что девушка совсем невинная. Он долго еще думал о Кристел Уайтт, а она, боясь, что он передумает, выскочила из ресторана и бросилась к дому миссис Кастанья.

В первую очередь она сняла и возвратила свитер со словами благодарности и поделилась, что нашла работу. Она говорила с такой гордостью и достоинством, будто стала по меньшей мере президентом «Дженерал моторе».

– Ты нашла приличную работу? – подозрительно спросила хозяйка. Да, девчонка очень хороша собой. Вот и страховый агент часто выглядывал в холл в надежде столкнуться с Кристел по пути в ванную. Но та, казалась, его не замечала. Она была спокойна и обходительна. Она не теряла самообладания, была скромна и вежлива, сидела у себя в комнате и не выходила даже на кухню. Незаметно для себя миссис Кастанья полюбила ее.

– Да, в ресторане, – гордо сказала Кристел, а женщина улыбнулась. Прелестная девочка, она представлялась ей одной из внучек.

– Что делать?

– Накрывать на столы.

– Хорошо. – Хозяйка приняла суровый вид, но не могла скрыть симпатии. Хорошая девушка и не доставляет никаких хлопот. – Ты должна быть уверена, что они заплатят.

Рента заканчивается через десять дней, и в этом месяце уже поздно отказываться от комнаты.

Да, она всех их держит в страхе. Это дисциплинирует. Но Кристел лишь улыбнулась. Она видела хозяйку насквозь и тоже любила ее.

– Я знаю, миссис Кастанья, но не собираюсь съезжать.

– Ну и хорошо, очень хорошо. – Она повернулась и пошла на кухню.

На следующий день Кристел прошла несколько кварталов до ресторана на Бербери, думая, насколько работа в ресторане отличается от ее опыта в деревенском кафе. Она пришла ровно в четыре. Волосы Кристел собрала в тугий узел, губы подкрасила. Помаду она купила утром. Она была красная и слишком яркая для ее матовой кожи, но, посмотрев в зеркало, Кристел осталась довольна – теперь она выглядела немного старше.

Метрдотель, который нанял ее прошлым вечером, представился как Чарли и передал ее на попечение еще очень эффектной официантки по имени Перл. Та улыбнулась и сказала, что на самом деле она Филлипс, но никто не называл ее так с самого детства. Она добавила, что работает здесь давно, а до этого была танцовщицей. Она иногда помогает Гарри, когда кто-нибудь заболит или публика того желает. Она

знает Гарри целую вечность; о том, что она была когда-то его любовницей, Перл умолчала. Она очень внимательно разглядела Кристел, нашла ей чистую униформу и провела на кухню.

– Особенно оживленно здесь после восьми, но немного утихает ближе к десяти, а потом все возвращаются на последнее представление в полночь.

Это был ресторан и ночной клуб. Кристел с интересом оглядывалась вокруг. Она надеялась выдержать испытательный срок. Перл пригласила ее пообедать с ними и попросила помочь. А Кристел, слушая уютную болтовню, поняла, что ей здесь очень нравится. На кухне собрались официанты и официантки, повара, посудомойки. Кухня оказалась больше, чем представляла Кристел. Она подумала, что это хорошо. Как здорово, что она отважилась зайти сюда и попросить работу. Она улыбнулась, подумав, что даже не знает, сколько ей собираются платить. Перл говорила, можно оставлять чаевые, а если кто-нибудь попытается пристать или будет грубить, нужно позвать Чарли, метрдотеля, или одного из буфетчиков.

– Здесь приятно работать, – воскликнула Перл, – они не особенно загружают нас работой. Гарри – хороший парень.

Теплые воспоминания затуманили ее взгляд, и Кристел это заметила. Потом она спросила, к ужасу Кристел:

– Ты что, девочка-новичок?

Кристел молча уставилась на нее, и Перл вдруг рассмея-

лась.

– О черт, да нет, ты не поняла. Я имела в виду, работала ли ты когда-нибудь в подобных местах?

Кристал тоже рассмеялась, услышав такое объяснение вопроса. Она понизила голос и сообщила доверительно:

– По правде сказать, я работала только в деревенском кафе.

Перл усмехнулась и погладила тонкие руки Кристал:

– Да, тебе придется многому научиться. Держись меня, я тебе помогу.

Кристал поблагодарила свою счастливую звезду в лице Перл позже, когда они были заняты работой. Она волновалась, накрывая столы, под пристальным взглядом Чарли. Посетители рассчитывали, что она запоминает все, что они заказывают, и она старалась исполнять заказы точно. Обслужив последнего клиента, она поняла, что справилась. И Перл это подтвердила. У Кристал скопилось чаевых на двадцать один доллар. Это почти половина месячной платы за квартиру. Ей захотелось скорее попасть домой и поделиться радостью с миссис Кастанья.

– Тебя подвезти? – спросила Перл, у которой была старенькая машина.

Кристал с радостью согласилась. Ноги гудели, и она подумала в первую очередь о покупке новых туфель к завтрашнему дню. Они подъехали к дому миссис Кастанья на Грин-стрит, и Кристал мягко поблагодарила свою новую подружку.

– Не за что. Здесь ты и живешь? – Перл с любопытством разглядывала дом. – Ты живешь со своими стариками?

Кристал покачала головой:

– Я снимаю здесь комнату.

Перл понимающе кивнула, думая о том, что эта девочка, возможно, добьется большего. Она из тех, кому мужчины с удовольствием дают чаевые за одно только удовольствие поболтать с ней.

– Спокойной ночи, – сказала Перл и, развернув машину, поехала домой, а Кристал открыла дверь своим ключом и прошла в комнату. Впервые за много недель она спала спокойно. Да, она очень устала. Но она работает, и это удача. Прежде чем окончательно заснуть, Кристал подумала, что ей нравится Сан-Франциско. Это далеко от дома, но ей этого и хотелось.

Кристал проработала уже две недели, когда наконец встретила с Гарри. Работа была тяжелая, но платили хорошо, и еще каждый вечер у нее оставались чаевые. Посетители относились к ней как к дочери. Впервые со времени смерти ее отца люди были так добры с ней, она чувствовала себя уютно. Никто не кричал на нее, никто не сердился за то, что она такая, какая есть. Она все время мурлыкала что-то себе под нос и, приходя на работу, выглядела счастливой. Гарри много слышал о ней и заинтересовался.

Он считал, что все преувеличивают, но, увидев Кристал, понял, что она действительно сногшибательна. Он смотрел на нее через зал. Кристал видела, как он разговаривает с Перл, но не слышала о чем. Вдруг Перл сделала ей знак подойти. Кристал почувствовала волнение, подходя к ним. Она боялась, что он узнал, сколько ей лет, и решил уволить ее.

– Кристал, это Гарри, хозяин ресторана.

Она поздоровалась с ним за руку, испытывая страх, но изо всех сил стараясь скрыть его за улыбкой.

Она была даже красивее, чем он представлял, она просто ошеломляла.

– Здравствуйте, Гарри. – Голос был глубокий и нежный. У него появилось чувство, что он нашел алмаз в тюбике зубной пасты.

– Я слышал, ты хорошо работаешь.

Он слышал намного больше, но ничего не сказал ей об этом.

– Тебе здесь нравится?

– Да, очень. – Она лучисто улыбнулась Перл, которая с гордостью смотрела на нее. Она интересовалась ее делами, и временами казалось, что Кристел – ее дочь.

– Перл говорит, ты немного поешь?

Он и сам прекрасно знал положение вещей, но хотел осторожно подготовить ее к своему предложению.

– Ты когда-нибудь думала о том, чтобы петь на сцене? Кристел отрицательно покачала головой.

– Может, попробуешь?

Кристел колебалась. Она посмотрела на Перл.

– Она тебя научит кое-чему. С таким лицом, как у тебя, мы можем попробовать.

Он старался говорить небрежно, чтобы не испугать ее, а для себя уже все решил и именно об этом разговаривал с Перл последние полчаса. Та считала, что глупо заставлять Кристел бегать на кухню и обратно с подносом.

– Попробуем? – Тон у Гарри был ободряющий, и Кристел почувствовала возбуждение. Она любит петь, и мысль о возможности петь в ресторане, перед аудиторией, приводила ее в трепет. Ей хотелось обнять и расцеловать Гарри, но она старалась быть сдержанной. Она лишь засмеялась своим мягким смехом:

– А если забросают тухлыми яйцами?

– Мы тебя выручим, – усмехнулся Гарри.

Он действительно был приятным человеком и понравился Кристел.

– Ты не против, если Перл тебя подучит кое-чему? Она довольно сносно поет и чертовски хорошо танцует, танцевала когда-то, пока не сломала лодыжку.

Они познакомились много лет назад, когда Перл работала в театре «Фокс», были любовниками, но это было так давно. Когда она не смогла танцевать, он принял ее к себе на работу. К ней у него осталось теплое чувство. Это видно по его взгляду, когда он говорил о ней.

– Так что пусть Перл покажет тебе пару вещичек, хорошо, малышка?

– Хорошо, – вымолвила она, улыбаясь Перл.

Гарри ушел, а она испуганно подумала, что не справится. Она дождалась, пока он отошел достаточно далеко, и посмотрела на Перл:

– Ты думаешь, я смогу?

Перл задумчиво покачала головой. Она вдруг испугалась, что Гарри клонет на Кристел, она ведь такая красивая. Но Кристел даже и не пыталась привлечь его внимание.

– Не беспокойся, все будет отлично. У тебя получится. Все сойдут с ума, когда услышат твой голос.

Я научу тебя кое-чему. Они сразу влюбятся в тебя. Приходи завтра в два, и мы порепетируем под пианино.

Она посмотрела на девушку, лишь немного завидуя ее юности. Она слишком любила ее, чтобы злиться.

– А ты не передумаешь? – Кристел смотрела на нее с восхищением.

Перл рассмеялась:

– Нет, черт возьми, не передумаю. Для меня это пустяки. – Она улыбнулась задумчивой, полной воспоминаний улыбкой. – Я не передумаю ради Гарри.

Кристел встретилась с ней на следующий день, и Перл показала ей несколько простых танцевальных движений. Кристел поразили ее фация и гибкость.

– Как ты красиво танцуешь!

Глаза ее блестели от восхищения, и Перл была тронута.

– Совсем не то, что раньше. Была – да. Но это было чертовски давно. Я сломала лодыжку, она не срослась нормально, и это стало концом моей карьеры. Однако я была простой танцовщицей.

Они репетировали на сцене около часа. Перл показывала, как двигаться под музыку, как держать микрофон.

– Теперь послушаем, как ты поешь. Здесь тебя не надо учить. Спой что-нибудь по своему выбору.

Кристел выбрала песню, которую любил отец, и Перл подобрала ее на слух. Кристел начала неуверенно, но потом на нее нахлынули воспоминания об отце, о детстве. Голос Кристел окреп вместе с болью и нежностью. Она закрыла глаза, а когда закончила, по щекам катились слезы. Перл сидела по-

раженная, не в силах произнести ни звука. Это гораздо лучше, чем она ожидала. Голос Кристел обладал чистотой и силой, заставлял зрителей затаить дыхание.

– Бог мой, я не представляла, что ты можешь так петь. Хоть сейчас на студию делать запись.

Кристел очнулась и вытерла слезы. В ресторан стали собираться служащие к началу работы.

– Может быть, когда-нибудь.

Но она все еще сомневалась, что это когда-нибудь произойдет. Перл обещала продолжить репетицию на следующий день. У них появился секрет. Вечером Перл сказала Гарри:

– Ты поставил на победителя. Она еще не знает об этом, я не хочу ее спугнуть, но она фантастична. Ее голос заставляет умирать. Немного подучить, и однажды она станет звездой. Вот подожди, ты ее услышишь.

Гарри весь светился. На следующий день он вышел из конторы послушать. У него на глазах тоже показались слезы. Возвращаясь в контору, он улыбался.

Перл и Кристел репетировали весь май и часть июня. В один из вечеров, в четверг, они поняли, что Кристел готова выступить перед публикой. Она отрепетировала тридцать песен, все шло гладко. Гарри знал, что ей предстоит выступить этим вечером, и, волнуясь, стоял в стороне. Такая находка, как она, бывает раз в жизни.

– Удачи, – прошептал он, когда Кристел поднималась на

сцену в бледно-голубом вечернем атласном платье, которое ей одолжила Перл.

Она осторожно вышла на сцену, почти с ужасом глядя в ту сторону, где стояла Перл, думая, что зря они все это затеяли. Перл подбодрила ее знаком. Включили прожектор, полилась музыка, и Кристел забыла обо всем и заставила петь свое сердце. Она исполнила песню Билла Холидея «Бог благословил дитя». Она оправдала все надежды. Это было потрясающе. Ее голос взял в плен сердца всех в зале своей неожиданной силой и чистотой. Она заставила их плакать. Ей аплодировали, не отпуская со сцены. Кристел поняла, что она победила. Она мечтала о таком мгновении, и вот оно настало. Сейчас ей уже не нужен Голливуд, ей нужны эти люди, этот ресторан, это мгновение. Потом Гарри принес шампанское и, глядя на Кристел светящимися глазами, пригласил их с Перл посидеть вместе.

– Ты мечтала когда-нибудь стать певицей, малышка?

– Нет, сэр. – Она мечтала стать кинозвездой, но не певицей.

Он похлопал ее легонько по руке и налил бокал шампанского, улыбнулся Перл и затем сказал, обращаясь к Кристел:

– Зови меня просто Гарри.

Восторг переполнял ее душу. Мечта превратилась в реальность, забыты все кошмары прошлой жизни. Когда она вернулась домой, то чувствовала себя Золушкой. Она больше не официантка, она певица. Поднимаясь по лестнице, она

улыбалась. Входная дверь открылась со скрипом. В холле она увидела хмурое лицо миссис Кастанья. Та любила держать всех постояльцев в узде, но совершенно менялась, когда речь шла о Кристел.

– По какому поводу ты такая счастливая? Завела себе приятеля? – Голос хозяйки гремел по лестнице, и Кристел отвернулась к перилам и улыбнулась.

– Кое-что получше! – Она не знала, как лучше объяснить. – Я получила другую работу.

Она с удовольствием вспомнила сегодняшнее выступление и нескончаемые аплодисменты. Но миссис Кастанья еще больше нахмурилась:

– Ты, надеюсь, не делаешь ничего недостойного?

За то время, что Кристел прожила с ней, она стала ее добровольной наперсницей. Кристел тряхнула головой и улыбнулась пожилой женщине:

– Ну конечно, нет!

– И что же это за работа?

– Мне позволили петь сегодня!

Она сияла при этом, а женщина в черном выглядела удивленной. Она не подозревала у Кристел каких-либо талантов. Ну, молода, красива, накрывает столы в каком-то ресторане, вовремя платит за квартиру, а однажды, получив жалованье, принесла хозяйке цветы.

– Что же ты пела? – Женщина все еще смотрела подозрительно.

– То, что поют в ночных клубах.

– Вот уж не знаю, я не посещаю такие места. – Она явно не одобряла этих перемен. – Мы сейчас спустимся, и ты все расскажешь.

Кристал очень устала, но вынуждена была согласиться. Она медленно спускалась по лестнице, волосы каскадом струились по плечам. Она уже переоделась, голубое платье было аккуратно сложено и заперто у Гарри.

Миссис Кастанья ждала ее внизу, и Кристал смотрела на нее как девочка, вернувшаяся с первого свидания. Глаза были мечтательны, и в них сияло счастье.

– Ты выглядишь как нельзя лучше, мисс Кристал Уайтт. Так что они заставляют тебя делать?

– Они не заставляют. Они позволили мне петь на сцене и одолжили красивое голубое платье.

– Ты хорошо поешь? – Она сощурилась, стараясь разглядеть что-то, но увидела только Кристал. – О'кей, догадываюсь. Кажется, ты понравилась публике. – Она с сомнением покачала головой. – Идем, покажешь мне. – Она повернулась круто на пятках и зашагала в свои маленькие апартаменты.

Кристал, посмеиваясь, шла следом. Женщина села на свой любимый стул и выжидательно посмотрела на Кристал.

– Пой мне, а я скажу, понравилось мне или нет. Кристал рассмеялась и опустилась на стул с прямой спинкой.

– Так я сейчас не спою. Здесь совсем другое дело.

– Почему? – Миссис Кастанья была непробиваемой. – У

меня тоже есть уши. Пой!

Кристал опять улыбнулась, вспомнив бабушку и себя – ребенком. Минерва тоже любила, когда она пела, но пела церковные гимны. «Изумительная молитва» была ее любимой.

– Что вам спеть? Моя бабушка любила «Изумительную молитву». Могу спеть ее.

Это было бы прекрасное обращение к Господу, молитва в маленькой комнате, с воззрившейся на нее хозяйкой. Правда, взгляды последней гораздо шире, чем у ее бабушки.

– Ты это сегодня пела?

– Конечно, нет, я пела совсем другое.

– Ну вот и мне спой то же. Я жду.

Кристал в сомнении закрыла глаза. Она постаралась вспомнить состояние на сцене, волнение, звучание музыки и запела одну из своих любимых баллад. Это была ее лучшая песня, она тронула всех. Она исполняла ее сейчас не на освещенной сцене, без музыки, без голубого платья, но это не имело значения. Главное – песня, слова, которые она любила с детства. Миссис Кастанья исчезла, магия голоса соединила Кристал с отцом, как будто он находился в комнате, пока она пела песню.

Когда она закончила и пришла в себя, то увидела, как по щекам пожилой женщины стекают слезы. Это ее тронуло. Некоторое время обе молчали, потом миссис Кастанья произнесла:

– Ты пела хорошо... о да... очень хорошо. Ты никогда мне

не говорила, что можешь петь.

– Вы никогда не спрашивали. – Кристел нежно ей улыбнулась, вновь почувствовав сильную усталость.

Все впечатления вечера слились в сладкие ностальгические воспоминания об отце, о ранчо, том времени, когда она ему пела. Миссис Кастанья смотрела на нее и как будто все это знала. Она поднялась, медленно, ни слова не говоря, подошла к старинному буфету. Постояла немного, наклонившись над ним, и вернулась, неся бутылку вина и два стакана.

– Давай выпьем немного, чтобы отпраздновать сегодняшний день. Однажды ты станешь знаменитой.

Кристел засмеялась, наблюдая, как миссис Кастанья открывает бутылку, которая была наполовину пустая и хранилась для особых случаев. Кристел отметила, что это шерри.

– У тебя красивый голос, это Божий дар. Ты должна сохранить его. Это большая драгоценность.

– Спасибо. – Кристел хотелось плакать. Она взяла стакан, а хозяйка со значительным видом подняла свой.

– Ты очень везучая, девочка. Bravo, Кристел, bravo...

– Спасибо, – поблагодарила Кристел.

Миссис Кастанья с удовольствием сделала первый глоток, поставила стакан и опять обратилась к Кристел:

– Сколько тебе будут платить?

– Нисколько. Я имею в виду – не больше, чем платили до этого. Это же просто... просто смешно. И потом... мне... мне... так нравится петь.

Она с возмущением подумала, что не хочет получать плату за то, что будет заниматься любимым делом.

– Ты можешь стать богатой. Люди будут отовсюду собираться, чтобы послушать тебя.

– Они и так приходят к Гарри.

Кристал смутил энтузиазм ее хозяйки. А та посмотрела проницательно и сделала еще глоток шерри.

– Скажи, чтобы увеличили оплату. У тебя ангельский голос.

Кристал все это казалось преувеличением, но ведь публице она определенно понравилась.

– Ты слышишь меня? Скажи им, что теперь они должны платить больше. Большие деньги, а не подачки. Ты станешь однажды знаменитой. А когда это случится, вспомнишь меня.

Она потягивала шерри, смотрела на Кристал и разговаривала с ней так, будто она была одной из ее внучек. Однако ни у одной из них не было такого таланта. Неожиданно ее взгляд наполнился нежностью, и она спросила:

– Ты будешь мне иногда петь?

– Когда бы вы ни пожелали, миссис Кастанья. Пожилую женщину растрогал ее ответ. Она встала и произнесла:

– Ну все, иди-иди, я устала.

– Спасибо за шерри, – сказала Кристал мягко и чмокнула ее в щеку. Как давно она никого не целовала, как давно ее никто не обнимал, никто, с тех пор как умер отец или как она

уехала от Вебстеров, но миссис Кастанья, казалось, осталась равнодушна. – Спокойной ночи и еще раз спасибо за все.

– Иди спать, – грозно сказала хозяйка, делая вид, что замахивается на Кристел своей палкой. – Позаботься о своем голосе, тебе нужно отдыхать.

Кристел усмехнулась, пожелала ей спокойной ночи, вышла и тихонько закрыла за собой дверь. Медленно поднимаясь по лестнице, она думала об этой женщине, под внешней грубостью которой скрывалась добрая душа. Кристел любила ее. Она думала и о Перл, о том, как та добра к ней. Она разделась и легла, и тут мысли ее рванулись в долину. Они уплывали все дальше от этой комнаты, от волнений этого вечера. Кристел внезапно почувствовала тоску по дому. Закрыв глаза, она думала о прошлых днях, когда она сидела на качелях и разговаривала со Спенсером. Прошло уже два года... Она не знала, где он сейчас, помнит ли о ней. Вряд ли, но, засыпая, она думала, что никогда его не забудет.

Партнерский ужин у Андерсона, Винсента и Соброка был глупой затеей, устраиваемой каждый год в клубе, но молодые члены фирмы должны были присутствовать там обязательно. После некоторых колебаний Спенсер решил пригласить Элизабет Барклай. После Палм-Бич они виделись несколько раз. Она была занята в колледже и приезжала в Нью-Йорк только раз в месяц, якобы к брату. Но она обязательно звонила Спенсеру, бывая в городе, и они ходили вместе обедать. Нельзя сказать, чтобы Спенсеру не нравилось ее общество. Наоборот, больше, чем ему хотелось бы, но они всегда оказывались в постели, где она ухитрялась чувствовать себя неловко. Он понимал, что она ждет от него большего, чем это. А он не хотел ни закручиваться с ней серьезно, ни терять ее. У него был свой тип девушек, к числу которых она не относилась. Однако когда она была рядом, особенно в постели, он не был в этом уверен.

Его возбуждала неистовая чувственность, скрывавшаяся под ее холодной внешностью, но ему хотелось большего. Ему хотелось того, о чем он говорил ей, – женщина должна нуждаться в нем, любить его таким, каков он есть, быть доброй, нежной, сочувствующей. Ему нужна женщина, которую бы он любил безоглядно. Ему жаль, если другая размочит этот образ, а в Элизабет он видел точный портрет ее отца.

Он все-таки пригласил ее на этот ужин, танцевал с ней весь вечер, потом они, как обычно, занимались любовью, и он в очередной раз убедился, что даже постель для него превратилась в простую повинность.

В конце июня она заканчивала второй курс в Вассаре и собиралась вернуться в Сан-Франциско на следующей неделе, а оттуда на лето – на озеро Тахо.

– Почему бы тебе не приехать туда? – спросила она наивно.

– Я не могу.

– Ну конечно, ты можешь, ну, не будь таким упрямым! – Она из тех женщин, кто не принимал в ответ «нет». Ей двадцать один год, и она более искушенная в жизни, чем раньше. Она несколько раз настойчиво спрашивала его, почему он не знакомит ее со своими родителями. Но он знал, что, если он сделает это, пути назад не будет.

О такой девушке его родители и мечтали. А он в свои тридцать не был готов к этому.

– Не каждый может уехать на лето, дорогая. – Они переговаривались, лежа в постели. Он знал, что им нужно встать, он должен отвезти ее к брату, иначе тот начнет подозревать об их отношениях, хотя Спенсер и не был уверен, что Элизабет сама не сказала ему. – Я упорно тружусь.

– Отец тоже, но он уезжает на два месяца. – Она лежала счастливая и смотрела на него. Ей нравился секс, и она сама заботилась о том, чтобы не забеременеть. Она совсем не

хотела беременеть. Это его тоже порой раздражало. Она постоянно думала о себе, никогда не рисковала. Для него много значило ее нежелание забеременеть. Но Элизабет Барклай была неуязвима.

– Но мне далеко до твоего отца! – усмехнулся Спенсер. – Ты не находишь?

Элизабет настаивала, чтобы он занялся политикой, а он лишь отшучивался. Он достаточно загружен в фирме. На нее произвело приятное впечатление, каким уважением он пользуется у старших партнеров.

– Подождите немного, мистер Хилл. Ваша звезда только восходит!

– Возможно, но сейчас я чувствую приближение других возможностей. – Он овладел ею вновь, и, как всегда, это было только физическое удовлетворение. Иногда он чувствовал угрызения совести, занимаясь с ней любовью, но не любя ее. Он только хотел ее, но говорил себе, что, может, так и лучше.

– Так что насчет Тахо? – напомнила ему Элизабет, закуривая сигарету. – Приезжай на недельку-другую, если сможешь выбраться, отец будет очень рад тебя видеть.

– Да, я уверен, он был бы очень рад увидеть нас сейчас.

– О нет. – Она улыбнулась и выпустила в его сторону струйку дыма. – Ты прав. Он очень старомоден.

– Как не похоже на него, – улыбнулся Спенсер. Она все больше поражала его.

– Да и ты тоже.

– Я?! Я старомоден? – Он был очень удивлен. – Почему ты так думаешь?

– Знаешь, ты ведь ждешь вспышек молний в небе, прежде чем поверишь во что-нибудь. Что касается меня, мистер Хилл, это очевидно. Все, чего ты добился в жизни, – товарищеские отношения, хорошее жалование, работа, которая тебе нравится. Тебе не следует ждать скрипок и арф, песни ангелов. Это не то, что нужно в жизни.

В том-то и дело, что он ждал, а она нет.

– Может, ты и права.

Он нежно провел рукой по ее бедру. Но она его не убедила. Он верил в арфы, и в скрипки, и в громы, и в молнии. Она его хорошо знала, и это было удобно. Но временами его еще преследовал образ ребенка, которого он видел в последний раз два года назад сидящим на качелях, в голубом платье, смотрящим на него, словно стараясь запечатлеть его образ навсегда. Он еще помнил цвет ее глаз, прикосновение ее рук, но понимал, что это безумие. Элизабет смотрела на него внимательно, и он испугался, что она может прочитать его мысли.

– Спенсер, ты великолепен в постели, но ты мечтатель.

– Мне следует поблагодарить за первое и извиниться за второе?

Ему иногда претила ее прямота. Элизабет не признавала поэзии, магии, только – голые факты. Ей, наверное, следова-

до стать юристом.

– Не надо извиняться, просто приезжай на Тахо.

– Если приеду, это даст твоим родителям повод думать, что мы помолвлены. – Его это волновало, ведь Элизабет Барклай не из тех, с кем можно играть.

– Я с этим управлюсь.

– Что ты им скажешь?

– Скажу, что у тебя дела в Сан-Франциско и я пригласила тебя на озеро. Подходит этот вариант?

– Приемлемый, если твой отец не очень сообразителен.

– Но ведь и я не промах! Никто ничего не заподозрит, ругаюсь.

Он не хотел компрометировать ее, но еще больше себя. Пока он обдумывал все это, они оделись. Он вдруг подумал, что если он поедет туда, то сможет заехать к Вебстерам, в Александровскую долину. И может быть, вновь увидит Кристел. Это решило все, но он сдержанно сказал Элизабет:

– Я подумаю.

– Чудесно, я скажу маме, что ты приедешь. Как насчет августа?

– Элизабет! Я сказал, что подумаю.

Но она лишь улыбнулась, а он рассмеялся. Она неподражаема! У нее несколько своеобразная утонченность, но он не мог не признать, что у нее великолепные ноги. Глядя, как она надевает чулки, он вновь потерял контроль над собой. Только в четыре утра он привез ее домой к брату. Он чувствовал

себя совершенно измученным, целуя ее и обещая позвонить.

В самолете во время полета в Калифорнию Спенсер смотрел в иллюминатор. Он наконец согласился, после нескольких телефонных звонков от Элизабет из Сан-Франциско. Она настаивала, говорила, что будет весело, приедут оба ее брата, много друзей. Не то чтобы Спенсер не хотел ехать, но он не знал, что будет там делать. В течение нескольких месяцев он чувствовал ее тонкое влияние, нежно убеждающее его в том, что она говорила верно, там, на Палм-Бич, после Рождества, – что они отличная команда, и это лучшее, что может предложить жизнь. Он еще не был полностью убежден в этом, но признавал, что они отлично проводили время в постели, что редкая женщина сравнится с ней. Он пытался было увлекаться всеми подряд, чтобы доказать себе, что она лучше, но не слышал музыки и поэзии. Громы и молнии, как она это называла. Он встречал смертельно наскучивших ему женщин, с которыми он не знал о чем говорить более получаса и считавших, что Наполеон – это только десерт. Он устал от них, ни в ком не было ее огня. И лишь самолюбие его тешилось, если одна из них хотела его так же сильно, как Элизабет. Он знал ее больше года, и, надо сознаться, ему не было с ней скучно. Он дал себе зарок не допускать никаких безумств в Калифорнии. Через неделю ему возвращаться, а он еще мечтал побывать в Буневилле у Бойда и Хироко и...

может быть... совсем случайно встретить Кристел.

Он знал, что ей сейчас что-то около восемнадцати, и представлял, как она изменилась за два года, но, наверное, осталась такой же красивой, волшебной, необыкновенной. Он помнил, как она на него смотрела, в душе у него все сжималось при этих воспоминаниях. Он знал, что Элизабет посмеялась бы над ним, расскажи ей об этом. По сравнению с Элизабет Кристел была неискушенным ребенком. Сейчас она, должно быть, повзрослела. Ему очень хотелось увидеть ее, несмотря на то что эту встречу трудно себе представить.

Самолет приземлился в Сан-Франциско, и Спенсер намеревался взять напрокат машину и ехать прямо к озеру. Элизабет говорила, что это в шести часах езды от города, а он не хотел терять попусту время. У него было только шесть дней. Он остановился у рекламного табло, чтобы выбрать машину, когда услышал позади себя знакомый голос:

– Ищешь машину?

Он повернулся и увидел улыбающуюся Элизабет. На ней были белые спортивного покроя брюки, красный свитер, нитка жемчуга, которую она носила всегда, блестящие каштановые волосы тщательно уложены под маленькой соломенной шляпкой, в ушах – крошечные бриллиантовые сережки, подаренные матерью. Он был тронут, что она приехала встречать его в аэропорт. У нее был вкус, и это ему тоже очень нравилось. Он внезапно попенял себе, что постоянно сравнивает ее, взвешивает ее актив и пассив, «за» и «про-

тив». Все рациональное претило ему. Всегда, всю жизнь он был романтиком. Но с Элизабет романтике не было места. Об этом не могло быть и речи.

– Что ты здесь делаешь? – неловко спросил он, целуя ее, хотя это и так было понятно.

– Я приехала за тобой. Думаю, ты слишком устал, чтобы вести машину. Как полет?

Ни тебе «я скучала», «я люблю тебя», но в конце концов она здесь, и это кое-что значило.

– Спасибо, что приехала, Элизабет. – Он нежно посмотрел на нее своими синими глазами. – Как доехала?

– Я приехала в город вчера.

Она – сама практичность и организованность. Его это восхищало. Они прошли через багажное отделение, и она подшучивала над ним, что он взял с собой дипломат.

– Это дало возможность чем-то заняться во время полета.

– Жаль, что ты не летел со мной, я бы нашла, чем тебя занять.

Это ему тоже в ней нравилось. Она была, выражаясь на местном южном диалекте, девушка с огоньком.

– Кстати, ты взял принадлежности для гольфа?

– Нет, только теннисные ракетки. – Он засунул их в чемодан вместе с вещами.

– Да ладно, братья дадут тебе свои.

Откровенно говоря, он ненавидел гольф, но не хотел оскорбить ее чувства – все мужчины в ее семье играли в

гольф.

– Еще мы собираемся послоняться по округе, а мама категорически настаивает на деревенских танцах и катании в повозках.

– Звучит весело. Как поездка в летний лагерь. При себе иметь футболку с вышитой эмблемой, бойскаутский нож и вещмешок.

– Ладно, заткнись. – Она чмокнула его в щеку, и они пошли к машине. Это была новая модель «шевроле». Они купили его специально для летнего отдыха у озера. Она рассказала ему все семейные новости, о том, что Иэн и Сара приехали вчера. Они были в прекрасном настроении и через две недели собирались в Европу, к родителям Сары, на их ферму в Шотландии. Они ездили туда каждый год. Элизабет говорила об этом с гордостью, ведь так шикарно – иметь летнюю резиденцию. Спенсер положил чемодан на заднее сиденье и предложил вести машину.

– Ты уверен, что не очень устал? – Она заботливо посмотрела на него, и он улыбнулся, почувствовав радость от того, что приехал сюда, несмотря на все свои сомнения.

Он, однако, не был готов к тому грандиозному зрелищу, которое представлял их летний дом: огромное каменное строение с прекрасной территорией и полдюжиной домиков для гостей. Эти так называемые домики были больше, чем дома у иных людей.

Они прибыли за полночь, но дворецкий ожидал их с горя-

чим шоколадом и сэндвичами, которые Спенсер мгновенно уничтожил. Немного позже подошли Иэн с Сарой и старший брат Элизабет, Грег. У всех было отличное настроение после ночного купания в озере, которое, заверила Сара, было очень холодным. Завтра они собирались рыбачить и пригласили Спенсера с собой.

Жизнь протекала просто, счастливо, полная смеха и интересных встреч. Из Сан-Франциско приезжали гости, и в доме проходили великолепные обеды, когда все собирались в огромной столовой и сидели за длинным столом. Элизабет чудесно выглядела при свете свечей, и Спенсер приятно проводил время в долгих беседах с ее отцом. Он даже играл с ним в гольф, беспрестанно извиняясь за плохую игру. Но судья Барклай, казалось, не обращал внимания, ему нравилось беседовать со Спенсером, он считал, что его дочь сделала хороший выбор. Для Спенсера неделя окончилась неожиданно быстро. Он намеревался уехать на день позже, ему очень не хотелось возвращаться в Нью-Йорк, в адвокатскую контору.

– Почему бы тебе не отпроситься еще на недельку? – предложила Элизабет, когда они лежали в лодке, нежась под теплыми солнечными лучами. Спенсер рассмеялся, глядя на нее. Ей, видимо, кажется, что все такие важные, как ее отец.

– Не думаю, что они будут очень рады.

– Не хочу, чтобы ты уезжал. – И добавила печально: – Мне будет одиноко без тебя.

– В окружении семьи и сотни друзей? Не будь глупой, Лиз.

Но он признавал, что тоже будет скучать по ней. Он уже не собирался к Вебстерам в Александровскую долину. Времени немного, а здесь все так приветливы. Ему даже стало казаться, что он любит ее.

– Когда ты приедешь в Нью-Йорк?

Они прокрадывались друг к другу в комнаты все это время, и ему вдруг стало тоскливо провести без нее следующий месяц.

– После Дня независимости. А потом вернусь в эту чертову школу. – Она повернулась на живот и мрачно посмотрела на него.

Они лежали в одной из двух барклаевских моторок.

– Ты говоришь о ней как о тюрьме. – Он мягко рассмеялся, и она улыбнулась, нежно касаясь пальцами его губ.

– Правда? Без тебя это действительно как тюрьма.

Ему вдруг захотелось, чтобы она была с ним в Нью-Йорке. Теперь он знал, что хочет быть с ней, что наконец засверкали молнии. Он сидел, прислушиваясь к себе, не ударит ли еще гром.

– О чем ты сейчас думаешь? – Она смотрела на него, сощурившись, стараясь разгадать, что у него на уме. Вечно он ускользает.

– Думаю, как буду скучать без тебя.

Это все озеро. Он никогда не видел места красивее, с высокими соснами, великолепными горами. Здесь все так просто, так чисто, натурально и счастливо. Он любил такие ме-

ста и хотел, чтобы эта неделя не заканчивалась. Элизабет посмотрела на него с нежностью. Она любила смотреть в его глаза, слушая, что он говорит.

– Я тоже буду очень скучать о тебе, Спенс. – Он улыбнулся глупому имени, но оно было не глупее Лиз, которое ей вовсе не шло. Не говоря ни слова, он обнял ее и поцеловал, а потом сам удивился, произнеся то, что она ждала от него со дня их первой встречи: – Мне кажется, я тебя люблю.

Она счастливо улыбнулась:

– Да, тебе понадобилось много времени. Он засмеялся:

– Что ты несешь? Я наконец осознал, что люблю тебя, а ты намекаешь, что мне следовало сделать это раньше.

– А я уже начала думать, что останусь старой девой.

– Ну, в двадцать один я бы не стал беспокоиться.

Тут до него дошел смысл того, что она сказала, понял, что должен сделать что-то еще. Она действительно стала ему близка и действительно что-то для него значила. Как она когда-то сказала, вместе они многого добьются.

– Ты выйдешь за меня, Элизабет?

– Это что, формальное предложение? – спросила она взволнованно.

Тогда он опустился перед ней на одно колено и улыбнулся:

– Да, ты согласна?

– Черт, конечно, да! – вырвалось у нее радостное восклицание. Она обвила его руками, чуть было не перевернув лодку.

– Осторожно! Ради всего святого, не опрокинь нас, а то все обернется трагедией.

– Нет, любимый. Это я тебе обещаю. Будет очень счастливый конец.

Он поцеловал ее, тоже уверенный в этом, и они поплыли назад, объявить всем домашним. Он чувствовал себя немного по-дурачки. Довольно трудно делиться своим личным с целой семьей.

Они нашли отца в гостиной разговаривающим по телефону с Вашингтоном. Он закончил разговор и повернулся к ним с улыбкой. По его улыбке Спенсер понял, что он уже обо всем догадался. Элизабет выглядела так, будто проглотила целую стаю канареек.

– Что, Элизабет? – спросил он, улыбаясь им обоим. Элизабет прекрасно знала, что отец без ума от Спенсера.

Она не стала дожидаться, пока Спенсер заговорит, ей хотелось поскорее сообщить все самой.

– Спенсер сделал мне предложение! – Она вся светилась и обернулась к своему будущему мужу, как бы ища поддержки.

– Мне следовало это сделать намного раньше, сэр. Вы нас благословляете?

Гаррисон Барклай поднялся с места, пожал Спенсеру руку, доброжелательно глядя на них:

– Желаю вам счастья. – Он обнял дочь и посмотрел на нее серьезно. – Когда вы планируете свадьбу?

– Боюсь, не раньше, чем через год. Мы еще обговорим это.

– Что касается меня, я бы хотел, чтобы Элизабет закончила школу, но полагаю, что два года – слишком много для влюбленных. Значит, через год. Вы можете пожениться... ну, скажем, через год. А на последний год Элизабет может перевестись в Колумбию, если вы планируете жить в Нью-Йорке.

– Насколько я знаю, да. Июнь – вполне приемлемо.

Спенсер остался доволен, а Элизабет выглядела очень разочарованной.

– Почему я должна оставаться в школе? – захныкала она, совсем как ребенок.

Отец твердо ответил:

– Потому что ты слишком умна, чтобы оставить ее, а Вассар – отличная школа. До июня осталось только десять месяцев. Мы объявим о помолвке и отпразднуем ее, а потом ты будешь занята, планируя свадебную церемонию с твоей мамой.

Как раз в этот момент в комнату, широко улыбаясь, вошла его жена.

– Прицилла, у нас грандиозная новость. – Он произнес это, переводя взгляд со Спенсера на дочь. – Дети обручились.

– О дорогая... – Она обняла дочь и поцеловала будущего зятя, у которого было впечатление, что его подхватила волна и несет в открытое море. За минуту он успел обручиться и уже жениться в июне.

Но он же этого хотел.

Все возбужденно переговаривались, и за ленчем объявили о помолвке. Иэн был доволен, Сара пришла в восторг. Спенсер позвонил родителям. Пришли к соглашению, что помолвку отпразднуют в Сан-Франциско после Дня благодарения. Спенсер заверил, что убедит родителей прилететь на праздник. Элизабет заявила, что хочет венчаться в кафедральном соборе. Она все не могла успокоиться, что ей предстоит провести еще год в этой школе, но Спенсер постарался утешить ее, убедив, что она будет приезжать в Нью-Йорк каждый уик-энд.

Этот день вымотал Спенсера. Он пошел в свою комнату и стал ждать Элизабет. Он с трудом переспал с ней, едва не уснув в ее объятиях, убеждая ее вернуться к себе в комнату, а потом было уже утро. Элизабет отвезла его в город, проводила в аэропорт. Она сказала, что проведет в городе несколько дней, ей нужно кое-что купить. Целуя ее на прощание, он все еще испытывал изумление. Он сел в самолет и смотрел, как уплывает под ним Сан-Франциско, как они подлетают к Нью-Йорку. Он действительно собирается жениться на Элизабет Барклай.

Как и следовало ожидать, родители Спенсера очень обрадовались. А точнее, были в восторге и обещали прибыть на помолвку в Сан-Франциско ко Дню благодарения. В то время как Спенсер вернулся в Нью-Йорк, план праздника был почти готов, и оказалось, что Барклаи собираются пригласить на него по меньшей мере человек пятьсот.

– Она должна быть чудесна, милый, – говорила его мать.
– Когда мы с ней познакомимся?

Ее немного огорчало, что они никогда не встречались, но Спенсер обещал их познакомить, как только Элизабет приедет в Сан-Франциско.

Следующие недели пролетели как мгновения, пока он заехал за ней в Идлвилд и отвез в Поукипси. Он купил ей кольцо от Тиффани. Это все, что он мог себе позволить, но оно было очень симпатичное, с небольшим бриллиантом в окружении сапфиров, и у Элизабет вырвался крик восхищения, когда она его увидела. Камни небольшие, но дорогие, и кольцо хорошо смотрелось.

– Спенсер, это как раз то, что я хотела!

Он надел его на палец ей в машине, и они решили вернуться к нему на несколько часов перед тем, как уехать в Вассар. Элизабет хихикала, лежа в постели, и пускала на него зайчики своим кольцом. Она казалась очень молодой и счаст-

ливой.

– Боже, как я по тебе скучала! Конец лета оказался ужасным!

– Здесь тоже было очень одиноко. – Сейчас, когда он увидел ее, он почувствовал себя лучше. Чувства в нем раздвоились, он провел несколько действительно жутких ночей, думая о том, что он сказал и почему, но один из его близких друзей заявил, что это нормально. А сейчас, когда он ее вновь увидел, то понял, что все сделал правильно. Они занимались любовью несколько часов. Он чувствовал себя очень одиноким без нее, возвращаясь на следующий день из Поукипси. На следующий уик-энд она должна была приехать в Нью-Йорк и познакомиться с его родителями.

Она им очень понравилась. Именно о такой девушке мечтал его отец. Он был сражен ее знакомствами. Она упомянула вскользь имена людей, о которых они только читали в газетах, и даже на его мать произвело впечатление, как она одета, как воспитана, как держится. Этому браку они оба аплодировали. Его отец хвастался всем и каждому, что его сын женится на дочери судьи Баркляя.

Элизабет приезжала в Нью-Йорк почти каждый уик-энд, а в ноябре они вместе полетели в Калифорнию. Барклаи давали обед на День благодарения. Родители составили свою компанию, и обе матери чувствовали себя как нельзя лучше. Поистине этот брак – дар небес. Иэн и Сара тоже прилетели на День благодарения и помолвку. Грегори был очень занят в

Вашингтоне, но Элизабет не очень расстроилась. Она и Грег никогда не были близки. Он жил собственной жизнью и давно отгородился от семейных праздников и событий. Кроме того, все знали, что Грег замешан в каком-то грязном деле.

Праздник, состоявшийся на следующий день, представлял собой захватывающее зрелище. На коктейле и ужине с буфетом присутствовали четыре сотни гостей, дом Барклаев заполнило самое высшее общество Сан-Франциско, прибыл даже мэр, а позже ночью были танцы. Спенсер подумал, что Элизабет еще никогда не выглядела такой привлекательной в черном бархатном платье. Он прижимал ее к себе, пока они танцевали, и смотрел на нее сияющими глазами.

– Ты счастлива, любовь моя?

– Как никогда раньше.

Ей нравилось представлять его своим друзьям. Он был невероятно красив. Она знала, что все девушки ей немного завидуют. Молодые люди поехали на следующий день кататься и остановились на ленч в Саусалито. Была суббота, все пребывали в прекрасном расположении духа, несмотря на усталость прошлой ночи. Они собирались еще поужинать попозже вечером и, может быть, немного потанцевать, пока их родители проводили тихий вечер в «Богем клуб». А в понедельник они опять разъедутся – молодые и старшие Хиллы в Нью-Йорк, а супруги Барклай – в Вашингтон. У них осталось только два дня и две ночи, и они хотели насладиться ими.

– Вчерашний вечер получился чертовски удачным, правда? – спросил Иэн своего будущего свояка, когда они смотрели на залив в Саусалито.

– Это было бесподобно. – Спенсеру еще казалось, что он видит все это во сне. Все казалось ему нереальным: люди, места. Он опять подумал, не навестить ли своих друзей в Александровской долине, но у него не оставалось времени. Это действительно ураганный визит.

– Подождите, вы еще не знаете, какую мама планирует свадьбу!

Они вернулись домой, чтобы немного отдохнуть, и в приподнятом настроении отправились проводить вечер. Сара была в захватывающем розовом платье, а Элизабет надела синее шифоновое платье для коктейлей. Она сказала, что платье подходит к ее новому кольцу, а Спенсер улыбнулся и поцеловал ее.

Обед прошел великолепно. Потом они отправились за напитками. Спенсер смотрел в сверкающую ночь и сжимал руку Элизабет. Она красива, и он любит ее. Они пробыли в «Тор Марн» до одиннадцати часов, а потом Иэн сказал, что знает одно потрясающее местечко, где можно потанцевать. Все хором согласились, что это прекрасная идея, сели в машину и отправились по адресу, данному Иэном. Это был маленький ночной клуб. Он оказался заполненным, когда они приехали. Спенсер дал метрдотелю чаевые, и тот посадил их за столик. Маленький оркестрик играл «Заколдованный ве-

чер», и Спенсер пригласил Элизабет на танец, тесно прижимая ее к себе. Ему нравилось чувствовать ее рядом. Когда они садились за стол, он взял ее за руку, а в зале постепенно погас свет, и на освещенную сцену вышла девушка с микрофоном в руке. Она была в светлом голубом атласном платье, а светлые волосы почти закрывали ее лицо. Спенсер затаил дыхание и не отрываясь смотрел на ее. Когда она запела, он был близок к обмороку, как будто тисками сжали его сердце. Это была Кристел. Она была даже красивее, чем он помнил ее. Он едва дышал, пока она пела. Она выглядела на десять лет старше, чем тогда, а голубое платье облегалo фигуру и обрисовывало линии, о которых он не подозревал раньше. Но не на ее тело устремил он свой взгляд, а на лицо, преследовавшее его, на глаза, которые он так хорошо помнил, глаза цвета августовского неба. Голос Кристел проникал ему в душу, он чувствовал грусть и боль, слушая ее. Он едва дышал, смотря на нее, и не замечал взгляда Элизабет. Он хотел, чтобы этот момент никогда не заканчивался, но в конце концов она ушла со сцены, вновь зажегся свет, и оркестр заиграл танцевальную мелодию. Спенсер не мог ни с кем говорить. Ему хотелось найти Кристел. Элизабет увидела, как он побледнел. Казалось, что он сошел с ума, несколько раз в недоумении скидывал руки.

– Ты знаешь эту девушку? – Ей не нравилось, как он смотрит на певицу. Она внимательно взгляделась, но не нашла, что они знакомы. Девушка была плохо видна из-за огней. Да

и вряд ли Спенсер был здесь раньше.

– Нет... нет... я... она хорошо пела, правда? – Он сделал большой глоток виски. Иэн болтал с Сарой.

– Она очень хорошенькая, ты это имел в виду? – Элизабет была сбита с толку. Может, он выпил лишнее, но не похоже. Что на него нашло, он как загипнотизированный. Он опять пригласил ее танцевать, но оставался таким же странным, и они вскоре собрались уходить. Было около двух часов, когда Иэн сказал, что он уже устал, и все согласились, что пора ехать.

В машине они празднично болтали, но Элизабет чувствовала, что Спенсер чем-то смущен. Когда они вошли в дом, она опять спросила, заглядывая ему в глаза:

– Спенсер, та девушка в ресторане, куда нас возил Иэн... Ты ее знаешь?

– Нет. – Он говорил спокойно, зная, что ему придется солгать. Это не имеет для нее значения, это не имеет значения даже для него. Никогда не имело. Но чувства все еще с ним. Даже более, чем раньше. – Она просто похожа на девушку, которую я знал.

– Ты никогда на меня так не смотрел. – Она впервые по-настоящему разозлилась на него, а он не знал, что ей сказать.

– Не глупи. – Он старался поскорее отделаться от нее и поцеловал на ночь. Но она не пришла к нему этой ночью, как делала всегда. Он почти час стоял у окна, глядя на залив и думая о Кристел. Она намного красивее, чем он помнил

ее, и в ней было что-то, что как бы обращалось к нему. Он знал, что это лишь песня, знал, что за ней страдания и боль, одиночество... он опять услышал ее... эту песню, льющуюся с громом и молниями. Он улыбнулся себе, представив ангельские голоса, и скрипки, и арфы. Он знал – это безумие. Но когда он закрыл глаза, перед ним предстала Кристел.

В воскресенье Спенсер рано спустился к завтраку, мило побеседовал с судьей Барклаем и Иэном за яичницей с беконом и кофе. Элизабет, как и ее мать, завтракала у себя в комнате и не видела своего будущего мужа до позднего утра. Ничего не было сказано о прошлой ночи, она не спрашивала его больше о Кристел, но он чувствовал холодок между ними этим утром. Это было последнее утро в кругу ее семьи, на следующий день все возвращались в Нью-Йорк. Спенсер с ужасом подумал, что у него не будет больше шанса вернуться и увидеть Кристел. Он думал об этом до полудня, а позже позвонил по телефону. Ему сообщили, что заведение Гарри откроется вечером. Он пришел к определенному решению, но ужасно не хотелось лгать Элизабет. После телефонного разговора он коротко улыбнулся и сказал ей, что звонил своему другу по колледжу.

– Ты хочешь пригласить его куда-нибудь выпить? Она смягчилась после вчерашнего вечера, ведь он весь день был мил. Ей не о чем беспокоиться, он просто выпил немного лишнего, а девчонка действительно смазливенькая. Спенсер покачал головой:

– Я сказал, что освобожусь после обеда.

Он не пригласил ее. Ей все равно нужно собираться, и она еще хотела поговорить с матерью о свадьбе. Им еще столько

нужно сделать до того, как она вернется в Вассар. Они рано пообедали, и отец предложил за нее тост. Это было спокойное приятное время, проведенное вместе после очаровательного уик-энда. До свадьбы, казалось, оставалась вечность. Ей была ненавистна мысль о том, что придется закончить этот год в школе, даже если Спенсер считает, что он пролетит быстро.

Спенсер вышел из дома в девять, взял такси и поехал в ресторан. Он молча сидел, уставившись в окно, с дурацким чувством вины. Он только обручился и уже бежит к другой. Раньше он не мог себе даже представить такое, но сейчас знал, что должен увидеть Кристел до отъезда, во всяком случае, попытаться. Может быть, она изменилась больше, чем он предполагал. Может, она стала проституткой. Он бы хотел, чтобы это случилось, чтобы она была бедной, скучной, глупой. Но сначала надо ее увидеть, хоть однажды, говорил он себе, расплачиваясь по счету и быстро направляясь к ресторану.

Он заказал порцию шотландского виски и ждал ее выхода. Он решил не подходить к ней, пока она не споет. Ему хотелось еще раз послушать. Когда она вышла, у него вновь перехватило дыхание. Она пела для его души, и он не отрываясь смотрел на нее. Когда она ушла, Спенсер обратился к главному официанту с просьбой передать ей записку. В записке он напомнил их встречу в Александровской долине, на свадьбе ее сестры и потом на крестинах ребенка. Он вдруг подумал,

что она, может, даже не помнит его. Но когда она вошла в зал, секунду постояла, глядя на него так, будто это привидение, он встал ей навстречу, мгновенно поняв, что она, как и он, пронесла память об их встречах через годы. На ней было простое белое шелковое платье. С длинными волосами, раскинутыми по плечам, она выглядела как ангел. Прежде чем заговорить, она долго смотрела на него. Голос стал глубже, чем он помнил, она выросла и стала грациозной. Он никогда не видел таких глаз, полных любви и боли, глаз лани, медленно выходящей из леса. Он протянул ей руку, она взяла ее в свою, и он почувствовал мягкое прикосновение. Он не мог позволить ей уйти. Ему хотелось обнять ее и держать в своих объятиях. Это были те же чувства, которые она вызывала в нем раньше, только тогда она была совсем ребенком.

– Здравствуй, Кристел... – Голос его дрожал. – Давно мы не виделись.

– Да, это было давно, – сказала Кристел и улыбнулась светлой улыбкой. – Я... я не думала, что вы помните обо мне.

Он тоже думал, что она не помнит, но не сказал ей, что он о ней не забывал.

– Конечно, я помню тебя.

Он старался вести себя с ней как с ребенком, но у него не получалось. В ней не осталось ничего детского в этом облегающем платье, которое Перл помогла купить на деньги, которые Гарри выплачивал на «костюмы». И расходы оправдались. Люди стали приходить в ресторан только для того,

чтобы увидеть Кристел.

– Ты можешь немного посидеть с мной?

– Конечно. – Ей не нужно было выходить больше до полуночи, и она присела рядом с ним за столик.

– Когда ты приехала в Сан-Франциско? – Он пытался подсчитать, сколько же ей лет, и выходило, что не более восемнадцати, хотя сейчас она выглядела старше. Он инстинктивно понял, что жизнь у нее не из легких. Он услышал это в ее песнях и сейчас увидел по глазам. В них скрывалось что-то ужасное и болезненное, он почувствовал это без слов, как будто всегда все о ней знал. Как будто она была частью его самого. И как два года назад, он почувствовал к ней непреодолимое влечение. Именно этого он и боялся.

– Я приехала сюда прошлой весной, – ответила Кристел, – сначала накрывала столы, но теперь, с лета, пою.

– Ты даже лучше, чем я тебя запомнил.

– Спасибо. – Кристел смутилась от его слов. Ей хотелось сидеть вот так и чувствовать его рядом. – Это просто. У меня получается, потому что мне нравится это.

Слова ничего не значили. Глядя друг на друга, они знали, о чем думает другой. Он не мог заставить себя остановиться, он должен знать о ней все, ведь он чувствует, что с ней что-то произошло.

– Что с тобой произошло? – спросил он нежно, и она была тронута его вопросом.

Она кивнула, и слезы выступили у нее на глазах:

– Ну, сейчас все в порядке.

Он чувствовал, что она что-то недоговаривает, и спросил:

– Что заставило тебя приехать в Сан-Франциско? Она долго колебалась, потом вздохнула, отбросила назад волосы, рассыпавшиеся по плечам, и в это мгновение опять стала тем ребенком, с которым он разговаривал на качелях в другом месте, в другой жизни.

– Папа умер. Это многое изменило для меня.

– Твоя мать продала ранчо? Она покачала головой:

– Нет, там теперь Том.

– А твой брат? – Спенсер хорошо помнил этого длинноногого, с взъерошенными волосами юношу, любившего поддразнить свою сестру. Он вспомнил, как тот дергал Кристел за волосы, а та в шутку его обстреливала. Тогда они были детьми.

– Джед умер весной. – Ей было очень тяжело произнести эти слова. Он даже не знал, насколько тяжело, не знал, как умер Джед, не знал – почему. Она все еще думала, что из-за нее погиб брат.

– Извини... это был несчастный случай? – спросил затем Спенсер, так как не помнил, чтобы парень болел. Он был так молод, у Спенсера защемило сердце, а Кристел вновь засомневалась. Она смотрела на свои руки, чтобы не смотреть на него, потом медленно подняла глаза, и он почувствовал боль в сердце от того, что в них увидел. В них были злоба, ненависть, страх, утерянные мечты. Все было очевидно, и он

потихоньку взял ее руку и сжал в своей.

– Его застрелил Том.

Ее взгляд пронзил его, как вспышка молнии.

– Боже мой... Они что, охотились вместе?.. Что же произошло?

– Нет. – Кристел медленно покачала головой, она не могла рассказать ему все. Она никому не рассказывала, кроме Бойда с Хироко, и знала, что больше никому не расскажет. Ей придется жить с этим позором всегда. Вина велика, но она даже не позволяла ей плакать. – Кое-что произошло между мной и Томом, и я была не в себе. – Она тяжело вздохнула, как будто ей не хватало воздуха. Спенсер сильнее сжал ее руку. – Я побежала к нему с папиным ружьем. Том выстрелил в меня, а попал в Джеда.

– О Боже! – Он в ужасе смотрел на нее, стараясь представить, что могло заставить ее взяться за ружье. А затем мгновенно понял, с каким чувством вины она живет.

– Шериф сказал, что смерть Джеда – несчастный случай, а я уехала через несколько дней после похорон Джеда.

Она произнесла это просто, хоть это и изменило в корне ее жизнь. Пока он ездил на вечеринки в Вашингтон, на озеро Тахо и Палм-Бич, Кристел потеряла отца и брата. Ужасно думать об этом, ужасно, что она пережила все это. Он благодарил Бога, что нашел ее в Сан-Франциско.

– У нас с мамой были сложные отношения после смерти папы, к тому же она считает, что я убила Джеда. В какой-то

степени это так. Это моя ошибка. Мне не нужно было преследовать Тома, но... – Кристел внезапно расплакалась. Она знала, что не сможет все ему объяснить, а он, слушая, страстно хотел прижать ее к себе и поцеловать. – Мама и я никогда не ладили. Думаю, она ненавидела меня за то, что я была так привязана к отцу.

– Ты что-нибудь слышала о ней, с тех пор как уехала?

– Нет, это все в прошлом. – Она постаралась улыбнуться. – Теперь я здесь. Эта жизнь моя. А то – в прошлом. Я должна думать о том, как жить здесь, и не могу оглядываться назад. Прошлого для меня нет, есть настоящее.

Она спокойно смотрела на Спенсера. Потом поинтересовалась, не встречался ли он с Вебстерами.

– Ты не видел Бойда и Хироко?

Он виновато покачал головой, ведь он дважды так и не смог попасть в долину.

– Нет, я только собирался. Я здесь лишь несколько дней. Как они, ты не знаешь?

Она печально улыбнулась, и он опять почувствовал, как внутри у него все перевернулось. Она была неискущенным ребенком и стала неискущенной женщиной. В ней были чувственность, нежность, женственность, которые возбуждали в нем желание оставаться с ней всегда и защищать ее, но была и изумляющая сила. Эта сила и помогала ей все перенести.

– На прошлой неделе я получила письмо от Хироко. Она ожидает еще ребенка. Думаю, они теперь хотят мальчика, но

и Джейн у них такая прелестная.

Она рассказала ему несколько историй об их дочурке, а потом извинилась и пошла на сцену. Он обещал ее подождать. Он мог говорить с ней часами. Он не хотел уходить. Никогда. Он чувствовал, что нужен ей. Он хотел быть здесь для нее, подле нее.

Она, казалось, пела только для него, и ее голос проникал в самое сердце. В ней странно смешались сексуальность и невинность. Она сошла со сцены около часа ночи, и еще час они сидели и разговаривали, пока не закрылся ресторан. Спенсер предложил проводить ее домой. Он подождал, пока она переодевалась, и как будто оглянулся на прошлое, когда увидел ее в шерстяной юбке, белой блузке и клетчатом жакете, купленном ею в дешевом магазине. Она опять выглядела маленькой девочкой, но смотрела на него глазами женщины. Женщины, о которой он мечтал три года, которую не мог забыть. Женщины, которая мечтала о нем, всегда зная, как она его любит.

Они медленно подошли к дому, где Кристел все еще снимала комнату у миссис Кастанья, и долго стояли, разговаривая о его жизни в Нью-Йорке, его друзьях, о чем угодно. Потом он наконец обнял и поцеловал ее.

– Спенсер... – прозвучал в холодном ночном воздухе шепот Кристел, и Спенсер крепче прижал ее к себе, чтобы согреть и почувствовать ее всю. – Я мечтала о тебе все годы. Иногда мне казалось, если бы ты был рядом со мной, все бы-

ло бы по-другому.

Но она смогла пережить это даже без него. За это он ее уважал. Она сама смогла сделать что-то для себя. Ему хотелось узнать, мечтает ли она по-прежнему о Голливуде, но спрашивать не стал.

– Я хотел быть здесь. – Он мягко дотронулся пальцами до ее лица и поднял его, чтобы заглянуть ей в глаза. – Я никогда не забывал наших встреч, часто думал о тебе и тоже надеялся, что ты меня помнишь. Я думал о том, как ты, должно быть, изменилась, может, вышла замуж.

Он не ожидал, что встретит ее одну, поющую в ночном клубе в Сан-Франциско, и был благодарен судьбе, приведшей его к ней. Ведь он мог вернуться в Нью-Йорк, не зная, что она здесь, не увидев ее. А теперь он не знал, что делать. Он приехал в Сан-Франциско, чтобы отпраздновать помолвку с Элизабет Барклай, а теперь стоит у дома на Грин-стрит со своей возлюбленной Кристел Уайтт.

– Я люблю тебя, Спенсер. – Она прошептала эти слова, как будто это был последний шанс их произнести, и он почувствовал, как тает его сердце.

Ну как ему было рассказать о другой девушке, на которой он собирался жениться? Ему хотелось всегда стоять здесь, держа ее в объятиях.

– Я тоже люблю тебя, Кристел... Боже... как же я тебя люблю!

Зачем он это сказал? Что он может ей обещать? Только

побыть с ней немного, а потом вернуться в Нью-Йорк, к Элизабет. А почему так? Почему не быть с Кристел? Это было бы правильнее. В этот момент он понял совершенно определенно, что всегда любил только ее. Плевать, чего бы ему это ни стоило, он должен ей это сказать.

– Я люблю тебя с первой встречи, – и, произнеся эти слова, почувствовал облегчение, как будто все три года он искал ее, чтобы сказать их.

Ничто больше не имело значения. Ничто и никто.

Кристел отодвинулась от него и улыбнулась, заглянув в глаза. Ребенок, которого он встретил тогда у качелей, превратился в женщину, и, обнимая ее сейчас, он понял, как отчаянно ее любит. Вопреки словам, вопреки здравому смыслу. Вопреки всему. Ему ничего не нужно, кроме нее.

– Я тоже часто думала о тебе все это время... какой ты был красивый тогда, когда впервые появился на ранчо, в белых брюках, в том красном галстуке...

Он не помнил, во что был тогда одет, а она помнила. Так же, как он никогда не забывал, что в первую их встречу она была в белом платье, а потом в голубом. Она вдруг, как будто прочитав его мысли и поняв причину его огорчения, подняла на него глаза и спросила:

– Когда ты уезжаешь в Нью-Йорк?

– Завтра утром.

Боже, как ужасно прозвучали эти слова. Ему хотелось быть с ней всегда. Всегда. Но теперь придется пересмотреть

всю свою жизнь и разобраться с Элизабет. Правда, сейчас это не имело значения. Сейчас для него имела значение только Кристел. Он так долго надеялся на ее любовь и не решался жениться только потому, что ждал ее. Именно Кристел. Именно ее любви. Никто не может найти в этом здравый смысл, кроме него. А он нашел его, обнимая Кристел.

– А ты вернешься в Калифорнию? – Ее сердце бешено колотилось, когда она спросила его об этом.

– Да.

Их глаза встретились, и они долго смотрели друг на друга. Он понимал, что сейчас он уже возвращается. Ему придется выдержать немало объяснений, но ради этой девушки он готов пройти босиком по горячим углям.

– Я вернусь, как только смогу. Мне надо еще решить кое-какие дела в Нью-Йорке, но я тебе позвоню.

Он заставил ее написать ему свой номер телефона и снова поцеловал, ощущая вкус ее губ и пробуя надежды своего будущего. Будущего, которого он ждал, а не которого опасался. Сейчас, в данную минуту, у него не было сомнений.

Он записал на клочке бумаги название адвокатской конторы, где он работал, и номер телефона, записал для себя ее адрес и в последний раз крепко обнял ее. Как ему не хотелось уходить от нее! Но он чувствовал, что все будущее решилось за несколько коротких часов, на этот раз так, как ему хотелось.

– Мне так не хочется уходить. – Они стояли, крепко об-

нявшись, и он прошептал эти слова тихонько на ухо, а она закрыла глаза, думая о том, как хорошо быть рядом с человеком, которого любишь. Она чувствовала себя счастливой, в безопасности рядом с ним. **Она** боялась даже поверить в то, что слышала. Мечта превращалась в реальность. Было так хорошо, что это ее пугало.

А вдруг он не вернется? Исчезнет из ее жизни? Но она знала, что он так не сделает. Кристел отпрянула немного и взглянула на него. Взглянула так, что они оба испытали физическую боль; она посмотрела так, словно старалась запечатлеть его образ навсегда. Или до тех пор, пока он не придет. А пока она просто будет его ждать.

– Я люблю тебя, Спенсер.

– Ну, не надо смотреть так печально.

– Я боюсь. – Она была с ним правдива, чувствуя, что может говорить с ним откровенно.

– Боишься чего?

– А вдруг ты не приедешь?

– Приеду обязательно, обещаю. – Он говорил это от всего сердца. Все его существо было наполнено надеждой. Ему ничего не нужно, кроме нее. – Я люблю тебя, Кристел.

Он проводил ее до дверей и вновь поцеловал. Она прильнула к нему, потом вошла в дом и на цыпочках прошла мимо комнаты хозяйки. Он услышал ее шаги на лестнице и увидел, как она включила свет в своей комнате. Она подошла к окну и помахала ему на прощание рукой. Тогда он, нашед-

ший наконец свою мечту, пошел пешком в дом на Бродвее. У него мелькнула безумная мысль зайти к Элизабет в комнату и рассказать ей обо всем. Но нет, он знал, что ему сначала надо все обдумать и разговаривать с ней днем, чтобы она не подумала, что он напился или сошел с ума. Он совсем не сумасшедший. Сейчас он был нормален, как никогда, и точно знал, чего хочет. Ему только надо обдумать, как этого достичь.

Когда на следующее утро Спенсер спустился вниз, все уже собрались за столом. Его родители, Элизабет, все Барклаи. Это был подходящий момент начать нужный ему разговор. Но он, бледный после бессонной ночи, не нашел в себе силы прервать их оживленную беседу.

– Ты, должно быть, очень поздно вернулся вчера, – тихо обратилась к нему Элизабет, не прерывая беседы между его отцом и ее матерью.

Все были уже готовы к отъезду и собрались за столом в последний раз. Говорили только о свадьбе, строили планы, и у него возникло непреодолимое желание выкрикнуть им все, но он сдержался. Он вдруг решил, что сейчас не место и не время говорить им о Кристел. Лучше он скажет об этом одной Элизабет, наедине. Он молча налил себе чай из серебряного чайника, а за столом продолжали беседовать. Иэн первый заметил его состояние и не упустил удобного случая подразнить будущего родственника:

– Что, свояк, нагрузился вчера? Я знаю, как умеют пить приятели из юридической школы. Каждый раз, когда мы встречаемся, я так напиваюсь, что Сара грозитя развестись со мной.

– Да нет, – запротестовала Сара, глядя на него с мягкой улыбкой. – Я просто сделаю это, если тебя однажды аресту-

ют.

Все дружно рассмеялись, кроме Спенсера, который по неизвестным для всех причинам выглядел несчастным.

– Встряхнись, сынок, – попытался ободрить его отец, – скоро самолет, и там ты сможешь выпить.

Но ему не нужна была выпивка, ему нужна была Кристел.

Вскоре после этого все стали прощаться с Баркляями, которые летели в Вашингтон. Удивительно, что судья Барклай вообще смог выбраться сюда. Он редко оставлял Верховный суд даже на один день, но повод был важный. Он должен был прилететь, чтобы присутствовать на помолвке дочери.

В самолете Элизабет почти не разговаривала со Спенсером. Она внимательно смотрела на него, чувствуя, что с ним что-то происходит. Она никогда не видела его таким притихшим и несчастным.

– У тебя что-то случилось? – Еще одна прекрасная возможность начать разговор, но он не воспользовался ею.

Через проход от них сидели родители, позади – Иэн и Сара, и Спенсер не хотел сообщать Элизабет ужасную новость в их присутствии. Он покачал головой, и Элизабет с досадой отвернулась к окну. Она больше ни о чем его не спрашивала. Потом она уснула, и он стал смотреть на нее. Спенсер чувствовал себя очень виноватым! Но этого чувства недостаточно, чтобы жениться. Он не любит ее, теперь он знает это точно. Он безумно любит Кристел. Он еще чувствовал на щеке мягкость ее волос, на губах – вкус ее губ...

прикосновение ее рук... Он боялся, что, пока они приземлятся, он сойдет с ума. Он обещал вечером отвезти Элизабет в Поукипси и смертельно боялся остаться с ней наедине. Он должен сказать ей правду, но не хотелось причинять ей боль. Он понимал, что ему придется объясниться с ней, и представил, как будут ошеломлены его родители, как обидятся из-за его измены Барклаи. Эти мысли привели его в уныние. Однако ему придется пройти через это как можно скорее.

По прибытии в аэропорт его родители, Иэн и Сара наняли такси до Нью-Йорка, а Спенсер вывел со стоянки оставленную там для них ее отцом машину. Он поставил чемоданы в багажник, и они поехали. Первые несколько миль ехали молча. Наконец Элизабет не выдержала:

– Спенсер, что с тобой? Что случилось вчера вечером? Уходя, ты был в прекрасном настроении.

Она чувствовала, что творится неладное, но о причине не могла догадаться. Он должен назвать эту причину. Ей вдруг вспомнилась девушка, которая пела в ресторане «У Гарри». Вспомнилось его лицо, когда он смотрел на нее. Может, из-за нее он стал таким? Нет, не может быть. Или может? Кажется, он был готов сорваться с места и броситься к ней, так он на нее смотрел.

– Мне следует знать об этом? – Она смотрела выжидательно, а он продолжал молча вести машину, глядя перед собой. Потом так же молча свернул с дороги и остановил машину у обочины, повернув к Элизабет лицо. Оно было бледным, на

нем отразились все душевные муки. Он был на грани безумия, а она со странным спокойствием ожидала ответа.

– Я не могу на тебе жениться. – Ему не верилось, что он наконец произнес эти слова. Еще более неправдоподобным ему показался взгляд Элизабет. Она смотрела с интересом, но без малейшего беспокойства.

– Могу узнать почему?

– Я не уверен, что могу. – Он не хотел говорить, что не любит ее. Это было бы слишком жестоко и несправедливо. Разве это ее вина, что она не Кристел? Или его вина, что он не услышал громов и молний при встрече с ней? Она могла предложить ему все. Она была умной и привлекательной, из хорошей семьи, с ней интересно, она ему нравилась. Просто он не любил ее.

– Я понял, что не могу. Мы никогда не будем счастливы.

Она посмотрела на него, и он мгновенно понял, что она находит его слова забавными.

– Глупее мне ничего не приходилось слышать. Я никогда не думала, что ты трус.

– При чем здесь это? – Он казался еще более несчастным. Элизабет закурила и посмотрела на него:

– А при том. Ты просто струсил, Спенсер Хилл, ты так испугался, что не можешь ничего решить, найти выход. Ты готов все бросить и бежать, как кролик. Все боятся, так что? В конце концов, покажи свой характер, будь мужчиной. Напейся где-нибудь, иди поплачь к друзьям и смирись. Ведь все

мужчины чувствуют себя так перед женитьбой...

«Да, но не все влюблены в Кристел». Элизабет посмотрела на него холодным, отчужденным взглядом:

– Тебе надо успокоиться, перевести дух, а через неделю, на следующий уик-энд, я приеду, и мы поговорим.

– Элизабет, все не так просто. – Он все еще сдерживался и не говорил ей, что снова видел Кристел... что полюбил, когда ей было только четырнадцать лет. Она бы подумала, что он сумасшедший. По правде говоря, он и чувствовал себя сумасшедшим, стараясь объяснить все женщине, с которой помолвлен.

– Все может быть просто, если этого хочешь, – она улыбнулась ему и погасила сигарету, – ведь раньше у нас не было таких разговоров.

Он тяжело вздохнул и уставился в окно.

– Кажется, ты еще безумнее, чем я.

– Прекрасно, Спенсер, значит, мы будем хорошей парой, не так ли?

– Нет, черт возьми, нет! – Он повернулся и посмотрел на нее. – Я совсем не тот, кого ты хочешь, и никогда не стану им. Я не хочу того, чего хочешь ты. Я не хочу славы, удачи, «важности». Я никогда не стану таким мужчиной, как ты хочешь. Я этого не хочу.

– А как насчет меня, раз уж об этом зашла речь? Где то, чего мне не хватает, чего нет во мне, о чем ты говорил на самом деле? Ведь в действительности ты говорил о том, кем

я не являюсь, а не ты. – Она была мучительно правдива и, кстати сказать, достаточно сообразительна, чтобы разобраться с тем, с чем сталкивалась, даже если порой не знала, для чего это.

– Я тебе не нужен. – Этот довод прозвучал так неубедительно, что Спенсер сам почувствовал всю глупость сказанного.

– Ну конечно, нужен. Неужели я должна все время скулить об этом, этого ты ждешь? Если это имеет для тебя значение – да, я влюбилась в тебя. Но не собираюсь разводить сантименты вроде тех, что я верю в радуги, чудо и видения ангелов, играющих на арфах, для того чтобы понять, что люблю тебя. Ты мне нравишься, я считаю тебя умным, веселым, думаю, что ты далеко пойдешь, если только воспользуешься шансом, а когда ты достигнешь чего-нибудь, у нас наступит чертовски интересная жизнь. Вот этого я и хочу. Что, это так ужасно?

– Нет, не ужасно. В этом нет ничего ужасного. И ты не ужасна. Ты мне тоже очень нравишься, но нам надо больше.

Его голос звучал слишком громко в маленькой машине, но она не обратила на это внимания. Он умолял ее о своей жизни, но она, по-видимому, не поняла.

– Мне нужны скрипки и арфы, радуги, и я в них верю. Быть может, я безнадежный романтик, но если мы сейчас довольствуемся малым, то через десять лет... пять... два года... мы горько раскаемся.

– Но у нас также может сложиться чертовски удачная сексуальная жизнь, не забывай об этом.

Он улыбнулся, как прямо она об этом говорила. Она права. Конечно, ненормально, что он безумно влюбился в девушку, с которой он ни разу не переспал. И вдруг, слушая себя и Элизабет, он подумал: что, если все мечты о Кристел – только иллюзии? С ней были одни арфы, скрипки, воспоминания и видения. С Элизабет – все реально. А ему нужно и то и другое. Во всяком случае, он так думал.

– Или секс не имеет для тебя значения? Насколько я успела заметить, это не так.

Она смеялась над ним, а ему ничего не оставалось, как улыбнуться в ответ:

– Я бы сказал, да.

– По крайней мере ты правдив. Не очень смел, но хоть правдив.

Она наклонилась и поцеловала его в щеку, положила ему руку на бедро.

– Почему бы нам не остановиться в каком-нибудь мотеле и не обсудить это?

– Ради Бога, Элизабет, я же говорю серьезно. Говорю, что не хочу на тебе жениться, а ты собираешься в мотель! Или ты не слышала? Или ты не слушала? Тебе что, все равно? – вскипел Спенсер.

– Ну конечно, мне не все равно. Но это не значит, что я собираюсь помахать тебе на прощание платочком. Ты ведешь

себя, как десятилетний ребенок, я не буду тебе потворствовать. Вчера вечером что-то случилось, ты чего-то испугался. Не знаю почему, но мне так кажется. И от религиозного ли усердия или просто от дурости ты решил сбежать. Не хочу даже слышать об этом. Сейчас отвези меня в школу, возвращайся домой, приходи в себя, а утром позвони мне.

Да, Элизабет – сдержанная женщина, этого нельзя отрицать. Он даже уважал ее за это и в то же время до смерти боялся. Именно поэтому он хотел бы жениться на Кристел, а не на ней. А она смотрела, как он заводит машину с выражением отчаяния на лице.

– Уж не собираешься ли ты мне исповедаться по поводу вчерашнего вечера? К чему это? Сходи лучше в церковь и получи там отпущение грехов. И у нас наконец будут нормальные отношения нормальных людей.

– Мне не в чем исповедоваться.

– А я думаю, что есть, и думаю, ты тоже понимаешь это. И знаешь что, Спенсер, – сказала она, спокойно глядя в окно и закуривая новую сигарету, – я не хочу больше слышать об этом. Ты можешь потихоньку иметь свой *crise de conscience*, как говорят французы, не нарушая течения жизни.

– Нашу жизнь разрушит женитьба. Поверь, я знаю, что говорю. – Но его серьезный тон не убедил Элизабет.

– Неверность сама по себе не является причиной для развода, не важно, что там говорит по этому поводу закон. Если в этом все дело, если ты вчера хорошо покутил с друзьями

ми, не обременяя меня своими жалкими историями. Поступи трезво, как поступил бы другой нормальный, приличный, уважающий себя мужчина – соври мне, купи у ювелира какую-нибудь вещицу и прекрати скулить.

– Ты говоришь серьезно?

– Не совсем, но в целом – да. Просто мы еще не женаты, ты немного задурил, и я смотрю на это сквозь пальцы. Но когда мы поженимся, я буду значительно менее сговорчивой.

– Я приму это к сведению. – Да, она совсем необычная девушка, и он вдруг повел себя так, будто по-прежнему собирался жениться на ней, а не на Кристел. – Бесспорно, у тебя широкие взгляды.

– Так, значит, я права, в этом все дело?

– Совсем не обязательно. – Он окончательно отказался от мысли рассказывать ей о Кристел. Ее это не касалось. Она думала, будто это увлечение одной ночи, не хотела раздувать целую историю. Все это осложняло предстоящий разговор. – Я считаю, что дело в разнице наших взглядов на то, чего мы хотим от жизни. С одной стороны, я хочу большего, чем ты, с другой стороны – наоборот.

– Нет, это не так.

Они ехали по шоссе, и она подвинулась ближе к нему.

– Не могу с тобой согласиться, я считаю, что это так.

– А я считаю, что ты сумасшедший. – Говоря это, она положила руку ему на ногу. Он запетлял по дороге, с ужасом представляя, что может произойти.

– Элизабет, прекрати!

– Почему? Раньше тебе это очень нравилось.

Она развлекалась, смеялась над ним. Она отказывалась принимать его слова всерьез.

– Ты слышала что-нибудь из того, что я тебе говорил?

– Все. И, говоря откровенно, считаю это чистой воды нелепицей. – Она снова поцеловала его, и он независимо от себя почувствовал возбуждение.

Ему хотелось заняться с ней любовью. Но ему надо убедить себя, и убедить именно сейчас. Но в чем? В том, что все кончено? Почему она отказывается верить ему? Что она знает такого, чего не знает он? Она ужасно своенравна и упряма.

– Нет, это не нелепости, это мои убеждения.

– Сейчас – может быть, но завтра ты будешь смущен. Я стараюсь избавить тебя от этого смущения, не принимая твои слова всерьез. Как тебе моя прямота?

Он опять остановил машину у обочины, чтобы посмотреть на нее. Ему оставалось только посмеяться над собой. Он-то ждал, что она будет бесноваться, а она осталась совершенно равнодушной к его сообщениям и речам. Ее абсолютно ничего не трогало. Самое ужасное, что в глубине души ему это нравилось.

– Ты еще более сумасшедшая, чем я.

– Спасибо. – Говоря это, она наклонилась и крепко его поцеловала, водя языком по его губам, медленно расстегивая молнию на брюках. Он попытался было оттолкнуть ее, но

кто-то второй в нем не хотел этого.

– Элизабет, не надо.

Но она целовала, лаская и возбуждая, и ему невозможно было устоять даже при таких затруднительных обстоятельствах. Он сам не мог поверить в происходящее, но через минуту они уже лежали на сиденье, поспешно снимая остатки одежды. Ее юбка задралась к груди, а его белье – спущено на ногу. Запотевшие окна машины были достаточным доказательством их страсти. Все происходило быстро, Спенсер совсем потерял контроль над собой, зато потом, когда пришел в себя, почувствовал себя совсем подавленным. А Элизабет пришла в наилучшее расположение духа.

– Ужасно нелепо все получилось. – Он вел себя еще более ненормально, чем раньше, упрекая за то, что произошло. Наверное, у него просто сдали нервы.

– А я думаю, что это было очень даже неплохо. Не будь таким напыщенным ничтожеством.

Она продолжала подтрунивать над ним до самого Поукипси, а когда приехали в Вассар, нежно поцеловала его в губы, несмотря на все его протесты, пообещав, что они серьезно поговорят, когда она придет в Нью-Йорк на следующие выходные. А он, вместо того чтобы чувствовать облегчение, вину, печаль или сожаление, всю дорогу в Нью-Йорк ругал себя последними словами.

Только ночью, лежа без сна и думая о Кристел, он в полной мере осознал сложность возникшей у него с Элизабет

проблемы. Приняв его предложение, она теперь не хотела слышать «нет». А он рвался в Калифорнию, к другой женщине. Все это могло походить на комическую оперу, если бы не было так серьезно. Он даже испытывал искушение позвонить отцу и посоветоваться с ним, но был убежден, что отец посчитает его ненормальным. При сложившихся обстоятельствах он и сам не был убежден в этом.

На следующее утро он хотел позвонить Кристел к миссис Кастанья, но ему нечего было ей сказать. Она ведь даже не знает, что он помолвлен. Тогда он решил, что не должен ей звонить, пока не утрясет все с Элизабет. Он ненавидел себя за то, что занимался с ней любовью в машине по пути в Поукипси. Для полной картины сейчас только не хватало, чтобы Элизабет забеременела. Но по прежнему опыту он знал, что она не допускает близость в опасные дни. Даже без этого осложнения он стоял перед дилеммой.

Всю следующую неделю он не мог ни есть, ни пить, ни спать, не мог сосредоточиться на работе. Он думал о Кристел и о своей неудачной, распадающейся помолвке. Он порой задумывался: а что, если Элизабет права и нет браков, совершаемых на небесах? В конце концов, они прекрасно проводили время и в постели и вне ее, она умна, они хорошо ладили... но Кристел – это что-то совсем другое... он думает, что она... он не мог не признать, что он едва знает ее. К концу недели он с трудом мог соображать. Он столько раз пытался все взвесить, разложить по полочкам, что дальнейшие

попытки не имели смысла. Он знал, что годами его преследовал романтический образ Кристел, резко отличавшийся от реальной женщины, с которой он был помолвлен.

Всю неделю он выглядел задумчивым, и один из его приятелей в конторе даже прокомментировал шутливым тоном:

– У тебя, должно быть, был бурный уик-энд, Хилл. Спенсер улыбнулся в ответ. На следующий день, когда они играли в сквош, он был очень рассеян и проиграл обе партии. Он сидел мрачный, когда они закончили пить, зная, что ему необходимо поговорить с кем-нибудь. Джордж Монтгомери недавно пришел в их фирму. Он был одних лет со Спенсером, его ожидало блестящее будущее, поскольку он был племянником старшего компаньона, Брюстера Винсента. Спенсер в отчаянии поднял глаза на своего неизбежного собеседника, и тот сразу понял, что у Спенсера серьезные проблемы.

– Тебя что-то беспокоит?

– Боюсь, я сошел с ума.

– Предположим, а кто сейчас не сумасшедший? – Джордж улыбнулся и заказал им обоим по пиву. – И что тебя заставляет так думать?

Спенсер не знал, что ему сказать. Как он может начать говорить с ним о Кристел?

– Да, я встретил своего старого друга в воскресенье в Сан-Франциско.

Джордж мгновенно предположил, заглядывая ему в глаза:

– Женщину?

Спенсер удрученно кивнул:

– Я не видел ее несколько лет, думал, что забыл о ней, и вдруг... Бог мой, я даже не знаю, как это объяснить.

– И вдруг ты оказался с ней в постели, – предположил с улыбкой Джордж. С ним самим произошло нечто подобное за два дня до женитьбы. – Не волнуйся, это простое малодушие, ты скоро оправишься!

– А если нет? Что тогда? Кстати, я с ней не спал. – Он сказал так, пытаясь защитить ее репутацию, как будто это имело значение. Джордж ее даже не знал.

– Прими мои соболезнования. Не беспокойся, Спенсер. Ты забудешь ее. Элизабет – прекрасная девушка. Ты допустишь огромную ошибку, если не породнишься с судьей Барклаем.

Неужели все считают это главным? Спенсер посмотрел на него, и Джордж внезапно понял, что это серьезно.

– Я сказал Элизабет, что хочу расторгнуть помолвку. Джордж поставил стакан и присвистнул:

– Да, ты точно ненормальный. А она что сказала? Спенсер покачал головой:

– Она не хотела слышать об этом. Элизабет сочла это обыкновенной трусостью и сказала, чтобы я прекратил скулить. – Это могло показаться смешным. Всем, кроме Спенсера.

– Это благородно с ее стороны. Она знает о той, другой? Спенсер с несчастным видом покачал головой:

– Я ей не сказал. Но думаю, она догадывается. Она, однако, не догадывается, насколько это серьезно.

Джордж твердо посмотрел на него:

– Это не может быть серьезным.

– Нет, может. Я люблю ее... ту, другую, я имею в виду...

– Слишком поздно. Подумай, сколько неприятностей тебе принесет расторжение помолвки.

– Если не сделать этого, всю оставшуюся жизнь я буду думать о другой.

– Нет, не будешь. Ты забудешь ее. – Он говорил очень уверенно, а вот Спенсер не был в этом уверен. – Ты должен забыть.

– Другие же расторгают помолвки. – Спенсер был взволнован, к тому же он уже не спал несколько ночей, и его это очень угнетало.

– Да, но не с дочерью судьи Баркляя.

Джордж говорил с убежденностью, но Спенсера раздражала его позиция. Всех чертовски впечатляло, кто она, а он никогда не считал, что это важно. Он сделал ей предложение, потому что она ему нравилась, потому что она умна и полна жизни, потому что, в конце концов, он убедил себя, что любит ее. Никогда он не думал о ней как о чьей-то дочери. Он с самого начала знал, кто она, именно поэтому не решался сделать ей предложение целый год. И вдруг он решил, что будет все нормально. Но он ошибся, и теперь... Что теперь? Он все не мог найти ответа.

– Почему все это так важно, Джордж? Какая разница, кто у нее отец?

– Ты шутишь? Ты же женишься не на девушке по имени Элизабет. Ты женишься на образе жизни, на имени, важной семье, и ты не можешь запросто входить и уходить из такой жизни. Они заставят тебя чем-нибудь заплатить за это. Даже если нет, твое имя вымажут в грязи отсюда и до Калифорнии.

Спенсер услышал эти слова, он подумал о родителях, о том, как они будут огорчены. Но не может же он жениться только для того, чтобы сделать им приятное.

– Если нужно, я смогу с этим смириться.

Но сможет ли он? А что, если Кристел не то, что ему нужно? Если это слепое юношеское увлечение? В конце концов, он ее едва знает.

– По правде говоря, я не представляю, как буду с ней, если я по уши влюблен в другую.

– Думаю, тебе надо выбросить все из головы и прийти в себя. Давай я угощу тебя обедом. Выпей немного, выпись, ради Бога, ничего больше ей не говори. Через несколько дней тебе станет лучше. Это действительно так, как она говорит. Трусость. Все это переживают.

Но Спенсер не был полностью уверен в этом. Тем не менее этой ночью он спал спокойно, а утром в «Нью-Йорк тайме» увидел объявление о своей помолвке с очень милой фотографией Элизабет, сделанной в Вашингтоне. Он опять задумался: неужели Джордж прав и он должен выбросить Кристел из

головы? Что же он ей скажет? Что он ошибался? Что он ее не любит? Что должен жениться на другой? А как же она? Он же ей нужен, по крайней мере кто-то нужен. Это несправедливо по отношению к ней; мысль о том, что он должен бросить ее, больно отозвалась в его душе. Однако ему не нужно было ей ничего говорить.

В этот день в Сан-Франциско Кристел увидела в газетах объявление о помолвке. Он даже не подумал об этом, пока разрешал сложную дилемму. Кристел обедала в перерыве с персоналом «У Гарри», когда Перл протянула ей «Кроникл». Но она, увидев в газете улыбающееся лицо Спенсера, была удивлена не так, как Кристел.

– Послушай, не они ли были здесь недавно? По-моему, я их обслуживала... – задумчиво произнесла Перл. Ее волновало то, что она читала в газетах о сильных мира сего. – Кажется, это было в субботу. Она была так полностью поглощена собой, а вот он был очень мил. Кстати, ты ему очень понравилась. Видела бы ты его лицо, когда ты пела!

Кристел чувствовала, как похолодели ее руки, как задрожали ее пальцы, когда она возвращала газету. Она уже прочла. Там написано, что Спенсер Хилл из Нью-Йорка помолвлен с Элизабет Барклай, дочерью судьи Барклая, что обе семьи пригласили около четырехсот друзей для празднования помолвки. Гедда Хоппер заявила, что это был великолепный прием с икрой, шампанским и буфетом, который мог сравниться с буфетом Белого дома, с оркестром Арти Шоу, ко-

торый играл для молодых до самого утра. Свадьба назначена на июнь, а платье для мисс Барклай заказано Прициллой в Бостоне. Кристел молча уставилась в свою тарелку. Она не могла поверить. Он ничего не говорил ей о помолвке. Он только говорил, что любит ее, что вернется в Калифорнию. Он лгал ей. Вспоминая сейчас все, что он говорил, она чувствовала, как болит сердце. Она ему верила.

– Ты слышала о нем раньше? – поинтересовалась Перл, продолжая жевать. Она немного потучнела, но все еще была в отличной форме.

– Нет. – Кристел покачала головой. Еда стояла перед ней нетронутой, но она уже не хотела есть.

В тот вечер она пела от всего сердца, тщетно стараясь не думать о Спенсере. Но она не могла больше ни о чем думать, а когда он позвонил ей через два дня, она не хотела подходить к телефону, но миссис Кастанья настояла.

– Это же междугородный! – вскрикнула она пораженно. Когда Кристел взяла трубку, руки у нее дрожали.

– Да?

– Кристел? – Это был его голос, и Кристел закрыла глаза, услышав его.

Он вновь печально и обеспокоенно повторил ее имя.

– Да?

– Это Спенсер.

– Поздравляю вас. – Сердце Кристел остановилось, когда она произнесла эти слова.

Он мгновенно все понял. Барклаи должны были поместить объявления в местной прессе. Он хотел сам ей сказать, но теперь слишком поздно. Она уже знает.

– Я поехал в Нью-Йорк, чтобы разорвать помолвку. Я клянусь. Вчера, как только я вернулся, я сказал ей.

– Думаю, вы оба решили, что это ни к чему.

– Нет... не совсем... я... черт, не знаю, как это объяснить.

– Не надо мне ничего объяснять. – Как ни была она разгневана на него, но сейчас, слушая его, она чувствовала огромную печаль. Она потеряла столько людей, которых любила, просто он еще один. Он ушел. Ушел из ее жизни отныне и навсегда. Как и другие. Но на этот раз все могло быть по-другому. – Ты не должен мне ничего объяснять. Ты мне ничего не должен, Спенсер.

– Не о том речь, Кристел... я люблю тебя... – Это прозвучало ужасно после того, что Кристел прочла в газете. – Я не хочу все усложнять, только хочу, чтобы ты знала. Мы жили так далеко друг от друга, у нас не было возможности узнать друг друга. – Как жалко прозвучали эти объяснения, ведь инстинктивно он знал, что они бы хорошо жили, что они подходят друг другу. Но он выбрал холодную реальность вместо нежных иллюзий. – Все оказалось так сложно, когда я вернулся.

В последние дни ее образ немного потускнел, но сейчас, услышав ее голос, ему до боли захотелось вновь оказаться рядом с ней, прижать ее к себе. А она молча плакала, слушая

его на другом конце провода. Она хотела бы ненавидеть его, но не могла.

– Она, должно быть, необыкновенная женщина!

Он мгновение колебался, не сказать ли ей правду, насколько она обыкновенна, но это невозможно. Он не мог допустить этого.

– Это совсем не то, что чувствую я и ты, нет волшебства.

– Тогда зачем ты это делаешь? – Она ничего не понимала, все это было так запутанно.

– Честно говоря, я и сам не знаю. Наверное, иначе было бы слишком сложно...

– Разве это причина для того, чтобы жениться? Он и сам знал, что нет, поэтому ему нечего было сказать в ответ.

– Да, я знаю, знаю, что это звучит ненормально, но я напишу тебе... просто чтобы знать, как ты... или... если можно, я позвоню тебе.

Он не мог даже думать о том, что снова потеряет ее из виду. Нет, нет, ему необходимо знать, что с ней все в порядке, и, если понадобится, быть там, с ней, но она не хотела.

Слезы медленно стекали по щекам, когда она произнесла:

– Нет... ты ведь женишься. У нас никогда ничего не было. Только мечта. Я больше не хочу о тебе слышать. Это будет напоминать мне о том, чего я не имела.

Она говорила правду, и его особенно подавляло ее нежелание иметь с ним что-нибудь общее.

– Ты позвонишь мне, если что-нибудь будет нужно?

– Например? – Она улыбнулась сквозь слезы. – Как насчет контракта в Голливуде? У тебя не найдется одного?

– Конечно, – улыбнулся он, тоже сквозь слезы, – для тебя – все, что угодно.

Все, кроме того, чего оба желали больше собственной жизни. Он заставил себя сделать это, когда решил, что Элизабет – это правильный выбор. Сейчас, разговаривая с Кристел, он уже не был в этом уверен. Может, она права, не позволяя ему больше звонить. Ему хотелось прямо сейчас сесть в самолет и лететь к ней, но он не мог сделать ни того, ни другого, он должен попытаться наладить жизнь с Элизабет. Он многим ей обязан, а для Кристел он ничего не сделает.

– Я уверен, что увижу однажды твое имя на афишах... или куплю твою пластинку. – Он действительно так думал.

– Может быть... когда-нибудь.

Но сейчас она думала не об этом. Она думала только о нем, как ей будет не хватать его.

– Я так рада, что вновь увидела тебя... несмотря ни на что... это стоило... – Только несколько дней мечты, но главное – она увидела его. И обнимала его. И он сказал, что любит ее.

– Не знаю, как ты можешь сейчас так говорить. Я чувствую себя последним негодяем. Ведь это я должен был тебе все сказать, а ты узнала о моей помолвке через газеты.

Кристел только пожала плечами. Может, это не имело значения. Он никогда не был частью ее жизни. Он от начала и до

конца оставался мечтой... приятной мечтой. Она хотела быть сильнее, но опять начала плакать, ей причиняла боль мысль о том, что ей нужно прощаться с ним, прощаться навсегда.

– Надеюсь, ты будешь счастлив.

– Я тоже, – произнес он неуверенно. – Обещай, что позволишь мне, если я понадобится. Я говорю серьезно, Кристел.

Он знал, что у нее никого нет, кроме Вебстеров, да и те много ли могут сделать для нее.

– У меня все будет нормально. – Она попыталась улыбнуться, борясь со слезами. – Я стойкая, ты же знаешь.

– Да, знаю... и желаю, чтобы тебе не приходилось быть такой стойкой. Ты заслуживаешь, чтобы кто-нибудь сильный заботился о тебе.

Он хотел добавить, что он желал бы быть этим «кем-то», но это было слишком жестоко и бессмысленно для них обоих. И он, сознавая, что ему больше нечего сказать, произнес:

– До свидания, Кристел... я люблю тебя. – В глазах его стояли слезы, и он с трудом расслышал, как она прошептала в ответ:

– Я тоже люблю тебя, Спенсер...

Телефон умер в его руке, она исчезла. Навсегда. Он написал ей письмо, в котором объяснил, как он сожалеет и как много она для него значит. Ему трудно было писать, трудно находить нужные слова, а оно вернулось нераспечатанным, без ответа. Может быть, она переехала, но он не был уверен в этом. Она оказалась достаточно мудрой, чтобы не начинать

то, что ни один из них не сможет закончить. Она знала, что все должна оставить в прошлом. Это непросто. Для нее это было самым сложным из того, что когда-нибудь приходилось делать, не считая отъезда с ранчо, но она старалась перебороть себя и забыть о Спенсере. Ей даже не хотелось петь те песни, которые она пела в день, когда вновь увидела его. Все напоминало ей о нем – каждое утро, каждый день, каждая ночь, каждая песня, каждый закат. Каждое мгновение проходило в мыслях о нем. Раньше у нее были только мечты, а сейчас то, что она знала точно: цвет его глаз, запах его волос, вкус его губ, прикосновение его рук, звук его голоса, шепчущий слова любви, – делало ее боль неизмеримо сильнее. Все это надо забыть. У нее впереди целая жизнь. Нет любимого, но есть дар Божий, о котором часто напоминает миссис Кастанья, есть Перл, которая напоминает, что Голливуд все еще ждет ее. Но сейчас, когда она потеряла Спенсера, все это уже не казалось таким важным.

Что касается Спенсера, у него со временем все устроилось. Он много думал о Кристел и пришел к выводу, что принял искреннее решение. На Рождество он ездил с Элизабет на Палм-Бич. Он стал понемногу приходить в себя. Он постоянно думал, не написать ли Кристел, но так и не написал. Он знал, что Кристел хотела остаться одна, но чувствовал себя очень виноватым. Элизабет не обращала ни на что внимания – как настоящая светская дама, она была слишком снисходительна, чтобы замечать этот faux pas².

Несмотря ни на что, они прекрасно провели Рождество и вернулись из Флориды загоревшие и отдохнувшие. До свадьбы оставалось только шесть месяцев. Элизабет постоянно ходила на вечеринки в Нью-Йорке, они ездили в Вашингтон к ее родителям. У него почти не было времени думать ни о чем той весной, но мысли о Кристел частенько терзали его, хоть он и пытался бороться с ними. Нет смысла доводить себя до безумия из-за нее. Он почти каждый день повторял себе, что сделал правильный выбор.

Миссис Барклай приехала в Сан-Франциско в начале мая, чтобы наблюдать за последними приготовлениями. Они должны были венчаться в кафедральном соборе, как этого

² Ложный шаг, супружеская неверность.

хотела Элизабет, а прием гостей должен был проходить в отеле «Сент-Френсис». Она хотела бы устроить прием дома, но список приглашенных разбух до семисот человек. Не оставалось ничего другого, как остановиться на отеле. Должно было быть четырнадцать шаферов и двенадцать подружек невесты. О таких свадьбах Спенсер только читал, но никогда на них не присутствовал. Он вместе с Элизабет вылетел в Сан-Франциско на следующий день после окончания третьего года обучения, ее переводили в Колумбию, чтобы она смогла окончить школу после их женитьбы. Это единственное условие поставил ее отец, прежде чем дал согласие на их брак. Он хотел, чтобы она закончила обучение, и сожалел, что ей не удалось окончить Вассар. Но Элизабет хотела быть рядом с мужем.

Они летели в приподнятом настроении. Спенсер знал, что по прибытии в Калифорнию состоится ряд приемов. Через неделю, семнадцатого июня, будет свадьба, а затем они отправятся на Гавайи на медовый месяц. Она сгорала от нетерпения, но за неделю объявила легкомысленно, что «сажает его на воздержание» до свадьбы. Он безжалостно дразнил ее в самолете, говоря, что больше не может нести ответственность за свои поступки. Но потом им и не представилось удобного случая. Отец Элизабет снял Спенсеру комнату в «Богем клуб», как и для всех шаферов. Среди них был и Джордж из конторы Спенсера. Спенсер еще помнил, что Джордж говорил ему о правильном выборе, а он поверил в

это до того, как собрался в Сан-Франциско.

Он вдруг обнаружил, что думает о Кристел день и ночь. Он оказался сейчас в изоляции и отчаянно хотел увидеть Кристел, но старался побороть в себе это желание, выпивая больше обычного. Это было жестоко по отношению к Элизабет, и он охотно погрузился в предсвадебные хлопоты. В их честь устраивались ежедневно изысканные приемы.

Прошли приемы в Атертоне, Вудсайде, несколько раз в Сан-Франциско, а Барклаи дали великолепный предсвадебный обед в честь молодых в «Пасифик клуб». А за день до этого у Спенсера был мальчишник, который для него организовал Иэн. Там присутствовали морские офицеры, шампанское лилось рекой, и Спенсер вполне справился с побуждением зайти в «Гарри» по пути домой и сказать, что все еще любит Кристел. Он пытался бессвязно объяснить все Иэну, но потом вспомнил, что тот не посвящен ни во что.

– Да, правильно, сынок, – ухмыльнулся Иэн, – мы всегда пьем шампанское из хрустальных бокалов.

Они уложили его в кровать, а на следующий день он сидел на званом обеде совершенно разбитый, как и все они. Зато Элизабет выглядела великолепно в розовом атласном вечернем платье. Она никогда не была так красива, как в те дни. Ее мать приобрела ей несколько изысканных нарядов в Вашингтоне и Нью-Йорке. Элизабет отпустила волосы и сделала французскую завивку, выгодно подчеркивающую необыкновенной красоты бриллиантовые серьги, подаренные ее ро-

дителями. Спенсеру они подарили часы фирмы «Филипс» и платиновый портсигар с вправленными в крышку сапфирами и бриллиантами. Он же преподнес им в дар золотую шкапулку, на которой велел выгравировать строчку из стихотворения, которое, как он знал, очень нравилось судье Барклаю. Элизабет он подарил рубиновое ожерелье и в пару к нему серьги, на которые ему придется работать несколько лет. Но он знал, как Элизабет любит рубины. И, улыбаясь ей в тот день в «Пасифик клуб», он сознавал, что она этого заслуживает.

Свадебная церемония состоялась на следующий день. Шаферы выехали из «Богем клуб» на лимузинах. Невеста прибыла в церковь в старом дедовском «роллс-ройсе» 1937 года, который, однако, находился в отличном состоянии. Им пользовались только в торжественных случаях. Элизабет выглядела блестяще в окружении двух подружек и дворецкого, помогавших разместить ей четырнадцатифутовый шлейф, когда она усаживалась в машину. Отец смотрел на нее в немом восторге. На ней был венок из кружев, украшенный крошечными жемчужинами, тщательно подобранная и подколотая маленькая элегантная тиара. Ее лицо легкой дымкой покрывала тонкая французская вуаль, а кружевное платье с высоким воротом выгодно подчеркивало стройную фигуру. Это было невероятное платье, невероятный день, незабываемый момент. Когда шафер подвез их к кафедральному собору, дети на улице подняли визг. Элизабет была так краси-

ва, что ее отец едва справлялся со слезами, когда они торжественно поднимались по ступенькам храма под звуки музыки, а голоса детей звучали, как хор ангелов.

Спенсер с бьющимся сердцем смотрел, как она приближалась. Они так ждали этого момента. И он наконец наступил. Все свершилось. Глядя сквозь вуаль на обращенную к нему улыбку, он утверждался во мнении, что сделал правильный выбор. Она выглядела великолепно. А через несколько мгновений станет его женой. Навсегда.

Они вышли из церкви, сошли по ступенькам вниз, сопровождаемые подружками невесты и шаферами, принимая поздравления. В час они вышли из церкви, а в половине второго подъехали к «Сент Френсис». Там их уже ожидали репортеры. Это была самая знаменитая свадьба в Сан-Франциско за последние несколько лет. На улице толпы людей наблюдали за подъезжающими лимузинами. Было очевидно, что невеста – важная птица. Приглашенные поспешили в отель. Спенсеру не раз во время обеда приходило в голову, что это немного напоминает политический прием. Были гости из Вашингтона и Нью-Йорка. Были там и судьи из Калифорнии. Они даже получили поздравительную телеграмму от президента Трумэна.

И наконец в шесть часов Элизабет спустилась переодеться, снять подвенечное платье, которое никогда больше не наденет. Она смотрела на него с грустью, думая о бесконечных часах примерок, обдумывания деталей. А теперь она долж-

на снять его и сохранить для собственных дочерей. В дороге она надела шелковый костюм, очень красивую шляпку от Шанель. Когда они уходили, гости бросали им под ноги розовые лепестки. Их отвезли в аэропорт в старом «роллсе». Рейс на Гавайи должен быть только в восемь, и они зашли в ресторан чего-нибудь выпить. Элизабет смотрела на своего мужа и победоносно улыбалась:

– Ну, мальчик, вот мы и женаты.

– Как ты красива, дорогая. – Он наклонился и поцеловал ее. – Я никогда не забуду тебя в этом свадебном платье.

– Мне так не хотелось его снимать. Ужасно, что после всех хлопот и волнений я его больше никогда не надену. – Она была полна нежности и тоски по прошлому и уснула у него на плече, когда они сели в самолет, а он счастливо улыбался, уверенный, что любит ее. После медового месяца на Гавайях они собирались присоединиться к ее родителям и провести недельку на озере Тахо, пока судье Барклаю не надо будет возвращаться в Вашингтон, а им в Нью-Йорк, искать квартиру. Она ездила с ним всюду, пока они не нашли то, что нужно. Она хотела жить на Парк-авеню, но это было слишком дорого при его жалованье, а она настаивала, что тоже будет участвовать в расходах. Когда ей исполнится двадцать один год, она получит полагающуюся ей сумму, но ему казалось неудобным принимать от нее помощь. Они так и не договорились, поэтому ей казалось, что проще ездить с ним, пока все не решится. У нее не было времени подыскать что-

нибудь подходящее, пока она находилась в Вассаре.

Сейчас, когда она спала у него на плече и они спокойно летели в Гонолулу, он верил, что у них все пойдет гладко. Они остановились в Галекулани на Вайкики. Дни, проведенные там, пролетели как одно мгновение. Они загорали и плавали, по нескольку раз в день возвращались в свою комнату и занимались любовью.

Ее отец устроил Спенсеру членство в «Аутриггер каноэ клуб» и один раз позвонил молодоженам, чтобы узнать, как дела, несмотря на протесты ее матери. Она считала, что детей надо оставить в покое, а он хотел знать, как они, и с нетерпением ждал их на озере Тахо.

Они вернулись двадцать третьего июня, счастливые и загорелые. Судья Барклай обеспечил их машиной, на которой Спенсер повез жену к озеру. В этот день Перл показала Кристел фотографии их свадьбы в газетах. Она давно собиралась это сделать. В статье говорилось и о неправдоподобно красивом свадебном платье Элизабет, и о четырнадцатифутовом шлейфе. Читая все эти подробности, Кристел чувствовала подкатившийся к горлу комок. Она долго рассматривала фотографии, где Спенсер держал Элизабет за руку и улыбался.

– Как они красиво смотрятся, правда? – Перл все еще помнила, что они были у них в клубе прошлой зимой. У нее была хорошая память на лица и имена. Она помнила, что читала об их помолвке после Дня благодарения.

Кристел не ответила. Она молча сложила и вернула ей га-

зету, стараясь забыть, что все еще любит его. День был холодный, и она рано ушла домой. Она сказала больно и отпросилась у Гарри. Посетителей было немного. У них прошло достаточно представлений в этот день, и многие из заведомо ушли. Клуб «У Гарри» стал очень популярен во многом благодаря ей, ее растущей репутации певицы.

А пока она лежала в кровати той ночью, стараясь забыть о фотографиях, которые видела в газете, Элизабет и Спенсер сидели на берегу озера и тихонько разговаривали. Родители уже легли, было поздно, но им не хотелось уходить. Они обсуждали сообщение ее отца о кампании «охоты на ведьм» Маккарти*. Спенсер горячо с ним не соглашался. Он считал, что многие из предъявленных обвинений несправедливы, а Элизабет подшучивала над ним, называя мечтателем.

– Это так мерзко, Элизабет. Комиссия палаты представителей занимается тем, что обвиняет невинных людей за то только, что они коммунисты. Это бесчестно!

– А почему ты уверен, что они невиновны? – улыбнулась она. Она была полностью на стороне отца.

– Ради Бога, вся страна не может быть «красной». Кроме того, личные убеждения человека никого не касаются.

– Как ты можешь так говорить после смуты на Дальнем Востоке? Коммунисты – это самая большая угроза нашему миру. Или ты опять хочешь войны?

– Нет. Но мы говорим не о войне. Мы говорим об отношениях в нашей собственной стране. Что случилось со свобо-

дой выбора? А как же конституция? – Впрочем, он не любил говорить с ней о политике. Ему больше нравилось заниматься с ней любовью, или держать ее за руку, или просто сидеть с ней под луной. – Как бы то ни было, я не согласен с твоим отцом. – Они могли бы спорить часами, но его утомили долгий перелет и поездка на озеро. – Пойдем спать.

– Я все же не соглашусь с тобой, – засмеялась она.

– Можешь не соглашаться. В конце концов, тебе есть о чем подумать, кроме политики.

Она улыбнулась и пошла вслед за ним в дом. Но он слишком устал, чтобы заниматься с ней любовью, и не очень хотел возвращаться в Сан-Франциско. Там все напоминало ему о Кристел. Однако на другой день его мысли были далеко от Кристел, когда они катались по озеру на водных лыжах, обедали с друзьями семьи Барклай. А через день все были шокированы известием из Кореи. События эти назывались «полицейская акция правительства», но для Спенсера это звучало как «война». Сразу были набраны новобранцы и призваны те, кто находился в запасе. Когда Спенсер узнал об этом, он сразу понял, что это означает для него, а Элизабет ужаснулась, когда он сказал ей.

– Что ты наделал! – Огромные карие глаза блестели от слез.

– Я думал, что это не будет иметь значения, и хотел сохранить воинское звание. – Он оставался в запасе, а сейчас шел призыв резервников. В любой момент его могли отпра-

вить в Корею.

– А сейчас ты можешь отказаться от него?

– Нет, сейчас уже поздно. – Но он даже не предполагал, насколько поздно. Телеграмма о его мобилизации уже ждала его в конторе. Джордж Монтгомери позвонил днем, и Спенсер сообщил об этом Элизабет с мрачным видом. Он не боялся войны. В некоторой степени ему даже хотелось этого, но было безумно жаль расставаться с женой. Они женаты только две недели, а ему надо ехать в Корею. Он получил приказ явиться в Форт-Орд в Монтерей. У него было два дня, чтобы добраться туда. Элизабет была в шоке, а судья Барклай серьезно выслушивал новости.

– Если хочешь, я постараюсь вытащить тебя, сынок.

– Нет, сэр, спасибо. Я раньше уже служил на Тихом. Было бы несправедливо уклоняться от обязанностей.

У Спенсера были твердые убеждения на этот счет, а Элизабет изо всех сил старалась переубедить его. Они ведь только поженились, она не хотела его потерять. Но Спенсер оставался непоколебим:

– Я уверен, это ненадолго, любимая. Это не война, а полицейская акция.

– Это одно и то же, – продолжала настаивать она. – Почему ты не хочешь, чтобы папа сделал для тебя освобождение?

Она негодовала, умоляла отца, но тот ждал, чтобы Спенсер попросил сам. Честно говоря, он уважал его за этот выбор. Ему только жаль было дочь – не успела снять свой сва-

дебный наряд, как мужа призывают на войну. Отцу это казалось чертовски несправедливым. Единственную пользу, которую, по его мнению, можно извлечь из-за отсутствия зятя, – отправить Элизабет обратно в Вассар. Ей осталось проучиться только год, и это займет ее, пока Спенсер будет в Корее. Он позвонил в Вассар и договорился обо всем на следующий же день, чем ужасно расстроил Элизабет. Она рыдала в своей комнате над жестокостью судьбы. За каких-то несколько дней у нее сквозь пальцы утекло все, чего она хотела. Она вышла замуж, а теперь муж уходит на войну, и она возвращается в школу, как будто ничего не случилось, как будто и не было свадьбы. Отец даже не позволял ей остаться в Нью-Йорке и жить на квартире Спенсера.

– Спенсер, я не хочу, чтобы ты уезжал.

– Я должен, дорогая.

Он был очень нежен с ней и втайне мечтал, чтобы она не предохранялась так тщательно. Он хотел бы оставить ее с ребенком. Ей было бы о чем думать и мечтать, заглядывая вперед, а ему прибавило бы смысла для возвращения. Но она, как всегда, пользовалась противозачаточными, а в критические дни месяца и его заставляла предохраняться. Она никогда не рисковала, а он с ней не спорил. Каждый из них думал о своем. Он должен отправляться в Форт-Орд, а она собиралась через несколько дней с родителями в Вашингтон.

– Могу я по крайней мере побывать с тобой в Монтерее?

– Это бессмысленно. Нам не позволят даже видеться.

Поезжай с родителями, отдохни немного перед возвращением в школу, и не успеешь оглянуться, как я буду дома. А в выходные ты можешь приехать в Нью-Йорк и остановиться в нашей квартире.

Она растерялась от всего случившегося, а он, с одной стороны, отчаянно желал ее, а с другой – ему не терпелось уехать. В какой-то степени ему нравилось товарищеское отношение на войне. В последнее время он втайне скучал за письменным столом на Уолл-стрит. Он ни с кем не делился этими чувствами, даже с Элизабет, но отправка в Корею приятно возбуждала его.

Элизабет поехала с ним в Монтерей и после долгого слезного прощания вернулась к родителям на озеро. Через несколько дней она улетела в Вашингтон. Он был по горло занят на курсах переподготовки, где их готовили к боевым походным условиям. Ему не удалось позвонить ей до ее приезда и по пути на Восток. Элизабет сидела со своими родителями и лила горькие слезы о муже. Мать смотрела на нее и сочувствующе гладила ее руку, подавая запасные свежие платочки, а отец спал почти всю дорогу. Он очень устал, а его ожидало много работы по возвращении. Для них всех это было бесконечное лето. Элизабет надеялась, что война в Корее не продлится долго. Она хотела начать жизнь со своим мужем.

В Форт-Орд Спенсер пробыл семь недель, преодолевая со всеми учебную полосу препятствий и проходя тактические учения. Его удивляло, что за пять лет он забыл так много. Но за эти недели он опять почувствовал себя в отличной форме. Казалось, его тело вспоминало быстрее все то, что забыл мозг. Каждый вечер он, совершенно измотанный, валился на свою койку, не в силах ни двинуться, ни поесть, ни даже позвонить жене. Он все-таки звонил ей раз в несколько дней, просто чтобы она не волновалась. Но она каждый раз жаловалась на одиночество. На самом деле она просто злилась на него за то, что он так далеко и она не могла ходить с ним на званые обеды и вечеринки. Да уж, конечно, не так она представляла себе начало их супружеской жизни. Но кто мог предположить, что в Корее начнется война, которая изменит все их планы? Для Спенсера это была своеобразная отсрочка, но он не был уверен, что она ему нужна. Когда он женился на Элизабет, он был вполне уверен, что поступает правильно, но теперь, когда он звонил ей, ему казалось, что он разговаривает с совершенно незнакомой женщиной. Она рассказывала ему про вечеринки, на которые ходила со своими родителями, и о том, что обедала в Белом доме вместе с супругами Трумэн. Для Элизабет это было тоже странное время: она замужем, но ей иногда казалось, что это не так.

Она ездила к друзьям в Виргинию, а на будущей неделе ее мать собиралась отправить ее обратно в Вассар.

– Я так скучаю по тебе, любимый. – Ее голос звучал молодо, как никогда, и Спенсер улыбнулся:

– Я тоже по тебе скучаю. Скоро буду дома.

Но никто не знал, когда именно это произойдет. Прежде чем это случится, могут пройти месяцы, а может, и годы, и одна только мысль об этом угнетала ее. Она не хотела возвращаться в Вассар, не хотела, чтобы он уезжал, несколько раз она просила его, чтобы он остался в запасных войсках. Но теперь слишком поздно, выбор сделан, и Спенсер снова оказался в действующей армии.

Перед отплытием ему дали двухнедельный отпуск, но предупредили, что он не должен уезжать дальше, чем на двести километров, на случай, если придет приказ отправляться раньше. Он ужасно не хотел говорить об этом Элизабет. Он знал, что она захочет приехать, а ему казалось, что этого делать не стоит. К тому же через несколько дней ей надо возвращаться в колледж, и еще одно прощание наверняка расстроит их обоих. Кроме того, его могут вызвать раньше, и она страшно расстроится. В конце концов он все-таки сказал ей об этом, и она неожиданно согласилась с его доводами и с тем, что ей незачем приезжать, зная, что его могут призвать в любой день. Вместо этого она посоветовала ему пожить в их доме в Сан-Франциско, и, подумав немного, он согласился.

– Но твои родители не будут против? – Он не хотел на-

вязываться им, даже если сейчас в доме никто не жил. Они могли подумать, что он ищет какую-то выгоду.

– Не глупи, ты же теперь член семьи. Если ты так хочешь, я спрошу маму, но уверена, что она согласится.

Элизабет позвала мать, и та, подойдя к телефону, заверила Спенсера, что он может пожить в их доме.

В его распоряжении сторож и старая китаянка, которая уже много лет работает у них и следит за домом в их отсутствие.

– И чувствуй себя как дома. – Прициллия Барклай была ужасно расстроена, что его посылают так далеко. И все же она считала, что для ее дочери это к лучшему. Элизабет была сама не своя после того, как узнала, что Спенсер в Калифорнии. А теперь она с облегчением сможет отправить ее обратно в колледж. В конце концов, она будет там при деле, дожидаясь, пока ее муж вернется домой из Кореи.

Спенсер нанял машину, чтобы доехать до города, и, попав в дом, поселился в одной из уютных комнат для гостей. В его полном распоряжении были целые две недели. Он понимал, что делать ему абсолютно нечего. Ему было очень приятно хотя бы на короткое время избавиться от мужского окружения, в котором он жил эти семь недель, скинуть с себя офицерские сапоги и немного отдохнуть от грубой солдатской пищи. Его беспокоило то, что, как он слышал, происходит в Корее. Похоже, что там разыгралась небольшая, но отвратительная война, и он вовсе не горел желанием побывать на Ти-

хом океане. Он стал старше на девять лет, и в тридцать один год ему уже вовсе не так хотелось воевать и выказывать образцы храбрости и отваги. Теперь он видел гораздо больше смысла в том, чтобы вернуться живым, а героическая смерть в чужой стране вовсе не прельщала его. Поэтому этот неожиданный краткосрочный отпуск очень обрадовал его. Он позвонил в свою контору и сообщил новости. Его боссы потечески поговорили с ним, желая всего наилучшего и обещая, что будут ждать его, так же как и его работа. Но теперь он решил, что настанет день, когда ему придется еще раз хорошенько подумать над этим. Сейчас, когда он мог спокойно все взвесить, он уже не был уверен, что ему захочется возвращаться на Уолл-стрит. Его все еще привлекало уголовное право, и он знал, что никогда не столкнется с ним, работая на Уолл-стрит. Но прежде чем что-то предпринять, он должен посоветоваться с Элизабет, а она наверняка захочет, чтобы он вернулся к работе в своей прежней фирме.

В первый день пребывания в Сан-Франциско Спенсер долго гулял по городу. Это был прекрасный августовский день, и Кристел в этот день исполнилось девятнадцать лет. Она принесла в ресторан небольшой торт, чтобы отметить эту дату вместе со своими друзьями. Гарри дал ей выходной в этот вечер, и она купила бутылку шампанского, чтобы распить ее дома с миссис Кастанья. Вскоре Кристел должна была переселиться в одну из лучших комнат в доме, после того как живущий там мужчина, получивший повестку, уедет на

войну в Корею. Комната была чуть побольше, чем у Кристел, и окно выходило на угол чужого сада. Но в остальном она ничем не отличалась от других комнат. Ее дела в ресторане у Гарри шли совсем неплохо, про нее появилось даже несколько приятных заметок в газетах. Несколько раз ее приглашали петь на богатых вечеринках.

Бойд с Хироко дважды приезжали к ней, когда Хироко необходимо было показаться доктору Йошикаве. Оба раза с ними была и Джейн. Кристел знала, что их второй ребенок должен был родиться месяц назад, но на этот раз с ними не было никого, кто мог бы помочь Хироко. Роды опять были тяжелыми, и ребенок погиб, прежде чем Бойд нашел кого-нибудь, кто мог бы спасти его. Ему пришлось доехать до Калистога и оставить Хироко одну с Джейн. Ему еще повезло, что в Калистоге он нашел акушерку, которая согласилась пойти с ним. Он не сказал, что его жена – японка. Акушерка сумела спасти Хироко. Но она уже месяц не вставала с постели, и Кристел обещала, что приедет навестить ее. Однако она все еще боялась появляться в долине. Для нее это было слишком тяжело. Она знала, что Том так и продолжает путаться с сестрой Бойда, хотя в последнем письме Хироко написала ей, что ее зятя призвали в армию и отправили в Корею. Бойду тоже пришла повестка, но он последние несколько лет страдал от астмы, и в конце концов его признали непригодным. Это, несомненно, к лучшему, так как Хироко было бы ужасно тяжело остаться совершенно одной

среди так жестоко относящихся к ней соседей. После войны прошло уже пять лет, но в их отношениях так ничего и не изменилось. Ненависть соседей не проходила. Они продолжали помнить о том, кто она такая, и лед в их сердцах так и не растаял, особенно сейчас, когда начались беспорядки в Корее. Для них безразлично – что японцы, что корейцы, многие даже не знали, какая между ними разница.

Выпив шампанского с миссис Кастанья, Кристел ушла в свою комнату и завалилась на кровать. После двух бокалов у нее слегка кружилась голова, и она с радостью думала о своей жизни. «Интересно, где сейчас Спенсер? Призвали его в армию или нет?» Но она тут же отбросила мысли о нем. Он навсегда ушел из ее жизни. Его больше не существовало. Правда, в ее сердце оставался уголок, в котором навсегда поселился этот человек. «Счастливо ли он женился?» – опять подумала она. Она изо всех сил старалась не вспоминать о нем, но это было нелегко. «Ну хорошо, – наконец решилась она под действием шампанского, – все-таки у меня сегодня день рождения. И в качестве подарка я разрешу себе сегодня немного приятных воспоминаний».

Этим вечером в ее комнатке было душно, и она решила отправиться гулять в Норт-Бич. В ресторанах сидели люди, другие прогуливались по улице, переговариваясь по-итальянски. Мимо пробежали дети, дразня друг друга или просто стараясь спрятаться от родителей в темноте летнего вечера. На мгновение она вспомнила свое детство и то, как Джек

постоянно дразнил ее. На Кристел были джинсы, старая рубашка и ее любимые ковбойские ботинки; длинные светлые волосы свободно развевались за спиной. Она решила зайти в угловой универсам и купить себе мороженое.

– С днем рождения, – пробормотала она самой себе, а потом медленно пошла назад, к дому миссис Кастанья. Мороженое таяло, и она старалась побыстрее съесть то, что еще осталось. Как никогда, она в тот момент походила на ребенка, бредущего по улице с мороженым, которое капало на ее ковбойские ботинки. Она усмехнулась, заметив, что какая-то девочка смотрит на нее с удивлением. Но она не видела, что высокий темноволосый мужчина в военной форме издали тоже наблюдает за ней. Спенсеру стало очень одиноко в пустом доме, и он уже несколько часов бродил по городу. Он думал о ней и о своей жене и даже сделал попытку вернуться и повидать Кристел. Но потом решил, что ему достаточно просто пройти мимо того дома, в котором она жила и который показала ему тогда, сразу после Дня благодарения. Он был уверен, что она на работе, она и должна была быть там. И его сердце замерло в тот момент, когда он вдруг увидел ее. Это было похоже на сон: девушка в голубых джинсах и ковбойских ботинках, стоявшая возле калитки и доедавшая мороженое. На мгновение он замер, не зная, сможет ли подойти к ней. Она, словно почувствовав его взгляд, медленно повернулась и застыла, выронив мороженое. Она испуганно смотрела на него, а потом кинулась по дорожке к

крыльцу. Но он опередил ее и оказался на ступеньках раньше, чем она.

– Кристел, подожди... – Он совершенно не знал, что будет ей говорить, но теперь слишком поздно думать об этом. Он понял, что должен был повидаться с ней.

– Спенсер, нет... – Она повернулась и посмотрела ему в глаза. Он увидел в них невероятное одиночество, с которым она жила все это время. И тут же ясно понял, как глупо поступил, уйдя от нее. Не говоря ни слова, он взял ее за руку. Она хотела остановить его, но не смогла.

– Кристел... пожалуйста... – Он умоляюще смотрел на нее. Он понял, что должен поговорить с ней хотя бы минуту, хотя бы просто посмотреть на нее, подержать ее за руку, побыть с ней рядом. Она смотрела на него, и они оба уже поняли, что ничего не изменилось, что их чувства остались прежними, может, стали только сильнее. Не говоря ни слова, он притянул ее к себе и крепко обнял. На этот раз она не сопротивлялась.

Он только теперь понял, каким был дураком, что послушался Элизабет, Джорджа и самого себя. Зачем он женился на другой женщине, когда его единственной возлюбленной осталась Кристел? Ему надоело все время делать правильный выбор, и, черт возьми, он больше не будет этого делать. Он всю жизнь мечтал об этой девушке с платиновыми волосами и глазами цвета горной лаванды. В эту девушку он влюблен уже четыре года.

– Что же мы будем делать дальше, Спенсер? – прошептала она у него в объятиях.

– Не знаю. Думаю, мы должны быть вместе и дарить друг другу нашу любовь. – Это казалось продолжением того диалога, который они прервали полгода назад. Конечно, была еще Элизабет, но, глядя на Кристел, он совершенно забыл о ней.

– Зачем ты вернулся сюда? – Она имела в виду это место, дом, в котором жила, она не спрашивала его, почему он в Сан-Франциско.

– Потому что я должен был сделать это. Мне нужно было увидеть тебя или хотя бы то место, где я видел тебя в последний раз.

– А что потом? – Она посмотрела на него с грустью, вся ее сила и уверенность растаяли, теперь она испытывала только любовь, чувство необыкновенной любви, которое родилось в ней, когда она увидела его в первый раз. – Теперь ты женат. А где она... твоя жена? – Ей стоило больших усилий произнести это слово. Слишком поздно думать о том, насколько все было бы проще для них, если бы тогда он разорвал помолвку. Они оба подумали об этом, в то время как он смотрел на нее, держал ее за руку и до боли хотел, но боялся поцеловать.

– Она в Нью-Йорке. – Он даже не хотел произносить имени жены, во всяком случае, не здесь, в присутствии Кристел. – Я отплываю в Корею через несколько дней. А сейчас я сво-

боден... я... Боже мой, Кристел, я не знаю точно. Чертовски глупо говорить об этом теперь, когда я женат. Но тогда я думал, что поступаю правильно. Я внушил себе это. Мне хотелось верить, что так оно и есть, но когда я увидел тебя... голова у меня пошла кругом... мне показалось, что вся моя жизнь летит кувырком. Тогда, в ноябре, мне надо было остаться с тобой, послать все к черту, весь этот правильный выбор и все это благородство. Мы же тогда были только помолвлены... Я думал... о Господи... разве я мог знать... – Он не мог говорить от боли.

На мгновение ее глаза вспыхнули, а потом эти удивительные глаза, глаза цвета горной лаванды, потемнели и стали сердитыми. Но он не мог осудить ее за это и еще за то, что ее голос стал глухим, как далекий раскат грома:

– И зачем же ты вспомнил обо мне, Спенсер? Чтобы было с кем развлечься, когда ты свободен?.. Когда выпадет свободный уик-энд?.. Когда ты вдруг сможешь вырваться? А обо мне ты подумал? Что стало с моей жизнью, когда ты бросил меня? – Она пообещала себе никогда больше не встречаться с ним, даже если у нее будет такая возможность. Теперь в этом не было смысла. Он сделал свой выбор, и она должна смириться с этим, даже если он сам не мог этого сделать. Именно поэтому она возвращала ему все его письма, не распечатывая их. – И сейчас что у тебя на уме? – Она вся пылала от гнева, но Спенсер только еще больше восхищался ею. – Получить немного удовольствия, прежде чем уехать? Ну

нет, забудь об этом. Иди к черту... или... обратно к ней, все равно ты так и сделаешь, как сделал это в прошлый раз.

Он стоял с совершенно несчастным видом. Он не мог отрицать то, что она говорила, хотя ему очень хотелось сделать это. Он хотел бы пообещать ей, что никогда больше не вернется к Элизабет, но теперь он женат на ней и не представлял себе, как можно устранить эту преграду. Он не мог объяснить, что их супружеская жизнь закончилась, не успев даже начаться. Но именно об этом он думал и именно этого хотел. Он хотел бы навсегда остаться с Кристел.

– Я не могу давать тебе никаких обещаний. Не могу сказать тебе ничего, кроме того, что я здесь, сейчас, в эти минуты я с тобой... Может быть, это не так уж и много... но это все, что я могу тебе дать... Это и еще свою любовь.

– Ну и что теперь? – Ее глаза наполнились слезами, а голос стал хриплым. – Я тоже люблю тебя. Ну и что? Что изменится? К чему мы придем, когда пройдет еще шесть месяцев?

– На этот раз... – Он грустно улыбнулся, ему ужасно не хотелось расстраивать ее. Он вдруг подумал, что ему не надо было приходить сюда, но он знал, что все равно не выдержал бы и пришел. – Через шесть месяцев у тебя будет пачка писем из Кореи... Если, конечно, на этот раз ты будешь их читать.

Она отвернулась, чтобы он не видел, как она плачет. Он был все так же красив, и она любила его уже так долго... Она снова повернулась и посмотрела на него. В этот миг она

вдруг поняла, что в глубине души для нее совсем не важно то, что он женат. Он принадлежит ей с тех самых пор, когда они встретились в первый раз. И может быть, да, может быть, ей стоит взять от него то, чего она так хочет и что он может ей предложить, и сделать это прямо сейчас, пока он не уехал в Корею.

Кристал опустила голову, обдумывая его слова, а потом опять повернулась и посмотрела на него:

– Я бы хотела набраться храбрости и сказать тебе, чтобы ты уходил... – Она не закончила фразы.

– Я уйду, если ты действительно этого хочешь. Я сделаю так, как ты пожелаешь. – «А потом буду мечтать о тебе всю жизнь...» – Если ты действительно этого хочешь, Кристал. – Он посмотрел на нее и коснулся ее щеки тонкими нежными пальцами. Его слова прозвучали очень тихо. Он ее любит. И должен сделать для нее что-нибудь. Это именно такая любовь, про которую он пытался говорить с Элизабет. Любовь, которой у них с женой никогда не было и никогда не будет. И теперь он знал это абсолютно точно.

Кристал покачала головой и посмотрела на него полными нежности глазами.

– Нет, я этого не хочу, – честно сказала она. Она никогда не лгала ему, и он еле расслышал ее слова, но в ответ на них его сердце затрепетало от счастья. – Может быть, сейчас это как раз то, что нам нужно... эти несколько дней... несколько незабываемых минут... – Казалось, что это так бесконечно

мало, но это было все, что они имели. И им обоим казалось, что эти минуты стоят целой жизни.

– Может быть, когда-нибудь у нас будет гораздо больше... но я не могу сейчас тебе этого обещать. Сейчас я ничего не могу тебе пообещать. Я не знаю, что со мной может случиться. – Он выглядел растерянным, но сказал правду.

Она, странно улыбнувшись, взяла его за руку и начала медленно подниматься по ступенькам, ведущим в дом миссис Кастанья.

– Я знаю.

Он почувствовал себя совсем мальчишкой, когда зашел в дом следом за ней, все еще держа ее за руку и любуясь водопадом сияющих волос и изяществом ее стройного тела, в то время как она осторожно поднималась по лестнице, ведя его за собой. Она обернулась всего один раз и приложила палец к губам, давая ему тем самым понять, чтобы он не шумел. Достав ключ из кармана джинсов, она открыла дверь и пропустила его в комнату. Ей не хотелось, чтобы миссис Кастанья заметила их. Она наверняка поднимет шум. Ей совсем не по душе, когда живущие у нее девушки приводили к себе мужчин, а мужчины – девушек. Иногда, конечно, такое случалось, и если она это обнаруживала (а обычно она замечала нарушение правил), она поджидала постояльцев перед дверью своей комнаты и на весь дом делала им серьезные предупреждения.

– Разувайся, – прошептала Кристел, в то время как сама,

беззвучно скинув ковбойские ботинки, натянула пару красных носков, которые когда-то принадлежали ее брату. Потом улыбнулась Спенсеру и присела на краешек кровати. Она выглядела совсем ребенком. Иногда Спенсер видел в ней ту же маленькую девочку, которую увидел в первый раз, но потом вдруг она в одно мгновение превращалась в молодую женщину.

Он сел около нее на кровать и, шепча нежные слова, начал гладить ее по волосам, а потом поцеловал. Это был долгий и нежный поцелуй. Он вложил в него весь свой пыл, отчаяние и сожаление о том, что он может дать ей так мало.

– Я очень люблю тебя... – шептал он, зарываясь лицом в ее волосы. – Ты такая... ты самая лучшая...

Он до боли хотел овладеть ею и едва сдерживался, чтобы не сорвать с нее одежду. Но когда он осторожно коснулся пуговиц на ее рубашке, он вдруг почувствовал, как она вздрогнула и слегка отстранилась. Спенсер отпустил ее и отодвинулся, испугавшись того, что он сделал, но в следующий момент она сама страстно поцеловала его, давая ему понять, что путь свободен. Он осторожно посмотрел на нее, боясь, что она еще девственница.

– Ты боишься?

Она покачала головой и закрыла глаза, а он, осторожно положив ее на кровать, начал медленно снимать с нее одежду. Ненадолго прервавшись, он встал и поплотнее задернул шторы. Когда же она осталась лежать нагой на узкой кровати,

он сам разделся и лег под одеяло рядом с ней. Для Спенсера она была все той же застенчивой девочкой, которую он увидел впервые четыре года назад, и он не хотел смутить ее, или обидеть, или сделать ей больно. Он думал только о том, чтобы ей было хорошо, зная, что эти бесконечно долгие минуты они оба запомнят на всю жизнь. Она была еще прекраснее, чем он себе представлял, и в тот момент, когда он наконец вошел в нее, они оба застонали от блаженства. Она забилась в его руках, и он продолжал целовать, ласкать ее и нежно шептать слова любви. Эти блаженные мгновения, казалось, длились бесконечно долго, и когда наконец все закончилось, он еще крепче прижал ее к себе. Ему хотелось держать ее так как можно дольше, чтобы слиться с ней воедино, чтобы ничто на свете никогда больше не разлучило ни их тела, ни их души.

В полузабытьи Кристел лежала в его объятиях, и Спенсер вдруг нахмурился, заметив слезу, скатившуюся у нее по щеке.

– Кристел... с тобой все в порядке? – Вдруг он почувствовал себя страшно виноватым перед ней. – Ты сожалеешь о том, что произошло? – Он так мало мог предложить ей, и даже на это он не имел никакого права, но все-таки... все-таки он безумно любит ее.

Она покачала головой и, улыбнувшись сквозь слезы, прошептала:

– Конечно, не жалею... Я люблю тебя.

– Тогда что с тобой?

– Ничего. – Она снова покачала головой и на какое-то мгновение вспомнила о том, что сделал с ней Том, хотя то, что произошло сейчас, не имело с тем событием ничего общего.

– Скажи мне. – Он опять прижал ее к себе и почувствовал, как горячие слезы закапали на его обнаженное плечо. Она попыталась смахнуть их, но они только еще сильнее побежали у нее по щекам. Он нежно гладил ее, очень обеспокоенный этими слезами. Он вдруг понял, как все это время был нужен ей, ведь она такая юная и ранимая и у нее нет никого, кто бы мог позаботиться о ней. Никого, кроме Спенсера. А для него это было совсем не просто, особенно теперь, когда он вот-вот должен уехать. – Я не отпущу тебя, пока ты не скажешь мне, о чем ты думаешь.

– Я думаю о том, как я счастлива. – Она опять улыбнулась сквозь слезы, но он понял, что она не говорит ему правду.

– Ты меня обманываешь. Могу поклясться, что сейчас ты плакала. – Ему было так хорошо с ней, он упивался запахом ее нежного тела и блеском шелковых мерцающих волос. Ему нравилось в ней абсолютно все. – С тобой что-то случилось? – Он старался спросить ее как можно мягче, но она только еще сильнее заплакала в ответ. Он уже начал догадываться, но не решился спросить ее напрямик, и все же история о том, как она бегала с отцовским ружьем за Томом Паркером, никак не шла у него из головы. Она посмотрела на него с

грустью и кивнула.

– Может быть, расскажешь мне об этом?

– Я не могу... Это... это так ужасно...

– Да, наверное. Но теперь прошлое уже не имеет значения, любимая. Что бы это ни было, теперь все позади. И если расскажешь об этом, тебе легче будет все забыть.

Она все еще колебалась, глядя на него долгим и внимательным взглядом. Что он подумает, если она скажет ему, что ее изнасиловал Том Паркер? Но потом, решив, что должна ему довериться, очень тихо и медленно рассказала ему ужасную историю. Он лежал неподвижно и не произнес ни звука, а лишь обнимал ее, пока она говорила, всхлипывая и прижимаясь к нему. Ей стало легче и спокойнее от того, что она все рассказала, и еще от того, что она лежала в объятиях Спенсера. Его глаза блестели от гнева, но голос был тихим и нежным, когда он заговорил:

– Ты должна была убить его. Черт возьми, обидно, что у тебя не получилось. Будь я там, я бы сам убил его. – Он знал, что действительно так и сделал бы, но она отчаянно замотала головой. Теперь-то она слишком хорошо знала, что поступила глупо. Но для Джеда это уже ничего не меняло.

– Нет, я была не права... если бы я не... если бы я только... – Ей ужасно тяжело было снова говорить об этом даже Спенсеру. – Если бы я не захотела отомстить ему, он бы не убил Джеда... Господи, Спенсер... это я во всем виновата... это я его убила. – Она опять начала горько всхлипывать, а

он нежно гладил и целовал ее успокаивая.

– Ты в этом не виновата. В этом никто не виноват... Это действительно несчастный случай, но вина лежит на Томе, а не на тебе. Это он убил его, Кристел, а не ты. Ведь ты не виновата в том, что он изнасиловал тебя. – Внутри у него все тряслось, и руки непроизвольно сжимались в кулаки, когда он представлял эту ужасную картину: земляной пол конюшни... пьяное, отвратительное лицо... его грубость и жестокость... и то, как хладнокровно он убил ее брата...

Немного помолчав, Кристел горестно посмотрела на Спенсера:

– Я не хотела убить его. Я хотела сделать ему так больно, как он сделал мне... но это было ошибкой... и из-за этой ошибки погиб Джед.

Она с лихвой заплатила за свою ошибку, за свой промах. Она потеряла брата, дом, семью. Да, чертовски высокую цену ей пришлось заплатить за грехи Тома Паркера. Спенсер вдруг представил себя на ее месте: он сделал бы то же самое, только уж он бы не промахнулся.

– Теперь ты должна постараться забыть об этом. Ведь ничего уже не изменишь. Ты должна перестать винить себя в этом.

– Но я никогда не смогу этого сделать.

– Это неправда. – Он сел на кровати, и она села рядом. Он ласково обнял ее за плечи. – Ты никого не убивала. Понимаешь меня, Кристел? – Она отрицательно покачала головой,

и он понял, что, наверное, ему никогда не удастся переубедить ее. Она всю жизнь в душе будет уверена, что это она виновата во всем: и в том, что Том изнасиловал ее, хотя она никогда не давала ему к этому повода; и уж конечно, будет считать себя виновной в смерти брата. То, что она поверила в это, уже и так полностью изменило ее жизнь, и Спенсер не хотел больше убеждать ее и заставлять мучиться еще больше. – Теперь ты должна думать о своем будущем и обо всем хорошем, что ждет тебя впереди. Теперь ты поешь и, может быть, когда-нибудь станешь очень знаменитой. – Он улыбнулся. – И теперь у тебя есть я, мы наконец-то вместе.

«Надолго ли? Может, всего на минуту... или на день... а может, и на всю жизнь...»

Она улыбнулась и нежно поцеловала его в щеку, а он ответил ей страстным поцелуем в губы. Они целовались и думали о том, что их ждет, какое будущее им уготовано и будут ли они вместе. Но сейчас рано об этом думать. Их отношения стали совсем другими. Прошло немало времени, пока она наконец успокоилась, перестала плакать и уютно улеглась рядом с ним.

– Ты действительно думаешь, что в один прекрасный день я могу стать знаменитой? – В это было трудно поверить, но ей так хотелось помечтать вслух, тем более что он сам завел этот разговор, и ее это очень обрадовало.

– Да, я так думаю. И верю в это. У тебя просто удивительный голос. Когда-нибудь ты станешь настоящей звездой,

Кристалл. И я от всей души в это верю.

– Но я не знаю, с чего начать. – Ей казалось, что расстояние от Голливуда до Сан-Франциско можно измерять световыми годами. И все-таки мечта не покидала ее, и то, что она делала сейчас, ей очень нравилось.

– Дай себе время. Ты же только начала. Для тебя вообще жизнь только начинается. Когда тебе будет столько же, сколько сейчас мне, люди будут выстраиваться в очереди, чтобы получить возможность услышать твое пение.

Она рассмеялась в ответ, и ее длинные светлые волосы приятно защекотали ему плечо.

– Спасибо, дедуля... – поддразнила она.

– Имей хоть немного уважения к старшим. – Он начал ласкать ее бедра, и в следующую минуту она опять оказалась в его объятиях. Разговоры были на время забыты, она всем телом и душой принадлежала ему. Сейчас у нее было все, чего она хотела, даже мечта о Голливуде меркла перед тем счастьем, которое давал ей Спенсер.

В эту ночь она спала в его объятиях. Слушая ее ровное дыхание и любуясь этой прелестной головой с почти детским выражением лица, которая лежала у него на плече, Спенсер был счастлив, как никогда. Он понимал, что жил только ради этого.

Утром они отправились гулять, решив позавтракать где-нибудь по дороге. Она оживленно рассказывала про ресторан Гарри, о том, как ей нравится там петь. Спенсер улыбаясь

слушал ее. Ему казалось, что они все это время были вместе. Робкий, застенчивый ребенок исчез. Рядом с ним шла женщина, о которой он мечтал всю жизнь.

Они выглядели как новобрачные, и никто бы никогда не сказал, что он женат на другой женщине. Кристел щебетала без остановки, а он радостно смеялся, то и дело останавливаясь, чтобы поцеловать ее. Он восхищался всем, о чем она говорила. Она ни разу не заговорила о политике или о тех вещах, о которых они вечно спорили с Элизабет. Она говорила просто о жизни и о том, что было понятно и интересно им обоим.

Они вернулись в ее комнату и там снова любили друг друга. И когда вечером опять пошли гулять, он вдруг ужаснулся при мысли, что им придется расстаться. Каждый час без нее казался ему вечностью, и он отправился в дом к Баркляям, чтобы забрать свои вещи и поселиться у Кристел на то время, пока он будет в Сан-Франциско. Собирая вещи, он вдруг вспомнил об Элизабет, но тут же отбросил эти мысли. Она осталась в прошлом. Все на свете казалось ему теперь не важным. Кроме Кристел.

В тот вечер, проводив Кристел на работу, Спенсер, чувствуя, что должен это сделать, позвонил Элизабет. Он поднял ее с постели, хотя было только пол-одиннадцатого. Она сказала, что очень устала, и безразличным голосом спросила, когда он уезжает в Корею.

– Еще ничего не известно. Я позвоню тебе, когда буду

знать наверняка. – Потом он сказал, что ему было очень одиноко в их доме и он решил перебраться к друзьям. Она понимающе улыбалась, разговаривая с ним, и он обещал перезвонить ей через несколько дней. Если он ей понадобится, она может оставить сообщение в доме Барклаев. Он будет звонить туда время от времени. Он говорил ей все это холодным, безразличным голосом, хотя похоже, что Элизабет этого не заметила.

А через полчаса он ушел из их дома. Мысли об Элизабет покинули его, и он очень надеялся, что она сама скоро уйдет из его жизни. Ему казалось, что они никогда и не были женаты. Но сейчас он не хотел об этом думать. В тот вечер он просто сидел в ресторане и слушал, как поет Кристел, и знал, что она поет для него. Когда она закончила работу, они вернулись в дом на Грин-стрит. Он никогда еще не был так счастлив, и Кристел была такой хорошенькой в простеньком цветастом платье. Она оставляла все свои шикарные наряды в ресторане. Она опять превратилась в ребенка с распущенными волосами и без косметики на лице. Она улыбалась ему и выглядела юной и счастливой.

С возвращением Спенсера, казалось, все печали покинули ее. Во всем мире существовали только они двое.

– Спенсер, – тихо проговорила она, глядя ему в глаза, – ты будешь писать, когда уедешь?

– Конечно, буду.

Но они оба очень хорошо знали, что по возвращении ему

придется решать проблему своего брака. И Спенсер еще не знал, как это сделать. Он жил с ней все эти дни, и Кристел ничего больше от него не требовала. На этот раз он не давал никаких обещаний, он знал, что не сможет сдержать их. Но он ничего и не скрывал от нее. Они оба радовались тому, что имели. Две недели пролетели незаметно, самые счастливые недели в их жизни.

Третьего сентября Спенсер вернулся в Монтерей. Через два дня он должен был лететь в Тэгу через Токио. Перед отъездом он приехал в Сан-Франциско, чтобы провести последнюю ночь с Кристел. В этот вечер Гарри дал девушке выходной, и Спенсер с Кристел долго бродили по городу, взявшись за руки, разговаривали, смеялись. Им так хотелось, чтобы эта ночь никогда не кончилась, они старались навсегда запомнить каждое проведенное вместе мгновение. Никто из них ни о чем не жалел. Жизнь была прекрасна.

– Ты ведь ни о чем не жалеешь, правда? – Он очень беспокоился за нее, но за исключением этих последних, проведенных вместе часов у него не было больше ничего, что бы он мог ей дать. Когда он уедет, ей понадобятся вся ее сила и мужество. Спенсер понимал, что этих качеств может не хватить. И очень сожалел о том, что у нее нет никого, кто бы мог позаботиться о ней так, как бы ему хотелось.

– Конечно, нет. Я слишком тебя люблю, чтобы сожалеть о чем-нибудь, – улыбнулась она. Она казалась умиротворенной и странным образом повзрослевшей за эти две недели, проведенные с ним. Она наслаждалась его близостью, с трепетом ждала ночи, когда они растворялись друг в друге. – И еще я буду ужасно скучать без тебя. – Вдруг она добавила, беспокойно посмотрев на него: – Береги себя, Спенсер... С

тобой ничего не должно случиться.

– Со мной ничего не случится, глупышка. Все будет в порядке. И я вернусь раньше, чем ты думаешь.

Но ни он, ни она не знали, что станет с ними, когда он вернется из Кореи. На эти вопросы у них сейчас не было ответов и, может, не будет никогда. Он очень надеялся, что вдали от нее все правильные решения придут сами собой. Он обязательно должен что-нибудь предпринять. Так продолжаться не может. Но пока он не мог дать Кристел никаких обещаний, она их и не требовала от него. Ей достаточно того, что он подарил ей эти удивительные две недели. А началось это в день ее рождения, когда он пришел к ней.

Они вернулись в ее комнату и последний раз любили друг друга. Когда он одевался, у Кристел в глазах стояли слезы. Как тяжело просто смотреть на его военную форму. Ему пора было возвращаться обратно в Монтерей, и Кристел беззвучно спустилась вслед за ним по лестнице и остановилась на ступеньках крыльца босиком, в ночной рубашке.

– Возвращайся к себе. Я позвоню, когда доберусь до Монтерея, – прошептал он, как всегда. Все эти две недели они ни разу не вызвали подозрений миссис Кастанья.

– Я люблю тебя, – сказала она, смахнув слезы.

Он прижал ее к себе, как бы желая, чтобы его душа и тело запомнили ее всю и навсегда. Если он вдруг никогда не вернется, он хотел, чтобы она на всю жизнь запомнила эти две недели, которые они провели вдвоем. Ведь в конце концов

он едет на войну, и одному Богу известно, что с ним может случиться.

– Я тоже люблю тебя, Кристел. – Вот и все, что он мог сказать в тот момент.

Он сбежал по ступенькам и пошел за угол, где была припаркована его машина. В следующее мгновение, проезжая мимо, он помахал ей рукой, а она тихо побрела наверх, в свою комнату, которая казалась теперь такой опустевшей. Он уехал, и она прекрасно понимала, что, может быть, навсегда. Она никогда не забудет его. Он ей бесконечно дорог, и, что бы ни случилось, память о нем навсегда останется в ее сердце.

Он позвонил ей из Монтерея. Наступил час прощания. В десять тридцать утра он должен вылететь в Корею. Потом он позвонил Элизабет и оставил для нее сообщение. Она была на занятиях, и он облегченно вздохнул, поняв, что ему не надо с ней говорить. Все это время он старался звонить только тогда, когда не звонить было неприлично. Трудно обманывать Элизабет, она его слишком хорошо знала. Она подмечала малейшее изменение интонации его голоса, вслушивалась в каждое слово и безошибочно ловила смену его настроения. И все-таки, хотя он чувствовал себя отвратительно, ему удавалось все это время обманывать ее. Он совсем не хотел этого делать, но все его благие намерения полетели кувырком в тот самый момент, когда он увидел Кристел. Он понял, что должен быть с ней до тех пор, пока она сама не

захочет, чтобы он ушел. И он очень высоко ценил каждое мгновение, проведенное с ней.

И когда самолет, летевший из Монтерея в Хискам-Филд, расположенный на одном из Гавайских островов, поднялся в небо, Спенсер глядел в окно на Западное побережье и думал о Кристел. Он мог думать только о ней – о девушке своей мечты, о женщине, которую он любил вопреки всем разумным доводам и здравому смыслу.

И в эти минуты Кристел стояла на крыльце, глядя в небо. Она знала, что где-то далеко на юге в воздухе поднялся самолет, на котором улетает на войну Спенсер. Закрыв глаза, она молилась, чтобы с ним все было в порядке, а потом, еле сдерживая слезы, вернулась в дом. Бесшумно поднявшись по лестнице, девушка вошла в комнату, которая в течение двух недель была их общим жилищем – ее и Спенсера. Две недели казались теперь всего лишь несколькими мгновениями. Они так много не успели сказать друг другу, времени было так мало. Спенсер хотел съездить в долину, но Кристел отговорила его. Она очень хотела повидать Бойда, Хироко и Джейн, но ни за что на свете не желала бы столкнуться ни с матерью, ни с сестрой, ни с Томом. Ничто не могло заставить ее вернуться на ранчо. Когда через две недели Бойд позвонил с газовой станции и сказал, что умерла бабушка, Кристел не стала менять решения и осталась в Сан-Франциско.

Бабушку Минерву собирались похоронить на ранчо, рядом с отцом и братом Кристел. Она умерла спокойно, во сне,

и Бойд сказал, что Оливия пребывает в полной растерянности. У Кристел заныло сердце, но она, поблагодарив Бойда, сказала, что не приедет.

– В любом случае спасибо, что сообщил. – Вот и еще одна глава закончилась. Еще один член семьи умер. Остались только мать и Бекки, но и они умерли для Кристел. – Как Хироко?

– Уже оправилась, встала на ноги. Но... для нее это было тяжелым испытанием... Ты ведь знаешь...

Прошло уже два месяца с тех пор, как они похоронили второго ребенка, и казалось, ничто не может утешить Хироко. Да еще доктор сказал, что у нее больше не будет детей. Теперь у них осталась только Джейн, маленькая Джейн Кейко, малышка, которую принимали Кристел и Бойд. Малышка, которой Кристел была крестной матерью.

– Может быть, выберетесь сами и приедете ко мне в гости? – Она не стала говорить, что виделась со Спенсером. Это останется их секретом.

– Да, как-нибудь. – Бойд немного поколебался. – Ты же знаешь, что Том уехал? Две недели назад его забрали в Корею. Мне кажется, твоя сестра сильно расстроена. Так сказала Джинни. Сама-то она счастлива избавиться от этого негодяя. – Он не мог сдержаться, чтобы не сказать этого, и Кристел выслушала его не моргнув глазом. Она ненавидела их всех, всех, кроме Бойда, Хироко и Джейн. Все остальные навсегда ушли из ее жизни.

– А кто следит за ранчо?

– Твоя мама и Бекки, я так думаю. На ранчо достаточно работников, и дела у них шли хорошо, но сейчас почти всех призвали в армию. – Все почти так же, как и в прошлый раз. Это жестоко, ведь с начала прошлой войны прошло всего пять лет. Единственное, что радовало на этот раз, это то, что Бойд никуда не уезжал. – А у тебя-то как дела, Кристел?

– У меня все отлично. Не могу никуда вырваться отсюда, но мне очень нравится здесь петь. – В ее жизни было кое-что поинтереснее, но она не хотела говорить об этом никому, даже Вебстерам. – Ну так что, вы надумаете приехать ко мне?

– Да, постараемся. И знаешь, Кристел... насчет твоей бабушки... прими мои соболезнования. – Она уже забыла, что он позвонил ей именно из-за этого, да и ему самому было просто приятно поболтать с Кристел. Однако старый Петерсон уже показывал ему, что пора возвращаться к работе, поэтому Бойд быстро закончил разговор.

– Спасибо, Бойд. Передавай Хироко и Джейн мои самые горячие приветы, скажи, что я их люблю. Когда соберетесь в Сан-Франциско, дайте мне знать.

– Обязательно. – Он положил трубку, и Кристел сидела, уставясь в пространство в прихожей дома миссис Кастанья.

– Что-нибудь случилось? – Миссис Кастанья всегда появлялась бесшумно, как привидение, если слышала интересный, на ее взгляд, разговор.

Кристел повернулась к ней и вздохнула:

– Моя бабушка умерла.

– О, это плохо. А она была очень старая? – Казалось, хозяйка искренне сочувствовала Кристел. На ее взгляд, тяжело девушке жить одной, такой молодой, симпатичной и доброй.

– Думаю, ей было около восьмидесяти.

Однако выглядела бабушка на все сто, и теперь Кристел ее больше никогда не увидит. Но она решила, что не стоит об этом думать. Теперь уже слишком поздно. Бабушки Минервы больше нет.

– Ты поедешь домой на похороны? – поинтересовалась миссис Кастанья.

– Нет, думаю, что это не нужно, – покачала головой Кристел.

– Ты не в очень-то хороших отношениях со своей семьей, да?

Никто из родных никогда не звонил ей, и из дома она ни разу не получила ни одного письма, только от каких-то людей по фамилии Вебстер. И она никуда не ходила, только последние две недели часто гуляла с парнем, которого прятала у себя в комнате. Но миссис Кастанья любила Кристел и поэтому притворялась, что ничего не замечает.

– Я же говорила, что мои родители умерли.

Хозяйка кивнула, хотя так и не поверила в это. Она внимательно посмотрела на девушку, но ее глаза не выражали ничего. Миссис Кастанья была, наверное, еще старше, чем Минерва, но она хорошо выглядела и не собиралась умирать.

– А как поживает твой друг?

Какое-то мгновение Кристел не могла вымолвить ни слова. Она поняла, что хозяйка имеет в виду Спенсера. Девушка, обернувшись, застыла посреди лестницы.

– С ним все в порядке.

– Он что, куда-то уехал?

Кристел стояла на верхней ступеньке лестницы и смотрела вниз полными печали глазами, и по этому взгляду миссис Кастанья поняла все.

– Да. Он уехал в Корею.

Старая женщина понимающе кивнула и пошла на кухню, к своему любимому месту у окна. Интересно, кто же это такой? Она знала, что он оставался в комнате девушки каждую ночь, но бедняжка так одинока, что хозяйка решила не докучать им, хотя это было не в ее правилах. Ведь Кристел за целый год ни разу не дала ей повода для беспокойства, а этот молодой человек очень прилично выглядел. Плохо, конечно, что она спала с ним, но когда у девушки нет родителей и за ней некому присмотреть, то в этом нет ничего удивительного. Но он первый мужчина, с которым она ее видела, такой симпатичный и добрый. Да, жаль, что его забрали на войну. И она, как и Кристел, надеялась, что он останется жив. А наверху, в своей комнате, Кристел лежала на узкой кровати, которую еще совсем недавно они делили со Спенсером. Она плакала и молилась, чтобы они снова встретились, чтобы он не погиб и вернулся к ней, на этот раз, может быть, навсегда.

Следующие шесть месяцев для всех троих тянулись бесконечно долго. Кристел все так же пела по вечерам в ресторане, Элизабет училась в колледже, а Спенсер воевал в Корее. Он писал им обоим, как только выдавалась свободная минута, но, отправив письма, Спенсер не мог найти себе места. Он каждый раз боялся, что перепутал конверты. Вдруг он положил письмо Кристел в конверт с адресом Элизабет и жена получит письмо? Часто он писал очень уставшим, и это вполне могло произойти. Однако страхи были напрасны, он ни разу не сделал такой ошибки. На душе у него было тревожно, он должен принять решение, но какое и как это осуществить?

В письмах к Кристел он описывал свое состояние, говоря, как он любит и скучает без нее. Но в них не было никаких обещаний о том, что он будет делать, когда война закончится.

Он еще не знал, что предпримет по поводу Элизабет, и не был уверен, что захочет развестись с ней. Он понимал, что любит Кристел больше жизни, и знал, что придется выбирать, ведь так продолжаться не может. Но перед Элизабет у него тоже обязательства. Их союз только начался, и жена не виновата, что он не любил ее. В этом никто не виноват. Но как все сложно! Он писал Элизабет обо всех военных со-

бытиях, об этой стране. Ей все это интересно. Кристел это не заинтересовало, просто у них было что сказать друг другу. Элизабет писала, как скучно ей учиться в колледже – все та же старая песня, – и о вечеринках в доме у родителей, которые те устраивали, когда она приезжала на каникулы. Она несколько раз ездила в Нью-Йорк к Иэну с Сарой, но сейчас в Коннектикуте открылся новый охотничий сезон, и все уикэнды они проводили в Кентукки, покупая лошадей для Сары. Элизабет радовалась, что не забеременела, и несколько раз писала об этом. В отличие от Кристел, которая, наоборот, надеялась, что это случится, но, принимая во внимание ситуацию, в которой они все трое оказались, Спенсер был рад, что ни та, ни другая не ждут от него ребенка.

Письма от Элизабет походили на газетные репортажи о ходе домашних дел. Кристел же вкладывала в свои письма всю душу, и это часто помогало ему не падать духом.

В июне у Элизабет состоялся выпускной вечер, на котором присутствовали ее родители. Конечно, она пригласила и его родителей. По тону ее письма Спенсер понял, что она испытывает невероятное облегчение от того, что учеба наконец-то закончилась. Это письмо он получил, когда их часть была в Пусане. Ему казалось, что они все погибнут от сырости и жары, когда он бок о бок со своими солдатами пробирался узкими тропами через бесконечные рисовые плантации. Война была ужасной, и Спенсеру часто казалось, что они на ней посторонние. Он помнил, что ему предстоит вы-

держат еще одну битву, когда он вернется домой. Это будет битва с Элизабет, если, конечно, к тому времени они еще будут женаты. Странно, что он пишет ей, ведь она даже не догадывается, о чем он теперь думает, не знает, что произошло между ним и Кристел, когда он был в Сан-Франциско.

Этим летом, когда Элизабет, как всегда, поехала отдыхать на озеро, Кристел решила наконец ненадолго вернуться в долину. Она долго над этим думала и, зная, что Том на войне, решила отправиться туда. Ну чего ей бояться, только воспоминаний о боли и переживаниях, которые нахлынули на нее возле могил отца и брата. Ей казалось странным побывать там и не зайти домой, но встречаться с матерью или Бекки не хотелось. Она прожила несколько дней у Вебстеров и чувствовала себя так, как будто по-настоящему вернулась домой. Она целыми днями валялась на солнце и с наслаждением вдыхала так хорошо ей знакомые запахи родных мест. Она даже заставила себя один раз объехать ранчо и с грустью отметила, что оно выглядит заброшенным. Мужчин забрали в армию, и Бойд сказал ей, что мать нанимает мексиканцев, которые приходят каждый день, чтобы следить за виноградниками и пшеничными полями. Они с Бекки продали всю оставшуюся часть скота. А через некоторое время она получила письмо от Спенсера, где он написал, что Том убит при взятии Сеула. Прочитав об этом, Кристел почувствовала укол совести от того, что обрадовалась этому. Она бы никогда не смогла простить ему того, что теперь они мо-

гут продать ранчо. Больно думать об этом, но она ничего не может сделать. Оно ушло из ее жизни, принадлежит совершенно посторонним людям. Иногда ей казалось, что она вообще никогда не жила там.

На Рождество Бойд с Хироко наконец-то выбрались в Сан-Франциско и пришли послушать, как поет Кристел. Они оба выглядели очень хорошо и казались вполне счастливыми. Джейн они оставили в долине с женой мистера Петерсона – та очень просила их об этом. Девочке исполнилось три с половиной года, и на фотографиях, которые они ей показали, она была очень похожа на Хироко. Супругов потряс до глубины души вид Кристел. Она немного похудела, и это только подчеркивало ее замечательную фигуру. Она выучила несколько новых песен с танцами из популярных фильмов. Больше всего ей нравились «Американец в Париже» и «Рожденный вчера». Перл время от времени продолжала заниматься с ней вокалом и танцами. Но к тому времени Кристел уже намного перегнала свою подругу во всех отношениях. Она приносила Гарри немалый доход, и он хвастался ею перед друзьями. Он совсем не удивился, когда в ресторане появились два агента из Лос-Анджелеса и, оставив Кристел свои визитные карточки, попросили, чтобы она позвонила им, а если приедет в Голливуд, чтобы зашла к ним, – они помогут сделать кинопробы. Это случилось в конце февраля, и Кристел была сама не своя от волнения, когда показывала визитки Перл. Однако она решила, что не готова ехать

в Голливуд. В глубине души она просто хотела, чтобы Спенсер нашел ее там же, где оставил. В следующем письме она написала ему о визите агентов, но оно дошло до него только через месяц, в марте, в то время как их часть находилась на тридцать восьмой параллели.

Он гадал, действительно ли она собирается в Голливуд. Это открывало перед ней новые возможности, но, с другой стороны, он надеялся, что она подождет его возвращения из Кореи. Он знал, что не должен удерживать ее, но боялся потерять. Конечно, она молода, красива и имеет полное право жить самостоятельной жизнью. Но вдруг в ее новой жизни не останется места для него? Однако все его страхи были совершенно напрасными. Единственный, кто ее интересовал, – это Спенсер, и она готова была ждать его всю жизнь.

Теперь его письма приходили гораздо реже. Она узнавала, что положение ухудшается, бесконечные попытки договориться о перемирии ни к чему не приводят, а лишь сопровождаются новыми жертвами и бесконечными разочарованиями. По тону его писем было заметно, что эта война все больше угнетает его. Так же как и всем, ему хотелось, чтобы она поскорее закончилась, но ей, казалось, не будет конца. Кристел поразила, когда он написал ей, что Элизабет разрешили с ним свидание и она прилетела к нему в Токио. Он писал о ней, как о посторонней, но Кристел обожгла жгучая волна ревности. Почему она тоже не может приехать к нему в Токио? Она не видела его целую вечность, но продолжала

терпеливо ждать, живя у миссис Кастанья и работая в ресторане у Гарри. В ее жизни нет другого мужчины. Только Спенсер. Ни один мужчина и в подметки ему не годится. Ей двадцать один год, она стала настоящей красавицей. Она любила Спенсера больше жизни. Единственное, что ее смущало, это то, что он женат. Перл не один раз пыталась познакомить ее с кем-нибудь, но тщетно. Кристел не интересовал никто. Посетители сходили по ней с ума, ее постоянно куда-нибудь приглашали. Но она никогда ни с кем никуда не ходила. Она принадлежала Спенсеру.

Кристел хорошела с каждым годом, и, наблюдая за ней в то лето, Гарри решил, что она красива, как никогда. Когда она пела, казалось, от нее исходит некое сияние, которое заставляло зал замирать. В ней появились нежность и мягкость, которые делали ее еще женственнее и прекраснее. Гарри думал, что, может быть, она все-таки с кем-нибудь говорила о своей интимной жизни, но он никогда не пытался спрашивать ее об этом.

* * *

Элизабет переехала в Вашингтон и начала работать. Ее включили в состав комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Она очень хорошо справлялась со своей престижной работой. В поле зрения комиссии попали несколько человек, работающих в Голливуде. Элизабет бы-

ла просто в ярости, выслушав показания одной довольно известной писательницы-драматурга Лилиан Хельман. Она отказалась отвечать на вопросы комиссии, мотивируя это тем, что хоть сама и не коммунистка, но ее показания могут испортить жизнь людям, с которыми она вместе работает и которых любит. Вечером того же дня Элизабет очень долго разговаривала на эту тему с отцом писательницы. Все это она подробно изложила в своих письмах Спенсеру, не переставая восхищаться своей работой и политической деятельностью Маккарти. В ответном письме Спенсер интересовался здоровьем жены и ее родителей и изо всех сил старался обойти вопрос о ее работе. Он всей душой ненавидел то, чем она занималась. Она сама догадывалась, что он не одобрит ее, но искренне верила в полезность и необходимость своей работы. Ей не хотелось заниматься ничем другим, но она понимала – когда Спенсер вернется и снова окажется в конторе на Уолл-стрит, ей придется жить с ним. Она надеялась уговорить его переехать в Вашингтон. А пока, в конце 1952 года, она решила сменить квартиру. На свои личные деньги она купила дом в Джорджтауне на Энстрит и, переехав туда, оставила почти все вещи Спенсера нераспечатанными в металлических ящиках.

Этот красивый дом очень нравился ей. Рядом, на бульваре Висконсин, находились все самые лучшие магазины города. Когда у Элизабет оставалось время, они с матерью любили ходить по дорогим антикварным лавочкам. Той же зи-

мой она прислала Спенсеру номер журнала «Люк», где поместили фотографии их нового дома. Прочитав статью, Спенсер поразился, не увидев ни на одной из фотографий ничего из своих вещей. Ему вдруг показалось, что после войны ему некуда будет вернуться, у него нет дома. Он даже не знал, где находится дом, и мог представить его себе только по фотографиям в журнале. И на этих фотографиях все выглядело таким чистым и аккуратным. И он будет любить Элизабет в этой аляповатой маленькой спальне, в которой она была сфотографирована? Нет, он мечтал о Кристел и о ее простенькой комнате, которую она снимала в доме миссис Кастанья. Мысли о том, что он будет делать, когда война закончится, доводили его чуть ли не до отчаяния. Были ли у него какие-нибудь обязательства перед Элизабет? Или перед самим собой? И что он в конце концов все-таки намерен делать?

Как всегда, Рождество Элизабет провела с родителями в Палм-Бич, а после опять прилетела в Токио на свидание с мужем. На этот раз ему было страшно встречаться с ней, но он напомнил себе, что как-никак она его жена. Когда они оказались в постели, ему стоило большого труда заставить себя дотронуться до нее. Она, казалось, ничего не заметила, потому что без умолку болтала о своей работе и о Джое Маккарти.

– Почему бы нам не поговорить о чем-нибудь другом? – осторожно спросил он. Он выглядел уставшим и похudev-

шим, невыносимо было слушать о ее борьбе с воображаемыми коммунистами, которую они вели под руководством Маккарти. Она занималась обыкновенной работой следователя, но послушать – так она прямо верный ангел всемогущего Маккарти. Эти ее рассказы все больше раздражали его. Он прекрасно знал, что представляют собой настоящие коммунисты, и он уже давно устал воевать с ними. Он пробыл в Корее почти два года и хотел только одного – поскорее вернуться домой, но наступившее было перемирие опять прервалось, и Спенсеру казалось, что он обречен вечно торчать в этой чертовой Корее. А от жены так хотелось немного тепла и ласки. Но она не создана для этого, и теперь он видел это отчетливо. Казалось, она не обращает на него внимания, ее мысли заняты работой, друзьями и родителями. Как будто они совсем не женаты. Он ужасно сожалел, что на ее месте не Кристел.

Когда же он попытался заговорить о войне и о том, как он разочарован в ней, она резко оборвала его, как бы давая понять, что не желает слушать эти глупости:

– Ты и оглянуться не успеешь, как снова будешь в своей конторе на Уолл-стрит.

Сначала он ничего не ответил, но чуть позже решил высказать свое мнение хотя бы для того, чтобы прощупать почву:

– Не думаю, что вернусь туда.

Она, довольная, кивнула. Это очень хорошо вписывалось

в ее планы. Прежде всего его надо уговорить переехать в Вашингтон. Ей там нравилось.

– Ты знаешь, в Вашингтоне много хороших юридических фирм. Тебе наверняка там понравится, Спенсер.

– Прежде всего я хотел бы пересмотреть всю свою жизнь. – Он очень серьезно посмотрел на нее и на какую-то секунду уже почти решился сказать ей о Кристел. Этот обман должен когда-нибудь кончиться, он уже устал от него. Но, подумав, решил, что сейчас еще не время. Вместо этого он предложил жене погулять по улицам Токио, а заодно насладиться той роскошью, которая была к услугам постояльцев отеля «Империал».

Большинство военных встречались со своими родными на озере Бива, но отец Элизабет добился для Спенсера специального разрешения и заранее заказал им номер в гостинице. Он хотел, чтобы их свидание было на высшем уровне. Элизабет никогда не упускала случая обратить внимание Спенсера на то, как великодушен ее отец. Она не уставала рассказывать, что отец купил для их нового дома прекрасные старинные вещи: маленький французский канделябр и персидский ковер. Спенсера тошнило от этих разговоров. Он чувствовал себя последним обманщиком, притворяясь, что ему это все приятно и интересно и он очень благодарен тестю. Теперь он понял, что может стать навсегда зависимым от этой семейки. Его унижало, что у него нет ни таких денег, ни такой власти, как у них. Для Элизабет и ее родителей и то и другое име-

ло очень большое значение. А у Спенсера не было ни малейшего желания стремиться к этому. Он хотел жить своей собственной жизнью, среди людей, которые бы его уважали. Но он не мог сейчас заводить разговор на эту тему, когда через несколько дней ему придется вернуться на войну в Корею. То, о чем она говорила, казалось ему совершенно не важным. Он видел, как убивают женщин и детей, он сам плакал над мертвыми младенцами, которых они находили на обочинах и хоронили. Он уже очень долго жил среди разбившихся надежд и несбывшихся грез. Но когда он пытался объяснить ей это, она не хотела его слушать или пропускала все мимо ушей. Она думала только о себе и абсолютно не желала слушать его рассказы о тех ужасах, которые ему пришлось пережить за эти два года. И в конце концов он начал жалеть о том, что вообще приехал на свидание с ней. Спенсер решил, что впредь не согласится больше на встречу. Он лучше встретится с ней в Штатах. Здесь же заводить разговор не к месту и, как ни странно, слишком тяжело.

Он вернулся на фронт в еще более угнетенном состоянии, чем до своего свидания с женой. Ему не хотелось ни с кем общаться. Эта страна и никчемность его пребывания в ней вызывали в нем ненависть и отвращение. Сначала он попытался написать обо всем Кристел, но, перечитывая письма, каждый раз решал не посылать их. Ему казалось, что все его слова трусливы и ничтожны. Вот почему она перестала получать письма. Время от времени он присылал ей коротень-

кие послания, где писал, что все еще жив, и в конце честно добавлял, что все еще любит ее. Он не мог ни с кем общаться, даже на бумаге, даже с Кристел. Он не мог описать, как невероятно устал, как страдает от дизентерии, как ненавидит царящую вокруг смерть и переживает, когда каждый день теряет кого-нибудь из друзей. В конце концов это все так измучило его, что он вообще перестал всем писать.

Когда это случилось, судья Барклай, имевший связи в военных кругах, послал запрос. Ему ответили, что Спенсер Хилл жив и делает все, чтобы выиграть войну. Но у Кристел не было никаких связей, и она не могла ничего узнать про него. Он просто перестал писать, и она сначала подумала, что он убит. Но, проверив казуальные списки, не нашла его имени ни среди убитых, ни среди раненых, ни среди пропавших без вести. Значит, он жив и просто перестал ей писать. Ей понадобилось несколько месяцев, чтобы окончательно убедиться в том, что Спенсер Хилл не погиб и его письма не теряются по дороге, просто он решил больше не посылать их. Она поняла – их любви пришел конец. Поначалу не верилось, что все кончено. Она ждала его любви многие годы, но он забыл ее, встретившись с женой, решил сохранить брак. Но он мог бы по крайней мере написать ей об этом, хотя бы черкнуть несколько строк, вместо того чтобы просто взять и замолчать. Кристел очень страдала, но потом, приняв решение, просто похоронила его для себя. Она уверила себя, что он действительно умер, и на какое-то время ей

стало немного легче. Она даже взяла двухнедельный отпуск и уехала в Мендочино. К моменту возвращения в Сан-Франциско она твердо знала, что независимо от того, появится в ее жизни Спенсер или нет, она должна начинать карьеру.

Она позвонила агентам, тем самым, которые подходили к ней в ресторане, и после недолгого разговора согласилась приехать в Голливуд для прослушивания.

В первый вечер, выйдя из отпуска, она сказала об этом Гарри. Он слегка удивился. Этот мудрый человек всегда знал, что рано или поздно кто-нибудь обязательно обратит на нее внимание, у нее появится шанс, о котором она так мечтала и ждала всю жизнь. Сейчас наступил момент, когда ей нечего больше ждать, – она решила испытать судьбу.

– Что это за парни? – Гарри хотел знать все. За эти . годы он привык обращаться с ней, как с дочерью, осаживая пьяных посетителей и гоняя слишком назойливых клиентов, которые постоянно докучали ей своими приставаниями. – Ты что-нибудь о них знаешь?

– Только то, что они агенты из Лос-Анджелеса, – честно призналась она. Работа в ресторане не изменила ее, она была все так же наивна.

– Тогда я считаю, что Перл должна поехать с тобой. Если ничего не получится, вы вместе вернетесь назад. Поверь, не сегодня-завтра у тебя будет тысяча шансов, и я хочу, чтобы ты выбрала самый лучший.

– Да, сэр. – Она улыбнулась ему совсем по-детски. Ее

ужасно обрадовало, что Перл поедет с ней. Предстоящая поездка пугала ее, но теперь она точно знала, что пора менять жизнь. Уже несколько лет окружающие твердили ей, что в один прекрасный день она станет знаменитой, все: Бойд, Гарри, Спенсер, Перл... И теперь она сама решила попробовать свои силы.

Перед ее отъездом Гарри устроил прощальный ужин. Он дал им с Перл денег, чтобы они могли остановиться в приличной гостинице, а Кристел потратила почти все свои сбережения, обновляя гардероб. Нелегко было расстаться с Гарри. Ей казалось, что она уезжает из родного дома. Здесь у нее оставались друзья, и с ними она чувствовала себя в безопасности. Теперь придется вступить в совершенно незнакомый мир, чтобы испытать судьбу. Не мечтай она об этом всю жизнь, вряд ли решилась бы сейчас уехать.

Расставаться с миссис Кастанья тоже было тяжело. Кристел оставила у нее свои вещи, но комнату освободила. Старая женщина прослезилась и налила девушке стакан чинчерри. Кристел жалко было уезжать от своей старушки хозяйки. Она пообещала написать ей из Голливуда и рассказать, каких актеров она там увидит.

– Если встретишь Кларка Гейбла, передай, что я очень его люблю. А ты береги себя, девочка! Ты поняла меня?

Кристел поцеловала плачущую старушку, но сама тоже горько расплакалась, когда пришла пора расставаться с Гарри.

– Если понадобятся деньги, малышка, позвони мне. – Но он и так был слишком добр к ней, она бы ни за что не осмелилась просить у него еще что-то. А ведь если кинопробы пройдут удачно, ей тут же могут дать хоть небольшую роль. Девушка была полна надежд, когда они с Перл в четверг после обеда сели в поезд до Лос-Анджелеса. Они решили ехать поездом – это дешевле. Номер в гостинице был для них заказан, и Кристел договорилась о встрече с агентами на следующее утро.

Когда Кристел вошла в офис, колени у нее тряслись. Она надела светлое платье и белые туфли, волосы собрала, лицо, едва тронутое косметикой, было открытым. Она казалась чистой и аккуратной и... невероятно красивой. Ей уже исполнился двадцать один год. Глядя на нее, мужчины поняли, что эта девушка – счастливая находка.

Кристел не знала, а Перл могла только догадываться о том, что эти двое – лучшие агенты Голливуда. Им ничего не стоило уже на следующий день организовать ей кинопробы. Мало того, они хотели показать ее одной очень важной персоне. Человеку, который, если бы захотел, мог сделать для нее очень много.

Ни одна из двенадцати девушек, которых они показывали ему раньше, не привлекла его внимания. Но на этот раз они были уверены, что даже Эрнесто Сальваторе не сможет не согласиться, что перед ним красавица.

Кинопробы до смерти напугали Кристел, но, когда волне-

ние улеглось, она слегка расслабилась, а дальше все пошло гладко. Оставшийся день они с Перл решили посвятить осмотру достопримечательностей. Они обошли дома кинозвезд. Потом долго бродили по улице Сансет, и, когда остановились у здания Голливуда, Кристел рассмеялась и разрешила Перл сфотографировать себя. Они постоянно посмеивались, когда замечали, что прохожие останавливаются и смотрят вслед Кристел, думая, что она кинозвезда. Две маленькие девочки подошли к ней и попросили автограф. Кристел рассмеялась от счастья.

К концу дня они должны были зайти в контору. Перл выбрала черное платье и лаковые черные туфли на высоких каблуках; она велела Кристел надеть жесткую нижнюю юбку, чтобы платье выглядело пышнее. Платье на тонких бретельках очень выгодно подчеркивало нежно-розовый оттенок открытых плеч девушки. Ни одна деталь не портила ее внешнего вида. Каждая мелочь была учтена, девушка выглядела опрятной и очень красивой. Перл заставила ее надеть большую шляпу и показала, как можно собрать все волосы в один красивый пучок. Шляпу же ловко посадили сверху на прическу.

Когда Перл с Кристел появились в агентстве, человек, о котором ее предупреждали, уже ждал их. Высокий смуглый мужчина выглядел потрясающе в темном, хорошо сшитом костюме, белой рубашке с узким галстуком. Весь его вид говорил о том, что он важная шишка. Кристел дала бы ему лет

сорок пять. Взглянув на девушку, он тут же понял, что нашел золотую жилу.

Этим утром он уже просмотрел ее кинопробы. Конечно, она очень неопытна, ничего не понимает в кино, но голос отменный. С такой, как у нее, внешностью он сможет запросто сделать из нее кумира публики. Да, на этот раз агенты оказались правы. Это настоящая красавица. Ему понравилось в ней все: и улыбка, и то, как она двигается, а когда юбка слегка приподнялась, он был просто в восторге от ее стройных ног, один вид которых мог бы принести ей славу. Одним неувидимым движением, как учила ее Перл, девушка сняла шляпу, и трое мужчин задохнулись от восхищения, когда шелковистые белокурые волосы заструились по ее плечам. На мгновение им показалось, что перед ними ангел с прозрачными крыльями за спиной. Мужчина в темном костюме улыбнулся. Он медленно подошел к Кристел, и она увидела в его глазах что-то завораживающее. Ей показалось, что он видит ее насквозь и без труда может узнать все ее самые сокровенные тайны. Но скрывать ей абсолютно нечего. Нечего и некого.

– Привет, Кристел, – спокойно проговорил он. – Меня зовут Эрнесто Сальваторе. Но ты можешь звать меня просто Эрни. – Он пожал руку девушке и покосился на Перл, думая о том, что неужели эта не первой свежести женщина ее мать. Он заметил, что у нее тоже красивые ноги, но они не шли ни в какое сравнение с ногами Кристел. Девушка напомнила ему прекрасную розу на стройном высоком стебле. Ему

очень понравилась ее невинность, которая бросалась в глаза. Надо добавить чуть больше косметики, немного потренироваться, прорепетировать с голосом, научить держаться перед камерой, дать несколько уроков актерского мастерства и... – «Камера! Начали!» Но вслух он не стал высказывать свои соображения ни ей, ни агентам. Кристел, слегка волнуясь, внимательно смотрела на него. Ей стало любопытно, кто этот человек и почему он хочет видеть ее.

– Ты можешь прийти в мой офис в понедельник после обеда?

С минуту Кристел подумала, она еще не была уверена, можно ли ему доверять. Но наконец девушка согласно кивнула:

– Думаю, что смогу.

Перл улыбнулась. Ей понравилось, что Кристел держится так спокойно; от нее также не ускользнуло, что в глазах Сальваторе промелькнуло одобрение. Он тем временем объяснил Кристел, где находится его офис, протянул свою визитную карточку, потом он повернулся и одобряюще кивнул агентам. На этот раз они действительно нашли то, что нужно. После того как он забраковал дюжину их протеже – некоторые были просто ужасны, – они действительно откопали для него настоящую жемчужину.

Сальваторе был очень известным импресарио. Многие кинозвезды начинали работать именно с ним. Но с его именем связывали также несколько безобразных скандальных

историй. Две женщины, с которыми у него были романы, совершили самоубийства, дело раздули все газеты. Были и другие неприятности, о которых он предпочитал не вспоминать. Но, без всяких сомнений, Эрнесто Сальваторе – это вершина грозного айсберга, которого боялись многие, и его связи в кинобизнесе были поистине грандиозны. Это чувствовал каждый, кто имел возможность только взглянуть на него. Но не Кристел. Она была слишком наивна, чтобы почувствовать опасность, исходящую от Эрни Сальваторе.

– Ты могла бы переехать в Лос-Анджелес? – Он пристально посмотрел в глаза девушки. Ему вдруг стало интересно, кто она такая и откуда взялась. Она казалась такой юной и наивной, неужели, кроме этой рыжеволосой женщины, нет никого, кто бы мог позаботиться о ней? Но он тут же отбросил эти мысли. Не все ли равно, откуда она взялась? Он собирался теперь сам лично заняться девушкой, сделать из нее кинозвезду, и очень знаменитую кинозвезду.

Если, конечно, девушка окажется талантливой.

– Да, я могу переехать в Лос-Анджелес. – Всю жизнь она мечтала работать в Голливуде и теперь чувствовала, что близка к цели как никогда. Она взрослая и может поступать так, как сама считает нужным. Теперь ей не перед кем отчитываться за свои поступки и советоваться не с кем, теперь у нее нет Спенсера.

Весь вид Сальваторе, его низкий, хриплый голос говорили о том, что он привык повелевать. Кристел застыла в изум-

лении, когда он снова подошел к ней, чтобы еще раз внимательно осмотреть. Нет, интуиция его не обманула. Никаких изъянов, она – совершенство.

– Сколько тебе лет?

– Двадцать один, – последовал спокойный ответ, – в августе исполнится двадцать два.

Значит, она совершеннолетняя. Что ж, отлично.

Она сама невинность, сама чистота, это именно то, что он искал уже многие годы. И он собирался выжать из нее все, что только возможно. Он уже знал, в какой картине он ее попробует для начала. Правда, для этого надо позвонить директору фильма и приказать, чтобы тот выгнал главную героиню, но для Эрнесто Сальваторе это не составляло труда. Он твердо решил, что завтра же утром приступит к делу.

Он объяснил Кристел, что он хочет от нее. Прежде всего она должна сменить гардероб и не скупиться, добавил он, доставая пачку новеньких банкнот. Он ждет ее в офисе в понедельник утром. Он уже передумал и решил, что пригласит к себе также и директора фильма, чтобы тот мог сам на нее посмотреть, а со второй половины дня она начнет работать. Он только молил Бога, чтобы она могла без труда разучивать тексты ролей, но у него на примете было несколько хороших педагогов, которые, поработав с ней, смогут научить ее кое-каким приемам, помогающим быстро запоминать роли. Непонятно, неужели эта рыжеволосая женщина тоже собирается заявиться в понедельник? Он повернулся к Перл и,

наконец решившись, спросил, не мать ли она Кристел.

Перл улыбнулась и слегка покраснела, смущенная его вопросом.

– Нет, я всего лишь подруга.

– А где твоя мама? – Он опять повернулся к Кристел. – Где она живет? – У таких девушек, как она, обычно бывают ужасные матери, которые постоянно выводят его из себя. Куда лучше, когда матери вообще нет. Рано или поздно с ними всегда возникают проблемы.

– Она умерла, – спокойно сказала Кристел своим чистым голосом.

– А отец?

– Он тоже умер. – На этот раз глаза девушки слегка затуманились, и он понял, что она сказала правду. Ну что ж, прекрасно. Он сможет делать с ней все, что захочет. Даже ее имя ему нравилось. Оно как будто нарочно придумано для Голливуда. Кристел Уайтт. Оно наверняка скоро станет известным.

Он поблагодарил всех и вышел, а через несколько минут Перл и Кристел тоже покинули контору. Кристел выглядела слегка растерянной, она остановилась и удивленно посмотрела на подругу:

– Что все это значит?

– Я думаю, – проговорила та с волнением, и глаза ее наполнились радостью, – что ты наконец-то добилась своего. Подожди, что скажет Гарри, когда мы ему сообщим!

На минуту Кристел вдруг растерялась. Да, конечно, она почти добилась того, о чем мечтала, но как жаль расставаться с таким знакомым и уютным мирком ресторана Гарри. Она вступила в большой мир, и кто знает, что ждет ее там. Эрни Сальваторе совсем не такой, как Гарри.

– А что именно делает импресарио? – спросила она Перл, подумав об этом странном мужчине.

– Точно не знаю. Думаю, он что-то наподобие личного агента.

– Тебе не показалось, что он немного грозный? – Кристел никогда раньше не встречала подобных мужчин, и он ее настораживал.

– Не глупи, – оборвала ее Перл, – мне кажется, он очень обаятельный и мужественный.

Но Кристел думала по-другому. Для девушки самым обаятельным мужчиной на свете оставался Спенсер.

Уик-энд они провели, путешествуя по Беверли-Хиллз в машине с шофером, которая загадочным образом появилась возле отеля. Шофер, впрочем, объяснил, что его послал Эрни Сальваторе. Они посмотрели два фильма и пообедали в ресторане.

В понедельник утром Кристел надела одно из платьев, которое купила на деньги Эрни, аванс, как он объяснил. Но она слегка нервничала по этому поводу. Аванс составил пять тысяч долларов, и как бы ей ни хотелось закупить нарядов на эти деньги, все же его щедрость слегка напугала ее. Поче-

му он дал ей денег? Что ему от нее нужно? В голову лезли дурацкие истории про агентов и импресарио из Голливуда, но она пыталась внушить себе, что это именно то, чего она добивалась. Теперь она уже не мечтала о человеке, которого любила. У нее осталась только одна мечта – стать звездой. И Эрни, похоже, собирался помочь ей в этом.

Она купила четыре платья, сумочку, две пары туфель и три шляпки, но у нее все равно еще осталось две тысячи. Все эти вещи не были вызывающими, и все же странным образом она выглядела в них необыкновенно сексуально. Каждая деталь: разрез на юбке, вырез, кружевная вставка, расстегнутая пуговица – все в ней привлекало внимание. Каблуки были очень высокие, а пышные юбки достаточно коротки для того, чтобы Сальваторе, увидев ее ноги, чуть не начал аплодировать. А директора, поджидавшего ее в кабинете Эрни, это привело в состояние столбняка. Иного, впрочем, Сальваторе и не ожидал. Директор от души поздравил Эрни, и они в мгновение ока заключили сделку. Он пообещал избавиться от своей актрисы, как только Кристел выучит роль. А это, по их мнению, совершеннейший пустяк.

– Уверен, ты легко справишься с этим, малышка, – улыбнулся директор. – Съемки начнутся в следующий понедельник, и у тебя целая неделя, чтобы все выучить и хорошенько подготовиться.

Она уставилась на него в немом изумлении. Наконец-то ее мечта осуществилась. И все благодаря Эрни. Вдруг все

поплыло у нее перед глазами, и ей показалось, что она находится под водой.

Директор коротко попрощался и, пообещав прислать ей сценарий, ушел. Через несколько минут Эрни протянул ей контракт.

– Что я должна с этим делать? – Она посмотрела на него невидящими глазами. Все происходило слишком быстро. Ей так хотелось обсудить все с кем-нибудь. Перл выглядела совершенно обалдевшей. Кристел, впрочем, чувствовала себя точно так же. И даже Гарри не шел ни в какое сравнение с Эрни Сальваторе. Агенты уже успели сказать ей, что он – один из лучших импресарио города, и они без возражений передали Кристел в его распоряжение. Сами того не зная, они немного успокоили девушку. И все-таки что-то подсказывало ей – ему нельзя полностью доверять. О, как бы она хотела поговорить обо всем этом со Спенсером, но он так далеко, совершенно в другом мире и своим молчанием окончательно дал ей понять, что больше не вернется. Но несмотря на то что прошло уже почти три года, она все еще скучала по нему. Когда они виделись в последний раз, он сам ей сказал, что она должна поехать в Голливуд. Наверняка он удивится, узнав, что она наконец сделала это. Может быть, в один прекрасный день он увидит ее имя на афишах и тогда, может быть, вернется к ней. Но это все глупости. Он ушел, вернулся к Элизабет. Теперь она точно знала, что он приехал в Штаты, но так ни разу не позвонил ей. Ее любовь со Спенсером

закончилась, и ей оставалось думать только о своей карьере. Наконец-то. Она чувствовала себя так, как будто только что родилась.

Сальваторе, понимающе улыбаясь, протянул ей руку и очень мягко похлопал по плечу:

– Не надо так бояться, дорогая. Ты, несомненно, скоро станешь знаменитой кинозвездой. А это – только начало.

– Это контракт на этот фильм? – Она все еще смущалась и удивлялась, что ему удалось заключить его так быстро. Почему он так уверен, что она получит эту роль? А может, контракт принес с собой директор?

– Нет, это соглашение между тобой и мной. Это дает мне право подписывать от твоего имени все контракты на все фильмы. Так гораздо проще. Один-единственный контракт между тобой и мной – и я беру на себя все твои заботы.

– Какие заботы? – Она взглянула ему прямо в глаза, что слегка охладило его пыл. Да, она крепкий орешек. Но она же так мечтает именно о том, что он ей предлагает. Она взяла деньги, купила платья, каталась все выходные в его лимузине; она мечтает сниматься в кино. Вся его наживка ею заглочена. И теперь единственное, что ей оставалось, – это подписать контракт. Она должна это сделать. Он не сомневался, эти девчонки всегда подписывали.

– Ты же не хочешь, чтобы я утомлял тебя, объясняя все дурацкие условия, правда, Кристел? – А потом рассмеялся, делая вид, что разговаривает с несмышленным ребенком. –

Ты ведь доверяешь мне, дорогая?

А как она может не доверять ему? Агенты сказали, что он один из лучших. Она посмотрела на Перл, которая в тот момент почти непроизвольно кивнула. Тогда Кристел взяла ручку, посмотрела на контракт, в котором не понимала ничего, и подписала его.

– Отлично.

Он забрал у нее ручку, взял ее руку и поцеловал. А потом медленно поднял голову и посмотрел ей прямо в глаза. Кристел вдруг почувствовала, как у нее по спине пробежал холодок. Выражение его глаз обеспокоило ее. Но в следующее мгновение он уже отошел от нее, и она уверила себя, что это все глупости. Эрни наверняка знает, что делает. Он же дал ей возможность сниматься в кино, разве не так? Ей не могло прийти в голову, что это мог сделать кто-то другой. Просто Сальваторе опередил всех. Она не успела подумать об этом, так как он уже начал говорить о том, что она должна переехать в другую гостиницу. Он настаивал, чтобы она поселилась в отеле в Вествуде, который намного шикарнее той гостиницы, где Гарри забронировал для них номер.

– А я могу себе это позволить? – Она даже не знала, какова ее роль в будущей картине, но Эрни только рассмеялся над ее словами:

– Конечно, можешь. – Потом посмотрел на Перл. – А вы тоже хотите переехать? – Неуловимая жесткость в его взгляде давала понять, что он не будет в восторге от этого.

– Я... да, нет... – Она беспокойно взглянула на Кристел. Перл показалось, что за какие-то несколько неуловимых минут она вдруг оказалась лишней. – Нет, полагаю, что теперь могу вернуться в Сан-Франциско. – Она виновато взглянула на них обоих, и Кристел вдруг совершенно расстроилась.

Сальваторе это сразу заметил и, пряча контракт в сейф, в который, как он заверил Кристел, он прятал самые ценные документы, радушно улыбнулся обеим:

– Почему бы вам не побыть здесь неделю, пока Кристел не начнет работать? Потом, конечно, она будет очень занята. Да и на этой неделе работы будет предостаточно. – Он с отеческой улыбкой повернулся к Кристел и объяснил, что ей придется позаниматься немного с вокалистом, посетить несколько занятий по актерскому мастерству, но он считает, что если иметь хоть каплю наблюдательности, то этому можно научиться в процессе работы.

Перл согласилась побыть с ней неделю, и Эрни заверил, что поможет им перебраться в отель еще до наступления темноты. Сейчас им нужно отправляться в гостиницу и собирать вещи. Позже шофер поможет переехать, а он сам, с их разрешения, присоединится к ним после обеда, уже в новом отеле, чтобы угостить коктейлем. Через пять минут они уже сидели в машине, и Кристел была на удивление спокойна. Она обдумывала, что произошло только что, и все еще не могла поверить в это. Перл не переставая говорила, какой Эрни привлекательный и вежливый и какая это удача для

Кристалл. Она и сама не заметит, как станет знаменитой. Но Кристалл все еще не доверяла этому человеку. По дороге в гостиницу она не произнесла ни слова, а когда они складывали вещи в чемоданы, вдруг повернулась к Перл и спросила:

– Ты думаешь, он действительно такой, каким кажется?.. Я имею в виду... О нет, не знаю... – Она уселась на стул и сбросила туфли. Как бы ей хотелось надеть вечером свои синие джинсы! Но он уже предупредил, что с сегодняшнего дня она должна входить в образ. Ей следует красиво одеваться, поярче краситься, тщательно укладывать волосы и появляться на всех вечеринках, на которые ее будут приглашать. А уж он позаботится, чтобы ее приглашали на все вечеринки в городе. Это прозвучало заманчиво, но Кристалл никак не могла взять в толк, почему он так хлопочет. Она поделилась своими опасениями с Перл, но та заявила, что она просто сошла с ума.

– Конечно, он порядочный человек! Ты что, шутишь? Видела, какой у него офис? Думаешь, что человек, имеющий такой офис, всего лишь какая-нибудь мелкая сошка? Дорогая, ты поставила на самую лучшую лошадку, даже сама не понимая этого. А делает он это все для тебя, потому что очень хорошо понимает, что в один прекрасный день ты станешь настоящей знаменитостью. И ты единственная, кто этого еще не понял, глупышка. – Она улыбнулась своей подруге, и Кристалл весело рассмеялась.

Выслушав доводы Перл, она почувствовала невероятное

облегчение. Прежде чем покинуть гостиницу, подружки позвонили Гарри. Кристел радостно сообщила ему новости. Он сказал, что горд за нее. Она поехала не напрасно и очень скоро добьется всего. Конечно, ее друзья правы. Она глупая, что так близко все принимает к сердцу. Нет причин беспокоиться. Надо взять себя в руки и работать.

Обстановка в новом отеле напоминала какой-то фильм – вся мебель обита красным бархатом, вестибюль отделан белым мрамором. Отель был маленький, но находился в самом богатом районе города и, вне всяких сомнений, считался весьма престижным. Перл тут же заявила, что для Кристел было бы очень здорово, чтобы ее здесь видело побольше людей. Она предложила Кристел переодеваться по нескольку раз в день и прохаживаться в вестибюле. Кристел ужасно рассмешила эта идея, но в тот же день она решила испытать ее. Обе женщины смеялись до упаду, когда Кристел, каждый раз в новом платье, трижды спускалась в вестибюль: один раз, чтобы отправить письмо, другой – взять второй ключ для подружки и, наконец, в третий – спросить, не принесет ли кто-нибудь из машины ее багаж.

– Ну что, тебя кто-нибудь видел? – в волнении спрашивала Перл. Она настаивала, чтобы подружка спускалась одна, и Кристел, все еще продолжая смеяться, переоделась в свои любимые синие джинсы. Она взяла их с собой так, на всякий случай, вместе с ковбойскими ботинками и красными носками Джеда, которые считала, несмотря ни на что, своей

самой ценной вещью.

– Да, – рассмеялась Кристел, вешая платье на вешалку и стягивая с себя капроновые чулки, – клерк за стойкой очень хорошо меня разглядел. Он, наверное, подумал, что я проститутка.

– Подожди, скоро он увидит фильм с твоим участием, тогда узнает, кто ты такая! – Перл сказала это так гордо, что Кристел повернулась и, медленно пройдя через комнату, крепко обняла подругу. Все эти четыре года Перл была рядом. Кристел даже представить себе не могла, как будет жить без нее.

– Спасибо тебе, – очень тихо сказала Кристел.

– За что? – грубовато ответила Перл. Она от души любила девушку, относилась к ней как к дочери, которой никогда не имела. Перл с трудом представляла, что в воскресенье она должна будет расстаться с ней и уехать в Сан-Франциско.

– Спасибо тебе, что ты в меня веришь. Я бы никогда не оказалась здесь, если б не вы с Гарри.

– Вот еще глупости! Ведь эти агенты сами подошли к тебе в ресторане. И мы ничего для этого не сделали.

– Вы все для этого сделали. Гарри взял меня на работу, а ты учила меня. Ты научила меня всему, чтобы я могла выступать на сцене. Ты верила в меня все эти годы, а теперь вот привезла меня сюда. Если хочешь знать мое мнение, то это чертовски много.

– Ладно, глупышка. Будь же здесь счастлива, – сказала

Перл с улыбкой, направляясь к огромной красной стойке с вделанным в нее маленьким баром. Она достала из холодильника пиво, уселась на черное бархатное сиденье высокого стула и подняла бутылку, салютуя Кристел. – За тебя, малышка... – А потом, сделав широкое движение рукой, как бы показывая, что все это организовал для них он, добавила: – И за Эрни.

– За Эрни, – согласно кивнула Кристел, наливая себе кока-колу. Она стала относиться к нему немного лучше, чем утром. Она уже не понимала, почему так волновалась.

Эрни Сальваторе пришел к ним, как и обещал, ровно в шесть часов. Он застал Перл навеселе, Кристел успела переодеться в синие джинсы. Кристел почувствовала себя так, как будто ее поймали за списыванием домашнего задания. Ведь он так долго объяснял, как она теперь должна выглядеть, что подписание контракта накладывает на нее соблюдение определенных правил поведения. Хороша же она в своих джинсах всего через несколько часов после подписания контракта! Но он только рассмеялся, увидев ее, и вполне дружелюбно поздоровался с Перл. Кристел тут же решила, что он гораздо лучше, чем она думала о нем вначале. И потом, когда он открывал шампанское, которое принес с собой, она пригляделась к нему повнимательнее и нашла, что он действительно весьма привлекательный мужчина. Правда, он совсем не похож на Спенсера. Спенсер – безупречный, молодой и красивый солдат. Этот же человек выглядел так, будто полу-

чил образование в лучших художественных салонах Европы. Во всяком случае, так заявила Перл после нескольких бокалов шампанского. Она все время повторяла, что он очень вежливый и добрый, но уже через пару минут Эрни перестал обращать на нее внимание и занялся Кристел. Нежным, вкрадчивым голосом он сказал, как он счастлив, что заключил с ней контракт. Потом вложил ей в руку толстый конверт из серой, очень дорогой бумаги. На нем были вытиснены его имя и адрес офиса.

– Я забыл утром отдать это тебе. Мне очень жаль, Кристел. Обычно я таких ошибок не делаю. – Он улыбался с таким видом, будто привык забывать о подобных мелочах. Эрни Сальваторе привык к очень многим вещам, причем некоторые из его привычек Кристел не могла бы себе даже вообразить.

– Что это? – Девушка осторожно открыла конверт и вздрогнула, увидев там чек, подписанный Сальваторе. Почему он дает ей еще деньги, ведь она получила уже пять тысяч? Правда, он объяснил, что деньги, на которые она купила себе одежду, были авансом. Но авансом за что? Она никак не могла этого понять и, подняв на него глаза, увидела, что он улыбается.

– Эти деньги я должен по контракту. Ты же не думаешь, что такое большое Дело может быть вознаграждено только поцелуем? Хотя, не стану скрывать, от такой платы я получил бы истинное удовольствие.

Кристел смотрела на него совершенно растерянная. Она не понимала ничего в их двухстороннем деловом соглашении.

– Вы мне их должны? – Вид у нее был ошеломленный. Она еще не начала сниматься, а уже заработала деньги. Да еще живет как королева в этой гостинице. Ну кто после этого скажет, что Голливуд – жестокий город? Они, наверное, просто глупцы... да нет, они просто не знают, кто такой Эрни Сальваторе. А вот ей действительно повезло, тут Перл, несомненно, права.

– Вообще-то, дорогая, я должен тебе двадцать пять тысяч. Но я уже дал тебе авансом пять, поэтому мне пришлось вычесть их из общей суммы. – Он не хотел, чтобы она почувствовала, что должна ему слишком много, во всяком случае, не сейчас, ведь это может напугать ее. А это не входило в его планы. Она должна почувствовать, что он одалживает ей деньги, и ей казалось, что дело обстоит именно так. Глупышка, сегодня утром он сорвал на этой картине жирный куш. Но ей заплатил только малую часть этих денег, что и оговаривалось в том договоре, который она подписала утром в его офисе. – Я замолвлю словечко за тебя в своем банке, Кристел. Завтра утром ты сможешь пойти и открыть счет на свое имя.

Это предложение ужасно взволновало Кристел. Ведь у нее никогда раньше не было собственного счета в банке. Она сделала глоток шампанского. Через некоторое время Эрни

поднялся, пожелал им приятно провести вечер, улыбнулся Кристел, проводившей его к двери, и прежде чем уйти, нагнулся и поцеловал ее в щеку. На этот раз в его поведении не было ничего странного, и он определенно уже начинал ей нравиться. Как сказала Перл, он не мог не нравиться. Он был так добр к ним. Изумительный отель, приятная атмосфера, шампанское... Усмехнувшись, Кристел вытасила чек и помахала им.

– Мне кажется, я никогда не смогу ни истратить эти деньги, ни положить их в банк.

Но на следующее утро она решила поступить иначе.

После того как секретарь Эрни позвонил ей и сообщил необходимую информацию, она пошла в банк, а потом пересекла улицу и, зайдя в ювелирный магазин, купила для Перл изумительный браслет, которым, как она заметила, подруга восхищалась несколько дней назад: темное стекло, крошечные сверкающие алмазы посередине, золото. Перл вскрикнула от радости, когда Кристел надела ей на руку этот браслет. Весь остаток дня подруги весело смеялись и болтали. Эрни опять очень любезно предоставил им свой лимузин. Им даже в голову не могло прийти, что он делает это исключительно ради того, чтобы знать, чем занимается Кристел. Им показалось, что он просто проявляет великодушие.

Ближе к вечеру Кристел встретила с педагогом по вокалу, и когда она в их номере под аккомпанемент пианино спела ему, он пришел в восторг от ее голоса и выразил ис-

креннее сожаление, что в фильме ей не придется петь. Этот человек должен был научить ее работать с ролью и, сделав несколько пометок в сценарии, посоветовал девушке не волноваться, а спокойно учить текст. Они даже не заметили, как пролетела неделя и пришла пора расставаться. Подруги плакали. Перл, крепко обняв Кристел на прощание, обещала звонить ей. И вот Кристел осталась в Голливуде одна, на пороге исполнения своей мечты. Завтра она начнет сниматься в кино.

Бесцельно гуляя по прохладным ночным улицам города, она вдруг обнаружила, что, сама того не сознавая, думает о Спенсере. Где он сейчас? С кем? Чем занимается? Вернулся он в Штаты или все еще воюет в Корее? Скучает ли он без нее? Она вдруг поняла, что, как бы ни старалась, ей никогда не избавиться от этих мыслей. Никогда она не сможет забыть те волшебные две недели, которые они провели вдвоем. Что бы с ней ни произошло, она всегда будет любить его. Память рисовала ей такой живой и любимый образ: а день, когда они расставались, и все другие дни, и тот день, когда она, четырнадцатилетняя девочка, увидела его в первый раз на свадьбе сестры и полюбила с первого взгляда.

– Боже мой, какое лицо! Ты должна использовать это выражение в какой-нибудь драматической роли. – Голос раздался прямо позади нее, и она, испуганно повернувшись, столкнулась лицом к лицу с Эрни. Кристел ушла совсем недалеко от гостиницы, но ее мысли витали где-то за тысячи

милль отсюда. Она не слышала, как он приблизился к ней. – Я подумал, что тебе, должно быть, скучно без подруги, и решил проведать тебя. Портье сказал мне, что ты ушла гулять. Не возражаешь, если я присоединюсь?

– Конечно, нет. – Он так добр к ней, как она может ему отказать? И если честно, она действительно чувствовала себя ужасно одинокой. Даже мысли о Спенсере не помогали. Почему, ну почему он перестал писать? Между ними случилось такое и раньше, например, в тот год, который прошел между свадьбой Бекки и Тома и крестинами их малыша, и потом, перед тем как он встретил ее в День благодарения в Сан-Франциско, когда был помолвлен, и снова, до тех пор, пока его не призвали в Корею. Но ведь тогда было совсем по-другому. Она до этого не была близка с ним. Она любила его, но не так, как теперь. Но что толку об этом думать? Он решил избавиться от нее, перестав ей писать и отвечать на ее письма. Она знала, что уже задолго до того, как замолчать совсем, он потерял к ней интерес. Это понятно по его письмам, которые сначала были пламенными и полными любви, а потом становились все холоднее и короче, пока, наконец, не превратились в открытки с несколькими словами, а затем пропали совсем.

– Ты так переживаешь из-за завтрашнего дня? – Эрни доброжелательно улыбался, и она вспомнила, что завтра начнутся съемки.

– И из-за этого тоже, – честно призналась она.

Ему нравилось исходящее от девушки живое волнение. Оно так не похоже на спокойную надменность знаменитостей, с которыми ему обычно доводилось проводить время.

– Уверен, у тебя великолепно все получится. А в следующий раз мы дадим тебе роль, где ты будешь петь, и уж тогда мы им всем покажем, на что ты в самом деле способна. – Он слышал, просматривая кинопробы, ее голос и знал, что он великолепен. Но сначала надо показать ее внешность, а все остальное пока подождет. И Эрни Сальваторе чертовски хорошо знал, что он делает.

– Мне бы очень этого хотелось. – Она любила петь и за эти несколько дней, как уехала из Сан-Франциско, уже успела соскучиться по вечерним представлениям.

– Педагог по вокалу сказал, что ты – просто чудо.

– Спасибо. – Она улыбнулась, и он почувствовал, что дрожит от возбуждения, когда смотрит на нее. И тут подумал о том, что коль скоро уж он собирается и дальше играть роль советника и наставника, то может весьма искренне пригласить ее пообедать.

– Ты еще не была в «Браун дерби»? – спросил он, хотя прекрасно знал от своего шофера, где она была и где не была. Тот каждый день давал ему подробный отчет. Эрни хотел быть уверен, что она, как обыкновенная проститутка, не начнет спать со всеми подряд, портя его репутацию, да и свою собственную. Но пока она вела себя безупречно. Вряд ли он обманется – она действительно чиста и наивна. Ему даже по-

казалось, что она еще девственница. Все ее поведение говорило об этом. Тем легче будет приручить ее.

– Нет, не была. – Она улыбнулась, вся такая невинная и удивительно красивая. Да, при любом освещении, в любой обстановке, в шикарном платье и с замысловатой прической или просто в синих джинсах эта девушка просто сногшибательна.

– Тогда, может, поедем сегодня туда поужинать? Но я должен предупредить, что отвезу тебя домой рано. Ты должна этой ночью хорошенько выспаться, ведь завтра – начало работы.

– Да, сэр! – Но глаза у нее уже сияли, как рождественские огоньки. – Это просто замечательно. – Ее искренность все больше поражала его. С ней будет легко.

Он посмотрел на часы, что-то высчитывая про себя, потом велел ей возвращаться в отель и сказал, что заедет через час. На нем были серые фланелевые брюки и легкий твидовый пиджак. Он хотел надеть костюм, прежде чем отправиться с ней на ужин.

– Я вернусь за тобой в восемь часов. И что бы ни случилось, хоть потоп, я должен привезти тебя домой и уложить в постель не позже десяти часов. – «К сожалению, одну». Эрни был слишком умен, чтобы выдать свои намерения так сразу. – Подходит такой план?

– Конечно, это просто здорово! – Она встала на цыпочки и чмокнула его в щеку. Ему стало даже немного стыдно, он

чувствовал себя чуть ли не дедушкой, когда посадил ее в машину и повез обратно в отель. У него было несколько машин, и всю эту неделю одну из них он отдал в ее распоряжение. Сегодня вечером он решил, что в любом случае шофер ему не нужен – хотелось побыть с ней вдвоем. Она надела великолепное, с глубоким вырезом белое платье и коротенький жакет такого же цвета и выглядела потрясающе. Все в «Браун дерби» обзавидуются ему в этот вечер.

Она вошла в ресторан, непринужденно рассказывая Эрни о своем детстве, проведенном в долине, и вдруг остановилась и запнулась на полуслове, осознав, что все вокруг смотрят только на нее. Когда же присутствующие увидели ее спутника, их взгляды стали еще пристальнее. Все знали, что у Эрни Сальваторе удивительная способность находить самых красивых девушек в городе. Сейчас же никто не стал бы отрицать, что эта – наиболее красивая из всех. Кристел показалось, что его здесь знают все, и девушка чуть не упала в обморок, когда мимо нее прошел мужчина, как две капли воды похожий на Фрэнка Синатру. Эрни же, подводя ее к столику, непринужденно со всеми здоровался и, представляя Кристел, называл ей имена, о которых она только мечтала.

– Не стоит так пугаться, – тихо шепнул он и улыбнулся.

Он облегченно вздохнул, увидев, какое она на всех произвела впечатление. Его радовало, что сама Кристел держалась очень неплохо. Она была великолепна в этом белом платье, все открыто восхищались ею, особенно после того, как Эрни

попросил ее снять жакет, который скрывал очень глубокий вырез. Обычно она не обнажала эту часть тела, наоборот, все ее платья были довольно закрытыми. Но Перл очень просила ее купить именно это платье, и Кристел решила надеть его на ужин в «Браун дерби». И теперь радовалась, что сделала именно так. Эрни сказал, что платье ему нравится. Во время ужина он просто очаровал ее. Она чувствовала себя с ним совершенно свободно.

Он добр и обходителен, его манеры безупречны. Разговор лился непринужденно. Кристел узнала, что он всего лишь простой импресарио. Она же в ответ призналась, что всю жизнь мечтала стать кинозвездой. Он сто раз слышал подобные истории, но улыбался и делал вид, что ему это очень интересно. Кристел увидела в баре Кэри Гранта и заметила, как туда заскочил Рок Хадсон, быстро с кем-то поздоровался и побыл там совсем недолго. Кристел не спускала с этих знаменитостей удивленных глаз. Все казалось ей еще более удивительным, чем в мечтах. Слезы навернулись ей на глаза, она взглянула на Эрни, который, казалось, очень обеспокоился.

– Что-нибудь случилось?

– Я не верю, что это все происходит со мной.

Он улыбнулся. Ему нравились такие девушки. Молодые и свежие. Он мог бы взять ее с собой сегодня вечером и попытаться узнать поближе. Однако необходимо, чтобы она хорошо отдохнула перед завтрашней съемкой. Это гораздо важнее. Развлечься можно с кем-нибудь, а она – капитал.

Они потягивали кофе, когда он вдруг сказал, что ей надо появляться в городе со знаменитыми и нужными людьми. Он тут же перечислил тех, кто будет ей звонить и приглашать. Некоторые имена были ей знакомы, и на секунду она подумала, что он шутит. Но, посмотрев ему в глаза, поняла, что он вполне серьезен.

– Почему вы все это для меня делаете? – Она все еще не могла до конца понять его. Почему именно для нее? Но он прекрасно знал, что делает.

– В один прекрасный день мы с тобой станем невероятно богатыми. – Он улыбнулся с таким видом, будто обнаружил алмаз в своей чашке с кофе. – Ты будешь очень знаменитой.

– Откуда вы знаете? – Чем она отличается от других, она совсем не понимала, особенно теперь, в этом платье, которое купила по его указке, и так сильно накрашенная. Это не рубашка и ковбойские ботинки, но в данный момент она об этом не жалела.

– Я еще ни разу не ошибался, – спокойно сказал он с горделивым видом и, легонько похлопав ее по руке, попросил принести счет. И пока они его ждали, он задал ей вопрос, который вертелся у него на языке с тех самых пор, как он ее встретил: – А как обстоят у тебя дела на личном фронте? – Она слегка растерялась, и он улыбнулся. – Иными словами, есть ли у тебя друг?

Она и в первый раз прекрасно поняла его, но ей необходимо было обдумать ответ.

– Нет. – Она сказала это спокойно, но лицо у нее сделалось грустным, она подумала о Спенсере.

– Ты в этом уверена? – Да.

– Хорошо. Но он у тебя был? – Она кивнула. – А где он теперь? – Он хотел быть уверен, что она свободна. Конечно, он мог бы легко устранить подобную проблему, но это лишние хлопоты.

– Я не знаю точно, где он может быть, – ответила Кристел, – может быть, в Корее, а может, вернулся в Нью-Йорк. В любом случае теперь это не важно. – Сказав это, она еле сдержалась, чтобы не расплакаться.

Потом откинулась на спинку стула и стала наблюдать, как Эрни здоровается с проходящими мимо знакомыми. Он привлекательный мужчина и очень обходительный. Несомненно, у него свой особый стиль, который все больше производил впечатление на Кристел. Она никогда раньше не встречала мужчин, похожих на него. На одном пальце он носил массивный золотой перстень с большим бриллиантом. Костюм, великолепно сидевший на нем, был явно очень дорогой, а белая рубашка, заказанная в Лас-Вегасе, выглядела так, будто ее сшил для него лучший портной Лондона. Он сохранял свой стиль в одежде, ему небезразлично, как он выглядит. Во всем его облике Кристел начинала улавливать откровенную чувственность. Но было в нем что-то еще, какая-то скрытая сила, которая по-прежнему немного пугала ее. Он старался тщательно скрывать это от посторонних глаз,

но все и так знали, что Эрнесто Сальваторе всегда добивается того, чего хочет. Сейчас, когда он повернулся к девушке с широкой улыбкой, в его лице не было ни единого намека на угрозу.

– Ты готова идти? – Его слова прозвучали очень дружелюбно. Он помог ей подняться и повел к выходу мимо множества незнакомых ей людей. Некоторые из них узнавали его, но на этот раз он не останавливался. Он прямо шел к выходу, делая вид, что не замечает, как все смотрят на его спутницу. Несколько минут спустя он помог ей выйти из машины у входа в отель. Она поблагодарила его, и он ушел. Кристел поднялась к себе в номер с намерением лечь в постель и хорошенько выспаться перед завтрашним днем.

Но, лежа в кровати, она никак не могла уснуть. Впервые за долгое время она думала не о Спенсере. Она думала о своем новом импресарио, и, хотя признавала, что Перл была права и он действительно – само очарование, Кристел, не зная почему, чувствовала, что боится его.

Кристал начала работать над картиной, и, как и сказал ей педагог, это оказалось гораздо легче, чем она думала. Правда, трудиться приходилось много и напряженно, но все окружающие, казалось, были готовы помочь ей. Она каждый день учила роль и старалась пораньше ложиться спать, но в этом ей мешали мужчины, которые звонили каждый день, как она знала, по указке Эрни. Все были необыкновенно вежливы, обходительны и очаровательны. Они приезжали за ней в вечерних костюмах и на дорогих машинах: знаменитые актеры, популярные певцы, известные танцоры... Некоторых из них она видела в кино. Теперь они сопровождали ее везде: в казино, «Коконат гроув» или «Мокамбо». Все казалось сном, и Кристал порой не могла найти слов, когда пыталась написать Перл. Она описывала вечеринки, на которых бывала, и тех знаменитостей, с которыми встречалась. Иногда ей казалось, что подруга ей не поверит. Все слишком смахивало на историю из какого-нибудь журнала про мир кино, однако для Кристал это стало реальной жизнью. Конечно, в первую очередь она писала о том, как продвигается работа над картиной.

И когда съемки были в самом разгаре, ей позвонил Эрни:

– Отдыхаешь?

– О, я каждый вечер с ног валюсь от усталости, – изму-

ченно засмеялась она, и он улыбнулся в ответ.

– А почему ты сегодня дома?

– Я так устала, что решила сегодня спрятаться ото всех. Я просто не в состоянии одеться.

Он запросто мог бы приказать ей сделать это, но прекрасно понимал, что она еще не готова к тому, чтобы исполнять его приказы. Он ласково спросил ее самым наивным тоном, стараясь не напугать:

– Совсем не в состоянии? Даже для меня?

– О, мистер Сальваторе... – Она замолчала, совершенно измученная. Ей приходилось вставать в четыре утра каждый день и в половине шестого быть уже в студии, чтобы успеть накраситься и надеть костюм.

– Что ты имеешь против старика Эрни? Или я в чем-то провинился?

– Конечно, нет, простите меня. – Ее слова прозвучали очень искренне, ведь она так многим ему обязана. Она понимала, что не сможет ему отказать, но пожалела, что позвонил именно он. Кристел действительно очень устала.

– Не стоит извиняться. Просто в другой раз помни об этом. Как насчет того, чтобы где-нибудь поужинать? Тебе даже не придется одеваться, тебя никто не увидит.

Кристел вздохнула с облегчением. Все-таки хорошо, что он позвонил. Она улыбнулась, глядя в окно.

– И я могу надеть джинсы?

– Почту за честь. Возьми с собой купальник, если он у

тебя есть.

– Куда мы поедем? – В ее голосе звучал неподдельный интерес.

– В Малибу. Я знаю там одно прекрасное местечко. Ты сможешь отдохнуть, и я отвезу тебя домой пораньше.

– Это замечательно. – Она быстро собралась, уложила волосы в высокую прическу, натянула джинсы и одну из своих старых рубашек, которые привезла из дома, и, конечно, неизменные ковбойские ботинки. Взглянув в зеркало, она вдруг узнала себя. Так легко чувствовать себя без всех этих нарядов и косметики.

Через десять минут Эрни заехал за ней, и она удивилась – на нем тоже были джинсы. Он довольно засмеялся, увидев ее.

– Все-таки какой у нас глупый народ. Я бы с удовольствием снимал тебя в картине именно в таком виде, Кристел. Но боюсь, меня никто не поймет. – Он заметил, что ботинки у нее самые что ни на есть настоящие, так же как и джинсы. Он вспомнил, что она рассказывала ему про свое детство в долине, когда они ужинали в «Браун дерби».

Ей стало намного легче с ним, чем раньше. Хорошо, что они не пойдут в один из этих шикарных ресторанов, где все вечно пялятся на нее. Но ей даже в голову не пришло спросить, куда они направляются. Они весело болтали о ее детстве, он рассказал ей о своей юности в Нью-Йорке. И вдруг она обнаружила, что они остановились в уединенном месте,

далеко от шоссе, возле небольшого дома, стоящего прямо у океана.

– Где это мы?

– Мой дом в Малибу. Ты взяла купальник? Внутри есть закрытый бассейн. В это время года океан холоден.

Девушка почувствовала, как у нее по спине пробежал холодок, хотя она изо всех сил старалась убедить себя, что бояться ей абсолютно нечего. Просто воспоминания о том, что с ней сделал Том, никогда не уйдут из ее памяти. И еще она вдруг подумала, как бы отнесся Спенсер к тому, что она приехала сюда с Эрни. Но это больше не имело значения. К тому же он женат. А это ее личная жизнь, и никому до нее не должно быть дела. Она изо всех сил старалась не думать о Спенсере и пошла за Эрни в дом. В доме никого не было, и это слегка напугало Кристел.

– Не бойся, малышка. – Он мягко улыбнулся. – Я не собираюсь обижать тебя. Просто мне показалось, что тебе необходимо отдохнуть хотя бы один вечер.

Он прав, ей действительно нужен отдых, но она не уверена, что это подходящее место. Внутренний голос предостерегал, что ей не стоит входить, но теперь чертовски глупо отступать. Что ни говори, Эрни очень мил, да и сделал он для нее уже немало.

Она вошла за ним. Дом оказался прекрасным, со стеклянными стенами и высокими потолками. На полу лежали толстые белые ковры, тут и там стояли белые кожаные диванчи-

ки, а сама комната казалась больше из-за невероятного количества зеркал. Огромное, во всю стену, окно выходило на океан, и Кристел увидела в нем великолепный закат. Это было так красиво, что Кристел, наблюдая за заходящим солнцем, почувствовала себя намного спокойнее. Она всегда любила на ранчо наблюдать заход солнца.

– Хочешь что-нибудь выпить? – Эрни подошел к бару и открыл холодильник, замаскированный за зеркальной дверцей. Она отрицательно покачала головой. У нее были все основания оставаться трезвой.

– Нет, спасибо.

– Тогда, может быть, содовой?

Она попросила кока-колу, и он улыбнулся. Она действительно совсем ребенок, прячущийся в таком прекрасном женском теле. Никогда еще он не встречал девушки красивее и неустанно продолжал повторять, что она – счастливая находка.

– Не хочешь выпить или не доверяешь мне? Она немного поколебалась, но потом рассмеялась:

– Наверное, и то и другое.

– Умница.

Он налил себе водки с тоником и предложил ей сесть на один из диванов. Кристел никак не могла сообразить, где находится бассейн, но теперь, когда они вошли, она поняла, что дом гораздо больше, чем кажется.

– Я заказал для нас обед. Уверен, он где-нибудь надежно

припрятан. У меня есть слуга, который приходит сюда каждый день, хотя сам я редко здесь бываю. Ведь живу я в Хиллз. – Он прекрасно знал, что Кристел все еще живет в отеле. – Ты можешь приезжать сюда, когда захочешь, Кристел. Просто чтобы отдохнуть. Уверен, после тяжелого дня съемок тебе это совершенно необходимо.

Ее тронула эта доброта. Непонятно только, почему он это делает. Конечно, он собирался на ней заработать, но она была склонна думать, что за этим кроется нечто большее. Он постоянно присылал цветы, небольшие подарки, выбирал для нее провожающих... и теперь вот это – вечер на пляже в джинсах... Это именно то, чего она так хотела. Ему ничего не стоило отгадывать ее желания. Уж в чем, в чем, а в этом он мог превзойти кого угодно. Эрни Сальваторе безошибочно разбирался в людях.

Она откинула голову на спинку дивана и наблюдала, как в окне за его спиной садится солнце. Потом облегченно вздохнула:

– Мне кажется, что это самый счастливый день за все то время, пока я здесь.

– Я рад. Хочешь поплавать перед обедом или предпочитаешь подождать? Может быть, прогуляемся по пляжу?

Она умиротворенно улыбнулась:

– Это было бы здорово.

Он поставил стакан и подошел к двери на террасу. Когда он ее открыл, в комнату ворвался прохладный морской ве-

тер. Эрни стал спускаться за девушкой по ступенькам на песчаный пляж. Чувствуя, как ветер обдувает лицо и треплет волосы, она побежала. Она была по-настоящему счастлива за долгое время и превратилась в ребенка, когда, выписывая по песку круги, сняла ботинки и вошла в воду. Быстро темнело, но он продолжал медленно идти за девушкой, с удовольствием наблюдая за ней и чувствуя себя гордым отцом. Наконец она повернула к нему раскрасневшееся от холодного воздуха и морского ветра лицо.

– Вы замерзли?

– Нет, мне очень хорошо.

Но он видел, что замерзла она, поэтому снял пиджак и накинул ей на плечи. Он пах его одеколоном, которого Кристел раньше не замечала, и сейчас она с удивлением обнаружила, что ей нравится этот запах. Она подумала о том, был ли он когда-нибудь женат и есть ли у него дети, и вообще, что скрывается за внешним видом этого человека.

Он никогда ничего не рассказывал о себе. Казалось, он находится здесь исключительно для того, чтобы доставлять ей удовольствие.

Наконец они вернулись в дом, и он отправился искать спрятанный обед. Он обнаружил омаров, залитых нежным майонезом, и великолепный салат из шпината. В серебряном ведре со льдом лежала бутылка шампанского и вареные яйца, фаршированные икрой.

– Ты когда-нибудь ела фаршированные яйца?

Она отрицательно покачала головой. Она только слышала о том, что яйца можно фаршировать икрой. Эрни по-отечески улыбнулся девушке:

– Поначалу они тебе могут не понравиться. Существует масса вещей, которые не нравятся с первого раза.

Но она решила попробовать их, чтобы сделать ему приятное, и нашла, что они не так уж и плохи. Однако когда они уселись в удобные кресла за низкий столик, она уделила гораздо больше внимания омарам и шампанскому. Она пила понемногу и маленькими глоточками, но Эрни и не настаивал. У него есть время, уйма времени, и он не хотел заставлять ее делать что-либо, пока она сама этого не захочет. А он не сомневался, что рано или поздно она этого захочет. Слишком многим она ему обязана.

Они разговаривали о ее родной долине, о ее отце, обо всем том, что было ей очень дорого. Эрни слушал ее с таким видом, как будто все, что касалось этой девушки, имело для него жизненно важное значение. Через полчаса они закончили обедать, и он, ласково улыбаясь, предложил ей искупаться в бассейне:

– Это поможет расслабиться. Она засмеялась над его словами:

– Если я расслаблюсь еще хоть немного, то усну прямо на полу. – День был длинный и тяжелый, утомление уже начало сказываться, свежий морской воздух нагнал на нее сон. – А поплавать неплохо, если только я не утону после съеден-

ных омаров.

– Не волнуйся. Я тебя спасу.

Она мило улыбнулась, вдруг представив себя со стороны: она сидит с Эрни в своих любимых джинсах и ботинках, в одной из старых рубашек, с распущенными волосами.

– Мне кажется, вы уже это сделали.

– Надеюсь. – Ее благодетель милостиво улыбнулся и показал ей, где можно переодеться.

Сам же отправился в бассейн, чтобы включить свет. И когда через минуту она появилась там в белом купальнике, он почувствовал, что у него перехватило дыхание. Как всегда, она не сознавала, как потрясающе хороша, и это ему в ней нравилось. Зрителям это тоже наверняка понравится. И он никогда не забывал об этом.

– Надеюсь, вода достаточно теплая.

Он смотрел, как она соскользнула в бассейн, и пошел переодеваться, пока Кристел счастливо плескалась. Бассейн был огромный, и вода очень теплая. Эрни вернулся, и она посмотрела на него с довольным видом. Он снял с бедер шикарное белое полотенце, и она застыла в изумлении. Он стоял голый. Она инстинктивно отвернулась, боясь, что смущает его, и вдруг услышала, как он засмеялся:

– Не волнуйся, Кристел. Я не собираюсь тебя насиловать. Вот уж в этом меня никто никогда не обвинял. – Но его обвиняли в других вещах, про которые Кристел ничего не знала.

Он легко соскользнул в воду, а она начала медленно уплы-

вать, боясь увидеть что-нибудь, что ей вовсе не хотелось видеть. Он быстро догнал ее и улыбнулся.

– Почему бы тебе тоже не снять купальник? Вода такая теплая, как в ванне. – Казалось, у него на уме ничего нет, он просто чувствовал себя свободно с ней, он не делал никаких попыток дотронуться до нее. Она улыбнулась, стараясь выглядеть равнодушной, но сознание того, что он голый, действовало на нервы.

– Нет, мне и так хорошо. Спасибо.

– Как хочешь, дорогая. – Он слишком опытен и умен, чтобы не быть настойчивым со своими жертвами. Они все рано или поздно сами приходили к нему, по той или иной причине.

В следующее мгновение он уже вышел из бассейна и стоял на краю с виноватым видом. У него было весьма красивое тело: длинное и пропорциональное, в очень хорошей форме. Он знал это и гордился, что у него тело почти как у юноши. Он спросил ее, не хочет ли она еще шампанского, но она никак не осмеливалась посмотреть на него. Он вдруг снова подумал, что она, может быть, еще девственница. Конечно, это помеха, но далеко не непреодолимая. Ей придется пожертвовать этим для него. Снова посмотрев вниз, он не выдержал и улыбнулся. Она плавала вокруг, как рыба, изо всех сил стараясь не показывать виду, как ей неловко.

– Если я убавлю свет, ты будешь чувствовать себя лучше? Это, наверное, ужасно, но я ненавижу купаться в плавках.

Ты должна меня простить.

– Ничего. – Она изо всех сил старалась казаться взрослой и вести себя так, как подобает кинозвезде, но он действительно ужасно напугал ее. Прежде чем она успела ответить, он выключил лампы, горевшие под потолком. Комната освещалась теперь только светом ламп, горящих под водой, и слабым мерцанием светильников, развешанных по стенам и похожих на свечи.

– Так лучше?

– Да, намного, – соврала она.

Он сделал маленький глоток шампанского и опять нырнул в бассейн. На этот раз он подплыл прямо к ней и под водой крепко взял ее за запястье. Он держал ее, а она, чувствуя, что не может двинуться, посмотрела ему прямо в глаза.

– Что вы собираетесь со мной делать? – в ужасе спросила Кристел.

– Превратить тебя в кинозвезду, – тихо прошептал он, и она вдруг поняла, чего он хочет от нее взамен. Может быть, действительно все эти истории про Голливуд – правда, но сейчас Кристел беззвучно молилась, чтобы это было не так... чтобы на этот раз все обошлось... «Господи, пожалуйста... только не теперь...» – Я не стану делать тебе больно, Кристел. Поверь мне. – Она молча кивнула, не в силах произнести ни слова, и он, продолжая держать ее, медленно, очень медленно приблизился и поцеловал ее. – Ты очень красивая... наверное, самая красивая из всех женщин, которых я когда-ли-

бо видел. – Он снова поцеловал ее, и она начала плакать.

– Пожалуйста... не надо... ну пожалуйста. – Ее так трясло, что Эрни стало ее жаль.

– Прости, малышка. Я вовсе не хотел напугать тебя. Мне хочется, чтобы тебе было хорошо. – С этими словами он поплыл к краю бассейна и, выбравшись, обернул талию полотенцем, а она осталась в воде, уставившись на него с открытым от удивления ртом. Она ему нравилась, он восхищался ею, и он вовсе не собирался ее насиловать. Он сидел на краю бассейна, потягивая шампанское, и она вышла из воды и уселась рядом с ним.

– Мне так жаль... – Ей казалось, что она должна объяснить свое поведение. – Меня изнасиловали четыре года назад... и я испугалась... я подумала... – Она опять заплакала, и он нежно обнял ее и зашептал:

– Прости меня. Тебе незачем меня бояться. Если ты будешь со мной откровенна, я никогда не причиню тебе зла. – В его словах прозвучала скрытая угроза, но Кристел, чувствуя невероятное облегчение, не заметила этого. Она еще раз искренне поблагодарила его и отпила шампанское из бокала, который он поднес к ее губам.

– Все это так ново для меня. Все случилось так неожиданно. Иногда я не знаю, что и думать. Мне очень жаль, но я, наверное, вела себя как дурочка.

– Все в порядке. – Он благодушно улыбнулся. – Ты очень милая дурочка, и ты мне нравишься. – Спенсер, наверное,

сказал бы ей то же самое, и она была тронута, что этот человек так хорошо понимает ее. – Теперь ты хочешь вернуть-ся, Кристел? Я знаю, что тебе завтра рано вставать. Или еще немного поплаваешь?

Ей необходимо было расслабиться, и она посмотрела на него удивленно своими темно-голубыми глазами, которые так ему нравились.

– Честно говоря, я бы еще немного поплавала. Это возможно? Вы никуда не спешите?

Он рассмеялся и покачал головой:

– Конечно, нет.

На этот раз она по-настоящему расслабилась и почти не обратила внимания, что он тоже, скинув полотенце, соскользнул в воду. Она немного порезвилась, а потом перевернулась на спину и, открыв глаза, увидела, что он плывет рядом с ней. Он перевернулся на живот, чтобы не смущать ее, и, осторожно приблизившись, снова поцеловал ее. На этот раз она не сопротивлялась, помня, как глупо повела себя в прошлый раз, но когда он во время поцелуя нежно погладил ее грудь, она вдруг поняла, что ей это нравится. Она попыталась уплыть от него, но он не отставал. Ему не надо было прилагать никаких усилий, чтобы просто плыть рядом, слегка касаясь ее руками. Потом он снова поцеловал ее, и на этот раз его рука вдруг скользнула под купальник. Она хотела помешать ему, но уже в следующую секунду поняла, что это похоже на сумасшествие и она не в состоянии остановить

его. Она подплыла к ступенькам, стараясь перевести дыхание, и тут же почувствовала, как Эрни, стоя у нее за спиной, начал снимать с нее мокрый купальник. Она попыталась повернуться к нему лицом, но он прижался к ее спине всем телом, в то время как его руки продолжали с невероятным умением и нежностью ласкать ее прекрасное обнаженное тело. Она закинула голову и вдруг застонала от наслаждения.

– Эрни, не надо... – Но на этот раз ее голос звучал неуверенно, и он снова и снова прикасался к ней, его пальцы были невероятно мягкими. Он давно стал мастером обольщения, она же была всего лишь новичком. Она начала двигаться с ним в такт и в первое мгновение даже не поняла этого. – О Господи... не надо... пожалуйста...

Он внезапно остановился, как будто послушался ее команды. Она задрожала всем телом и повернулась к нему. В глазах у нее было желание, и, не говоря больше ни слова, он навалился на нее, и их тела оказались под водой. Ее глаза расширились от страха, но уже в следующую секунду наслаждение захлестнуло ее. То, что он делал с ней, было похоже на прекрасную симфонию, и, когда наступило крещендо, Кристел обнаружила, что прижимает его к себе, как бы желая, чтобы он продолжал. Когда все закончилось, он улыбнулся ей, а она вдруг смутилась. Она не могла обвинить его в том, что произошло, на этот раз она сама хотела этого. Нет, она не хотела его, но то, что она только что испытала, было восхитительно, лучше, чем со Спенсером.

– Ты сердишься на меня? – Кажалось, он обеспокоен, и она нахмурилась, сердясь не на него, а на саму себя.

– Нет, – прошептала она, – не знаю, что со мной произошло... Я...

– Мне очень приятно. – Он опять нежно поцеловал ее, и его руки вновь заскользили по ее обнаженному телу, и через несколько мгновений она уже до боли хотела его.

Они провели в бассейне несколько часов, непрерывно занимаясь любовью, а в полночь он медленно отнес ее наверх. Спальня была вся обшита белым бархатом, лисьим и медвежьим мехом, а на кровати, куда он ее положил, лежало белое норковое покрывало. Она была вся мокрая, и он начал старательно вытирать ее, сначала полотенцем, которое было намотано вокруг его талии, потом в ход пошли нежные пальцы, которые добирались до самых потаенных мест на ее теле. Потом он продолжил ласки, действуя губами и языком, каждое прикосновение которого обжигало ее, как огнем. Когда он наконец вошел в нее, она закричала от наслаждения, и весь остаток ночи они отдавались друг другу с неистовой страстью. Она никогда не знала ничего подобного. Это несколько не походило на то, что было у них со Спенсером. Эрнни входил в нее бесчисленное число раз, но ей каждый раз хотелось еще. Этот человек обладал невероятной силой и опытом, ему хотелось научить ее искусству любви. Но когда наконец они остановились, она была напугана.

– Что ты делаешь со мной? – спросила она, совершенно

обессилев. А ведь через полтора часа ей нужно идти на работу. Она никогда ничего подобного не испытывала.

– Все то, что мне очень нравится, моя сладкая малышка.

– Он вдруг улыбнулся с лукавым видом: – Хочешь еще?

– Нет... нет... – Она затрясла головой. Нельзя признаться в этом даже себе самой, но она понимала, что должна как можно быстрее уходить, иначе... она боялась, что ей действительно захочется повторить.

Он вышел, а она отправилась в ванную и приняла сначала горячий, а потом холодный душ. Когда она вышла уже одетая, на столе стоял дымящийся кофе и лежали горячие булочки.

– Но почему, почему ты это все для меня делаешь? Он рассмеялся и коснулся пальцем ее щеки, потом проговорил со счастливой улыбкой:

– Потому что ты принадлежишь мне. Но конечно, только до тех пор, пока сама будешь этого хотеть. Как ты к этому относишься?

Она этого боялась и знала, что это плохо. Но этот человек сделает ей карьеру, о которой она так долго мечтала. Он сделал для нее очень много. А теперь она провела с ним ночь, полную удовольствия, какого никогда ни с кем не испытывала, так что же в этом плохого? Но в глубине души она знала, что это так. И вдруг почувствовала себя ужасно виноватой. Она подумала о Спенсере, и сердце у нее заныло. Казалось, она запятнала те отношения, которые были между ними. То-

гда она испытывала только невинную любовь. Теперь же было все иначе. Она чувствовала себя продажной женщиной. Она не любит этого человека, но он к ней очень добр. Он хочет, чтобы она некоторое время была с ним. Неужели это так уж плохо? Некоторые предостерегали, что она играет с огнем. Но другие считали его добрым человеком. И все они правы. В нем переплелось и хорошее, и злое. Но сейчас он совсем не хотел причинять ей боль. Он еще раз нежно поцеловал ее и, когда она уходила, предложил взять его машину.

– А как ты сам выберешься отсюда?

– Попрошу шофера, чтобы он приехал и забрал меня. Не волнуйся, малышка. Со мной все будет в порядке.

Он еще раз поцеловал ее, и малейшее прикосновение тут же напомнило ей о том, что сделал с ней Том Паркер на полу конюшни... но это отличалось от того, что было у них со Спенсером... это не любовь, но Эрни с ней, и он очень добр... так в чем же дело, почему она так переживает?... Ведь Спенсер покинул ее. Навсегда.

Когда Кристел вернулась в тот день после обеда к себе в отель, ее ждала небольшая посылка. Она отнесла ее наверх, и когда осторожно открыла ее у себя в номере, глаза у нее поползли на лоб от удивления и смущения. Это был бриллиантовый браслет. И прислал его Эрни. Она не знала, что с ним делать, ей было страшно даже надеть его. Она сидела, держа его в руке, совершенно потрясенная. Она все еще не пришла в себя после ночи. Ничего подобного с ней раньше не случилось, и больше всего на свете ей хотелось бы никогда не видеть Эрни. Но он позвонил ей в тот же вечер, и его голос был очень мягок и ласков. Казалось, ему не надо ничего объяснять, он и так прекрасно понимал, в каком она состоянии.

– Тебе понравился браслет? – Он был похож на ребенка, который очень хотел порадовать маму, купив ей цветы.

– Мне... да... Эрни... он просто потрясающий. Но я не могу его взять. – Она чувствовала себя проституткой, которой заплатили за ночь. Ведь между ними нет любви, он просто пользовался ее телом, вытворяя с ним чудеса.

– Почему? Красивые девушки заслуживают того, чтобы носить красивые вещи. – Слава Богу, он не сказал, что она его заработала. – Можно я зайду к тебе чуть позже?

– Нет... я... – Она начала беззвучно плакать, он все еще вызывал в ней страх, как и ее собственное поведение. Она

не понимала, что произошло с ней этой ночью. Находясь на площадке, она весь день чувствовала себя виноватой и изо всех сил старалась не думать о Спенсере.

– Малышка, я не хотел тебя обидеть. – Его голос стал грустным, и ей вдруг стало его жалко. В том, что она вела себя так скверно, не было его вины. Во всяком случае, она так считала. Ведь он ни к чему ее не принуждал. Он соблазнил ее и доставил ей невероятное наслаждение, лаская ее тело умелыми и нежными руками. – Я просто хочу поговорить с тобой.

– Встретимся в вестибюле.

– Отлично. Я буду там через полчаса.

На нем были брюки и чистая белая рубашка, на плечи накинут тонкий шерстяной свитер. Он подошел к ней и, слегка наклонившись, поцеловал в щеку. Почти все головы в вестибюле повернулись в их сторону. Он был очень известной фигурой в Голливуде, а она – невероятно красивой женщиной.

Они зашли в бар. Кристел выглядела растерянной и смущенной, и он нежно взял ее за руку. Казалось, он прекрасно понимает, о чем она думает.

– Не стоит так переживать из-за того, что произошло сегодня ночью. Это было естественно и прекрасно. Мы можем остаться хорошими друзьями – ты и я.

Она никогда не думала, что друзья могут заниматься любовью в бассейне всю ночь. Она подняла на него глаза, полные слез.

– Не понимаю, что со мной произошло. – Она бы хотела сказать ему, как сильно любит Спенсера, как долго она его ждала. Но нет. Перед тем как бросить ее, он слишком много для нее значил. Теперь она имеет право на свою личную жизнь, но не хотела бы делить ее с таким человеком, как Эр-ни. Для нее он слишком богат, слишком опытен, слишком властен, и она это прекрасно понимала. – Мне кажется, я просто немного сошла с ума, – прозвучало жалкое объяснение.

Он, улыбаясь, потягивал напиток, и его опять завороживала ее удивительная красота. Не зря ей оборачивались вслед. Накануне он просматривал отрывки фильма с ее участием, и ему стало ясно, что оператор влюблен в нее.

– Я тоже слегка сошел с ума. Но в этом нет ничего плохого, Кристел. Ты очень красивая девушка, и я просто потерял над собой контроль. Ты ведь простишь меня? – Он прекрасно знал, чем можно подкупить ее, теперь она посмотрела на него застенчиво. – Именно поэтому я и послал тебе браслет. Чтобы извиниться за прошлую ночь. – Он понимал, что она чувствует себя виноватой, и хотел, чтобы этот подарок был для нее как извинение с его стороны, а не как плата за услуги. Ведь для этой дурочки это так важно. Она поразительно отличалась от тех знаменитостей, которых ему приходилось выводить в люди до нее. Те всегда с радостью были готовы лечь под него, лишь бы оставаться его фаворитками. Но эта девушка совершенно другого сорта. Ее честность и откры-

тость нравились ему. – Мне действительно очень жаль, Кристел... – Его глаза были честными, и Кристел почувствовала себя немного лучше. Может быть, они оба действительно слегка сошли с ума, говорила она себе, пытаясь отнестись к событиям прошлой ночи так, как он их объяснял. Но она плохо знала Эрни Сальваторе. – Когда-нибудь ты будешь смотреть на этот браслет как на свой первый голливудский талисман. И даже будешь показывать его своим детям. – Она все еще колебалась, но он выглядел таким оскорбленным, когда она попыталась вернуть браслет, что в конце концов девушка согласилась взять его. – Сможем ли мы когда-нибудь все это повторить?

Она очень медленно кивнула, не будучи уверенной, что ей действительно этого хочется. Но она уже опять начала чувствовать себя чем-то ему обязанной, особенно когда он заговорил о картине и о том, как она хороша в кадрах, которые он просмотрел. Ведь это все благодаря ему. Они долго сидели и беседовали о фильме. И он вдруг сообщил ей, что приготовил для нее роль в новой картине.

– Так быстро? – Она выглядела удивленной, а в душе ликовала. – Когда начнутся съемки? – спросила она застенчиво, все еще смущаясь и изо всех сил стараясь не думать о том, как он выглядел на краю бассейна, когда скинул с себя полотенце.

– Через неделю после того, как закончишь эту картину. Думаю, где-то в начале апреля. – Затем рассказал, кто еще

будет сниматься в новой картине, и девушка уставилась на него широко открытыми глазами. Почти все имена она хорошо знала, некоторые из них были очень известными.

– Ты это серьезно?

– Конечно. – Он не стал говорить, чего ему стоило получить для нее эту роль. – На этот раз роль совсем небольшая, но надеюсь, что ты будешь петь. Состав актеров очень сильный. Только то, что ты будешь с ними в одной компании, сыграет тебе на руку. – Кажется, он старается изо всех сил, чтобы сделать ей карьеру, а он знал, как это сделать лучше всего.

На следующее утро она увидела свое имя в газетах. Там говорилось о новом фильме, в котором она будет сниматься. Значит, это правда. Он действительно получил для нее роль.

В тот день, когда появилась статья, Эрни пригласил ее победать, а еще через день вышла новая статья, в которой на фотографии они были вдвоем и надпись под ней гласила: «Импресарио Эрни Сальваторе и его новая подруга – Кристел Уайтт».

Кристел казалось, что здесь говорится про кого-то другого, и она смотрела на фотографию в немом удивлении. Она тут же отправила номер газеты Гарри с Перл, которым продолжала звонить. Девушка по-прежнему очень скучала по своим друзьям, но в десять раз больше она скучала по Спенсеру. Она все еще думала о том, услышит ли она когда-нибудь о нем, но в глубине души была уверена, что этого не

произойдет. Когда она об этом думала, ей становилось ужасно одиноко. Единственным другом для нее теперь стал Эрни.

Он посылал ей цветы и небольшие подарки, невероятно смущал ее тем, что очень часто присылал за ней на площадку свою машину с шофером, и тот отвозил ее в отель. Он больше не делал попыток переспать с ней. Эрни знал – рано или поздно она сама придет к нему. Через две недели после того, что произошло в его доме в Малибу, он опять пригласил ее туда. Она заколебалась, но к тому времени уже чувствовала себя с ним гораздо раскованнее и надеялась, что на этот раз ничего подобного не произойдет. Они не купались в бассейне, а отправились на пляж и долго гуляли. Через несколько недель ей предстояло начать работу над новой картиной, и им надо было поговорить о многом. Потом вдруг он повернулся и улыбаясь посмотрел на нее. В его улыбке было что-то отеческое, так ей теперь казалось. Как будто он взял ее под свою опеку и исполнял все ее желания. После того как она четыре года сама о себе заботилась, это было так непривычно, что она все больше была склонна думать, что ей это нравится.

– Я хочу кое о чем попросить тебя, Кристел. – Он замолчал и, посмотрев на закат, осторожно взял ее за руку. – Как ты отнесешься к тому, чтобы пожить со мной некоторое время?

– Здесь? – Она подумала, что он имеет в виду уик-энд, и ей на память опять пришла ночь, когда они так неистово занимались любовью. Она покраснела от этого воспоминания.

Он опять улыбнулся. Все-таки она еще такая неопытная и юная. Ей уже почти двадцать два, а она ведет себя совсем как ребенок, во всяком случае, по голливудским меркам.

– Не только здесь, глупышка. Но и в Беверли-Хиллз. Мне кажется, это поможет твоей карьере, да и потом, это намного лучше, чем гостиница, и гораздо дешевле. – Он хотел убедить ее, поэтому и заговорил об экономии, чтобы до поры до времени скрыть настоящий смысл своих слов. На самом же деле он делал ей предложение.

– Я не знаю... я... – Она посмотрела на него своими лавандовыми глазами, и даже его черствое сердце на мгновение растаяло под ее взглядом. – Эрни, что ты имеешь в виду? Ты и так слишком добр ко мне. Я бы не хотела... я просто не имею права этим злоупотреблять. – Она все еще ничего не понимала, и он обнял ее.

– Я хочу, чтобы ты переехала и жила у меня. Я хочу быть рядом с тобой.

Она надолго замолчала и, отведя от него взгляд, с тоской посмотрела на заходящее солнце. Где же Спенсер? Куда он исчез? Почему сейчас эти слова произнес не он, а Эрни?

– Голливуд – жестокий город. И я хочу предложить тебе свое покровительство.

Что еще она могла бы пожелать? И все-таки она не любит его.

Кристал медленно покачала головой:

– Не могу.

– Но почему?

Ее взгляд был честен и открыт, хотя она понимала, что сейчас на карту, может быть, поставлена ее карьера. Но он сделал для нее уже слишком много, и она просто не могла, не имела права обманывать его.

– Я не люблю тебя.

Он не стал говорить ей, что любовь для него ничего не значит. Ему вовсе не нужна ее любовь. Ему нужно совсем другое: ночи, наполненные теплом ее тела, и ее прекрасное лицо, которое он мог бы продавать на экран. Она уже начала приносить доход и ему, и гораздо более важным шишкам, стоящим за его спиной. Он один человек из той компании, которая заправляла киносектором, но человек, с которым, несомненно, нельзя не считаться. И она подходила ему во всех отношениях. Он понял это сразу, в тот момент, когда увидел ее.

– Может быть, любовь придет со временем. А пока ведь мы просто друзья, правда?

Она кивнула, не отрывая взгляда от заката. Да, он очень добр к ней, заботлив, как никто другой, но она чувствовала, что не сможет исполнить то, что он хотел на этот раз. И все же то, что он для нее делал, он делал от души и по высшему разряду: и одежда, и машины, и фильмы, и бриллиантовый браслет.

– Можно я немного подумаю?

Другая бы на ее месте не посмела отказать Эрнесто Саль-

ваторе, но он казался спокойным и заботливым. Они вернулись в дом. Он налил ей бокал вина, и она пила его мелкими глотками, в то время как они молча сидели и слушали музыку. Рядом с ним она чувствовала себя спокойной и умиротворенной. Он никак не давил, просто был рядом и понимал ее. Он понимал, что она хочет стать кинозвездой. Это было наивное, детское желание, но она знала, что он может осуществить его. Однако она не хотела ради этого идти на компромисс и жить с человеком, которого не любит. Но с другой стороны, чем она может еще пожертвовать? Ведь у нее нет ничего. Только ее мечта. И память о человеке, который ушел от нее три года назад и теперь не вернется никогда, как бы сильно она его ни любила.

– Хочешь поехать домой? – Эрни всегда был готов сделать то, что она захочет.

Она улыбнулась в ответ, а он нагнулся и поцеловал ее. Он сделал это в первый раз с той ночи две недели назад. За эти две недели он ни разу не нарушил существующей между ними дистанции и ничего не требовал от нее. Он и сейчас ничего не требовал. Он просто предлагал ей свое сердце и свой дом, и для Кристел это казалось невероятным. Он опять поцеловал ее, на этот раз более нежно, и его руки осторожно заскользили по ее телу. Она попыталась отстраниться, но он еще крепче прижал ее к себе. Она с удивлением почувствовала, что его руки имеют удивительную власть над ней.

– Не уходи, – зашептал он, – пожалуйста...

В этот момент она почти желала его. Он делал для нее так много, а взамен просил так мало... Она позволила ему целовать себя, и не прошло нескольких минут, как ее тело полностью подчинилось ему, и на этот раз Кристел сама сбросила с себя одежду. Они занялись любовью на огромном белом кожаном диване, и их тела отражались в огромных бесчисленных зеркалах, а в большое окно светило заходящее солнце.

На этот раз она не почувствовала ни сожаления, ни удивления. Она знала, что делает и почему. Ей казалось, что она должна ему это за все то, что он для нее сделал. Она понимала, что не любит его, но ей больше ничего не оставалось. Теперь она должна жить этой новой для нее жизнью. Жизнь Голливуда со всеми ее радостями и блеском, и этот человек был неотъемлемой частью этой жизни. Она больше не могла отказывать ему. Слишком многим она ему обязана, а если все пойдет хорошо, он сделает для нее еще больше. Слишком долго ей приходилось бороться с трудностями, и она устала от них. С Эрни же все проблемы, казалось, исчезли из ее жизни.

Эту ночь они провели в Малибу. Ей не перед кем было отвечать за свои поступки и не было смысла возвращаться в отель. Никого не интересует, чем она занимается, никто даже не узнает об этом. Ни Гарри, ни Перл, ни бедняжка миссис Кастанья. Когда через три дня она вернулась в отель, чтобы собрать вещи, она обнаружила письмо от Спенсера, которое ей переслала Перл. После такого большого перерыва он на-

конец-то решился написать ей, пытаясь извиниться за долгое молчание. Он писал о том, как ненавидит войну и как на некоторое время потерял всякую надежду, но теперь он снова понимает, что любит только ее. Да, письмо пришло слишком поздно. Она уже согласилась переехать к Эрни. Из письма Спенсера она не узнала ничего нового. Он все еще в Корее и не знает, когда вернется. И он все еще был женат. Она правильно сделала, что уехала в Голливуд. А теперь она не могла больше позволить себе любить его. Она продала душу Эрнесто Сальваторе. И Кристел не стала отвечать на письмо Спенсера.

Эрни помог ей переехать к нему в дом в Беверли-Хиллз, и ее жизнь в один день стала совершенно другой. В доме был повар, а у нее лично – две служанки и великолепная розовая спальня, которая так походила на спальню Джоан Кроуфорд из какого-нибудь фильма. Когда она открыла шкаф, чтобы повесить одежду, она обнаружила, что он и так уже полон вещами, которые Эрни купил для нее. На спинку стула была небрежно кинута шикарная белая норковая шуба. Она тут же надела ее, даже не сняв джинсы, и счастливо рассмеялась, совсем как маленькая девочка, крутясь и прыгая перед зеркалом. Она тут же позвонила Перл и рассказала ей про шубу и про то, что она переехала к Эрни. В голосе подруги не было ни восхищения, ни удивления. Кристел отметила лишь нотки ревности.

Теперь они везде появлялись вдвоем: в самых дорогих ре-

сторанах и на самых шикарных вечеринках, на премьерах и открытиях. Перед началом работы в новой картине Эрни повел ее на церемонию вручения премий академии.

– В один прекрасный день она будет твоей, – прошептал Эрни Кристел, когда Ширли Бут поднялась на сцену, чтоб получить «Оскара» за лучшую женскую роль в фильме «Вернись, маленькая Шеба». Гарри Купера наградили за лучшую мужскую роль в фильме «Высокая луна». А фильм Джина Келли «Поющий под дождем» был назван лучшим фильмом года.

Для Кристел это все было сном, сказочным сном, который она видела когда-то очень давно, когда была маленькой девочкой и жила в долине.

– Ты счастлива? – спросил ее Эрни как-то ночью, когда они лежали в постели.

Она умиротворенно кивнула. Странно, но она действительно была счастлива, даже несмотря на то что не любила его. Он заботился о ней, перевозносил ее, следил за тем, чтобы все были с ней вежливы и добры. И когда она начала работать над новой картиной, все обращались с ней как с королевой. Теперь она стала важной персоной, подругой Эрнесто Сальваторе. Конечно, ей хотелось быть чем-то большим. Ей хотелось стать хорошей актрисой и хорошей певицей, хотя теперь ей редко приходилось петь. Эта часть ее жизни ушла в прошлое, и теперь она все свое внимание уделяла актерской игре. И то, что делал для нее Эрни, было очень приятно. Она

усиленно занималась с педагогами по вокалу и актерскому мастерству, которые теперь приходили прямо к ним в дом. У нее оказалась хорошая память, ей не требовалось много времени, чтобы заучить роль. Она всегда все делала вовремя и никогда не ленилась. На съемочной площадке ее все любили за спокойный, доброжелательный характер и постоянную готовность к работе. Мало-помалу актеры узнали ее и невольно начали относиться к ней с уважением. Многие из них, конечно, догадывались про их отношения с Эрни. По вечерам ее всегда поджидала машина, а иногда он и сам сидел на заднем сиденье машины с бутылкой шампанского в серебряном ведерке со льдом и двумя хрустальными бокалами. О такой жизни она раньше только читала, а теперь сама окунулась в этот мир, со всеми его радостями и сюрпризами. Мечта исполнилась. Она стала актрисой. И наступали минуты, когда она переставала думать о том, какой ценой досталось ей счастье.

Съемки второй картины закончились в конце мая, и Эрни взял ее с собой в Мексику на несколько дней. Он объяснил, что у него там кое-какие дела, и Кристел счастлива была сменить обстановку и увидеть новую, незнакомую страну. Ей понравились босоногие детишки, бродившие по улицам города, с веселыми, счастливыми лицами и огромными глазами. Местные жители носили яркие костюмы, а пейзажи казались ей изумительными. Ей там понравилось, хотя она почти совсем не видела Эрни. Когда они приехали в Лос-

Анджелес, он, вернувшись из своего офиса, протянул ей какой-то сценарий. На губах у него играла улыбка, он нагнулся и поцеловал ее. Как всегда, вид у него был очень опрятный и элегантный. Глядя на них, можно было подумать, что они женаты. Она уже успела привыкнуть к нему. Он был удобен для нее во всех отношениях, никогда не просил ее говорить о том, что она к нему испытывает. Для него это было совершенно не важно.

– Что ты принес? – Она улыбнулась. Сегодня вечером они собирались в «Коконат гроув» пообедать и немного потанцевать.

– Твою премию академии. Похоже, на этот раз ты ее зарабатываешь, малышка.

Сегодня он заключил контракт на новый фильм с другой студией, и главная роль в картине была как будто специально для Кристел. Он заполучил ее. К его слову прислушивались. Теперь ее имя не сходило со страниц газет. Для этого он постоянно платил своим людям, и газетчики непрерывно поддерживали интерес публики к судьбе Кристел Уайтт. И когда он теперь появлялся с ней где-нибудь, все смотрели на нее, не веря своим глазам. Она так блистательно хороша. Даже для Голливуда. У нее все еще оставался вид испуганного олененка, случайно вышедшего из леса, но она была так красива, что неизменно привлекала всеобщее внимание. Эрнни учил ее всему: одеваться, двигаться, входить в комнату, чтобы все присутствующие бросали дела и обращали на нее

внимание. И все же он должен был признать, что в ее поведении не чувствовалось ничего неестественного. Да, в один прекрасный день она станет настоящей звездой. И очень знаменитой. Он в этом не сомневался, особенно теперь, после того как на его стол лег последний контракт. А скоро последуют и другие предложения. Но в любом случае она принадлежит только ему. И когда-нибудь он скажет ей об этом.

Это был сценарий фильма, съемки которого начинались в июле. Актриса, приглашенная на вторую роль, разругалась с главным героем, и директор избавился от нее. Ему позарез был нужен кто-то другой, а Кристел подходила идеально. Между тем у нее уже была репутация человека, с которым очень легко работать, а в Голливуде такие люди ценились на вес золота.

Иногда Эрни даже казалось, что он действительно ее любит. Хотя это для него ничего не значило. В свои сорок пять лет он разводился пять раз, и у него росли двое детей где-то в Питсбурге. Они оба были старше Кристел, и он не видел их давным-давно.

Она провела несколько часов, читая сценарий и делая пометки. Роль оказалась очень выигрышной, и она даже удивилась, что ее предложили ей. Она гораздо значительнее, чем две предыдущие, и, несомненно, намного сложнее. Она потребует от нее гораздо больше чувств и эмоций, и Кристел понимала, что ей придется много поработать. Но работа ничуть не пугала, наоборот, привлекала девушку.

– Эрни, роль просто замечательная! – сказала она, когда пришла в бассейн и обнаружила его там. Это было единственное место, где он мог отдохнуть, – здесь не было телефона. Все остальное время он постоянно был занят: решал коммерческие вопросы, звонил по телефону или подписывал документы. Даже здесь, вдали от города, он почти никогда не оставался один. Иногда целые ночи со своими партнерами по бизнесу улаживал очередную проблему.

– Да, это хорошая картина, Кристел. Думаю, она принесет тебе славу.

Она уселась на край бассейна и беспокойно посмотрела на него:

– Ты думаешь, я справлюсь с ролью?

Он рассмеялся и поцеловал прядь ее длинных золотых волос. Он мог бы нанять лучших парикмахеров, чтобы они сделали ей стрижку, но она наотрез отказалась обрезать волосы. Она оставалась единственной женщиной в Голливуде, которая беспокоилась о том, что может не справиться с ролью. Все остальные мечтали заполучить роль побольше, чтобы их заметили, и никто никогда не думал, а сможет ли он хорошо ее сыграть. Но к Кристел это не относилось. И это отличало ее от других. Честность в работе и ее внешность. Он чувствовал себя победителем.

– Придется постараться.

– Я буду пахать как вол, чтобы запомнить весь этот текст.

– У тебя великолепно все получится.

Они отправились пообедать и отметить событие. Со следующего дня она начала работать над сценарием, пока не начались съемки.

К съемкам приступили девятого июля, и следующие две недели Кристел почти вообще не спала. Она занималась со своими репетиторами до полуночи, а то и позже, а в пять утра шофер отвозил ее на площадку. Она снималась вместе с Уильямом Голденом и Генри Фондой. Кристел слегка оробела, когда увидела их в первый раз. Но они очень дружески отнеслись к ней, да и вся съемочная группа души в ней не чаяла. Однако времени на завязывание дружеских отношений у нее не было. Она была слишком занята, чтобы поговорить с кем-нибудь или пойти куда-нибудь после работы. Иногда ей приходилось работать с педагогами у себя в примерке, во время обеденного перерыва.

Она даже видела Кларка Гейбла, который один раз зашел к ним в съемочный павильон к кому-то из друзей, и пришла к выводу, что никогда в жизни не встречала более красивого и обаятельного мужчину. В тот же день она, волнуясь, рассказала об этом Эрни, но он только рассмеялся в ответ:

– Подожди пару месяцев, и он будет рассказывать своим друзьям, что видел Кристел Уайтт!

Она рассмеялась над его словами. В эти дни она редко его видела. Она много работала на площадке, и времени ходить по ресторанам не оставалось. Кристел чувствовала себя затворницей, сидя, как обычно, в примерке и повторяя роль.

Кто-то постучался к ней, и она, услышав возбужденные крики, открыла дверь узнать, что случилось.

– Окончена! Окончена!

– Картина? – Она выглядела совершенно потрясенной, не понимая, о чем речь. Они же только начали снимать. Ей же говорили, что работа закончится в сентябре.

– Война! – Перед ней стоял один из рабочих сцены, и по щекам у него катились слезы. Двое его братьев служили в армии. Кристел застыла, поняв наконец, что он имеет в виду. – Война в Корее закончена! – Он схватил ее в свои объятия, и, пока они стояли так, вдвоем, она тоже начала плакать.

Уже несколько месяцев она старалась забыть о Спенсере. Она не ответила на его письмо, которое пришло в апреле. Но теперь он вернется домой вместе со всеми. Спенсер... она предала его тем, что переехала к Эрни... а теперь он вернется в Америку... Но вернется к кому? Ведь он все еще женат на Элизабет. А она живет с Эрни. И он узнает у Перл, где теперь искать ее. Это был странный момент. Она стояла и смотрела, как все вокруг смеются, кричат и плачут. Но Кристел думала, что жизнь у нее может измениться.

Элизабет стояла за оградой и старалась разглядеть мужа среди выходящих из самолета. Со всех сторон ее сжимала толпа – люди пришли сюда, чтобы поприветствовать победителей. Спенсеру понадобилось три недели на демобилизацию. Она хотела встретить его в Японии и вместе с ним улететь в Гонолулу на несколько дней. Но командование распорядилось иначе – он должен прилететь в Сан-Франциско, и в тот момент, когда он ступит на родную землю, он будет совершенно свободен. Здесь были и ее родители, и его, и еще множество женщин, которые возбужденно переговаривались. И несчетное множество других женщин, которые остались дома, чтобы надеть траур. В их дома уже никто не вернется. Но Спенсер возвращался живой и здоровый. Его ранили только один раз, да и то легко, уже через неделю он снова оказался в строю. Эта безобразная война унесла много жизней. Он прошел две войны за последние двенадцать лет.

Элизабет взяла на работе месячный отпуск, и они с ее родителями собирались поехать на озеро. Его родителей, конечно, тоже пригласили, хотя Спенсер еще не знал об этом. А в их доме в Сан-Франциско его ждал сюрприз – великолепный обед, который Барклаи собирались устроить в его честь.

Наконец она увидела его. Она поправила шляпку и продолжала стоять, нервно ожидая, когда он приблизится. С тех

пор как она видела его в последний раз, прошло немало времени, и теперь в их отношениях наверняка что-то изменится. Встреча в гостинице «Империал» прошла не очень весело, Спенсер явно нервничал. Но теперь он вновь возвращался к нормальной жизни, и это должно его успокоить. Перед войной они толком не жили как муж и жена, а потом не виделись в течение трех лет. В свои двадцать четыре года она стала очень самостоятельной и полностью отдалась политике. Она имела доступ почти всюду, и, пока его не было, она успела познакомиться в Вашингтоне с очень многими интересными людьми. Но когда сейчас увидела его, она совсем не думала о политике. Он показался ей худым и высоким. Вот он остановился, медленно оглядел толпу встречающих и направился к ней, на ходу беседуя с попутчиками. Он все еще не видел ее. Она наблюдала, как он пожал руки товарищам. Он продолжал внимательно вглядываться в толпу. Она не выдержала и начала пробираться к нему навстречу. Его мать громко плакала от радости, увидев сына после трех лет разлуки, но он еще не знал, что они все здесь. Он продолжал грустными глазами рассматривать толпу. В голове появилась седина, которой не было раньше. В тридцать четыре года он выглядел еще более красивым, чем тогда, когда она встретила его в первый раз на обеде в доме своих родителей. И вдруг его глаза засветились радостью и удивлением – он увидел ее лицо под соломенной шляпкой. Он колебался всего мгновение, а потом, отбросив рюкзак, побежал к ней,

схватил в объятия и, оторвав от земли, начал кружить. Тут он увидел, что к ним спешат его родители. Даже судья Барклай прослезился, пожимая Спенсеру руку, а Прициллия, не скрывая слез, крепко обняла его.

– Как хорошо, что ты вернулся живой и здоровый.

– Спасибо. – Он обнял и поцеловал всех, и мать заметила в глазах сына что-то, чего не было раньше, и их выражение обеспокоило ее. Это было похоже на грусть, которую она сама испытала, когда потеряла своего старшего сына. Ей показалось, что за годы войны из глаз ее сына исчезло что-то очень важное. В них не было прежней веселости, веры, уверенности. Эта война разъела его душу.

Они все подошли к ждущему их лимузину и поехали на Бродвей, смеясь и весело болтая, перебивая друг друга. Две пожилые женщины несколько раз понимающе посмотрели друг на друга. У них обеих были сыновья, и они знали, что сыновья – это не всегда радость. Только Элизабет пребывала в отличном настроении, она держала мужа за руку и чувствовала, как другая его рука уверенно обнимает ее за плечи. Но она встречалась с ним в Японии несколько раз, в отличие от их родителей, которые не видели его с тех пор, как три года назад он отправился в Корею. Для всех них разлука была долгой, очень долгой, и сильнее всех она сказалась на Спенсере. Он откинул голову на сиденье и закрыл глаза, слушая всех и не слушая никого, в то время как Элизабет без умолку болтала со своей матерью.

– Я не могу поверить, что я дома. – Правда, он был еще не совсем дома, но, несомненно, уже очень близко к нему. Он вернулся на землю Америки, и рядом с ним сидела его жена. И именно с ней он должен что-то решить. Он терзался этими мыслями с тех самых пор, как покинул Сан-Франциско.

– Добро пожаловать домой, сынок. – Отец похлопал его по руке, и слезы сдавили ему горло, когда Спенсер потянулся и изо всех сил сжал его руку.

– Я очень люблю тебя, папа. Господи, я надеюсь, что эта страна хоть ненадолго перестанет ввязываться во всякие войны! Я это заслужил.

– Надеюсь, на этот раз ты уволишься из запаса, – улыбаясь поддразнила его Элизабет, и он рассмеялся.

– Об этом ты теперь можешь не беспокоиться. В следующий раз они призовут другого парня вместо меня, а я останусь дома и начну толстеть, пока моя жена будет рожать детей. – Он произнес это в шутку, но, с другой стороны, ему хотелось немного прощупать почву.

Ему нужно обсудить с Элизабет очень много вопросов, а этот был один из самых важных. Элизабет ничего не ответила, лишь улыбнулась. Но когда они, почти сразу после того, как оказались в доме на Бродвее, закрылись в спальне, Спенсер понял, что отношение к детям у нее не изменилось. Первым делом он снял форму и бросил ее на пол, мечтая увидеть, как она сгорит. Он принял душ и осторожно приблизился к Элизабет. Воюя в Корее, он многое решил для

себя, но не все. Жена стала сейчас намного реальнее, ведь о Кристел он уже очень давно ничего не слышал, и ее образ постепенно начал стираться из его памяти, хотя он все еще вспоминал о ней. За эти три года он много раз менял решения. Теперь ему надо узнать, как его жена собирается жить дальше, и в первую очередь, хочет она или нет иметь детей. Он уже давно решил, что больше не будет играть с ней в игры. Ему необходимо конкретно знать, что она собой представляет и чего хочет от него и от жизни. Если ее желания окажутся для него неприемлемы, им нет смысла оставаться мужем и женой. Конечно, он должен дать ей шанс, но он тоже имеет право выбора, и он не уверен, что его выбор падет на Элизабет Барклай. Он видел слишком много смертей и слишком много людских страданий, чтобы теперь растрачивать свою жизнь на женщину, которая ему не нужна. Жизнь слишком коротка, а ему – тридцать четыре, и можно сказать, что он прожил уже половину. Оставшаяся часть слишком дорога ему, и он не желает тратить ни единого момента из нее, находясь рядом с человеком, который не понимает его.

В тот же день, после полудня, он опять вернулся к этому разговору, когда они собирались к обеду. Она сидела в ванне, заполненной ароматной пеной. Он только что принял душ и, обмотав бедра полотенцем, осторожно присел на краешек ванны, чувствуя себя неловко рядом с ней. Он выглядел даже лучше, чем раньше. Его по-мальчишески стройное тело говорило о том, что несладко жилось там, в Корее.

– Как ты относишься к тому, чтобы в ближайшее время завести ребенка?

Она удивленно посмотрела на него и улыбнулась:

– Вообще ребенка или моего ребенка?

Ее брат с Сарой недавно заявили, что вообще не собираются иметь детей, и это их решение нисколько не удивило ее.

– Конкретно нашего. – Он без улыбки ждал ответа. Для него это было важно, и он не хотел больше с этим тянуть.

– В последнее время я об этом не думала. Да и как мне это могло прийти в голову, ведь ты был далеко. – Она улыбнулась и красивым движением вытянула ноги, всколыхнув воду, покрытую пузырьками пены. – Но почему ты спрашиваешь? Неужели этот вопрос необходимо решить именно сегодня? – Она выглядела раздраженной, ей было неуютно под его взглядом в этой пенной ванне.

– Может быть. Кстати, тебе не кажется, что сам факт того, что мы должны «решать» этот вопрос, уже о чем-то говорит?

– Нет, не кажется. Это такая вещь, с которой не следует спешить.

– Как твой брат и Сара? – Его раздраженный голос предвещал ссору. Но ему необходимо принять решение. И как можно быстрее. То, что он все эти три года думал сразу о двух женщинах, чуть не свело его с ума.

– И они ничего не могут с этим поделать, Спенсер. Я имею в виду нас. Мне двадцать четыре года, и я еще не добилась, чего хотела бы, между прочим, отчасти из-за тебя. И у меня

очень ответственная работа в Вашингтоне. Я не собираюсь жертвовать ею ради ребенка.

Вот он и получил ответ. Его только ужасно разозлило, как она это ему преподнесла.

– Мне кажется, ты отдаешь предпочтение не тому, чему следовало бы.

– Ты просто иначе смотришь на вещи. Для тебя ребенок – это милое и забавное существо, которое будет всегда ждать тебя дома. Для меня же это – огромная жертва. Согласись, это две большие разницы.

– Да, конечно. – Он встал и потуже затянул полотенце. Она улыбнулась, думая о том, как все-таки глупо он выглядит с этим розовым полотенцем, намотанным вокруг бедер. – Это никакая не жертва, Элизабет. Мы должны оба хотеть ребенка.

– Да, но «мы» не хотим. Ты – да. И может быть, когда-нибудь этого захочу и я. Но не сейчас. Сейчас еще не время. Для меня главное – моя работа.

Он уже устал это слушать, и она прекрасно знала, как он ненавидит Маккарти.

– Неужели эта чертова работа действительно так важна для тебя?

Важна, он знал, и спрашивать не надо было. В Токио во время их свидания она только об этом и говорила.

– Да. – Она посмотрела ему прямо в глаза. Она не боялась сказать ему правду, она всегда делала это. – Эта работа очень

важна для меня, Спенсер.

– Но почему?

– Потому что она позволяет мне чувствовать себя независимой.

Он не хотел, чтобы его жена была независимой... но и не только это... В ней проглядывало что-то еще... хотя, может быть, он просто еще к ней не привык. Они так мало жили вместе. А в ней всегда чувствовался вызов, и ему все время хотелось подчинить ее себе. Но в глубине души он знал – Элизабет никогда не подчинится ему.

– Я взяла отпуск, чтобы встретиться с тобой и побыть здесь с тобой. Но, Спенсер, когда мы вернемся домой, я снова буду работать, и, надеюсь, ты меня поймешь.

– В отличие от меня, не так ли?

Она молча наблюдала, как он закурил сигарету. Война очень жестоко обошлась с ним, как, впрочем, и со многими другими. Но он прошел через нее и справился с собой, преодолел тот ужасный период, когда перестал писать Кристел. Но это время он не забудет никогда. Он никогда не сможет забыть, как люди умирали у него на руках, погибали на этой чужой, ненужной им войне. Эти годы навсегда останутся в его памяти.

– А где, между прочим, теперь наш дом? Я так понял, мы распрощались с Нью-Йорком? И что это значит для меня? Полагаю, я теперь безработный?

– Тебе все равно не нравилась твоя работа. – Она сказала

это уверенным тоном. Да, с ней бесполезно спорить. – Ты сам говорил мне об этом еще в Токио.

– Возможно. Но нам нужно платить за жилье, на что-то жить. Я не чувствую себя в достаточной мере независимым, как ты это называешь. Мне нужна работа, Элизабет.

– Я уверена, что мой отец познакомит тебя, с кем ты только захочешь. Да у меня самой имеются кое-какие мысли на этот счет. Где-нибудь в правительственном аппарате. Для начала это тебе подойдет.

– Я – демократ. А это сейчас немодно.

– Мой отец и я, мы тоже демократы. В Вашингтоне всем хватит места. В этом-то все и дело. Ради всего святого, у нас пока демократическое государство, а не диктатура.

Все-таки это ужасно глупо – он дома уже четыре часа, а они спорят из-за политики и говорят о ее работе. А он хотел одного – почувствовать себя дома и оказаться наедине с женщиной, которая бы его любила и понимала. Но он не чувствовал себя дома, находясь здесь. Да у него теперь и нет ни дома, ни работы. Он вдруг затосковал по армии, и это совершенно расстроило его. Находясь в Корее, он только и мечтал поскорее вернуться домой. И вот... вернулся, но не испытывает никакого счастья.

Спенсер оделся и спустился вниз. Через два часа он испытал еще больший шок. Он не знал никого из тех двухсот человек, которых пригласили на обед. Он не ожидал такого, и его отец сразу же почувствовал, что сын не готов к это-

му сборищу. В добавление к перелету из Сеула это было уж слишком. Вечером, лежа в постели, Спенсер никак не мог уснуть. Он тихо выбрался из дома и пошел бродить по городу, вслушиваясь в кваканье лягушек. Каждый шорох заставлял его вздрагивать, он инстинктивно порывался отпрыгнуть в сторону, опасаясь снайпера. В конце концов он оказался на Норт-Бич.

Он стоял перед домом миссис Кастанья и с тревожно бьющимся сердцем смотрел на окна Кристел. Это был тот самый момент, ради которого он так стремился домой. Все окна были темными, и ему вдруг захотелось подняться наверх и удивить ее. Но он все продолжал стоять и размышлять, почему она не отвечала на его последние письма.

Дрожащей рукой он потрогал дверь, но она оказалась запертой, тогда он решился и позвонил. Долгое время все было тихо, потом наконец появилась женщина. Она выглядела заспанной и куталась в домашний халат.

– Да? Что вам угодно? – Она говорила с ним через закрытую дверь, и он едва смог рассмотреть ее через стеклянную панель. Женщина оказалась не очень старой и совсем непривлекательной.

– Я пришел повидать мисс Уайтт. – На нем была форма, и это не могло вызвать сомнений в том, что он военный.

С минуту женщина растерянно думала и наконец покачала головой. Ей казалось, что она знает всех своих жильцов, но потом вдруг вспомнила:

– Она не живет здесь.

– Да нет же, живет, – сказал он настойчиво, а потом вдруг понял, что она могла переехать. Его испугала мысль о том, что он теперь не знает, где ее можно найти. – Ее комната – угловая наверху. – Он показал. Но это было три года назад. Может быть, поэтому она не отвечала ему.

– Она уехала отсюда перед тем, как умерла моя мать. У него даже сердце замерло. Значит, миссис Кастанья уже больше нет. Все изменилось. Ему так долго пришлось ждать этого момента, а теперь Кристел исчезла, и вместе с ней исчезло все, что было ему так дорого.

– Вы не знаете, куда она переехала?

Они все еще говорили через дверь, и женщина явно не собиралась открывать ее. Уже слишком поздно, и она не знала его. Может, он пьяный или какой-нибудь маньяк, ей незачем впускать его в дом. Это была одна из незамужних дочерей миссис Кастанья, теперь она распоряжалась домом. Она подняла плату за комнаты и подумывала о том, чтобы вообще продать его. Они с остальными братьями и сестрами решили, что эти деньги им не помешают.

– Я не знаю, куда она съехала, мистер. Я ее ни разу не видела.

– Она не оставляла адреса?

Женщина покачала головой и рукой сделала ему знак, чтобы он уходил, ей очень хотелось поскорее вернуться в дом.

Спенсер медленно сошел с крыльца и еще раз взглянул на темные окна. Да, Кристел уехала, и он не имел ни малейшего понятия, где ее теперь искать.

Он вдруг решил, что сможет найти ее в ресторане, и отправился к Гарри. Но, зайдя туда, увидел, что они закрываются. Все стулья подняты, метрдотель натягивал пиджак, а двое официантов мыли полы.

– Извините, сэр, но мы уже закрылись. – Метрдотель разочлился, когда вошел Спенсер. Двери должны были быть закрыты, но, по-видимому, кто-то забыл это сделать.

– Я знаю... извините... а Кристел здесь? – Задав этот вопрос, он вдруг испугался. А что, если ее нет? А что, если с ней что-то случилось? Все это время он думал только о себе, его интересовали какие-то ничтожные проблемы. Он упустил ее из виду. И теперь одному Богу известно, что с ней случилось.

Но метрдотель покачал головой, думая только о том, как бы выпроводить Спенсера:

– Она уехала в Лос-Анджелес. Но вместо нее у нас поет отличная девчонка. Приходите завтра вечером.

Однако Спенсер хотел увидеть только одну девчонку – ту, которую любил, ту, мечты о которой помогли ему выжить в Корее.

– Я ее старый друг. Только что вернулся из Сеула... Вы не знаете ее адреса в Лос-Анджелесе?

А может, она уже в Голливуде? Эта мысль разволновала

его, он еще сильнее захотел увидеть Кристел. Они так много не сказали друг другу, он обязательно должен извиниться за свое молчание. Но метрдотель только покачал головой – этот военный не вызывал в нем ни интереса, ни симпатии. Солдат, вернувшийся из Кореи, его не интересовал.

– Нет. Гарри, наверное, знает. Но он ушел в отпуск на две недели. Позвоните, когда он вернется.

– А как насчет... – Он напрягся, вспоминая имя, а потом облегченно вздохнул. Да, несчастливый вечер. – Перл.... Она здесь?

– Она будет завтра в четыре. Позвоните ей в это время. И послушайте, приятель, мне пора закрываться. Ну почему бы вам не позвонить завтра? – Потом он вдруг добавил без всякой причины: – Я слышал, она теперь снимается в кино. Я имею в виду Кристел. Жаль, что она не поет. Она была первоклассной певицей. – Он слегка улыбнулся и по-дружески, но твердо подтолкнул Спенсера к дверям. Тот понимающе кивнул в ответ.

Через несколько секунд он уже стоял на лестнице, так и не зная, где искать Кристел. Посещение ресторана ничего не дало. Она уехала. В Голливуд. Она всегда об этом мечтала. А он остался с Элизабет, так и не решив, что, черт возьми, им делать дальше. А может быть, так даже лучше. Может быть, сначала нужно принять решение разорвать брак, а уж потом встретиться с Кристел. Эта мысль лежала у него на душе тяжелым камнем, когда он медленно брел по городу в дом на

Бродвее. Войдя в спальню, Спенсер обнаружил, что Элизабет крепко спит. Ее не волновало, куда он ходил. Он разглядывал ее при слабом свете, падающем из приоткрытых дверей ванной, и жена показалась ему такой спокойной и умиротворенной. Он вдруг подумал о том, что ей может сниться, если ей, конечно, что-нибудь снится... и вообще, снится ли ей когда-нибудь что-нибудь? Она всегда такая деловая и уравновешенная. Даже его возвращение она восприняла как светский прием, который был заранее запланирован и хорошо организован. Она не проявила никаких нежных чувств, ни разу случайно не прикоснулась к нему, не взяла трепетно за руку. Им так и не удалось заняться любовью после приезда, и, если говорить правду, ему и не хотелось.

Он скользнул под одеяло рядом с ней и стал прислушиваться к ее равномерному дыханию. Потом, не выдержав, повернулся и, глядя на нее в темноте, нежно провел по волосам. Он подумал, что она заслуживает гораздо большего, чем он может ей предложить. Почувствовав, что он рядом, она открыла глаза и сонно потянулась.

– Ты не спишь? – Она подняла голову, пытаясь рассмотреть, который час, но со сна ей это никак не удавалось. – Сколько времени? – сонно пробормотала она.

– Уже поздно... спи... – прошептал он. И она, кивнув, повернулась к нему спиной.

– Спокойной ночи, Элизабет. – Он хотел добавить, что любит ее, но не смог себя заставить произнести эти слова.

Спенсер лежал и думал о Кристел, о том, что она теперь в Голливуде и он не представляет, где ее искать. На следующий день он обязательно позвонит в ресторан и поговорит с Перл. Только бы она знала, где Кристел! Но он уже решил не встречаться с ней до тех пор, пока не разберется со своей личной жизнью. Это не займет много времени, а для нее так будет лучше. И все-таки он до боли хотел ее видеть. Сегодняшнего дня он ждал так долго, и этот день оказался для него полным одиночества. Теперь, когда он дома, он почувствовал себя посторонним.

Он не мог заснуть до рассвета, и когда наконец забылся, ему приснилось, что он в бою и где-то рядом грохочут пушки... и кто-то пробирается к нему сквозь огонь... и шепчет что-то, но он никак не может разобрать слов, потому что их заглушает гром орудий... но он вслушивается, вслушивается в этот голос, вскрикивая сквозь сон... потому что он твердо уверен, что это голос Кристел.

На следующий день он обнаружил, что все уже спланировано без него. Они едут на озеро Тахо на три недели. Его родители тоже побудут с ними там несколько дней, и Барклаи, чтобы развлечь их, решили устроить несколько приемов.

– Тебе надо перед отъездом на озеро обновить гардероб, – заявила ему Элизабет.

Гардероб, смешно сказать, военная форма, офицерские сапоги, еще парадная форма с личными знаками отличия. Все это, естественно, не годилось для отдыха на озере Тахо. Жена пошла с ним по магазинам, и Спенсер чувствовал себя ребенком, когда она выбирала ему одежду, заставляла мерить и расплачивалась за все деньгами своего отца. В конце концов он выразил протест и заверил, что как только окажется дома и начнет зарабатывать, то сразу же вышлет судье чек. Ему пришлось в свое время позволить Элизабет закрыть его счет в Нью-Йорке, когда она продала их квартиру и переехала в Джорджтаун.

– Не беспокойся об этом, сынок, – рассмеялся Гаррисон Барклай, – я всегда знаю, где тебя найти.

Все было подготовлено заранее. Они поехали на озеро Тахо целым эскортом: Элизабет со Спенсером в закрытом фургоне, а две пожилые пары – в лимузине. В Сакраменто они остановились позавтракать, а потом ехали без остановки до

самого озера, где их уже ждали. Для молодежи почти каждый день устраивались званые завтраки, а для пожилых – вечерние приемы; после обеда все ходили купаться. Прошло десять дней, прежде чем Спенсеру удалось выбраться порыбачить на пару с отцом. Он сидел в моторной лодке, уставившись в воду, и Уильям Хилл с грустью смотрел на сына.

– Тебе нелегко снова ко всему этому привыкнуть, правда, сынок?

Спенсер вздохнул. Как хорошо сидеть рядом с отцом, наедине. Между ним и Элизабет постоянно существовало какое-то напряжение, и, как бы добры ни были к нему все Барклаи, он уже сыт этой семейкой по горло.

– Да, нелегко, – кивнул он и честно посмотрел отцу в глаза. – Когда я возвращался, не думал, что все будет так.

– А как бы ты хотел? – Мудрый и добрый отец изо всех сил хотел помочь сыну. Ему было невыносимо видеть, что тот так страдает.

– Я не знаю, пап... У меня совсем нет времени для самого себя. Я три года воевал в чужой стране, а теперь оказался в чужом доме, с чужими друзьями и делаю то, чего хотят другие... Я уже вышел из этого возраста. Я просто хочу вернуться домой, но даже дома у меня теперь нет.

– Почему же, есть. У тебя прекрасный дом, мы с матерью были там на Рождество.

– Вам показалось. А мне придется в нем жить. В доме, которого я никогда не видел, в обстановке, которую я не по-

купал, в городе, который я совсем не знаю.

Ему стало еще тоскливее от этой безрадостной перспективы и так себя жалко, что отец, заметив это, ласково рассмеялся:

– Это совсем не так плохо, как ты думаешь. Потерпи немного. Ты ведь не был дома еще и двух недель.

Спенсер провел рукой по волосам, и отец улыбнулся, узнав его привычку. Все-таки хорошо, что сын вернулся домой живой и здоровый. Его не очень беспокоило настроение Спенсера, по его мнению, адаптация к нормальной жизни не протянется долго. Накануне вечером они обсуждали это с Алисией, и она просила его поговорить с сыном.

– Не знаю, отец. – Спенсер решил было рассказать ему про то, что произошло перед его отъездом у них с Кристел, но раздумал. Это его тайна, и то, что он чувствовал по отношению к ней, касалось только его. Теперь он наконец узнал, где она. Перл дала ему ее телефон в Лос-Анджелесе, и он хранил этот клочок бумаги как талисман. За последние две недели он раз десять подходил к телефону, но пересиливал себя и не набирал номер. Пока еще слишком рано. Он все еще ничего не решил, но прекрасно понимал, что должен это сделать. Элизабет вела себя так, как будто все прекрасно, и от этого ему становилось еще тяжелее.

Как будто почувствовав, что настал подходящий момент, Уильям Хилл решился задать сыну не совсем деликатный вопрос:

– Ведь ты, как и раньше, все еще любишь Элизабет, не так ли? – Ему очень нравился их брак, он бы не пережил развода. Но Спенсер так импульсивен и нетерпелив. И на этот раз сын долго ничего не отвечал.

– Я ни в чем больше не уверен. Я не уверен в том, что знаю ее.

– Тебя не было очень долгое время, сынок. В твоём возрасте, впрочем, как и в моём, три года – это целая жизнь.

– Я хочу, чтобы у нас были дети. А она не хочет. Это уважительная причина, отец.

– Она еще слишком молода. Дай ей шанс. Возвращайтесь домой, поживите вдвоем, начните снова привыкать друг к другу, постарайтесь трезво посмотреть на вещи. Она немного успокоится. Она ведь слишком долго была предоставлена самой себе. Для нее это тоже большая перемена – то, что ты вернулся.

Но Спенсера передернуло от отвращения.

– Она никогда не была предоставлена самой себе. Она все делает по указке отца. Дай ему волю, и он станет платить за мое нижнее белье. – Он вспомнил их поход по магазинам, и отец рассмеялся.

– Ну, в жизни существуют более сложные проблемы. А они очень хорошие люди, Спенсер, и хотят, чтобы вы оба были счастливы.

– Да, я знаю... извини... я, должно быть, кажусь тебе ужасно неблагодарным. Но, черт возьми, мне просто страшно

неловко. – Он снова посмотрел на гладь озера, а потом, переведя взгляд на отца, вдруг заговорил совершенно другим тоном. Его голос стал мягким, а в глазах появились глубина и грусть, которые так обеспокоили его родителей в тот момент, когда они увидели его в аэропорту. – Я повстречал кое-кого перед отъездом, пап... Я знаком с этим человеком уже тысячу лет... – Он не стал говорить, что Кристел было всего четырнадцать, когда он впервые увидел ее.

Уильям Хилл растерянно посмотрел на сына:

– Это серьезно?

– Да, – ни минуты не колеблясь, ответил Спенсер, – очень серьезно. И они очень разные... такие разные, какими только могут быть женщины...

– Ты виделся с ней после того, как вернулся? Спенсер покачал головой. Но он обязательно это сделает. Теперь он жил только этим.

– И не надо. Ты этим только все усложнишь. Ты женат на прелестной девушке, цени это. Борись за то, что имеешь.

– Ты считаешь, в этом и должна заключаться вся жизнь? Уильям Хилл вдруг удивился, заметив мелькнувшую на солнце седину в волосах сына.

– Иногда. Иногда брак скрепляет людей, хочешь ты того или нет.

– Не похоже, чтобы это было слишком приятно.

– Да, это не всегда сплошное удовольствие. – Он нагнулся и дотронулся до руки сына. – Послушайся стариковского со-

вета, Спенсер. Не спеши ломать свою жизнь. Это будет ужасной ошибкой. Сойдись с Элизабет. Она хорошая девушка, к тому же – твоя жена. В конце концов, обязан же ты ей чем-то за то, что она ждала тебя все это время.

Спенсер и сам это знал. И именно поэтому вернулся к жене, после того как три года думал только о Кристел.

Тут отец вытащил рыбу, и они отвлеклись на некоторое время. Но старик был тронут тем, что сын ему доверился, и вскоре опять серьезно посмотрел на Спенсера. Ему очень хотелось надеяться, что его сын выберет правильное решение.

– Обдумай все хорошенько и, ради Бога, будь терпелив. Все встанет на свои места. Ты никогда себе не простишь, если покинешь Элизабет сейчас. Подумай и об этом. Той девушке ты ничем не обязан. А на Элизабет ты женат. А это кое-что значит. – Его слова звучали разумно, но Спенсера они не убедили. Он молча кивнул и, включив мотор, подвел лодку к причалу.

– Спасибо, отец. – Прежде чем подойти к дому, он долгое мгновение смотрел отцу в глаза. В первый раз он вдруг почувствовал, что старик любит его таким, каков он есть, и не пытается больше увидеть в нем последователя Роберта.

– Что-нибудь поймали? – Элизабет пребывала в приподнятом настроении – она обожала озеро, ей нравилось встречаться здесь со своими старыми друзьями и наблюдать всю эту суету, поднятую вокруг Спенсера.

– Да, пару старых ботинок, – улыбнулся он. Вид у него был намного лучше, чем в первые дни, а разговор с отцом не прошел бесследно. – Вот, три рыбины... – Он нагнулся к жене, но она притворилась, что чешет нос. – ...И поцелуй для моей жены. – В конце концов она разрешила ему поцеловать себя.

Они зашли в дом, и пока он принимал душ, Элизабет красила ногти. Когда он вышел, она сообщила ему, куда они собираются пойти сегодня вечером, и он печально посмотрел на нее:

– Давай останемся дома.

– Но, дорогой, это невозможно. Они нас так ждут. К тому же это друзья отца.

– Скажи им, что у тебя разболелась голова или что у меня открылись боевые раны. – Он по-мальчишески ей улыбнулся. Он так хотел хоть одну ночь провести с ней вдвоем. Они не оставались наедине ни минуты с тех пор, как он приехал.

– Завтра. Я тебе обещаю.

Но на следующий день приехал ее брат с женой, и она убедила его, что было бы невежливо не пойти с ними на вечеринку. А через день им пришлось пойти на какой-то торжественный прием. Он чувствовал себя заключенным, которого насильно поят шампанским, вместо того чтобы принести чистой воды. Он тосковал рядом с женой в окружении каких-то людей. Он попытался объяснить ей это как-то раз, когда они лежали на пляже, но она продолжала убеждать его,

что он ведет себя просто глупо.

– Как тебе может быть тоскливо, когда вокруг столько прекрасных знакомых?

– Просто я не готов к этому. Я хочу побыть вдвоем с тобой, чтобы мы могли найти общий язык и вновь начали привыкать друг к другу.

Но она отказывалась это понимать. И наконец он понял, что должен сделать. Он должен съездить на уик-энд в Лос-Анджелес. Теперь он знает, что сказать Кристел. Он принял решение. А когда вернется, объяснит Элизабет, почему хочет развестись с ней. Он сделает это, когда они уедут с озера. Вовсе незачем устраивать скандал с участием их родителей.

– Но мои родители специально для тебя пригласили своих знакомых. – Она была просто в бешенстве от его заявления. Ее родители приглашали кого-нибудь «специально для него» почти каждый вечер.

– Мне очень жать. Ничем не могу помочь. У меня остались кое-какие дела в Лос-Анджелесе. – Теперь, когда он принял решение, его голос звучал спокойно и твердо.

– Что за дела? – Она посмотрела на него подозрительно. Ведь в данный момент у него даже не было работы.

– Я оставил там кое-какие бумаги, когда заканчивал колледж.

– Неужели это не может подождать?

– Нет, не может. Ни единой минуты. Это очень важно, Элизабет. Я должен это сделать. – Он решил не звонить Кри-

стел до отъезда. Он позвонит уже из города и удивит ее.

Элизабет, все еще дуюсь на него, отправилась с родителями на завтрак, в то время как он выехал в Сан-Франциско. Оставив машину в гараже дома, он взял такси и поехал в аэропорт. Перелет занял два часа, и когда он добрался до места, знойный августовский день клонился к закату. Он взял такси и, приехав в город, остановился в гостинице «Бeverли-Хиллз», расплатившись деньгами, взятыми у отца. Оказавшись в своем номере, он тут же набрал номер телефона, который ему дали в ресторане у Гарри. Трубку сняла служанка, и в ее ответе он расслышал только фамилию «Сальваторе», которая заставила его улыбнуться. Владелец дома, где жила Кристел, итальянец. Он попросил к телефону Кристел Уайтт, и ему ответили, что она на работе. Перл говорила, что она снимается в новом фильме. Он радовался за нее и волновался, как первоклассник, когда спрашивал, где он может ее найти. Ему вдруг показалось, что настал самый важный момент в его жизни. Он чувствовал себя совершенно спокойным, хотя понимал, что, может быть, сейчас держит в руках свою судьбу. Но теперь он точно знал, что должен принять правильное решение.

– На киностудии, – ответила женщина и, ничего не подозревая, продиктовала ему номер площадки и название фильма. Он быстро записал, выбежал из отеля, поймал такси и дал водителю адрес, который нашел в телефонной книге. Они ехали довольно долго, и он все время чувствовал, как его

сердце бешено колотится в груди при мысли о том, что он скоро снова ее увидит. Ничего подобного он раньше не испытывал. У него были причины торопиться к ней, и он теперь знал объяснение своему сумасшествию. Ведь ему необходимо сказать так много, у них впереди целая жизнь, а ее хватит на все. И он улыбался, сидя в такси, и думал о Кристел и об их будущей жизни.

Въезд на киностудию впечатлял, и Спенсер огляделся, как турист. Они въехали на территорию и были остановлены дежурными охранниками. Он объяснил им, что хочет видеть Кристел Уайтт, и сказал название фильма, в котором она снималась. Один из охранников заявил, что эта площадка закрыта и он должен иметь пропуск, чтобы попасть туда. Но, услышав, что Спенсер три года провоевал в Корее, слегка заколебался и оглянулся через плечо на своих товарищей. У него там погиб сын, и ему захотелось сделать что-нибудь для этого солдата.

– Никому не говорите, что это я пропустил вас. – Он махнул рукой, чтобы их пропустили, и Спенсер поблагодарил его.

Водитель повернул к павильону, на который им указал охранник, и Спенсер стал разглядывать толпы актеров в костюмах, попадающиеся на пути. Тут были и ковбои, и индейцы, и скованные кандалами каторжники, и масса красивых девушек в купальниках и шикарных платьях. Этот мир совсем не походил на ресторанчик Гарри в Сан-Франциско. Он

расплатился с водителем и постоял с минуту, оглядываясь по сторонам, а потом медленно направился к павильону звукозаписи. Это огромное строение походило на самолетный ангар. Издалека он разглядел людей, толпившихся возле ярких прожекторов, и человека, что-то кричавшего им. Он немного подождал, когда на площадке объявили десятиминутный перерыв, подошел поближе. И вдруг он увидел ее. Она стояла к нему спиной, но даже на таком расстоянии Спенсер узнал Кристел. Сердце задрожало у него в груди, он хотел подбежать и заключить ее в объятия, но ноги очень медленно несли его к ней. Он был уже близко, и она, словно что-то почувствовав, обернулась. Теперь они оба застыли. Она стала еще красивее, чем три года назад, и уже не казалась ребенком, перед ним стояла редкой красоты женщина. Ее волосы уложили на затылке в высокую прическу, на ней были белое платье без бретелей и белые туфли; все это было усыпано крошечными сверкающими блестками. Она походила на сказочную фею, и, когда эта фея начала медленно подходить к нему, у него на глазах выступили слезы, и он почти ничего не видел. Она не сказала ни слова, просто подошла и остановилась, молча глядя на него. И в следующую секунду сказочная принцесса оказалась в его объятиях, целовала его, и он думал, что его сердце разорвется от счастья. Он никогда не любил ее так, как в этот момент. Он прошел через войну только для того, чтобы вернуться к ней, чтобы снова обнять ее. Он так мечтал об этом в Сан-Франциско... Но те-

перь, здесь, его желание исполнилось, и исполнила его Кристел.

– О Боже... ты даже представить себе не можешь, как я скучал по тебе. – Он держал ее в объятиях и вдруг понял, что прошел через все муки одиночества и боли, через все ужасы войны только ради этого единственного мига.

Они плакали оба. Она – из-за непоправимости содеянного ею. Сердце разрывалось от горя. Она сказала себе, что он больше никогда не вернется, но он вернулся. Он здесь. А она живет с Эрни Сальваторе. Но сейчас она не думала об Эрни. Она ни о ком не думала. Потому что с ней был Спенсер, и он обнимал и целовал ее. И она осыпала его лицо жадными поцелуями и гладила нежными пальцами.

– Милая моя, дорогая, я люблю только тебя... – Потом он слегка отстранился и улыбнулся, глядя на нее. – А ты такая красивая. – Он улыбался с нежностью любящего отца. – Ты теперь кинозвезда?

Она выглядела растерянной, снова целуя его.

– Еще нет, но собираюсь ею стать после этого фильма. Он должен иметь успех. – Она рассказала, кто вместе с ней снимается, и это произвело на него впечатление. Пока его не было, она взлетела к своей мечте, попала в Голливуд, снимается в кино. Но тут Кристел приложила палец к губам и прошептала: – Сейчас снова начнется съемка. Пойдем ко мне в примерку.

Он на цыпочках пошел за ней, и они оказались в комна-

те, где она переодевалась, ела, занималась целыми часами. Комната оказалась маленькой, чистенькой и уютной. Там их встретила женщина, которая готовила костюм Кристел для следующей сцены, и девушка, улыбнувшись, отослала ее. Потом снова повернулась к Спенсеру:

– В течение следующего часа я свободна.

Она впилась глазами в его лицо; ей хотелось узнать сразу все: с чем он пришел, где был, когда вернулся и... женат ли он еще или уже нет?

– Неужели это не сон? Неужели это ты? – Она смотрела на него с благоговением и вспоминала бесконечные месяцы ожидания, когда от него перестали приходить письма.

Они сидели, взявшись за руки, и он, сбиваясь, пытался объяснить ей все: ужасное одиночество, боль, тоску, то угнетение, которое он постоянно чувствовал там, когда становилось безразличным все, кроме постоянного ужаса, и смертей, и разрушений, творящихся у него на глазах.

– Мне тогда казалось, что этого мира вообще не существует... даже тебя не существует. Мне казалось, что я никогда оттуда не выберусь. Я не мог ни с кем разговаривать, а от любых писем становилось еще хуже. Все, кто писал мне, рассказывали, как здесь хорошо и счастливо, и я еще большее чувствовал разницу между этой жизнью и той. Иногда мне казалось, что некоторые мои сослуживцы испытывают то же самое. Я говорил с ними об этом, когда мы летели домой. Но там никогда не заговаривал о том, как все плохо. Если б мы

расслабились, нам никогда бы не выдержать этого кошмара. Теперь это все в прошлом, но я никогда не смогу забыть. – Сказав это, он с грустью посмотрел на нее.

– Я подумала, что ты решил положить конец нашим отношениям. – Она сказала это низким, печальным голосом, думая о том, что эти мысли изменили всю ее жизнь. Именно поэтому она оказалась сначала в Голливуде, а потом в доме Эрни. Она вообразила, что ей нечего терять, а он был так добр к ней. Он столько для нее сделал, и ей казалось, что она многим ему обязана. Ведь именно Эрни разрешил все ее проблемы таким простым способом.

Тень печали легла на лицо Спенсера, когда он услышал ее слова.

– Я никогда бы не сделал этого, не сообщив тебе. А потом я просто не знал, что мне делать... От Элизабет продолжали приходить письма, и я чувствовал себя чертовски виноватым. Она была уверена, что я вернусь к ней и все пойдет, как раньше, но я чувствовал, что не смогу так жить. Мы пару раз встречались в Токио, но это только ухудшило наши отношения. Как будто я провел уик-энд с совершенно незнакомыми человеком. И теперь ничего не изменилось. Я пробыл с ней две недели и чуть не сошел с ума.

Он посмотрел на нее умоляющими глазами, и Кристел отвернулась. Это она во всем виновата". Она сама влезла в долги и теперь вынуждена расплачиваться с Эрни.

– Я пытался разыскать тебя в тот вечер, когда вернулся,

– продолжал он. – Я отправился к миссис Кастанья, но какая-то женщина сказала мне, что ты переехала. Тогда я пошел к Гарри, но они уже закрывались...

Даже сейчас, рассказывая ей, он чувствовал отчаяние, которое овладело им тогда. Она же не удивилась, узнав о том, что в доме миссис Кастанья все изменилось. Месяц назад вместо ответа на ее письмо пришла открытка, написанная ее сыном, где сообщалось, что миссис Кастанья умерла. Кристел любила старушку, и сообщение о смерти расстроило ее.

– В конце концов, Перл дала мне твой телефон, по нему я и позвонил сегодня, как только приехал. И твоя хозяйка сказала мне, где тебя можно найти. Вот мы и вместе. – Он улыбался и был похож на ребенка, получившего долгожданный рождественский подарок. Кристел не поправила его, что это была не хозяйка, а ее служанка, точнее, не ее, а Эрни.

– А как ты намерен поступить с Элизабет? – От волнения ее сердце забилось чаще, но в глубине души она чуть не молилась о том, чтобы Спенсер решил не разводиться с ней. Для нее это был бы выход из положения, хотя бы на некоторое время. Она не может уйти от Эрни после всего того, что он сделал для нее, не может бросить Голливуд. Хотя как Спенсер не любил Элизабет, так и она не любила Эрни.

Но Спенсер совершенно спокойно ответил на ее вопрос. Он все решил для себя еще в самолете, по пути сюда. Как только они вернутся в Вашингтон, он все объяснит жене. Потом соберет свои вещи, вернее, то, что от них осталось, и

первым же рейсом вернется в Калифорнию. Все равно у него нет работы. Он может точно так же поискать ее в Лос-Анджелесе, а не в Вашингтоне или Нью-Йорке.

Адвокат может найти работу везде. Определившись с работой, он получит развод, приедет сюда и женится на Кристел, если, конечно, она не против. Все невероятно просто.

Он улыбнулся. Он выглядел очень счастливым, хотя и чувствовал себя виноватым.

– С Элизабет я собираюсь развестись. Конечно, мне следовало сказать ей это еще тогда, три года назад, когда я уезжал. Но мне казалось, что это слишком жестоко. Мы же только поженились... ну, в общем, я не знаю. Наверное, я дурак, чего-то ждал. Но теперь так дальше продолжаться не может. Обманывать ее не буду, после того как она прождала меня все это время. – Он вспомнил свой разговор с отцом на озере. – Хотя мне кажется, что ей все равно. Кроме ее работы и этих бесконечных чертовых вечеринок, ее мало что интересует. – Конечно, в жизни Элизабет есть и еще что-то, но в основном она именно такая, какой он ее увидел, возвращаясь из Кореи. – Сейчас она на озере, а через несколько дней мы улетаем в Вашингтон. – Он посмотрел Кристел прямо в глаза. – Скоро все закончится. Через недельку-другую я вернусь и, как только найду работу, тут же займусь разводом. Потом мы сможем пожениться... – Он был уверен, что Элизабет поймет все правильно и согласится на развод. Но вдруг забеспокоился: а что, если изменилась Кристел? Правда, по-

сле того как она целовала его на виду у всех, он об этом не думал. И все же на всякий случай Спенсер добавил: – Если, конечно, ты не против. – И если Элизабет даст ему развод. Но он не сомневался, что она сделает это. После того, как он объяснит жене, что для него значит продолжение их брака.

Кристал долго и пристально смотрела на него, ничего не отвечая. Глаза у нее наполнились слезами. Именно этих слов она ждала несколько лет назад, о них мечтала, пока он был в Корее, мечтала так долго и в конце концов потеряла надежду, решив, что он вернулся к Элизабет, даже не сообщив ей об этом.

– Ну как?.. Он смотрел на ее слезы и не мог понять, отчего она плачет – от радости или от горя. Он обнял ее и прижал к себе, а она все плакала, и он улыбаясь начал успокаивать ее: – Ну-ну, не плачь, любимая. Все не так уж плохо. Я обещаю тебе, все будет хорошо. Я буду заботиться о тебе... Клянусь! – Теперь это стало его самым большим и единственным желанием. Он осторожно отстранился от нее и посмотрел ей в глаза.

И тут Кристал медленно покачала головой. Она ему еще ничего не сказала.

– Может быть, теперь ты не женишься на мне. – Пришло время рассказать ему об Эрни.

– Не вижу причины, почему бы я не смог этого сделать. Ведь ты же не вышла замуж, пока меня не было. – Он усмехнулся, уверенный, что она этого не сделала. – Но даже если

это так, то в этом нет ничего страшного. Мы можем уехать в Рино недель на шесть и пожениться там, если ты замужем. – Он поддразнивал ее, но она смотрела на него с отчаянием, казалось, у нее сейчас от горя разорвется сердце. Все гораздо хуже. Наконец-то он станет свободен, но она не сможет уйти от Эрни. Но ведь если бы он хотя бы написал ей, предупредил, объяснил... И тут она вспомнила его письма, на которые не ответила. Она думала, что они пришли слишком поздно, и у нее не было сил мучить себя, продолжая играть в любовь со Спенсером. Его молчание затянулось, и она решила, что после встречи с Элизабет в Токио он не стал разрывать свой брак.

– Спенсер... – Она пыталась найти подходящие слова, чтобы объяснить ему все, зная, как это будет нелегко. – Я живу с одним человеком. В общем, с моим импресарио, это долго рассказывать. Я не знаю, что тебе ответить, не знаю.

Он уставился на нее в изумлении, ожидая услышать что угодно, но только не это. Он не знал, как она воспримет его решение: разозлится, останется равнодушной, попытается скрыть свои чувства? Но он никак не мог предположить, что она, все еще любя его, станет жить с кем-то другим. И ему совсем не понравилось ее объяснение.

– Я приехала в Голливуд и познакомилась с ним через двух агентов. Они сказали, что он – один из лучших импресарио в городе. В очень короткое время он устроил меня в картину. Представь, я начала работать уже через неделю по-

сле того, как приехала сюда. Он делал для меня все: покупал одежду, нашел отель, даже платил за него... – Она не решилась рассказать Спенсеру про ночь в Малибу и бриллиантовый браслет. – Я подписала с ним контракт, и он продолжает опекать меня, Спенсер. Я многим ему обязана: не могу просто так взять и уйти от него, это было бы несправедливо. – Похоже, что она стала рабыней этого человека.

Спенсер не верил своим ушам:

– Ты его любишь?

Она в отчаянии покачала головой:

– Нет, нисколько. Я с самого начала рассказала ему про тебя. Сказала, что у нас все кончено. Тогда я так и думала. Ты не писал мне несколько месяцев, и я подумала, что ты решил вернуться к Элизабет... – Она сказала это безразличным голосом и опять начала плакать.

Он нервно ходил по комнате.

– Я решил выжить, если, конечно, тебе это интересно. – Он посмотрел на нее невидящими глазами. Все то время, пока он изнемогал от усталости и холода, живя в окопах посреди лесов в Корее, она думала, что он не любит ее.

– Прости, но тебя не было так долго, теперь уже все по-другому. Ты же знаешь, как сильно я хотела попасть в Голливуд. – Она, как всегда, говорила правду, но от этого Спенсеру было не легче, и ему все больше переставало нравиться то, что она говорила.

– Так сильно, что смогла ради этого продать свое тело, да

и всю себя с потрохами?

– Черт возьми, послушай! – Она вдруг вскочила на ноги, такая же разгневанная, как и он. – Когда ты уезжал из Штатов, ты был женат, или ты забыл об этой маленькой подробности? И я прождала тебя почти три проклятых года, Спенсер Хилл! А ты большую часть этого времени даже не удосужился писать мне. Хотя бы в конце концов какие-то несчастные десять слов на жалком клочке бумаги, которые могли быть предназначены для кого угодно! Ты ни слова не написал о нас с тобой, о нашем будущем и даже о том, что ты собираешься делать. Ты думал, я буду сидеть и ждать? Я так и делала и, поверь, довольно долго. Но я тоже имею право на личную жизнь. И не считаю, что она заключается в том, чтобы сидеть у миссис Кастанья и ждать, когда мне с неба свалится удача. – Он не отвечал ей, ведь эти горькие слова были правдой. Ему нечего возразить. – И я приехала сюда, а Эрни взял меня под свою опеку. У него большие связи, Спенсер. И в один прекрасный день он сделает из меня кинозвезду. Конечно, я не собираюсь оставаться с ним навсегда, но и просто так взять и уйти тоже не могу, даже ради тебя. Он ждет от меня отдачи, а я не хочу превращать своего друга во врага. Он сделал для меня много хорошего, и я ему многим обязана. Если я поступлю с ним по-свински, он может отомстить.

– Что ты имеешь в виду? – Спенсер посмотрел на нее с ужасом, но она быстро покачала головой:

– Я имею в виду свою карьеру. Он может расторгнуть наш

контракт.

– Не будь так уверена в этом. Он же не дурак. Он деловой человек и прекрасно понимает, что у него в руках. А между прочим, какой контракт ты с ним подписала? – Он беспокоился, что ее надули, хотя сейчас это не главная их проблема.

– Самый обыкновенный. – Она старалась придать своему голосу уверенность, но положила руку на сердце мало что понимала в контракте. Эрни всегда повторял, что это не важно.

– Что это значит?

– Он действует как посредник между мной и киностудиями. Они обращаются к нему, а он все улаживает со мной. – Сейчас у нее была очень хорошая роль, и она понимала, что это Эрни купил ее.

– Кто тебе платит? Он сам или это делают непосредственно студии? – Спенсер насторожился. Он слышал раньше о таких контрактах, когда импресарио делают на будущих звездах огромные деньги, а сами актеры остаются ни с чем.

– Чеки всегда подписывает Эрни. Таким образом, он мне платит.

– Ты когда-нибудь видела контракты или чеки от самих киностудий, которые тебя нанимают?

– Да нет же! – Кристел начала раздражаться. – Все это делает Эрни. Это его работа.

Именно этого и боялся Спенсер.

– Тогда ты можешь быть уверена, что он делает на тебе чертовски огромные деньги, моя дорогая, а ты получаешь с

них лишь жалкие крохи.

– Это неправда! – пыталась защититься Кристел, прекрасно понимая, что дело вовсе не в контракте с Эрни. – В любом случае, – продолжала она бесцветным голосом, снова усаживаясь и с грустью глядя на Спенсера, – я не могу просто взять и уйти от него. Я могу, конечно, это сделать. Но он никогда не поймет моего поступка, если я возьму и завтра уйду от него. Это несправедливо по отношению к нему. Все равно, если бы ты взял и бросил Элизабет через две недели после свадьбы. – Она сказала это, чтобы немного позлить его. Она чувствовала, что слишком многим обязана Эрни, пусть даже Спенсер не может этого понять. Эрни вовсе не заслуживал, чтобы она убежала от него тайком ради Спенсера.

– Тогда что же это все значит, Кристел? Между нами все кончено? Ты хочешь остаться с ним? – Его голос задрожал, он уже не сердился на нее, он с ужасом ждал ответа.

Глаза ее наполнились слезами. Она бы хотела взять Спенсера за руку, выйти из гримерки и, добравшись до первой церкви, обвенчаться с ним. Но она знала, что не может этого сделать. Не сейчас. Нужно подождать. Ей нужно очень осторожно решить с Эрни этот вопрос. Она прекрасно понимала, что если разозлит его своим поведением, то наверняка наживет себе грозного и могущественного врага. И он будет прав, если она предаст его после всего того, что он для нее сделал.

– Мне нужно время, Спенсер. Мне надо поговорить с ним,

но не раньше, чем я закончу сниматься в этом фильме. Я скажу, что мне надо жить отдельно или что-нибудь в этом роде. Я не могу сделать этого за неделю. Тебе понадобилось три года, чтобы разобраться с Элизабет. Дай мне всего месяц или два. Я хочу сделать это осторожно. А сейчас самый разгар съемок.

– Почему так долго? Ты боишься, что он испортит твою карьеру, или ты все-таки любишь его? – Он не был уверен, что она не испытывает никаких чувств к этому человеку, уж очень она ему верила. Он просто не знал, насколько хитер этот человек, как ловко он мог сыграть на чувстве долга Кристел, на ее боязни потерять работу, на ее честности.

– Потому что я считаю, что в долгу перед ним. Если ты так хочешь, пусть это называется благодарностью. Нельзя просто так взять и уйти от человека, который сделал для тебя так много. К тому же я хочу, чтобы он оставался моим импресарио даже после того, как я уеду из его дома.

– Не думаю, что это правильное решение, Кристел. Ради всего святого, есть же уйма других импресарио.

– Но они не такие влиятельные, как Эрни.

Он без труда мог убедить ее в этом, и Спенсер опять разозлился, слушая ее. У него создалось впечатление, что она собирается связать с этим парнем всю свою жизнь.

– Ты говоришь совсем как Элизабет, когда она распространяется о своей любви к Маккарти. Боже мой, я вернулся домой с войны, хочу жить спокойной, нормальной жизнью.

Так нет же, все вокруг помешались на своей карьере. Все, кроме меня. Смешно, не правда ли? – Ему стало себя жаль.

Кристал же ни в чем не могла его винить. Она только благодарила Бога, что Спенсер не отказался от нее, узнав об Эрни. Другой на его месте не захотел бы иметь с ней больше дела.

– Ты можешь найти работу здесь. Можешь устроиться на студию. На каждой из этих студий – целая пропасть адвокатов. – Она хотела добавить, что Эрни мог бы найти что-нибудь для него, но не решилась сказать. Но может быть, пройдет какое-то время, и она попросит Эрни об этом.

– И что же я должен делать, пока буду ждать тебя, Кристал? – Он никак не мог понять правил ее игры.

Она ласково дотронулась до его руки и ответила:

– Просто будь терпеливым. Мне так жаль, что все это произошло. – Она выглядела смущенной и старательно отвела глаза.

Он нагнулся и коснулся губами золотистых волос. Затем взял ее за подбородок и заставил посмотреть себе прямо в глаза.

– Не переживай. Я сам все заслужил. Ведь могло быть гораздо хуже. Ты же могла послать меня ко всем чертям. Я просто счастливчик, что ты не отказываешься от меня.

– Я люблю тебя... – Она прошептала эти слова, стоя в его объятиях. Тут послышался тихий стук в дверь, предупреждающий, что через десять минут начнется съемка следующей

щей сцены. Она с тоской посмотрела на Спенсера – ей очень не хотелось, чтобы он уходил. Но ей надо продолжать работу, а заодно и подумать о том, как лучше всего сказать обо всем Эрни. – Что ты собираешься сейчас делать?

– Ты можешь немного побыть со мной или это неудобно?

– Он прекрасно понимал, в каком она может оказаться положении, из своего опыта с Элизабет и Баркляями.

– Думаю, что не смогу. – Глаза у нее наполнились печалью, он поцеловал ее. Ей хотелось только одного – чтобы это мгновение длилось вечно.

– Тогда я вернусь в Сан-Франциско и позвоню тебе через несколько дней. И ради Бога, решай все быстрее, хорошо? – сказал он.

Конечно, положение совсем не радостное, но вполне можно немного подождать. Он сам виноват в том, что произошло, нечего винить бедную девушку. В конце концов, все могло обернуться гораздо хуже. Она успела бы и полюбить кого-нибудь, и выйти замуж, и, черт возьми, родить двоих детей! Случившееся – неприятный факт, но все-таки она любит его.

Он поцеловал ее на прощание долгим страстным поцелуем. Ей тяжело было прощаться с ним, но мысль о том, что разлука не продлится долго, утешала. Теперь она знала, что его можно найти. Она сможет позвонить ему в любое время, и он сам обещал звонить ей и рассказывать, как продвигаются дела. Как только он расскажет обо всем Элизабет, он вер-

нется в Калифорнию и начнет искать работу. Кристел к тому времени почти закончит картину и, как он надеялся, решит проблему с Эрни. У них должен быть дом, и она обязательно подумает об этом. Их обоих переполняли надежды. Спенсер снова поцеловал ее и крепко обнял, вдыхая забытый аромат ее тела.

– Мне ненавистна сама мысль о том, что я должен расстаться с тобой, – тихо проговорил он.

– Мне тоже...

Но на этот раз они расстанутся совсем ненадолго, а потом встретятся навсегда.

– Я очень скоро вернусь, – пообещал он, и она кивнула. Им обоим надо успеть сделать очень многое за следующий месяц, преодолеть много преград, чтобы наконец-то соединиться.

Он поцеловал ее в последний раз и направился к двери. Она вышла вместе с ним и долго стояла, глядя ему вслед. Глаза у нее светились нежностью и любовью. Он повернулся и помахал ей рукой. Она молча, чтобы не помешать актерам на площадке, махнула в ответ. И никто из них не заметил, что в глубине павильона стоит Эрни и внимательно наблюдает за ними.

В тот же день Спенсер, вернувшись в отель, расплатился и выписался из него. События развивались не так, как он планировал. Мысль о том, что Кристел принадлежит другому, не давала ему покоя. Но если уж на то пошло, он ведь сам тоже пока женат и живет с Элизабет. А в том, что Кристел потеряла надежду и связалась с Эрни, была отчасти и его вина. Ему это очень не нравилось, и он молил Бога, чтобы она скорее прервала отношения с этим человеком. Еще его очень беспокоил ее контракт. Он подозревал, что Эрни обирает Кристел.

В тот же вечер он улетел в Сан-Франциско, взял машину и, плохо понимая, что делает, поехал на север. Его мысли были заняты Кристел, он все вспоминал, как она стояла посреди гримерки, когда он целовал ее. Да, их чувства нисколько не изменились, а только стали сильнее.

В десять часов он доехал до Напы, но не остановился там, а продолжал путь. Он уже решил заехать в какой-нибудь motel, но тут ему стали попадаться знакомые приметы, и он понял, почему выбрал эту дорогу. Он решил отдать дань прошлому, вспомнить того ребенка, которого он полюбил с первого взгляда. В одиннадцатом часу он пересек городок и остановил машину напротив ранчо. Калитка закрыта, а дома не видно из-за окружающих его деревьев. Но Спенсеру хоте-

лось узнать, на месте ли качели. Он не был здесь шесть лет, и прошло уже семь с тех пор, как он встретил Кристел в первый раз. Он остановился в мотеле и попытался найти в справочнике номер Вебстеров. Но его там не оказалось. Он не помнил, где они живут. Но он приехал сюда вовсе не к ним. Он приехал сюда к той девочке, которой когда-то была Кристел. Когда-то давно, до Голливуда, до войны, до Элизабет и до того человека, с которым она теперь живет, до всего того, что с ними произошло... К той девочке, которую он увидел впервые на свадьбе ее сестры в белом платье. Так давно, в самом начале, ему казалось, что все так просто.

Он долго просидел в машине, а потом поехал дальше. Теперь ему надо заняться своими делами, на это отпущен им самим месяц. Теперь это не казалось ему очень большим сроком. Он остановился в каком-то незнакомом городе и пообедал. Через шесть часов он доехал до озера Тахо. Солнце только встало, когда он проезжал Доннер-Пасс. Спенсер думал о той девушке, которая осталась на киностудии, которую он любил и на которой собирался жениться.

Он поставил машину в гараж, вошел в дом и на цыпочках поднялся в спальню, где в их кровати спала Элизабет. Когда он разделся, она проснулась и сонно на него посмотрела.

– Ты вернулся? – спросила она в полусне.

Он кивнул, говорить не хотелось, он очень устал. Он пообещал себе, что дождетсЯ, когда они уедут, и тогда он поговорит с ней.

– Ложись спать, – это было все, что он ей сказал, но она уже села на кровати, внимательно за ним наблюдая.

– Я думала, что ты не вернешься до воскресенья.

– Я закончил дела быстрее, чем ожидал. – Слишком быстро, чем думал. Он хотел провести эти выходные с Кристел.

– Так где же ты был? – Она продолжала пристально смотреть на него, пока он, старательно избегая ее взгляда, раздевался и устраивался в постели рядом с ней.

– Я уже говорил тебе – в Лос-Анджелесе. Мне надо было там уладить кое-какие дела.

– Ну и как, успешно? – Ее голос был ледяным, она уже совсем проснулась.

– Более или менее. Я не смог увидеть всех, кого хотел, поэтому вернулся раньше.

Она кивнула, не совсем ему веря. Она чувствовала, что он как-то изменился за последние дни, после того, как вернулся из Кореи, и ей было интересно, какие у мужа могут быть дела.

– Ты не хочешь об этом поговорить?

– Не сейчас. Я всю ночь провел за рулем. – Он закрыл глаза, надеясь, что она оставит его в покое, но не тут-то было.

– Почему ты не остановился в нашем доме в Сан-Франциско?

– Я хотел вернуться побыстрее.

– Как это мило с твоей стороны.

Он не понял, сказала ли она это с иронией или нет, но

переспрашивать ее не стал.

– Ты себя уже лучше чувствуешь? – Она продолжала разговаривать, как будто сейчас был полдень.

Спенсер со стоном открыл глаза и посмотрел на жену, сидящую рядом с ним в постели.

– Ради Бога, Элизабет. Почему бы нам не поговорить об этом утром?

– Сейчас уже утро. – Она права. Солнце уже встало, и птицы пели в саду.

– Да, я чувствую себя лучше. – «Особенно после того, как увидел Кристел».

– Ты не хочешь со мной поговорить? – Она хотела что-то узнать, а когда ей в голову приходила какая-то мысль, она могла в лепешку разбиться, но добиться своего.

– Не сейчас. Да и не о чем говорить. – Не сейчас, когда их родители спят в соседних комнатах. Уже две недели они не оставались с женой наедине, а он хотел, чтобы никого не было рядом, когда он скажет, что хочет с ней развестись.

– А мне кажется, что тут есть о чем говорить. Ты знаешь, я ведь совсем не дура.

Он подскочил на кровати и сел рядом с ней, недоумевая: может быть, она знает о Кристел? Но она никак не могла этого узнать, если только не следила за ним.

– Я знаю, что тебя беспокоит. Мы с твоим отцом несколько дней назад говорили об этом. Конечно, нелегко возвращаться домой с войны. Я понимаю. Но, согласись, мне тоже

не сладко.

Внезапно он почувствовал к ней жалость, и ему стало интересно, что отец наговорил ей. Но сейчас он не хотел касаться этого вопроса.

– Ты чертовски хорошо вела себя все это время. – Он потянулся за сигаретой, ему вдруг захотелось сказать жене еще что-нибудь. Например, что он все еще любит ее. Если, конечно, он когда-нибудь ее вообще любил. Сейчас он в этом уже не был уверен. Сейчас его переполняли чувства к Кристел, а их отношения с Элизабет всегда были совсем иного рода.

– Мы должны заново привыкнуть друг к другу, – мягко сказала жена, ласково посмотрев на него. И ему вдруг показалось, что он собирается предать ее. Хотя он сделал это уже давным-давно. Сейчас он совершенно уверен, что им вообще не следовало жениться.

– Ты уверена, что действительно этого хочешь? – Он уходил от разговора, который решил начать только после того, как они уедут с озера. Но когда она сжала его руку, он был близок к тому, чтобы рассказать ей все немедленно.

– Да, я думаю, что хочу. Вот почему я прождала тебя все это время. Ты этого стоишь. – Она улыбнулась, и он почувствовал себя еще хуже. Да, отец прав. Кое-что он ей все-таки должен. Но не остаток своей жизни. Это слишком высокая плата за годы ее ожидания.

– Ты чертовски умная женщина, Элизабет. – Даже слишком умная. Он вряд ли сможет выдержать ее присутствие ря-

дом с собой. У нее свои собственные идеи, свои пути достижения цели, свой дом, и ее окружают члены ее собственной семьи, с которыми он постоянно должен поддерживать отношения. В этой схеме ее образа жизни совершенно нет места для него, по крайней мере для его чувств. А вот с Кристел он мог бы начать совершенно другую жизнь. Он бы все делал для нее. Помочь ей с карьерой, помочь изменить ее жизнь, завести детей, наконец... Теперь все это зависит только от него. – Не знаю, что тебе сказать. – Он повернулся к жене, все его чувства ясно были написаны у него на лице. – Мне кажется, я не смогу выдержать все это. Я считаю, что нам вообще не надо было жениться.

– Теперь слишком поздно об этом думать, тебе не кажется? После того, как прошло столько времени? – Она разозлилась и обиделась, но несколько не удивилась. Она ждала этого разговора уже несколько дней. Еще до беседы с судьей Хиллом она знала, что рано или поздно он заявит ей об этом. Его отец сказал ей, что Спенсер немного не в себе, и она собиралась набраться терпения. Но теперь, как она обнаружила, ее терпение на исходе. В конце концов, она терпела уже три года.

– Я отсутствовал три долгих года. А до этого мы были женаты всего две недели. Теперь все изменилось. И мы оба изменились. Теперь я уже не хочу того, что раньше. А у тебя появилась хорошая работа. Мы очень плохо знали друг друга до моего отъезда, а за эти три года мы стали и вовсе чужими

друг другу.

– Я не могу ничего изменить. Это просто случилось, и все. Но, прождав тебя три года, не собираюсь расставаться с тобой, если ты это имеешь в виду. – Ее глаза были холодны, как две льдинки, и, глядя в них, он почувствовал, что у него обрывается сердце.

– Почему? Почему бы нам не расстаться? Зачем продолжать все это? Мы же сможем принести друг другу только несчастье. – Он старался убедить ее в разумности своих доводов, но видел, что жена не желает ничего слушать.

– Совсем не обязательно. Мы очень хорошо подходим друг другу. Мы с самого начала были выгодной партией. Я всегда так считала.

– А вот я не считал. И высказал тебе свои сомнения, еще когда мы были помолвлены.

– Я говорила тогда и могу повторить сейчас – меня это не волнует. У нас есть все для того, чтобы наш брак стал счастливым. Нас ждет прекрасная работа, мы оба умны, и жизнь у нас может быть насыщенной и интересной. А это все, что необходимо для прочного брака.

– Я так не считаю. А как насчет любви, нежности, преданности, детей, наконец! – Но о какой преданности можно говорить между ним и Кристел? Ведь они оба живут с людьми, которых не любят. Говоря с Элизабет, он старался не думать об этом. Он понимал: то, что существовало между ним и Кристел, никогда не сможет даже наметиться у них с

Элизабет.

– Ты просто начитался красивых романов, Спенсер. И слишком долго был далек от реальной жизни. Не сомневаюсь, все это важно, но это лишь красивая отделка, а никак не фундамент.

И опять, слушая ее, он все больше понимал, что он прав. Они разные люди. И мечтают о разных вещах. Спенсер хочет любви и взаимопонимания, она же заботится о хорошей карьере.

– Что ты чувствуешь по отношению ко мне? – Он неожиданно повернулся и гневно посмотрел на нее. – Я хочу знать, что ты испытываешь на самом деле? Когда я ночью лежу с тобой в кровати? Страсть, любовь, желание, нежность? Или тебе так же одиноко, как и мне?

Они переспали только один раз, с тех пор как он вернулся, да и то это походило на какое-то наваждение.

– Мне тебя просто жаль. – Она посмотрела ему прямо в глаза, ее голос был ледяным. – Мне кажется, ты мечтаешь о чем-то несуществующем. И ты всегда был таким.

А что, если он скажет это самое «несуществующее»? Но ему не хотелось говорить об этом. Он собирался уйти от нее, но вовсе не обязательно обижать ее. Он хотел вернуть себе свою жизнь. Ему, правда, становилось все понятнее, что она не собирается возвращать ему ее.

– Мне кажется, ты – обыкновенный мечтатель. И я думаю, пришла пора возвращаться в реальный мир, в котором мы

все живем, Спенсер. В этот мир, в котором существуют великие мира сего, занятые своей карьерой. Они все работают и делают что-то важное и полезное для общества, а во-все не сидят, держась за юбки своих жен, и пестуют своих малышей.

– Тогда мне их просто жаль, так же как и тебя, если ты так считаешь.

– Ты должен взять себя в руки, найти работу в Вашингтоне, завести друзей, которые считают...

– Так же, как друзья твоего отца? – прервал он, сверкая глазами. Он уже сыт ими всеми по горло, ими и тем, что они называют «важной работой». То, что для них важно, не имеет для него никакого значения. Особенно теперь, когда он три года провоевал в Корее.

– Да, так же, как они. А что в них плохого?

– Ничего. Просто они мне не нравятся.

– Да ты должен быть счастлив, что они вообще разговаривают с тобой! – Она тоже разозлилась, ей надоело видеть его неприкаянным на всех вечеринках, куда бы они ни пошли.

– Ты должен быть счастлив, что я вышла за тебя замуж. И твое счастье, что я слишком порядочна, чтобы развестись с тобой! В один прекрасный день из тебя получится толк, и я буду счастлива, когда увижу это. И когда-нибудь, Спенсер Хилл, ты скажешь мне спасибо!

Он смотрел на нее и вдруг начал хохотать. Он хохотал до тех пор, пока у него из глаз не брызнули слезы. Он никогда

еще не встречал такой эгоистки, причем она уверена, что во всем права. Потребуется немало усилий, чтобы переубедить ее.

– Кого же ты собираешься из меня сделать, Элизабет? Может быть, президента? Или короля? Это ужасно интересно... Наверняка мне это понравится.

– Не будь идиотом. Ты действительно сможешь стать человеком. В Вашингтоне перед тобой открыты все двери, вплоть до кабинета министров, если ты, конечно, пойдешь с правильной карты.

– А если я не хочу играть?

– Это твое право. Но то, что я сказала, я сказала вполне серьезно. Если ты потребуешь развода, я тебе его не дам.

Он еще не спрашивал ее об этом, но уже знал ответ.

– Почему ты хочешь сохранить наш брак против моей воли? – Он не мог этого понять, но она прекрасно знала, что делает, и, посмотрев на него сверху вниз с нескрываемой иронией, выложила всю правду:

– Я не желаю, чтобы ты отделался от меня после стольких лет. Да, я прождала тебя все это время, и теперь тебе не мешало бы отдать мне кое-какие долги. Если разобраться, цена не так уж велика. Все могло быть гораздо хуже. – Потом она добавила, как в раздумье: – Между прочим, я счастлива, что могу любить тебя. – Это признание, возможно, и тронуло бы его, скажи она это немного иначе и немного раньше.

– Мне кажется, ты не понимаешь, что это значит.

– Может быть, и нет. – Она сидела совершенно неподвижно. – Но в этом случае, Спенсер, тебе придется научить меня. – Сказав это, она отправилась в ванную и закрыла за собой дверь.

Он слышал, как лилась вода. Она вышла через полчаса и выглядела потрясающе: в белых брюках, красивой белой шелковой блузке и белых туфлях; на шее мерцала нитка жемчуга, а на руке – два колечка, одно с жемчужиной, а другое с бриллиантом. Она действительно хороша, но ничто в ней не могло тронуть его сердце.

– Ты спустишься на завтрак или хочешь немного поспать?

Они оба прекрасно понимали, что он теперь не сможет уснуть, но вид у него был просто ужасный. Эта ночь совершенно измотала его, да и утренний разговор не придал бодрости. Известие о том, что она не собирается давать ему развод, как ножом полоснуло Спенсера по сердцу. Что они будут делать с Кристел?

– Я присоединюсь к вам чуть позже.

– Хорошо. Да, сегодня к завтраку придут Хьюстоны. Уверена, тебе приятно узнать об этом.

– Да, просто потрясающе. – Станным образом ему стало легче после разговора с ней. Теперь ему не надо притворяться и делать вид, что он старается сохранить их брак. Теперь она знала его позицию, а он, к сожалению, знал ее. Она уже собиралась выйти из комнаты, когда он снова взглянул на нее. – Ты это серьезно, Лиз? – Его голос звучал мягко. Он

изо всех сил пытался доказать ей бессмысленность их брака.

– Ты о чем? О том, что я хочу остаться с тобой? – Он кивнул. – Да, вполне серьезно.

– Но почему? Почему ты никак не хочешь понять, что это безнадежно? Что заставляет тебя поступать так?

– Я уже сказала. Я не собираюсь позволить тебе сделать из меня посмешище. И потом, это здорово расстроит моего отца.

– Никогда не слышал более несерьезного объяснения.

– Тогда, если хочешь, можешь придумать свое собственное. Но я своего решения не изменю. И мне кажется, пройдет какое-то время, и мы оба будем только рады, что остались вместе.

Он поверить не мог в то, что она ему сказала. Не добавив больше ничего, Элизабет вышла из комнаты и отправилась завтракать. Спенсер же остался лежать в кровати, думая о Кристел.

* * *

У нее же в ту ночь начались неприятности. Ей пришлось работать до десяти часов. Один из прожекторов на площадке сломался, и из-за этого вся съемка прекратилась. Им пришлось ждать несколько часов, поэтому она добралась домой около одиннадцати. Эрни ждал ее.

– Что ты сегодня делала? – Он наблюдал с недовольным

видом, как она раздевается. Она очень устала и от работы, и от того, что весь вечер думала о Спенсере, об Эрни, как рассказать ему обо всем.

– Ничего особенного. Сломался прожектор, пришлось несколько часов проторчать на площадке. Все жаловались на жару, на то, что приходится так долго ждать, что в продовольственной лавке совершенно непригодная еда.

– И это все?

Она стояла в прозрачном пеньюаре, и он медленно прошел через комнату и остановился рядом с ней.

– Да, конечно. А что?

Он схватил ее за волосы и потянул так сильно, что ей пришлось закинуть голову назад. Она задохнулась от неожиданности, пытаясь освободиться от его рук.

– Никогда не пытайся лгать мне!

– Эрни!.. Я... – Но слова застыли у нее на губах. Посмотрев ему в глаза, она поняла: он знает, что Спенсер был у нее. – Ко мне заходил один мой старый друг... вот и все...

Он еще сильнее потянул ее за волосы, и ее глаза наполнились слезами от боли и страха.

– Не лги мне! Это же был тот парень из Кореи, не правда ли? – Он поторопился и успел как раз вовремя. Он как чувствовал, что произойдет нечто подобное, когда горничная сказала ему, что Кристел звонил какой-то мужчина. Он поехал на площадку узнать, нет ли с ней кого-нибудь, и появился там как раз в ту минуту, когда они вдвоем заходили к

ней в гримерку. И ему пришлось ждать довольно долго, пока они выйдут оттуда, глядя друг на друга, как давно обожающие друг друга любовники.

– Да, да... – Она задыхалась от боли, пока он еще сильнее наматывал на руку золотистую прядь волос. – Да, это был он, извини, я не знала, что это так расстроит тебя...

– Глупая сука! – Он наотмашь ударил ее по лицу с такой силой, что она отлетела на середину комнаты. – Если ты еще хоть раз увидишься с ним, или позвонишь ему, или будешь с ним разговаривать, я тебе обещаю, с ним произойдет что-то ужасное. Ты поняла меня, мисс Непорочность?

– Да... Эрни, пожалуйста... – Она была в ужасе. Она еще никогда не видела его таким.

– А теперь скидывай свои тряпки! – Она съежилась под его взглядом, заметив, что он вовсе не пьян. Он направился через комнату прямо к ней. В его глазах она заметила выражение, от которого у нее мороз пошел по коже. Одним движением руки он разорвал у нее на спине пеньюар, и она оказалась перед ним голая и дрожащая. – И запомни одну вещь: ты принадлежишь мне! И больше никому! Только мне... потому что я твой владелец! Тебе понятно? – Она кивнула, по щекам ее катились слезы, он снова хлестнул ее по лицу, а потом без всяких церемоний повалил в ближайшее кресло. Снимая с себя халат, он рассмеялся, увидев, что ее глаза наполнились ужасом. – Вот и хорошо. Я могу делать с тобой все, что захочу, потому что я твой хозяин!

После этого он набросился на нее с такой силой и грубостью, что на этот раз она начала кричать не от удовольствия, а от боли. Он сделал все это в считанные секунды и, когда закончил, швырнул ее на пол, где она осталась лежать, всхлипывая и корчась. Это похоже на то, что с ней сделал когда-то Том Паркер, только сейчас ей было еще тяжелее это сознавать, ведь она так доверяла Эрни. Надо было уехать сегодня со Спенсером. Теперь она это поняла, но слишком поздно. Да, она поняла все слишком, слишком поздно, и сейчас она боялась только одного – что он выполнит свою угрозу и сделает что-нибудь со Спенсером. А она не сможет перечить ему, чтобы не рисковать жизнью Спенсера. Даже если он захочет убить ее.

Она лежала на полу и плакала, не смея поднять на него глаза, а он смотрел на нее и смеялся.

– Вставай! – Он опять схватил ее за волосы и дернул изо всех сил, поднимая на ноги. Ее глаза расширились, в них метался ужас. – И если ты когда-нибудь встретишься с ним, Кристел Уайтт, клянусь, я убью тебя!

Он отправился в постель, а она пошла в ванную, чтобы привести себя в порядок. Она смотрела в зеркало, и глаза ее были пусты. Он дал ей всю эту жизнь и теперь считает себя ее хозяином. Теперь она знала совершенно точно, что произошло, если бы она ушла от него к Спенсеру.

Спенсер и Элизабет вместе с ее родителями улетели в Вашингтон шестого сентября. Для Спенсера последняя неделя на озере была невыносимой. Напряжение между ним и женой делало их отношения просто убийственными. Но она продолжала вести себя так, как будто все в порядке, и без труда создавала иллюзию благополучного брака. Он еще не представлял, как ему избавиться от Элизабет, но через месяц твердо намеревался вернуться к Кристел. Он решил, что снова заговорит с Элизабет о разводе, как только они окажутся в Джорджтауне. Ее отказ от развода явился для него полной неожиданностью. Они с Кристел были невероятно наивны, думая, что их партнеры с легкостью согласятся расстаться с ними. И Спенсер думал только о том, как убедить жену развестись с ним.

Когда они вернулись в Вашингтон, Элизабет с гордостью показала ему уютный маленький домик. Затем она окунулась в работу, встречалась с друзьями, он почти не видел ее. Она наняла домработницу, которая готовила для них и убиралась в доме, а молодых супругов, казалось, приглашали на все званые обеды в городе. Спенсер никак не мог улучшить момент и поговорить с Элизабет. Ему казалось, что он попал в бесконечный поток людей,двигающихся мимо него день и ночь. Когда возникала возможность поговорить с женой,

она старательно избегала этой темы. И вот, наконец, когда прошло уже две недели после того, как они вернулись, он не выдержал и заговорил с ней во время завтрака. Она как раз только что сообщила ему, что их пригласили на ленч ее родители, и выразила надежду, что он поиграет с ее отцом в гольф.

– Ради всего святого, Элизабет, так больше продолжаться не может! Ты же не сможешь без конца притворяться, что между нами ничего не произошло. – Для него ничего не изменилось с тех пор, как они приехали с озера Тахо, он остался при своем мнении, которое принял уже давно.

– Я уже объяснила тебе, как я к этому отношусь, Спенсер. С тех пор ничего не изменилось. И никогда не изменится. А тебе советую перестать упрячиться и получать наконец удовольствие от жизни. – Она оставалась спокойной и неприступной, как всегда, и именно это сводило его с ума.

Он сел и привычным жестом провел рукой по волосам. Она никак не могла привыкнуть к этому его движению. По правде говоря, он здорово раздражал ее этим. Но она решила смириться. Он ведь ее муж, и она должна прожить с ним всю жизнь.

– Нам необходимо поговорить. – Его взгляд был неумолим. Она хорошая женщина, и он, несомненно, ценил все, что она для него сделала. Но он хотел другого. Теперь он знал это точно. Он не хотел состоять в браке, который сам по себе сплошное притворство и фальшь.

– О чем ты хочешь поговорить? – спросила она ледяным тоном. Она уже устала от всех его сложностей. На ее взгляд, у него есть все, что только можно пожелать. Прекрасный дом, горничная, да еще жена – далеко не дура, с хорошей работой и родственниками, имеющими положение в обществе. Но Спенсер смотрел на все это с другой стороны. И совсем не с той, с какой следовало бы!

– Мы должны поговорить о нашем браке.

Ее глаза стали холодными. Она уже слышала обо всем и считала абсолютно бесполезным вновь поднимать эту тему. Она не собиралась давать ему развод. Он должен наконец уяснить себе это и смириться.

– Не о чем разговаривать.

– Знаю, – сказал он мрачно, – но в этом-то вся проблема.

– Вся проблема в том, что ты все еще тешишь себя иллюзиями. Перестань, вернись на землю, и жизнь станет намного проще. Посмотри на моих родителей. Думаешь, им всегда было легко ладить друг с другом? Уверена, что нет. Но они с этим справились. То же самое сможем и мы, когда ты начнешь принимать вещи такими, какие они есть, и прекратишь забивать себе голову всякой ерундой. – Она посмотрела на него с явной неприязнью.

– А какие они есть для меня? – Он старался говорить с ней как можно спокойнее. – Я считаю наш брак сплошной подделкой.

– Позволь не согласиться с тобой. – Она выглядела серди-

той, но нисколько не расстроенной. Ей надоело говорить на эту тему.

– Мы не любим друг друга. И никогда не любили. Неужели это для тебя ничего не значит?

– Конечно, значит. Но любовь придет позже. – Ее слова прозвучали совершенно искренне, и он почувствовал, что еще немного, и он сойдет с ума.

– Когда? Когда, ты считаешь, она придет, Элизабет? Когда мне будет пятьдесят пять и она явится приложением к пенсии или поощрительной премией? Любовь или существует с самого начала, или ее не существует вовсе. А я никогда не испытывал любви к тебе. Я пытался внушить себе, что она есть, но ее не было. Я хотел покончить со всем этим, когда мы были только помолвлены, и сказал об этом. Я позволил вовлечь себя в этот брак и, как теперь понимаю, был абсолютным дураком. В этом нет ничего хорошего ни для тебя, ни для меня, и теперь нам приходится расплачиваться за твое упрямство.

– Ну и чем же ты расплачиваешься? – Теперь она разозлилась не на шутку и не скрывала этого. – Тем, что живешь на всем готовом, что у тебя жена, которой ты можешь гордиться, и тесть – один из самых влиятельных людей в стране?

– Для меня все это ни черта не значит, и ты прекрасно знаешь об этом.

– Я что-то в этом сомневаюсь. Ничего не значит? Зачем же ты тогда женился на мне, если с самого начала не любил?

– Это был справедливый вопрос.

– Я внушал себе, что влюблен в тебя. Я думал, что так оно и будет, но у нас ничего не получилось, и теперь нам надо смотреть правде в глаза.

– Вот ты и смотри, ты и разбирайся. Это твоя чертова проблема! А ты только и делаешь, что скулишь все время! Хорошо же, прекрати свое нытье и делай что-нибудь.

– Черт возьми! Именно это я и хочу сделать! – Он ударил по столу кулаком, изо всех сил сдерживая желание запустить в нее чем-нибудь. – Я хочу развестись с тобой и избавиться таким образом от этой проблемы нас обоих, чтобы мы оба начали жить как нормальные люди!

– Мы не сделаем этого, Спенсер. Мы женаты и будем жить, как живем. В горе и радости, пока смерть не разлучит нас. Поэтому прекрати ныть и смирись с этим. Прекрати валять дурака и найди себе работу. Делай, черт возьми, что тебе заблагорассудится, но пойми, наконец, одну вещь. Я не собираюсь разводиться с тобой!

Слушая ее, он чувствовал, как им овладевает отчаяние. Он хотел вернуться в Калифорнию к Кристел.

– И сколько, по-твоему, это будет продолжаться?

– Всегда. И только от тебя будет зависеть, как скоро ты захочешь все исправить.

– Неужели тебе не хочется чего-нибудь большего? Мне, например, это просто необходимо. Мне нужен человек, с которым я мог бы поговорить. Кто-нибудь, кто хотел бы того

же, чего хочу я, – нормальной жизни, любви, счастья, детей.
– Он чуть не плакал. – Элизабет, я хочу быть счастливым.

– Я тоже этого хочу. – Она посмотрела на него без всякого сочувствия, и вдруг ей в голову пришла другая мысль. Она никогда раньше об этом не думала, но теперь вспомнила, какими глазами он смотрел на девчонку из ночного клуба в тот вечер, когда они справляли свою помолвку в Сан-Франциско. А потом, через два дня, он заявил, что не хочет жениться. – Спенсер, – она посмотрела ему прямо в глаза, – у тебя что, кто-то есть?

Но этого он не мог ей сказать. Это не было выходом. Настоящая причина в том, что они с самого начала сделали ошибку, и теперь это стало очевидным. А что случится с ними потом – это уже ее не касается.

– Нет. – Он не собирался говорить с ней еще и об этом. Зачем усложнять проблему?

– Ты не обманываешь? – Она знала его гораздо лучше, чем он думал. Он твердо покачал головой, не собираясь вмешивать в их отношения Кристел:

– Это не важно. То, что я тебе сказал, гораздо важнее. В этом браке мы несчастны, так дальше продолжаться не может.

Она явно нервничала и сама вдруг поняла это.

– Нет, это важно. Я имею право знать, если у тебя кто-то есть.

– Ну что это меняет? – Он посмотрел на нее очень вни-

мательно.

– Развода я тебе не дам, если это тебя интересует. Но позволь мне узнать о тебе что-то. Мне почему-то кажется, что все твои доводы – ерунда, а настоящая причина в том, что у тебя кто-то есть.

– Я уже сказал тебе, это не имеет к делу никакого отношения.

– Я в это не верю.

– Элизабет, будь разумной. Пожалуйста.

Что он мог сказать ей? Что у него есть другая девушка? Что она самая красивая женщина, которую он когда-либо видел, и что он влюбился в нее, когда ей было четырнадцать? А теперь они хотят пожениться?

– Мой отец хочет сегодня познакомить тебя со своими очень влиятельными друзьями. – Она, казалось, уже забыла все, о чем они говорили. – Думаю, мы обязательно должны пойти к ним.

– О, ради Бога, мы говорим о нашей с тобой жизни. Почему ты не хочешь прислушаться к голосу разума?

– Потому что твой голос разума говорит тебе, что мы должны развестись, Спенсер. Мой же говорит обратное. И я не собираюсь идти тебе навстречу. Этот вопрос исчерпан. Не хочу стать всеобщим посмешищем. Не хочу стать разведенной. Хочу оставаться замужней женщиной. – Она всегда мечтала быть его женой и теперь добилась того, чего хотела. Почти. Но уже успела понять, что в жизни редко получа-

ешь все целиком, всегда чуть-чуть чего-то не хватает. Но ей вполне достаточно. Если же ему мало, она все равно не позволит ему так просто выпутаться из сетей.

– Неужели ты хочешь оставаться замужем таким образом?

– Да. – В ее ответе не было ни капли сомнения. – Один из друзей моего отца сегодня хочет предложить тебе работу. Думаю, тебе обязательно надо с ним встретиться.

– Я устал от всех друзей твоего отца так же, как от него самого.

– Он очень влиятельный демократ, и его работа, которую он тебе предложит, – государственная, – продолжала она, пропуская его слова мимо ушей. Спенсеру захотелось закричать. – И он считает, что ты можешь быть ему очень полезен.

– Сейчас я не хочу быть никому полезным. Я хочу быть полезным только самому себе. И тебе. Я хочу не думать о всей этой ерунде.

– Это вовсе не ерунда, Спенсер. Во всяком случае, я так не считаю. И все равно я не собираюсь давать тебе развод. Забудь об этом.

Посмотрев на нее, он понял, что она говорит серьезно. Она никогда не согласится развестись с ним. Он попал в ловушку. И возможно, навсегда.

– Ты уверена в этом?

– Абсолютно. – Она спокойно посмотрела на часы. – Мы должны быть там в полдень. Думаю, тебе пора одеваться.

– Я не ребенок, Элизабет. Я не желаю, чтобы мне все вре-

мя указывали, что я должен делать: когда одеваться, когда есть, а когда идти на прием. Я – мужчина и хочу жить с женщиной, которая бы меня любила.

– Мне очень жаль. – Она поднялась и холодно взглянула на мужа. Он потерял всякую надежду на то, что она согласится на развод. Теперь она еще и подозревала, что у него есть другая женщина. Но кто бы она ни была, она не получит Спенсера. – У тебя это займет немного времени, не так ли?

Она спокойно вышла из комнаты и через час снова спустилась вниз, одетая в новый, с иголки, костюм цвета морской волны, держа в руках сумочку из крокодиловой кожи такого же цвета; на ногах у нее были туфли, подаренные отцом на день рождения. И Спенсер, ненавидя себя в этот момент, тоже уже был одет в серый костюм. Но лицо говорило о том, что он собрался на похороны.

Она разговаривала с ним вполне любезно, как будто между ними ничего не произошло. Ему же казалось, что вся его жизнь кончена. Во всяком случае, какая-то ее часть. У него теперь не осталось никакой надежды. Друг ее отца, как и следовало ожидать, оказался человеком серьезным и довольно известным. Он предложил Спенсеру работу в государственном аппарате, что заинтересовало молодого человека. Спенсер сказал, что должен все хорошенько обдумать. Правда, скорее из вежливости. Пока он не поговорит с Кристел, ему не нужна никакая работа. Но когда он в тот же вечер позвонил Кристел, он понял, что у нее дела обстоят ничуть не

лучше. Эрни не спускал с нее глаз ни днем ни ночью, и она несколько раз замечала, что он следит за ней. Она даже боялась говорить со Спенсером по телефону, но, к счастью, в тот момент, когда он позвонил ей, импресарио не оказалось дома. Она сказала, что Эрни пригрозил ей. На самом же деле она боялась за жизнь Спенсера. Она прекрасно понимала, что у Эрни слова не расходятся с делом.

Все эти дни Эрни появлялся на площадке в самые неожиданные моменты, часами просиживал у нее в гримерке, прослушивал ее телефонные звонки, которых было совсем немного. Теперь ей разрешалось выходить из дома только на работу и обратно. Он больше не бил ее, не пытался с ней переспать, вообще не касался ее. Ему незачем было это делать. Он пообещал убить Спенсера. На следующий день после того, как он изнасиловал ее, он принес изумительное бриллиантовое ожерелье. Широко улыбаясь, он вручил его вместе с карточкой, на которой было написано: «Носи его, как пояс целомудрия. С любовью, Эрни». У нее не осталось никаких сомнений в том, что с ней произойдет, если она попытается уйти к Спенсеру. Он убьет их обоих. Ну уж ее-то – точно. Он сам сказал об этом.

Теперь она знала, что ей нужно делать. Ей нужно избавиться от Спенсера для его же безопасности. Но она даже не могла сказать ему об этом. Если Спенсер узнает правду, он наверняка захочет что-нибудь предпринять, а то еще придет и попытается увести ее от Эрни.

– Как там у вас идут дела? – Голос звучал глухо, было уже за полночь, и он совершенно вымотался после очередного разговора с Элизабет.

– Все гораздо сложнее, чем мы думали. – Кристел старалась говорить спокойно. С тех пор как он уехал из Калифорнии, это был его первый звонок. Она вспомнила, что ей предстоит ему сказать, и на глазах выступили слезы. Но она должна сказать ему это. Для его же блага.

– Это надо понимать так, что тебе понадобится год, не меньше? – Он постарался сказать это шутливым тоном, но его голос, как и ее, звучал подавленно. Он теперь очень хорошо понимал, что сделал непоправимую ошибку еще тогда, когда решил жениться на Элизабет, прекрасно сознавая, что не любит ее. Тогда он слушал всех, кроме своего сердца. Ему казалось, что во всех отношениях он поступает правильно. Он даже попытался убедить себя, что любит ее, и рассматривал свои чувства к Кристел как страстное, но безрассудное влечение.

– Ты поговорил с Элизабет?

– Да. Но ничего не добился. Она ничего и слышать об этом не желает. И заставить ее дать мне развод можно только силой или застав с кем-нибудь в постели. А развестись с ней я не имею права без ее согласия. Но я не намерен отступать. Придется немного подождать, Кристел. Я в любом случае постараюсь убедить ее. – Он еще не знал как, но он должен это сделать. Спенсер совершенно не ожидал того, что в следу-

ющий момент сказала Кристел. Ее слова подействовали на него подобно пуле, попавшей в самое сердце.

– Не старайся, Спенсер. Мы с Эрни все обсудили, и... – Она была в ужасе от того, что ей предстояло сказать, но изо всех сил старалась держать себя в руках. Это оказалась самая тяжелая роль в ее жизни, но, веря, что от нее зависит жизнь Спенсера, она просто обязана сыграть ее убедительно, независимо от того, что потом будет думать про нее Спенсер. Это уже не важно. Она немного знала о той роли, которую Эрни играл в Голливуде. Она слышала разговоры на площадке, когда они появлялись там вместе. И слухи о том, какие он имеет связи, не на шутку испугали ее. Эрни намного значительнее, чем казался, за его спиной стояли очень влиятельные люди. И для них Кристел стала источником хороших доходов. – Он считает, что если я уйду от него, то это может испортить всю мою карьеру, – продолжала она. – Общественность просто уничтожит меня.

Спенсер, слушая ее, чувствовал, как у него обрывается сердце.

– Что ты такое мне говоришь?

– Я говорю... – Она заставила себя говорить спокойным ледяным голосом. Ее голос всегда был таким теплым и страстным, как и ее песни. – Я говорю, что тебе не следует больше приезжать сюда. Я пока не собираюсь ничего менять в своей жизни.

– Ты остаешься с ним? И только потому, что кто-то там

может что-то сказать про тебя? Ты что, сошла с ума?!

– Нет. – Сердце у нее разрывалось на части, но голос был холоден как лед. Пусть лучше его ранят ее слова, чем Эрнни со своими друзьями сделают с ним что-нибудь ужасное. – Просто когда я тебя увидела, то немного потеряла голову. Мне нельзя этого делать... мы так давно не виделись, и я... в общем, вошла в роль... ты показался мне старым милым другом, и я сыграла роль наивной девочки, которая была в него когда-то влюблена. – Слезы градом текли у нее по щекам, но голос оставался твердым.

– Ты хочешь сказать, что больше не любишь меня? Она нервно проглотила комок в горле, думая только о нем и о той безрадостной жизни, которая теперь ее ждет.

– Это было так давно... и когда мы встретились, мы просто поддались сумасшедшим воспоминаниям, ты и я...

– Перестань молотить ерунду! Я ничему не поддавался. Я три года старался выжить в этой мерзкой, безобразной, чертовой войне только ради того, чтобы вернуться к тебе и сказать, как я люблю тебя. – Он почти кричал, но тут вспомнил, что ему следует говорить потише. Элизабет спала наверху, а ему вовсе не хотелось разбудить ее. – Конечно, может быть, я ждал слишком долго. Может быть, я был круглым дураком и наделал массу глупостей. Может быть, я действительно играл жизнью всех, кто меня сейчас окружает, но, Бог свидетель, ничему не поддавался, не играл своими чувствами, когда встретился с тобой. Я действительно люблю тебя. И я го-

тов приехать и жениться на тебе, как только улажу здесь все свои дела. И я хочу понять, что ты, черт возьми, там такое говоришь?

– Я говорю... что все кончено.

Они оба надолго замолчали, и когда он наконец заговорил, его голос дрожал, в нем слышались нотки отчаяния.

– Ты что, серьезно? – Ожидая ответа, он сдерживал рыдания.

– Да, – еле слышно проговорила она, – да, серьезно. Для меня теперь слишком важна моя карьера, и... я слишком многим обязана Эрни.

– Он что, заставил тебя это сказать? – Потом ему в голову пришла другая мысль. – Он что, рядом с тобой? – Это объяснило бы все. Она не могла говорить такое. Он же видел ее лицо и прекрасно понял, что она все еще любит его. Во всяком случае, ему так казалось.

– Конечно, нет. Ничего он не заставлял меня говорить. – Это была ложь во спасение. – Я не хочу, чтобы ты еще раз появлялся здесь. Я считаю, что мы вообще больше не должны видеться, даже как друзья. В этом нет никакого смысла, Спенсер. Между нами все кончено.

– Я не знаю, что тебе ответить. – Он уже открыто плакал, но старался, чтобы она не слышала этого. На мгновение он пожалел, что не погиб на войне.

– Продолжай жить своей жизнью, Спенсер. И знаешь что...

– Что? – спросил он загробным голосом.

– Я бы не хотела, чтобы ты мне звонил.

– Понимаю. Ну что ж... как говорится, будь счастлива. – Обиды не было, он просто убит горем после ее слов. – Но я хочу, чтобы ты кое-что знала. Если я тебе когда-нибудь понадоблюсь, я сразу же приеду. Тебе стоит только позвонить мне. Если ты вдруг когда-нибудь передумаешь... – Его голос сорвался, они ведь так мечтали быть вместе.

Но она должна убить в нем всякую надежду, это очень важно.

– Я не передумаю. – Она смертельно побледнела, но он не мог этого видеть. Она поступила так, как должна была поступить. Теперь в ее жизни не осталось никого, кроме Эрни. Это ужасно, но теперь она должна привыкать к этой мысли. Но в эти последние минуты она мечтала только о Спенсере, пусть он даже и не знал об этом. Она не хотела вешать трубку. Ей так хотелось слушать его голос, разговаривать с ним, побыть с ним подольше в этот последний раз. – Что ты собираешься делать с Элизабет? – Она спросила об этом, чтобы продлить разговор, но, если честно, это действительно безразлично.

– Не знаю. Она заявила, что не отпустит меня. Может быть, ей это удастся, а может, ей в конце концов надоест. Нам определенно не следовало заключать этот брак.

– Почему же она не хочет расстаться с тобой? – Слезы безостановочно текли у нее по щекам, но она изо всех сил старалась продлить их разговор.

– Она не желает падать в грязь лицом. И мне кажется, она

всегда хотела, чтобы я был с ней рядом. Для того, чтобы играть в гольф с ее папашей и ходить с ней на все эти чертовы вечеринки. – Говоря это, он почти не преувеличивал, по его понятиям все так и было. Как ни странно, ему казалось, что он знал Кристел так хорошо, как никогда не знал и никогда не узнает свою жену. – Честно говоря, я теперь не знаю, что делать – остаться в Вашингтоне или вернуться в Нью-Йорк, уехать с Элизабет или принять предложение, которое только что получил. – Теперь это не имело значения, он чувствовал себя марионеткой. – Все покрыто мраком, как говорится... или... так не говорится?

– Да, все именно так. – Она помолчала с минуту, борясь с желанием сказать, что любит его. Ей ненавистна мысль, что она не увидит его никогда, а он будет думать, что она не любит его. – Пусть это будет тайной для меня.

– Что ж, береги себя, Кристел, будь счастлива... – И он произнес слова, которые как ножом полоснули ее по сердцу: – Я всегда буду любить тебя.

Спенсер положил трубку и остался сидеть в своем маленьком кабинете, который Элизабет оборудовала специально для него, плача как ребенок, лишившийся матери. Он просидел так несколько часов, вспоминая все, что у них было с Кристел, перебирая в памяти каждый момент, который они прожили вдвоем. Он хотел поверить, что она поступает правильно. Нет, не может быть, чтобы карьера стала для нее дороже, чем он. Да, он знал, что она всерьез мечтает о

Голливуде, но все равно, предпочесть карьеру, отказаться от любви – это так не похоже на нее. А если это так, он обязан считаться с ее желанием. Но он никак не мог представить себе, как он будет жить без нее.

А в Калифорнии Кристел дрожащими руками опустила трубку. Все ее тело стало ватным, она понимала, что сделала то единственное, что должна была сделать. Она своими руками разрушила все, что ей по-настоящему дорого. Она, сама того не ведая, продала себя и свою душу ужасному дьяволу, и теперь ей придется расплачиваться за это, лишив себя самого дорогого в жизни. А то, что она получит взамен, не стоит этой жертвы.

Она долго сидела, уставившись в пространство, и никак не могла поверить, что Спенсер ушел из ее жизни навсегда. Ей казалось, что он умер, что она сама убила его. Она вспомнила, как чувствовала себя, когда погиб Джек. Ощущение вины, пустоты и одиночества опять с новой силой завладело ею.

– Что это ты выглядишь такой озабоченной? – Она подняла голову и в страхе отшатнулась. Она даже не слышала, как Эрни вошел в комнату и теперь стоял и сердито разглядывал ее. – Что-нибудь случилось? – Она покачала головой. Ей не хотелось с ним разговаривать. – Ну вот и отлично. Тогда одевайся. Сегодня вечером мы пойдем на премьеру. А потом встретимся с несколькими продюсерами, мне нужно показать тебя.

– Я не могу... – Она подняла на него глаза, полные страха.

– Я не очень хорошо себя чувствую.

– Ничего, сможешь. – Он подошел к бару и, налив в стакан немного виски, протянул ей. Она сделала маленький глоток и поставила стакан, не чувствуя, что ей от этого стало легче. Выпивка не может ей помочь. Ничто в мире теперь не может ей помочь. Но Эрни смотрел на нее с одобрительной улыбкой. – Ты хорошая девочка. А теперь иди одевайся. Через полчаса нам надо выходить.

Она посмотрела на него пустыми глазами и медленно побрела в спальню, в то время как он внимательно наблюдал за ней. Эрни был ею доволен. Он прослушал ее телефонный разговор с помощью микрофона, спрятанного в офисе.

В тот вечер, куда бы они ни пошли, везде были фотографии. Фотографы, которые все время щелкали, снимая ее под руку и в обнимку с Эрни. Она выглядела совершенно спокойной, но бледной, однако никто не замечал этого.

Они немного опоздали на премьеру. Их появление вызвало большой ажиотаж. На встрече с продюсерами он ободряюще похлопал ее по руке и был невероятно счастлив, поняв, как она понравилась. Она почти не разговаривала с ними, да и с Эрни тоже. Она пребывала далеко, совершенно в другом мире, в мире, который для нее больше не существовал. В мире, где она когда-то была счастлива со Спенсером.

Ко Дню благодарения Спенсер принял предложение друзей судьи Баркляя и поступил на работу в правительственный аппарат. Он чувствовал себя отступником, но понимал, что необходимо чем-нибудь заняться, чтобы не сойти с ума. Он не мог больше сидеть дома. Да и все равно теперь. Элизабет не собиралась давать развод, а Кристел ясно дала понять, что все кончено.

Но к его большому удивлению, работа оказалась интересной и понравилась ему. К Рождеству он уже немного успокоился. Он знал, что какая-то часть его души погибла в тот момент, когда он потерял Кристел. Тем не менее он с головой ушел в работу, трудился день и ночь и обнаружил, что политика нравится ему больше, чем он того ожидал.

Жизнь в Вашингтоне оказалась приятной, и Спенсер пришел бы в себя, если бы не ощущал невероятного одиночества от общения с Элизабет. Всякая надежда на взаимопонимание исчезала, стоило ему заикнуться о разводе. Как позднее раскаяние пришло к нему сознание, что она ему не нравится, а теперь она и не верила ему. Он устал от их брака.

Она могла бы быть прекрасным другом, умным, веселым, очаровательным. Но после того как он сказал, что не любит ее, их жизнь сильно изменилась. Зря он сказал ей, но тогда он надеялся жениться на Кристел. Элизабет никогда откры-

то не упрекала его, но он прекрасно понимал, что она может в любой момент использовать это против него. Та страсть, которая вспыхнула между ними в начале их знакомства, бесследно исчезла. Они продолжали спать вместе, они делали это чуть ли не по принуждению, каждый раз чувствуя сожаление и горечь. Но окружающие видели в них только счастливую, полноценную, прекрасно дополняющую друг друга молодую пару. И они очень хорошо играли свои роли. Они разочаровались друг в друге, но держали это в тайне. Она окунулась в работу, радовалась, что и у него появилось дело. Спенсер мог теперь встречаться с Кристел только в темноте кинозалов. Как-то вечером, когда Элизабет задержалась на работе, он сходил на первый фильм с участием Кристел и потом, когда они с женой вернулись после очередного отдыха из Палм-Бич, прочитал в газете, что она собирается сниматься в главной роли в большой картине.

Она не стала суперзвездой, но о ней писали и говорили очень много. Спенсер знал, что всем тем киностудиям, которые хотели подписать с ней контракт, приходилось иметь дело с Эрни. Она прямо-таки озолотила его и всех тех, кто за ним стоял, именно поэтому он пригрозил убить ее, если она его бросит. Он очень выгодно разместил свой капитал. Газеты сообщали, что она начнет сниматься в новом фильме в июне, а пока она появлялась на страницах газет в обнимку с Эрни или рядом с каким-нибудь киногероем, которого выбирал ей для рекламы все тот же Эрни. Она мелькала на

страницах газет довольно часто.

Она явно восходила на небосклоне кинозвезд, и Спенсер содрогался при мысли о том, какая у нее теперь жизнь с Эр-ни. Его чуть ли не тошнило, когда он об этом думал.

И когда в июне Кристел начала сниматься на площадке Палм-Спринг, Спенсер со своим новым начальником поехал в Бостон налаживать новые политические связи. Они побеседовали с молодым сенатором, провели несколько нужных встреч и улетели обратно в Вашингтон. Элизабет бросила работу и решила поступить на юридический факультет. Ее очень радовали успехи мужа. Дела у него шли хорошо, так говорил и его отец. Наконец-то Спенсер делал то, что она хотела. Она даже стала относиться к нему более дружелюбно. Он перестал заводить разговоры о разводе, видимо, взялся за ум.

Когда однажды холодным ноябрьским днем у них в доме зазвонил телефон, Элизабет была на занятиях, а Спенсер только что вернулся из офиса. Он еще не читал вечерние газеты и не знал новостей. У него екнуло сердце, когда он, подняв трубку, услышал неясное всхлипывание. Он понял, что звонок междугородний, так как их соединил оператор. Прошло несколько минут, прежде чем он услышал знакомый голос, и сердце замерло, когда он понял, что это Кристел. С их последней встречи прошел почти год.

– Кристел... это ты?

На другом конце провода стояла тишина, и он слышал

только треск. На какое-то мгновение ему показалось, что их разъединили. Но потом снова услышал ее голос – она истерически плакала и говорила что-то, но что, он никак не мог разобрать.

– Где ты? Откуда ты звонишь? – Он кричал в трубку и потом снова услышал, как она плачет. Он разобрал только свое имя, больше ничего. Он посмотрел на часы и прикинул, что сейчас в Калифорнии три часа дня. – Кристел... послушай меня... постарайся взять себя в руки... ответь мне. Что произошло? – По-видимому, что-то ужасное. Он и сам готов был расплакаться от отчаяния. – Кристел! Ты хоть слышишь меня?

– Да, – простонала она и опять начала всхлипывать.

– Что с тобой, дорогая? Где ты находишься? – Он сам забыл, где находится. Он не мог думать ни о чем, кроме девушки, находящейся на другом конце провода. Он мечтал оказаться с ней рядом, помочь, защитить. Хорошо еще, что она позвонила ему. И если только этот сукин сын тронул ее хоть пальцем, Спенсер убьет его.

Наконец рыдания немного утихли, и он услышал, как она переводит дыхание.

– Спенсер... мне нужна твоя помощь... – Он закрыл глаза, готовый услышать продолжение. – Я в тюрьме.

Он расширил глаза от удивления и почувствовал, что все тело напряглось.

– За что?

Последовала долгая пауза, потом он услышал душераздирающий всхлип, потом снова все стихло.

– За убийство.

Он почувствовал, что стены комнаты поплыли у него перед глазами.

– Ты это серьезно? – Но он уже знал: она не шутит, и по спине у него пробежал холодок.

– Я не делала этого... Клянусь... кто-то этой ночью убил Эрни... в Малибу. – Она пыталась объяснить ему что-то, но смогла. Машинально он схватил карандаш и принялся записывать то небольшое, что мог расслышать. Она в Лос-Анджелесе. Этим утром тело Эрни найдено в его доме, в Малибу. За ней пришли в дом в Беверли-Хиллз, забрали в тюрьму и обвинили в убийстве.

– У них есть для этого какие-нибудь основания?

– Я не знаю... не знаю... Мы поссорились вчера на пляже, и кто-то видел это. Он ударил меня, – Спенсер отшатнулся, как будто сам получил удар, – и я ответила ему, но это все... потом вечером я уехала оттуда. Он говорил, что ждет друзей, деловых партнеров, чтобы что-то обсудить. Я не знаю, кто они такие.

Он слушал ее и продолжал записывать.

– Он ждал еще кого-нибудь?

– Не знаю.

– Из-за чего вы поссорились? – Он спрашивал как адвокат, делая быстрые пометки.

– Опять из-за контракта. Я хотела разорвать его. Он использовал меня, как машину. Всегда забирал все деньги, и я оставалась ни с чем. Он даже не давал мне выбирать фильмы, в которых я должна сниматься. Он просто пользовался мной... – Она опять начала всхлипывать. Теперь она наконец-то до конца поняла, кто он такой, но слишком поздно. Она не могла от него избавиться и поэтому чуть не потеряла Спенсера. – Я ненавидела его... но я никогда бы не убила его, Спенсер, клянусь.

– Ты можешь доказать это? Кто-нибудь видел тебя в Берли-Хиллз? Ты куда-нибудь ходила? Может быть, звонила друзьям?

– Нет, никому, и никто меня не видел. У меня болела голова после того, как он ударил меня на пляже, и я легла в постель. Горничной не было, водителя я тоже не видела. – Теперь он понял, почему они арестовали ее. У нее был мотив и не было алиби, и никто не мог подтвердить ее рассказ. – Спенсер, – ее голос стал похож на голос ребенка, – я знаю, что не имею права просить тебя об этом... ты, наверное, скажешь, чтобы я катилась ко всем чертям... но у меня нет больше никого, к кому я могла бы обратиться... Спенсер, ты... ты поможешь мне?

Последовала пауза, и он услышал, как она шмыгает носом. Он уже знал, что сделает. Он знал это с первой минуты, как только услышал ее голос. Ему не потребовалось много времени, чтобы принять решение, у него не было выбора, он

уже знал, что незамедлительно полетит в Калифорнию.

– Завтра буду у тебя. И найду кого-нибудь для твоей защиты.

– Ты можешь сделать это для меня, Спенсер? О Боже... я так боюсь. Вдруг не смогут доказать, что меня там не было? – Она говорила, как маленький ребенок, и он всем сердцем хотел оказаться рядом с ней. Спенсер не заметил, как в комнату вошла жена. Она остановилась посреди гостиной и внимательно слушала его беседу с Кристел.

– Не беспокойся. Мы сможем это доказать. Но послушай, я ведь не адвокат по уголовным делам. А тебе сейчас нужен именно такой... и самый лучший. Учти это, Кристел... пожалуйста... – Он очень боялся, что сам не сможет оправдать ее, а ставка слишком велика. От этого зависит ее жизнь. И его тоже.

– Я только прошу, чтобы ты что-нибудь сделал... если у тебя найдется время... – Она даже не подумала об этом, но теперь забеспокоилась, что у него не окажется времени заниматься ее делами. Она уверена, у него важная работа, и, может быть, он не сможет оставить ее. Но его волновало совсем другое. Ведь у него не было никакого опыта работы по уголовным делам, как бы он ни был заинтересован в этом и как бы сильно ее ни любил.

– Мы поговорим об этом, когда я буду на месте. В данный момент тебе что-нибудь нужно? – Он опять начал кричать, потому что на линии послышался треск.

– Да. – Она улыбнулась сквозь слезы на другом конце провода. – Ножовка, – послышался не очень радостный смешок, и он улыбнулся:

– Умница. Мы вытащим тебя оттуда. Держись. Я буду у тебя раньше, чем ты думаешь. И знаешь, Кристел... – Он улыбнулся, думая, что скоро увидит ее. Но тут заметил Элизабет, наблюдавшую за ним все это время, и понял, что ему не удастся закончить фразу так, как бы он хотел. – Я рад, что ты мне позвонила.

Она тоже была рада, хотя чувствовала себя ужасно виноватой перед ним за то, что год назад попросила его оставить ее в покое. Но у нее не было никого, к кому бы она могла обратиться. А его она не переставала любить ни на минуту.

– Я сказала, что ты мой адвокат. Это правильно?

– Просто отлично. Скажи, что я могу это подтвердить. И больше ничего не говори. Ни слова! Слышишь меня?

– Да... – Она слегка заколебалась. Ей уже задали так много вопросов. Они терроризировали ее целый день, пока она не начала биться в истерике, и тогда ей наконец разрешили позвонить адвокату.

– Я требую этого! Ничего не говори. Сперва ты должна все рассказать мне. Поняла?

– Да! – Теперь ее ответ прозвучал увереннее.

– Хорошо, – он был удовлетворен, – увидимся завтра. Поверь, мы вытащим тебя оттуда.

Она поблагодарила его и опять начала плакать. В следую-

щее мгновение они оба повесили трубки. Несколько секунд он стоял, задумчиво глядя на телефон, а потом повернулся к наблюдавшей за ним Элизабет.

– Ну и что все это значит?

Несколько бесконечно долгих мгновений они смотрели друг другу в глаза. Он понимал, что должен сказать ей правду или хотя бы большую ее часть. Она и так все узнает, как только история попадет в газеты. Кристел довольно известна, и эта история получит большую огласку.

– Один мой очень хороший друг в Калифорнии попал в беду. – Он перевел дыхание, а она нахмурилась. – Завтра я собираюсь туда лететь.

– Можно узнать зачем? – Она закурила, ее глаза были холодны как лед.

– Я хочу посмотреть, чем можно помочь.

– Можно мне узнать, кто этот друг?

Он поколебался всего секунду и ответил:

– Ее имя Кристел Уайтт.

Это имя ничего не говорило его жене, зато многое сказал его взгляд.

– Я не помню, чтобы ты произносил это имя когда-нибудь раньше. – Она медленно села на кушетку, стараясь не оторвать взгляда от его лица, инстинктивно чувствуя, что это та женщина, которая стоит между ними. – Что это за подруга, Спенсер? Твоя давняя страсть?

– Это одна маленькая девочка, которую я знаю очень дав-

но. Но теперь она, как ты понимаешь, выросла, и у нее большие неприятности. – Он не стал садиться рядом с ней, и это сделало еще толще ту стену льда, которая и так уже выросла между ними.

– О! И что же ты собираешься сделать, чтобы помочь ей?

– Если смогу, буду защищать ее сам или найду хорошего адвоката.

– А в чем ее обвиняют?

Он посмотрел жене прямо в глаза:

– В убийстве.

В комнате повисла тишина, потом Элизабет, кивнув головой, произнесла:

– Понятно. Это серьезное обвинение, не так ли? А не приходило ли вам в голову, сэр Галаад³, что вы вовсе не являетесь адвокатом по уголовным делам?

– Я сказал ей об этом. Но я собираюсь найти кого-нибудь, кто смог бы защитить ее.

– Ты сможешь сделать это и отсюда, – сказала она, гася сигарету.

Но Спенсер покачал головой:

– Нет, не смогу. – Он знал, что должен быть там. Может быть, просто для того, чтобы встретиться с ней. Она позволила ему, будучи в совершенном отчаянии, и он не собирался бросать ее в беде. Единственный раз ему выпал шанс по-

³ Персонаж из средневековой легенды о короле Артуре и рыцарях Круглого стола. В образном значении – бескорыстный, благородный человек.

настоящему помочь ей. На карту поставлена ее жизнь, и, что бы за этим ни последовало, он просто обязан помочь, если даже ему самому придется вести процесс. – Завтра утром я улетаю.

– На твоём месте я бы не стала этого делать. – Она внимательно посмотрела на него, и ему показалось, что в её голосе прозвучала скрытая угроза. Но его решение ничто не смогло бы поколебать.

– Я должен это сделать.

Она произнесла очень спокойно:

– Если ты уедешь, я разведусь с тобой. – Ещё год назад он только и мечтал об этом, а сейчас она решила пригрозить ему таким образом. Но ему уже все равно, что она сделает или скажет. Спенсер знал – он полетит в любом случае.

– Мне очень жаль это слышать.

– Неужели? – Она становилась спокойнее с каждой минутой. – Тебе, конечно, этого очень хотелось бы. А как насчет мисс Уайт? Как она себя будет чувствовать в этом случае?

– Единственное, что она сейчас чувствует, это страх, Элизабет. – Глядя на жену, он почувствовал, что у него вспотели ладони. Их неприязнь друг к другу достигла наивысшей точки. Для этого потребовалось много времени. – Я не знаю, сколько мне придется отсутствовать.

– Я сказала тебе вполне серьезно. Я не желаю, чтобы ты публично позорил меня, строя из себя идиота где-то в Калифорнии.

– Мы сможем поговорить об этом, когда я вернусь. Обещанный развод с ее стороны был не более чем попыткой припугнуть его.

– Я так не думаю, Спенсер. Тебе следует все хорошенько обдумать, прежде чем ехать. – Тишина в комнате сделалась такой плотной, что ее, казалось, можно было разрезать ножом. – Мне кажется, ты начинаешь делать успехи в политике, а развод разрушит достигнутое.

– Это похоже на шантаж.

– Называй, как тебе нравится. Но об этом стоит подумать, не так ли?

– У меня нет другого выбора. – Он провел рукой по волосам. Виски у него стали совсем седыми. Ему уже тридцать пять, и вот уже восемь лет он любит Кристел. А теперь настал момент, когда она действительно нуждается в нем. И он не бросит ее на произвол судьбы. Пусть Элизабет пугает его, чем хочет. – Элизабет, пойми... я ей очень нужен.

– Ты что, влюблен в нее? – Но по его глазам она поняла, насколько глупый вопрос задала.

– Был влюблен. – В первый раз он не лгал ей. Но теперь все равно поздно говорить правду. Их брак с самого начала не заладился. Он никогда не переставал мечтать о том, чего у них с женой не было и в помине. О том, что он в полной мере испытал в те короткие мгновения, когда был с Кристел.

– А сейчас?

– Не знаю. Я не видел ее очень давно. Но я еду туда совсем

не поэтому. У нее нет больше никого, к кому бы она могла обратиться.

– Как трогательно. – Элизабет поднялась и направилась к лестнице, ведущей в спальню. – Подумай над тем, что я сказала. Прежде чем уехать. Думаю, ты решишь найти для нее другого адвоката с помощью телефонного звонка.

Но Спенсер, как только она ушла, позвонил в аэропорт и заказал билет. Медленно поднимаясь по лестнице, он думал, что теперь произойдет между ним и женой. Но сейчас это не имело значения. Сейчас главное – спасти Кристел. И к этому надо подойти с трезвой головой. На карту поставлена ее жизнь. В этой истории был один положительный момент – Эрнесто Сальваторе мертв. Но Спенсер прекрасно понимал, что ее могут приговорить к высшей мере наказания или к пожизненному заключению.

Он поднялся в свою комнату и собрал вещи. Потом позвонил боссу и сказал, что вынужден полететь в Калифорнию по личному делу. Босс его прекрасно понял, и Спенсер сказал, что позвонит ему сразу же, как только выяснит, как обстоят дела. Он зашел в спальню и увидел, что Элизабет спокойно читает газету. Она странно посмотрела на него, он заглянул в газету и понял, что она читает статью об убийстве Эрни, над которой была помещена большая фотография Кристел. Она выглядела далеко не такой красивой, как в жизни, но все равно была просто очаровательна в огромной шляпе, сильно декольтированном платье, со струящимися по пле-

чам белокурыми волосами. Казалось, ее глаза смотрят тебе прямо в душу. Элизабет, оторвавшись от фотографии, взглянула на Спенсера. На ее лице появилось выражение недоумения. Она видела эти глаза когда-то давно и теперь, глядя на мужа, вспомнила где.

– Это та самая девица из ночного клуба, не так ли?

Она помнила ее. Увидев Кристел хоть однажды, невозможно было ее забыть. И Спенсер медленно кивнул. Теперь она знала правду. Да, он обманул ее насчет Кристел с самого начала, но тогда он еще пытался внушить себе, что влюблен в Элизабет Барклай. А теперь он глядел жене в глаза, чувствуя печаль, сожаление и свою вину. Они оба прекрасно знали, что их брак с самого начала был всего лишь глупой ошибкой.

– Забавно, – промурлыкала Элизабет, – я все время подзревала, что это она. Я все еще помню, какое в тот вечер у тебя было лицо. Ты выглядел так, как будто в тебя ударила молния.

Он улыбнулся. Именно эти слова он произнес много лет назад, рассказывая ей о своих чувствах. Он вспомнил про раскаты грома, молнии, ангелов...

– Так ты едешь? – Она снова посмотрела ему в глаза.

– Да.

Она кивнула и выключила свет. Лежа в постели рядом с женой, он думал о Кристел, как она там, в тюрьме...

Железная дверь открылась с дурацким клацающим звуком, и Спенсер оказался в маленькой комнате с большим окном, старым, разбитым столом посередине и двумя стульями. Охранник оставил его одного, закрыв за собой дверь. Одно только пребывание здесь показалось ему ужасным. Когда ввели Кристел, он совершенно опешил. На ней был синий тюремный халат, а руки скованы наручниками за спиной. Она смотрела на него расширенными от страха глазами, и сердце Спенсера разрывалось от боли, пока он смотрел, как охранник снимает с нее наручники и уходит из комнаты, оставляя их вдвоем. Спенсер не смел даже поцеловать ее, так как считался ее адвокатом. Он мог смотреть на нее, чувствовать, как любовь к этой девушке, которая никогда не проходила, возвращается к нему с новой силой. И как только их глаза встретились, он понял, что и она никогда не переставала любить его. Все переживания прошедшего года исчезли, как будто их и не было, и он, стоя напротив Кристел, почувствовал себя сильным и способным защитить ее.

Он подозревал, что комната прослушивается, поэтому тихо произнес необходимые слова приветствия, дотронулся до руки девушки, не смея выразить словами свои чувства. Она в ответ крепко прижалась к нему, и на глазах у нее показались слезы. Она так долго жила без него, а последний

год прошел, как кошмарный сон.

– Как ты себя чувствуешь?

Она кивнула и села, не выпуская его руки. Спенсер подождал несколько минут, прежде чем начал задавать вопросы. Он попросил ее рассказать ему все сначала и был потрясен услышанным. Сальваторе держал ее, как рабыню, правда, клетка была позолоченной, но она охранялась очень тщательно. В последние месяцы Кристел делала только то, что он ей позволял. Работа в картине, вечеринки, появление в обществе, поездки за город. Все остальное время он держал ее дома под тщательным наблюдением. Она не смирилась и постоянно ссорилась с ним. Но никогда конкретно ничем не угрожала.

– Кто-нибудь слышал ваши ссоры?

– Служанки, – кивнула она, – шофер.

– А кто-нибудь из его друзей?

– Да, некоторые. Они обычно приезжали к нему в Малибу.

Но он никогда не посвящал меня в свои дела.

Она также подозревала, что у него была другая женщина. За последние несколько месяцев он несколько раз грубо изнасиловал Кристел и один раз поставил ей под глазом синяк, из-за которого ей пришлось отказаться от съемок на две недели. Это известие просочилось в газеты. Они написали, что с ней произошел несчастный случай, она сильно повредила лицо и временно не может сниматься. Вместо этого она занялась озвучиванием фильма, так как теперь в картинах

звучали ее песни.

Спенсер спросил, уставившись в стол:

– Почему ты не позвонила мне?

– Он сказал, что убьет тебя, если я еще хоть раз попытаюсь связаться с тобой. Он знал, кто ты, видел тебя в тот раз, когда ты приезжал. Поэтому... – она заколебалась, – в прошлом году, когда ты позвонил мне, я сказала, что между нами все кончено. Я испугалась за тебя. – Она посмотрела на него с грустью, вспомнив боль, которую тогда испытала. Но сердце Спенсера радостно екнуло. Значит, она любила его и отказалась только ради того, чтобы он был в безопасности. Он смотрел на нее ласковыми глазами и улыбался, а Кристел рассказывала, что Эрни обещал и ее убить, а в последнее время все чаще возникали ссоры из-за контракта. – Все деньги он забирал себе. Все, до последнего цента. Он давал мне только на одежду.

«Она жила с ним, как проститутка с сутенером», – подумал Спенсер, но вслух этого не сказал. Он сидел и слушал, время от времени записывая то, что считал важным. Он спрашивал ее о разных людях и событиях, а также о времени и месте, где они происходили.

– Я считала, что многим ему обязана, и просто не понимала всех его действий. – Она посмотрела Спенсеру прямо в глаза, и у него защемило сердце от этого честного, прямого взгляда. К тому же теперь он знал, почему она запретила ему приезжать в Калифорнию. – Сейчас я понимаю, что он

с самого начала считал меня своей собственностью. Я для него была вещью. Вещью, которую он нашел и смог сделать на ней деньги. А сперва он внушил мне, что делает все только ради меня. – Она с горечью посмотрела на Спенсера. – И я привыкла к мысли, что должна ему. А он отнял у меня все, даже тебя.

Теперь Спенсер очень хорошо это понимал.

– И что потом?

– Мы очень часто ссорились.

– На людях?

– Иногда. – Она была с ним совершенно откровенна. – Я как-то сказала Хедде, что собираюсь разорвать с ним контракт и ищу нового агента. Он чуть не убил меня за это. Мне кажется, с ним в доле был кто-то еще и он боялся, что тот или те будут недовольны. Но точно я ничего не знаю, потому что больше никогда не видела свой контракт, а в тот день, когда я подписывала его, я была слишком наивна и не прочла его. – Она потеряла связь даже с Гарри и Перл. В конце концов Сальваторе отрезал ее от всех. Она только работала, и с каждым разом ее картины становились все значительнее и популярнее. Его капиталовложение давало хорошую прибыль. Как удачливая породистая лошадь...

– Ты ссорилась с ним в тот день, когда он погиб?

– Только один раз, на пляже, как я тебе уже говорила. Но на этот раз я тоже ударила его. Сильно. Мне казалось, что у него из уха идет кровь, когда я повернулась и пошла к до-

му. Но меня это несколько не волновало. Я ненавидела его, Спенсер. Это был дьявол! Думаю, он действительно мог бы убить меня.

– Кто-нибудь видел, что у него идет кровь? Как ты ударила его?

– Да, сосед, я так думаю. Он прогуливал на пляже свою собаку. Он заявил в полиции, что видел, как я замахнулась на Эрни палкой. Но это не так. В одной руке у меня был кусок деревяшки, который я выловила из моря, но ударила я его другой рукой.

Спенсер, внимательно слушая, кивнул и что-то записал в блокноте, заметив, как мимо окошка прошел охранник.

– А что потом?

– Я зашла в дом, он вернулся и ударил меня.

– У тебя остались следы от удара?

– Нет, – она покачала головой, – на этот раз нет. Он почти всегда заботился об этом. Он не хотел, чтобы я прерывала работу. Если бы это случилось, он и его дружки могли потерять деньги.

– А кто они такие? Ты не знаешь? – Она покачала головой. – А потом, что было потом? – Он очень тщательно восстанавливал ход событий. Когда он позвонит и договорится с адвокатом, который будет защищать ее, он должен предоставить подробное и тщательное описание всех деталей. Он надеялся, что ему удастся нанять самого лучшего защитника. Жалко, что сам он никогда не сталкивался с уголовными

делами. Его опыта, вернее отсутствия оногo, чертовски мало. Ей, несомненно, нужен хороший адвокат.

Кристал вздохнула и высморкалась в чистый белый носовой платок, протянутый ей Спенсером. Она посмотрела на него с благодарностью, глубоко вздохнула и закрыла глаза, пытаясь вспомнить.

– Не знаю... я ходила по дому... мы продолжали переругиваться еще долго... Потом я разбила лампу.

– Каким образом?

– Я запустила лампой в него.

– И попала?

– Нет, – она грустно улыбнулась сквозь слезы, – промахнулась. – Потом ее улыбка угасла. – А потом он сказал, что кого-то ждет и хочет, чтобы я вернулась домой в Беверли-Хиллз.

– Он сказал, кого именно? Она покачала головой:

– Он никогда мне этого не говорил.

– Кто-нибудь видел, как ты уходила?.. Может быть, соседи? Или слуги?

– Там никого не было. Мы были совершенно одни.

– Во сколько ты ушла?

– Около восьми. На следующий день я работала. А в тот день взяла выходной. Я очень хотела поскорее лечь. Он сказал, что останется в Малибу. А потом... я больше ничего о нем не знала и не видела его. Я думала, что все в порядке. В пять часов утра водитель, как обычно, отвез меня на кино-

студию, – и тут слова начали застревать у нее в горле, – а в девять... пришла полиция... прямо на площадку... и они сказали... сказали, что он мертв. Его нашли с пятью пулями в голове и определили, что смерть наступила около полуночи.

– Оружие нашли?

Она опять испуганно кивнула:

– Да, его выкинуло на пляж прибором. Кто-то хотел от него избавиться, но кинул не очень далеко, я так думаю... и еще... там, на пляже, обнаружены следы женщины... но, Спенсер, – она опять начала всхлипывать, – клянусь, я не убивала его!

Он схватил ее за руки.

– Ты когда-нибудь прежде видела пистолет? Она кивнула:

– Да, это пистолет Эрни. Я его видела пару раз у него в столе, но потом он, наверное, испугался, что я им воспользуюсь, и... с тех пор я его не видела, пока... пока вчера утром мне его не показали полицейские.

– Как ты думаешь, кто еще мог знать, где лежит пистолет, и воспользоваться им?

– Не знаю... не знаю...

За последний год у нее была масса возможностей и причин, чтобы убить его, но Спенсер прекрасно понимал, что не она сделала это. А зная обширные связи Сальваторе, можно предположить, что его мог убить кто угодно. Кому-нибудь могло не понравиться, что его не взяли в долю, или женщина, которую он обманул; он мог кого-нибудь обыграть в карты, или это мог быть кто-нибудь из подчиненных, ко-

которые его ненавидели, или даже его боссы. Спенсер понимал, что если они принадлежат к подпольному миру бизнеса, то их очень тщательно будут скрывать. Разыскать настоящего убийцу вряд ли возможно. Они подставили Кристел под удар. Она идеально подходит для того, чтобы набросить петлю ей на шею.

Вдруг в этой отвратительной комнате он услышал, как Кристел прошептала:

– Как ты думаешь, чем все это может закончиться? Ему очень не хотелось отвечать на ее вопрос. Если они не смогут доказать ее невиновность, ей грозит пожизненное заключение или кое-что похуже. Он даже думать об этом не хотел. Он знал одно – этого нельзя допустить.

– Мне не хочется тебя обманывать, Кристел. Предстоит тяжелый процесс. У тебя была возможность убить, был мотив, и у тебя нет никакого алиби. Это просто невероятное совпадение. Слишком много людей знают о ваших дрязгах. Черт, да любой на твоём месте возненавидел бы его. Рассчитывать можно только на одно: кто-то должен был видеть, как ты уходила из дома в Малибу или возвращалась в Беверли-Хиллз. Ты уверена, что тебя никто не видел?

– Не уверена, но, если честно, не могу себе даже представить, кто бы это мог быть.

– Хорошо, подумай об этом. Для этого дела нам нужен чертовски хороший следователь. – Он уже решил, что сам оплатит все расходы. Спенсер знал, что у Кристел ничего

нет. Сальваторе лишил ее всех доходов.

– Что ты теперь собираешься делать? – Она смотрела на него испуганными глазами. Ужасно, но ей придется возвратиться в камеру. Все охранники открыто пялились на нее, а несколько женщин-заклученных проявляли явно нездоровый интерес к «малышке-кинозвезде», как они ее называли. То, что Кристел Уайтт оказалась в тюрьме, стало сенсацией, и Спенсер очень хотел забрать ее оттуда. Но все его попытки взять ее под залог не увенчались успехом. Весь день он добивался, чтобы ее перевели на ослабленный режим за убийство в результате несчастного случая, но следователь продолжал обвинять ее в умышленном убийстве и заявил, что она должна находиться в тюрьме до начала процесса. Спенсер попросил ее держаться изо всех сил и отправился обратно в отель, чтобы сделать несколько звонков. Он позвонил своим друзьям с юридического факультета, и они назвали ему имена лучших адвокатов в Лос-Анджелесе. Но большинство из этих адвокатов совершенно не заинтересовались этим случаем, для них все было ясно. Другие заявили, что случай с «монстром и его малышкой» слишком щекотлив. Спенсер в ярости повесил трубку после последнего звонка, встал и бессмысленными глазами окинул комнату. Он принял решение. Он не мог доверять Кристел ни одному из них. Решив, что будет защищать ее сам, он молился лишь о том, чтобы у него хватило опыта для ее защиты. На карту поставлены ее жизнь и их будущее.

В тот вечер он позвонил Элизабет и в свой офис и сказал, что остается. Его босс был не в восторге, а Элизабет пришла в ярость. Он очень хорошо помнил угрозы, которые она упоминала перед его отъездом, но ни одна из них не имела сейчас никакого значения. Жизнь Кристел в опасности, и только он мог защитить ее.

– И сколько же все это продлится, Спенсер? – спросила она после того, как он сообщил, что стал адвокатом следствия.

– Не знаю. Она имеет право находиться под следствием тридцать дней, а сам процесс займет еще несколько недель. Думаю, придется пробыть здесь месяца два, а то и больше. – Он вздохнул, укладываясь на кушетку. Этот день, казалось, длился бесконечно, и он не добился ничего.

Но Элизабет просто взбесилась, когда он сказал, сколько пробудет в Калифорнии.

– Мне кажется, ты не собираешься возвращаться домой к Рождеству? – Оставался месяц, и они, как обычно, собирались поехать с ее родителями в Палм-Бич.

– Не думаю, что меня примут с распростертыми объятиями.

– Правильно думаешь. Но, черт возьми, что я теперь скажу своим родителям? – Опять то же самое. Спасти свою репутацию гораздо важнее, чем спасти их брак. Но теперь, зная, что Кристел его любит, он считал, что им незачем спасать брак.

– Думаю, тебе ничего не надо им говорить. Они сами все узнают из газет. Этот процесс не сойдет со страниц в течение нескольких месяцев. – Некоторые репортеры сфотографировали его, когда он выходил из тюрьмы, и он рассчитывал увидеть свои фотографии уже на следующее утро.

– Грандиозно. А как же твоя работа? Полагаю, о ней ты подумал? – Ее отец наверняка тоже поинтересуется прежде всего этим. Такое впечатление, что судья одолжил ему все, даже свою дочь.

– Я сказал, что вынужден отсутствовать неопределенное время. Послушай, когда бы я ни вернулся, правительство никуда не денется, а если они меня уволят, это их дело. Я могу подыскать себе что-нибудь другое, когда вернусь, ведь правда? – Если он, конечно, вообще когда-нибудь вернется. Но об этом можно подумать потом.

– Ты относишься ко всему этому слишком легкомысленно.

– Поверь, это не так. Но сейчас я стараюсь найти выход из гораздо более сложной ситуации. Жизнь девушки в опасности, Элизабет. И я не собираюсь отворачиваться от нее.

– И я даже знаю почему. – Она заколебалась, а он вздохнул. – А то она еще убьет тебя.

– Спокойной ночи, Элизабет. Я позвоню через несколько дней.

– Не стоит. Я буду на занятиях, а в следующий уик-энд собираюсь с друзьями покататься на лыжах. А День благода-

рения проведу с родителями.

– Передай им мои наилучшие пожелания. – Он сказал это с легкой иронией, и ей это не понравилось. Он уехал слишком далеко, и она уже почти приняла решение не пускать его обратно домой, даже если он будет просить.

– Катись к черту.

– Спасибо. – Наконец-то он может остаться с Кристел.

Он целыми днями просиживал с ней, проверяя ее показания, вновь и вновь допрашивая и переспрашивая, но она отвечала все время одинаково, и на третий день он был уверен, что она не виновна. Он побывал на нескольких допросах и нанял следователя, который очень тщательно проверил все сказанное ею. Но, как она и предполагала, никто не видел, как она выходила и заходила, и только единственный свидетель утверждал, что видел, как она ударила Эрни палкой на пляже. Он добавил, что она, как ему показалось, замерла, увидев кровь. Ситуация для нее и для них обоих складывалась довольно безрадостная, и это еще больше усугублялось тем, что у нее были возможности и мотив и она не могла доказать, где была в ночь убийства.

Она худела день ото дня, и Спенсеру казалось, что ее глаза становятся все огромнее. Ее убивало происходящее. На Рождество у него сердце обливалось кровью, когда он оставлял Кристел в тюрьме, где она получила, как и другие заключенные, кусок жареной индюшки. Они все еще не осмеливались сказать друг другу о своих чувствах. Но перед тем как

уйти, он долго держал ее за руку, и они молча разговаривали, глядя друг другу в глаза. Слова не понадобились, они всегда обходились без них. Они просто сливались воедино.

Начало процесса назначили на девятое января, и отсрочка была минимальной. Спенсер полагал, что задержек никаких не предвидится. Он хотел, чтобы процесс начался и закончился как можно скорее. Они выбрали позицию самозащиты. В этом была единственная возможность спасти Кристел, и Спенсер старался изо всех сил, чтобы жюри присяжных состояло в основном из женщин.

Накануне Рождества он позвонил Элизабет в Палм-Бич, но она отказалась разговаривать с ним. Прициллия Барклай натянуто сообщила, что читала о нем в газетах. Но ему казалось бесполезным оправдываться. Как перед ней, так и перед своими родителями, которым он позвонил наутро после Рождества.

– Что, черт возьми, ты там такое творишь? – грубо спросил судья Хилл. – У тебя нет опыта в уголовных делах. Ты проиграешь процесс этой девушки. – Именно этого и боялся Спенсер больше всего.

– Я не могу найти никого, кто взялся бы за это, у меня слишком мало времени.

– Это не причина, чтобы самому играть в такие игры.

– Я и не играю, отец. Я делаю все возможное.

– Элизабет это не понравится.

– Ей это уже не нравится.

– Я ничего не понимаю. – Судья в смятении качал головой, пока Спенсер желал им с матерью счастливого Рождества. Несколько раз он задумывался: не эту ли девушку упоминал сын во время их разговора, когда вернулся из Кореи? Что-то подсказывало, что это именно она. Если дело обстоит таким образом, их определенно ждут осложнения в отношениях с Баркляями. Он частенько задумывался, понимает ли Спенсер, во что втянул себя. Но когда сын звонил, отец давал ему посильные советы, как вести процесс. Он подтвердил, что версия самозащиты – единственная их надежда, да и то довольно слабая.

Выборы в жюри присяжных заняли десять дней, но в конце концов Спенсер добился того, чего хотел. В состав жюри вошли семь женщин и пятеро мужчин, и всем им окольными путями было известно, как жестоко Сальваторе использовал Кристел. Спенсер даже пошел в магазин и купил для нее платье, в котором она должна была предстать перед судом. Он хотел, чтобы она выглядела так же, как тогда, когда он впервые встретил ее – невинно и трогательно. Ей не нужно было притворяться испуганной: когда она садилась за стол защиты рядом с ним, она просто тряслась от страха.

Обвинение прокурора прозвучало прямолинейно, грубо и жестоко. Он нарисовал нелестный портрет девушки, которая приехала в Голливуд для того, чтобы всеми правдами и неправдами сделать себе карьеру. Она не погнушалась жить с человеком вдвое старше ее из-за его весьма сомни-

тельных связей. Он не собирался скрывать, кто на самом деле был Эрни, наоборот, попытался использовать это против нее. Районному прокурору это удалось блестяще. Он указал на нее пальцем, заявляя, что она вела себя как проститутка, живя распутной жизнью и покупая себе дорогие платья, меха и бриллиантовые браслеты. Она очень хорошо устроилась, живя у своей будущей жертвы. То же самое касалось и ее карьеры. Благодаря человеку, которого она так хладнокровно убила, она стала восходящей звездой. Он перечислил все картины, в которых она снималась, причем из его уст это звучало так, как будто в этом не было никакой заслуги самой Кристел. Он изобразил картину насилия, царившего в ее семье, что привело к гибели ее брата и заставило обвиняемую сбежать из дома, когда ей было всего семнадцать. Устроившись в весьма сомнительный ночной клуб в Сан-Франциско, она проработала там несколько лет. Потом отправилась в Лос-Анджелес и нашла себе жертву, которая помогла ей сделать карьеру. А когда Эрни перестал служить ее целям и желая порвать с ним контракт, на что он не соглашался, она хладнокровно убила его.

Спенсер подготовился очень хорошо. Он не пожалел средств и вызвал в суд многих людей, которые могли бы помочь оправдать Кристел. Здесь была Перл, которая говорила о добродетелях девушки, о ее тяжелой работе, о скромном поведении. Гарри расписал ее не как ночную певицу из сомнительного клуба, а как ангела, сошедшего с небес. Во

время их показаний Кристел тихонько плакала, глядя на них с благодарностью. Следовательно, нанятый Спенсером, разыскал официантов, горничных, костюмеров, которые видели, как грубо и жестоко Эрни обращался с Кристел. Он представил доказательства, что Эрни изнасиловал ее в доме в Малибу, показал контракт, который девушка подписала, не понимая в нем ничего, рассказал, что она подвергалась избиениям, унижениям и грубостям. Спенсер рассказал, как она, будучи еще ребенком, была изнасилована, что заставило Кристел низко опустить голову, вспоминая безобразную сцену в конюшне с Томом Паркером. По словам защитника, она была человеком, которого все вокруг пытались сломать, уничтожить, но она боролась с этим, снова и снова вставала на ноги, много работала. Они никогда никого не обидела, пока Эрни, пытаясь снова изнасиловать ее, не начал ее бить и запугивать. И тогда в целях самозащиты она вынуждена была застрелить его. Он даже не пытался доказать, что она этого не делала, прекрасно понимая, что в этом случае он обязательно проиграет процесс. Вместо этого он нарисовал суду безобразного монстра, который пытался уничтожить эту девушку, у которой не было ни родителей, ни друзей, никого в целом мире, кто мог бы защитить ее. То, что он рассказывал, вызывало ненависть к знаменитому импресарию. В последний день девушка продолжала настаивать, что она невиновна, но она выглядела такой юной и невинной и такой испуганной в светло-сером платье, что все члены жюри смотрели

на нее с нескрываемой симпатией. И когда Спенсер закончил речь защитника, он молил Бога о том, чтобы ему удалось завоевать всех членов жюри.

Этот процесс действительно тронул всех до глубины души. Они совещались целых два дня, снова и снова проверяя все факты и споря друг с другом. Двое присяжных мужчин все еще были склонны обвинить ее в преднамеренном убийстве. Когда Спенсер ввел Кристел в зал суда для прослушивания приговора, он боялся даже взглянуть на нее. Если он проиграл этот процесс, то ее жизнь можно считать законченной.

Она почти ничего не говорила, только смотрела на него своими огромными глазами. Когда судебный пристав пригласил всех войти в зал, колени у нее тряслись так сильно, что она едва могла передвигать ноги, стараясь не отстать от Спенсера. Судья приказал ей встать и обратился к старосте присяжных, прося его зачитать приговор. Кристел замерла в ожидании, закрыв глаза. Она не могла ни о чем думать, просто слушала. Ее обвиняли в убийстве первой степени. Не было никаких сомнений в том, виновата она или нет. Замышляла ли она его? Планировала ли? Понимала ли, что делает, когда хладнокровно застрелила его? Или же он сам напугал ее, угрожая ее жизни, и в конце концов вынудил нажать на курок? Если это так, то она не виновна, хотя на всю жизнь на ней останется клеймо убийцы. Она страдала от этой мысли и две недели убеждала Спенсера, что не делала этого, что

ее вообще не было в доме в момент убийства. Но Спенсер знал, что они не могут доказать это. Нужно было повернуть события так, чтобы жертвой в глазах судей оказался не Эр-ни, а она.

– Что вы можете сказать о подзащитной, господин староста? Виновна или не виновна в убийстве первой степени? – Этот вопрос судьи означал, что через несколько секунд процесс будет завершен.

Староста присяжных прочистил горло и посмотрел на обвиняемую. Спенсер пытался понять по его лицу, приятно ли ему зачитывать приговор или он сожалеет о том, что ему сейчас предстоит произнести. Его лицо оставалось непроницаемым.

– Не виновна, ваша милость.

Он снова посмотрел на Кристел, на этот раз с едва заметной улыбкой, и она, в то время как судья ударил молотком, почти упала на руки Спенсера. У присяжных не осталось сомнений, что она действовала в целях самозащиты. И теперь она свободна. Теперь уже не важно, что всю жизнь ей придется сознавать себя убийцей. Зато она может распоряжаться своей жизнью, и, не сознавая, что делает, Спенсер обнял ее. Он не осмеливался прикоснуться к ней все эти два месяца, а теперь держал ее в объятиях. Она плакала, а зал вокруг них заходил ходуном. Суд удалился, и в зал пустили репортеров, повсюду мелькали вспышки, и Спенсер поспешил увести ее. На улице их ожидала машина с шофером. Им пришлось про-

бираться к ней, расталкивая толпу. Это был небывалый случай – убийца избежал наказания. На Кристел теперь висело преступление, но она была свободна. И спас ее Спенсер.

Пока они ехали в машине, Кристел продолжала плакать, не веря в то, что случилось. Все свои скудные пожитки она оставила в тюрьме. Она не хотела туда возвращаться, не хотела никого видеть. Так же как не хотела больше ни минуты оставаться в Голливуде или забирать вещи, купленные на деньги Эрни. Она хотела одного – поскорее уехать отсюда. Спенсер на минуту забежал в гостиницу за вещами, и час спустя они мчались по дороге к Сан-Франциско.

– Я не могу в это поверить, – прошептала она, в то время как он с бешеной скоростью гнал машину на север, – я свободна.

Еще никогда мир не казался ей таким прекрасным. Вот так, в пятницу вечером, сидя в машине рядом со Спенсером, после двух лет, проведенных в Голливуде, Кристел Уайтт уезжала из этого города.

Они были в двадцати милях от города, когда Спенсер, прижавшись к обочине широкой дороги, остановил машину. Он сидел и смотрел на Кристел, и она вдруг улыбнулась. Все осталось позади, весь этот ужасный кошмар закончился благодаря Спенсеру, который спас ей жизнь. Теперь он, усмехнувшись, притянул ее к себе и обнял с такой силой, что у нее перехватило дыхание.

– Боже мой, Кристел, мы сделали это.

Она плакала и смеялась одновременно. Слегка отстранившись, она с улыбкой посмотрела на него, а потом снова доверчиво прижалась к своему спасителю, мечтая никогда не расставаться с ним.

– Это сделал ты! Я ведь от страха ничего не соображала.

– Я тоже был страшно напуган, – прошептал он, обнимая ее, потом откинулся на сиденье и посмотрел на нее так, как не осмеливался смотреть с того самого момента, когда приехал к ней в Калифорнию. Наконец-то их никто не видел. Они остались наедине. Он наблюдал за дорогой, как только они отъехали от гостиницы, проверяя, не увязались ли за ними репортеры. – Никогда в жизни я так не боялся. – Он даже думать не хотел, что бы произошло, если бы ее признали виновной. Но, слава Богу, все обошлось и осталось позади. Им надо немного отдышаться, и он хотел некоторое время

побыть с ней и решить, что делать дальше. Вдруг он рассмеялся. Они уехали из города в такой спешке, что он даже не знал, куда они конкретно едут. – Куда бы ты хотела поехать? – Сам не понимая почему, он выбрал дорогу, ведущую к Сан-Франциско.

– Понятия не имею. – Она все еще не пришла в себя и не сводила с него глаз. Несколько часов назад ее жизнь была в опасности, а теперь они должны решить, как жить дальше. Она на мгновение подняла лицо и посмотрела на яркое зимнее солнце. – Мне хочется посидеть здесь хоть минутку и подышать. Я не думала, что мне когда-нибудь выпадет такая возможность.

Он не стал говорить, что сам иногда думал так же. После процесса он позвонил отцу и сообщил ему, что выиграл процесс. Старик поздравил сына и выразил надежду, что скоро прочитает об этом в газетах. Он спросил Спенсера, когда он думает возвращаться. Сын ответил, что еще не знает. Им с Кристел надо немного отдышаться и насладиться свободой, пребывая вне досягаемости репортеров и полиции. Во время процесса они чуть не свели его с ума. Когда Кристел откинулась на сиденье, он спросил, не скучает ли она по Голливуду.

– По Голливуду? – Она немного подумала и покачала головой. – По самому Голливуду – нет. По работе... скучаю, по пению... мне нравилось играть – я действительно любила свою работу. А вот все остальное – полная ерунда. – Ей так дорого пришлось за все это заплатить. Она чуть не расста-

лась с жизнью. И все из-за Эрни. Даже мертвый, он чуть не убил ее. – Но все равно я никогда туда не вернусь.

– Почему нет? Когда-нибудь, если захочешь, ты сможешь это сделать. – Но если она покончит с Голливудом навсегда, он поймет почему.

– Нет, не могу. Ни один из этих моралистов никогда не станет связываться с убийцей. – Она невесело рассмеялась, и Спенсер осторожно тронул машину.

Кристал неотрывно смотрела в окно. Никогда еще окружающий мир не казался ей таким прекрасным. Она раньше не замечала этих ярких цветов, голубизну неба, зелень травы – все казалось сказкой. Она повернулась к Спенсеру:

– Я обязана тебе жизнью. Думаю, что ты об этом знаешь.
– Она взяла его за руку и пододвинулась.

Ему показалось, что она стала опять маленькой девочкой. Напряжение спало, и она распустила свои золотые волосы. Лишь в уголках глаз притаился страх, который ей пришлось пережить. Он нежно дотронулся до ее щеки, потом наклонился и поцеловал ее.

– Я так тебя люблю... я, наверное, умер бы, если бы с тобой что-нибудь случилось.

Она прижалась к нему, как беспомощный ребенок, а он, обняв ее одной рукой, притянул к себе.

– Я себе не представляю, что бы делала, если бы... – Она не могла закончить фразу.

– Не думай больше об этом, Кристал. Все позади.

Они ехали в направлении Сан-Франциско и разговаривали о том, куда ей теперь податься. Она еще не решила, что ей делать. Больше всего ей хотелось уехать из Лос-Анджелеса как можно скорее и как можно дальше. Правда, она решила, что им следует заехать повидать Гарри с Перл. И еще она хотела остаться со Спенсером.

Они добрались до Сан-Франциско в десять часов вечера и направились напрямиком в ресторан к Гарри. Там уже знали, чем закончился процесс. Они обнимались и плакали, Гарри угостил их шампанским, а потом Спенсер повез Кристел в «Фэрмонт». Он заказал две комнаты на случай, если их кто-нибудь узнает и сообщит журналистам. Комнаты оказались смежными, и ему это понравилось. Она стояла в дверях и смотрела на него. Он подхватил ее на руки и бережно положил на кровать. Они проговорили несколько часов, вспомнили все, что было между ними когда-то. Потом она наконец уснула, и он, выключив свет, не стал тревожить ее до утра. Утром, ожидая, пока она проснется, он заказал кофе и печенье в номер. Когда она наконец начала потягиваться, просыпаясь, он скользнул под одеяло и устроился рядом с ней.

– Доброе утро, спящая красавица. Ты себя лучше чувствуешь?

Он успел позвонить в свой офис и долго разговаривал с шефом. То, что он ему сказал, не было для Спенсера сюрпризом, и он не сожалел. Босс вежливо объяснил, что после такого сенсационного процесса, который Спенсер вел послед-

ние два месяца, они не могут принять его обратно на государственную службу. Он уволен. Они все выразили надежду, что мистер Хилл их поймет. Им очень неприятно, если его увольнение расстроит судью Баркляя. Выслушав шефа, Спенсер почувствовал облегчение. Он ничего еще не рассказал Кристел, так как знал, что она расстроится. Был еще один очень странный звонок от главного сенатора Калифорнии, хотя Спенсер даже не был с ним знаком.

Лежа в постели, они поговорили о процессе. После завтрака он показал ей газеты. Первые полосы пестрели заголовками и фотографиями о процессе.

– Чертовски легкий способ стать знаменитой, – улыбнулась Кристел, когда они запивали печенье необыкновенно вкусным кофе.

И тут Спенсеру пришла в голову мысль, от которой Кристел сделалось грустно. Он предложил ей поехать в долину и навестить Бойда с Хироко. Кристел не хотела ехать, слишком больно встречаться со знакомыми местами.

– Я бы не хотела еще раз увидеть ранчо. – Она понимала, что не выдержит этого. Она была уверена, что Бекки уехала, но мать, наверное, все еще живет там. И еще с этим местом связано много грустных воспоминаний. Но может быть, вместе со Спенсером все будет по-другому? – А как насчет тебя? – Она беспокойно посмотрела на него. – Разве тебе не надо ехать домой? – Она знала, что он не звонил Элизабет с тех пор, как они приехали в Сан-Франциско. Ему не о чем с ней

разговаривать. Они и так-то не разговаривали неделями, и сейчас, когда процесс закончился, он понимал, что ему придется столкнуться с этой проблемой. Но пока он не может покинуть Кристел.

– Я никуда не тороплюсь. – Он не сказал ей, что потерял работу, считая, что это небольшая цена за то, что он спас Кристел. Во второй половине дня они долго гуляли по набережной, и она купила себе кое-что из одежды. Все, что она заработала в Лос-Анджелесе, там и осталось. Эрни не давал ей ни пенни, и все свои вещи она бросила в Беверли-Хиллз. Она нисколько об этом не жалела, они ей не нужны, даже продавать она бы их не стала. Но ей придется искать работу, не может же Спенсер содержать ее вечно. Таким образом, Кристел вернулась к тому, с чего начала много лет назад. У нее не было ни дома, ни денег. Даже когда она поселилась у миссис Кастанья, у нее было больше средств. Но теперь ее мечта о Голливуде превратилась в реальность, она успела насладиться ею. И еще: теперь она не одна, а со Спенсером. Конечно, он пробудет с ней совсем недолго, она знала, что ему необходимо вернуться в Вашингтон. Но пока она наслаждалась каждым мгновением, проведенным с ним. Во время процесса они не могли разговаривать. Под бдительным оком охранников и шныряющих тут и там репортеров он не смел и дотронуться до нее. Но сейчас, когда все позади, они дни и ночи наслаждались обществом друг друга.

Вечером они вернулись в гостиницу, и она заметила, что

публика в вестибюле открыто смотрит на нее. Они решили пообедать в номере. Ее узнавали, многие смотрели на нее с осуждением. Они со Спенсером говорили в тот день о его работе и жизни в Вашингтоне, и он признался, что сам удивлен, что ему понравилась работа, связанная с политикой. Она же рассказывала ему о людях, которых ей довелось встречать в Голливуде, о киноактерах, о своей нелегкой работе. Она заявила, что, несмотря на скотское поведение Эрни, ей нравилась ее жизнь.

– Мне кажется, что в один прекрасный день я бы действительно стала кинозвездой, – сказала она спокойно, когда они сидели, обнявшись, в халатах, купленных в «Ай Маджин». Между ними возникли взаимопонимание и близость, все, что они знали друг о друге, всплыло в памяти, и любовь засияла с новой силой.

– Ты была звездой уже до того, как попала в Голливуд. – Он вспомнил, как она пела в ресторанчике у Гарри. – Может быть, когда все утихнет, ты сможешь вернуться туда.

– Не думаю, что мне захочется, – сказала она тихим голосом, и глаза у нее стали грустными, – тот мир слишком жесток.

Но если не работать в Голливуде, тогда что же ей делать? Она умела петь и играть в кино. А теперь боялась показаться на людях. Гарри предложил ей старую работу в клубе, но она не могла принять от него эту жертву.

– Не будет же люди помнить этот процесс вечно. Он забуд-

дется так же, как вчерашние новости. – Тут Спенсер вспомнил звонок сенатора и с удивлением подумал, что же все-таки тому было нужно.

Принесли обед, и Спенсер, наблюдая, как она грустно ковыряет в тарелке, спросил, о чем она думает. В ответ Кристел улыбнулась сквозь слезы:

– Я подумала, что ужасно хочу домой. Но у меня теперь нет дома.

Он тоже невесело рассмеялся. Вот это истинная правда. Ей некуда и не к кому идти. Перл предложила жить с ней, но Кристел не захотела ее стеснять, да она и не знала, останется ли в Сан-Франциско. Сейчас ее планы во многом зависели от Спенсера.

– Давай на несколько дней съездим в долину. Мы не задержимся там, только проведем Бойда с Хироко. Тебе надо собраться с мыслями. Прошло всего два дня. Давай завтра же поедem в долину.

Она думала, глядя на него, а потом согласно кивнула:

– А как же ты? Ты же не можешь ухаживать и заботиться обо мне всю жизнь.

– А я бы так хотел этого, – прозвучал его шепот в тишине гостиничного номера.

– У тебя также есть кое-какие дела в Вашингтоне, ведь так? Они и так уже, наверное, не блестящие после того, как я вытащила тебя на три месяца. Мне кажется, тебе придется чертовски дорого за это заплатить. – Она подумала об Эли-

забет, не понимая, какие же у них со Спенсером отношения. Она никак не могла уяснить, что они значат друг для друга, а Спенсер если и заводил об этом разговор, то очень редко. Она знала, что он все еще женат. Теперь, когда Эрни не стало, она оказалась свободной, чего нельзя сказать о Спенсере. Тень его жены все еще маячила между ними, во всяком случае, в воображении Кристел.

Спенсер позвонил жене один раз и оставил сообщение, что находится в Сан-Франциско, но не уточнил, что остановился в «Фэрмонте». Он еще не был готов к разговору с ней. И не хотел, чтобы она волновалась, если позвонит ему в гостиницу в Лос-Анджелесе и ей сообщат, что он уехал в тот же день, когда был вынесен приговор. Он прекрасно понимал, что подумает жена, но не хотел ни отрицать этого, ни спорить с ней. Отношения его с Кристел не должны ее касаться. Он вспомнил угрозу жены, которую она выпалила, когда он собирался уезжать, и с удивлением подумал: неужели она действительно теперь разведется с ним?

Он сообщил Кристел, что потерял работу, и сказал это беззаботным тоном, но она в ужасе уставилась на него:

– Не может быть!

– Может!

– Боже мой, мы оба теперь безработные! – Она засмеялась, но ее охватило чувство вины.

Только сегодня утром он говорил ей о том, как ему нравилось работать в правительственном аппарате. Что же теперь

он будет делать? Спенсер сказал ей о звонке сенатора, и она стала настаивать, чтобы он перезвонил ему.

– Может, тебе выставить свою кандидатуру в парламент?

– Может быть. А может быть, я еще немного подрасту и стану судьей, как мой отец, – улыбнулся он. Все это казалось ему второстепенным. Главное, что Кристел спасена и они вместе. За девять лет их отношения нисколько не изменились. Он любил ее и не хотел больше потерять.

Они полночи проговорили о его увлечении политикой, о фильмах, в которых она снималась, а потом перешли на другие темы: о детях, о собаках, поговорили о Бойде с Хироко. Кристел очень хотела повидать друзей. Спенсер взял напрокат машину: они собирались выехать очень рано. Кристел горела нетерпением увидеть Джейн. Она не видела девочку с тех пор, как уехала из Сан-Франциско. Теперь ей уже семь лет, и она, наверное, совсем не помнит Кристел.

Потом наконец они легли в постель и несколько часов отдавались друг другу с невероятной нежностью. Казалось, в этих бесконечных мгновениях растворялись все годы, когда им приходилось жить далеко друг от друга. Они были одним целым, когда, наконец успокоившись, мирно уснули, как дети, крепко обнявшись.

На следующий день, когда он гнал машину на север, Кристел сидела рядом и, мурлыча себе под нос, подпевала мелодии, лившейся из приемника. Спенсер улыбался, думая о том, как все-таки хорошо быть рядом с ней. Она не делала ему замечаний, не заставляла восхищаться видами, ни на что не жаловалась и ни о чем не просила. Невольно он подумал об Элизабет и, сравнивая двух женщин, все больше понимал, насколько они разные. Кристел всегда была мечтой, почти никогда не достигаемой, скользила у него, как песок между пальцами, была миражем, как бы ясно он ее себе ни представлял. Он знал, что именно этот мираж ему нужен больше всего на свете.

Когда они проехали Золотые Ворота, солнце поднялось высоко в небе. Все вокруг стало ярким и зеленым после зимнего дождя, который вымыл холмы и равнины, заставив их сверкать под бескрайним небом такого же цвета, как глаза у Кристел. Она смотрела на него, спокойная и умиротворенная, и оба они улыбались. Он вез ее в долину, им было так хорошо вместе, что даже слова казались лишними.

Она показала ему дорогу, и на этот раз он вспомнил, где живут Вебстеры. Чувствуя, что сердце готово вырваться из груди, Кристел пересекла маленький садик и позвонила в дверь. Долго никто не открывал, а потом вышла маленькая

девочка, и на глазах у Кристел выступили слезы.

– Привет! – Малышка смотрела на нее, и они оба догадались, что это, конечно же, Джейн. У нее были такие же глаза, как у матери, и темные рыжевато-каштановые волосы.

– Вы кто?

– Меня зовут Кристел, я подруга твоей мамочки. Спенсер взял Кристел за руку. В глазах девочки не было ни капли страха.

– Она на кухне, готовит завтрак.

– Можно нам войти?

Малышка кивнула и отступила в сторону. В комнате ничего не изменилось. Ясно было, что они все так же бедны. По стенам были развешаны фотографии Джейн и те самые открытки с видами Японии, которые Хироко привезла с собой. Комнатка была чистенькой. С полными слез глазами Кристел преодолела несколько ступенек, ведущих в кухню, и остановилась, глядя на подругу. Хироко что-то напевала себе под нос и повернулась, ожидая увидеть Джейн. Глаза у нее расширились от удивления. С радостным криком женщины бросились друг к другу и долго стояли, обнявшись. Казалось, годы, разделявшие их, исчезли так же, как это было со Спенсером. Они не виделись тысячу лет, но их дружба от этого не стала меньше.

– Я так переживала из-за тебя, Кристел. – Потом Хироко увидела Спенсера и улыбнулась, довольная, что они вместе. На стене кухни все еще висела фотография, где он стоял

рядом с Бойдом в день их свадьбы. – Ты стала красавицей! – Она снова поцеловала подругу, пока та смахивала слезы. И вдруг они заговорили все разом, а Джейн стояла рядом и удивленно смотрела на них, не понимая, кто эти люди. Хироко объяснила дочке, что Кристел помогла ей родиться на свет, и Спенсер тоже, впервые услышав эту историю, с удивлением посмотрел на Кристел.

– Ну вот, – поддразнил он ее, – ты теперь можешь стать акушеркой.

– Это не считается, – усмехнулась Кристел. Женщины рассказывали друг другу, что произошло с ними за эти годы, пока Спенсер играл с Джейн. У супругов дела шли неплохо. Старый Петерсон умер и оставил станцию Бонду. Хироко начала спрашивать подругу о ее звездной карьере и об ужасном процессе. Потом они услышали тарахтение мотора – это Бойд приехал к завтраку. Увидев машину, он поторопился в дом – ему не терпелось узнать, кто к ним пожаловал. Увидев гостей, он замер на пороге, а потом радостно обнял и поцеловал Кристел и пожал руку Спенсеру.

– Мы читали про вас, – усмехнулся он, ему было приятно увидеть их вдвоем. – Я даже подумывал, не собираетесь ли вы приехать сюда.

Спенсер рассказал, как два года назад, проезжая по этим местам, не смог вспомнить, где они живут. Дорога, ведущая к их дому, заросла, и он бы опять не нашел ее, если бы Кристел не показала путь.

Хироко приготовила завтрак, а Кристел, помогая ей, чувствовала себя свободно и легко в этой маленькой, уютной кухне. Потом Бойд сообщил последние новости. Бекки вышла замуж и уехала в Вайоминг, родив там еще двоих детей. Затем, поколебавшись, не зная, захочет ли Кристел слушать об этом в такой момент, Бойд сказал:

– Твоя мать очень серьезно больна.

Но Кристел не хотела ее сейчас видеть, она уже сказала Спенсеру, что даже на ранчо не поедет. Слишком много боли связано с ним, слишком тяжелы воспоминания о том месте, где прошло ее детство. Шесть лет назад умер Джед, и ничего не осталось здесь, кроме его могилы и могилы отца. Но, услышав от Бойда о состоянии матери, она удивилась, что та не уехала вместе с Бекки.

– Нет, она все еще здесь. Охраняет то, что осталось от ранчо. Уже несколько лет назад они продали почти все пастбища. А скота не осталось совсем. Но я слышал, что виноградники пока в полном порядке. Сам-то я не был там уже довольно давно. Знаю только, что сейчас с ней большую часть времени проводит доктор Гуди. Она болеет уже с июля. – Он помолчал немного, переводя взгляд со Спенсера на Кристел. – Думаю, что долго она не протянет, Кристел. Если, конечно, тебе это интересно.

Она грустно покачала головой:

– Для меня покончено с прошлым.

Бойд кивнул и не удивился.

– Я пару раз собирался написать тебе, думал, может, ты захочешь повидаться с ней перед смертью.

Кристал покачала головой, стараясь не вспоминать своего детства. Для нее они все уже давно умерли, так же как и само ранчо.

– Не думаю, что в этом есть смысл. Тем более она наверняка сама не захочет меня видеть. Я так давно ничего не знала про нее. А Бекки здесь? – Если уж мать при смерти, сестра, наверное, приехала из Вайоминга.

– Она приезжала на Рождество, это мне сказала моя сестра, сам я ее не видел, как ты понимаешь. Но сейчас ее здесь нет.

Кристал вздохнула с облегчением. Слава Богу, хоть Бекки здесь нет. Все, кого она любила, умерли, у нее остались только эти люди, с которыми она сейчас разговаривала в небольшой гостиной. После завтрака все пошли гулять и заодно проводили Бойда обратно на работу. Они пообещали заехать к нему попрощаться, перед тем как покинут городок. Спенсер и Кристал еще не решили, куда они поедут. Он подумал, что она, может быть, захочет отведать местного вина и остановится в какой-нибудь маленькой, уютной гостинице. Когда они наконец покинули Хироко и поехали дальше, Спенсер ошибся дорогой. Он оглянулся на Кристал и ужаснулся – она сидела белая как мел. Они заехали на территорию ранчо. Он тоже это понял и с беспокойством посмотрел на нее:

– Может быть, остановимся ненадолго? Ни одна живая ду-

ша не узнает, что мы были здесь. Если твоя мать так сильно больна, я не думаю, что она бродит по окрестностям.

Она еле заметным кивком указала ему на заросшую травой дорогу:

– Эта дорога ведет прямо к реке.

Боясь разбить машину, Спенсер вышел и взял за руку Кристел. Они долго молча шли по дороге, и, когда вышли на открытое пространство к реке, Кристел остановилась и показала ему три могилы. Здесь похоронены Джек, отец и бабушка. Кристел смахнула слезы, ей показалось, что эти трое ждут, когда она тоже присоединится к ним. Спенсер обнял ее за плечи. Возвращаясь к машине сквозь высокую траву, он вспомнил день свадьбы Бекки, босоногую девочку в белом платье со струящимися по плечам, сверкающими на солнце золотыми волосами, потерявшую где-то свои туфли. Они приближались к дому, и она молча отстранилась от него. Спенсер смотрел, как она остановилась, глядя на дом, в котором родилась. Она в тот момент думала об отце, ей до боли захотелось увидеть его.

– Хочешь войти в дом? Я пойду с тобой. – Он внимательно наблюдал за ней, понимая, как ей тяжело.

– Не знаю, что сказать после стольких лет.

– Мне кажется, «привет» – самое лучшее, с чего можно начать разговор.

Она улыбнулась ему:

– Да, самое лучшее.

Они рассмеялись и уже собирались уходить, когда вдруг открылась дверь кухни и вышла приходящая сиделка. За ней в дверях показался доктор Гуди и остановился, глядя на Кристел. Она повернулась к Спенсеру, как бы спрашивая, что ей делать. Он подбадривающе кивнул, и она, поколебавшись мгновение, медленно пошла к дому, который когда-то населяли любимые ею люди и который теперь был полон лишь воспоминаниями.

– Иди смелей, – прошептал он, и она, отпустив его руку, медленно приблизилась к ступеням крыльца. Она почувствовала, что у нее вспотели ладони, пока доктор Гуди удивленно смотрел на нее. Он сразу же узнал ее. Он помнил, что очень давно она уехала отсюда, после того как в городке произошла связанная с ней скандальная история.

– Как ты узнала о болезни матери? – спросил он.

– Узнала о чем? – Кристел смотрела на него, и ей казалось, что она опять стала маленькой девочкой.

– Она может умереть в любой момент. Сейчас она проснулась, так что можешь поведать ее.

Кристел вдруг подумала, что мать очень взволнует ее появление.

– Я не виделась с ней шесть лет. Не думаю, что сейчас она захочет меня видеть.

– Когда человек чувствует приближение смерти, он ко всему относится по-другому, – спокойно произнес доктор, думая о том, кто этот мужчина, стоящий за спиной Кристел.

– Ты вышла замуж?

Она покачала головой, и он больше не стал спрашивать. У него много дел, он не знал, где жила эта девушка все эти годы и чем занималась. Он, правда, слышал, что она работала в Голливуде и даже стала кинозвездой, но сейчас она совсем не походила на актрису. На его взгляд, она выглядела точно так же, как много лет назад: немного повзрослела, может быть, немного похудела, но была все так же потрясающе красива.

– Иди и поздоровайся с матерью. Она не сможет больше причинить тебе вреда.

Кристал медленно вошла в кухню. Ей показалось, что она сейчас увидит бабушку, но там было пусто. Комнаты стояли пыльные, и все вещи выглядели старыми и потрепанными. Ни одна заботливая рука не прикасалась к ним. Видимо, мать бросила все на произвол судьбы. Спенсер прошел за ней через гостиную и остановился перед дверью в комнату матери. Кристал постучала и вошла. Оливия лежала на кровати, от нее не осталось почти ничего, так она похудела. Живыми остались только ее глаза, которые тут же уставились на Кристал.

– Привет, мам.

Оливия удивилась, но не так, как ожидала Кристал. Казалось, она ждала, что Кристал придет, а если бы она и не пришла, Оливии было бы все равно.

– Как твои дела? – Казалось, мать не помнит ни тот день, когда Кристал уезжала, ни ту боль, которую причинила до-

чери, ни смерть Джеда, ни то, что сделал Том. Она лежала, глядя на дочь, которую родила последней, и мечтала лишь о том, чтобы умереть и присоединиться к остальным умершим на небесах.

– У меня все в порядке.

Мать ничего не знала о суде. Теперь она вообще ничего не знала и ничто ее не заботило. Уже несколько месяцев ее мир был огражден стенами спальни.

– Я слышала, ты работала в Голливуде. Это правда?

– Да, работала немного, – кивнула Кристел.

– А что делаешь сейчас?

– Навещаю тебя, – улыбнулась дочь, но на лице матери не появилась ответная улыбка. Она слишком устала, чтобы улыбаться.

– Надеюсь, ты знаешь насчет ранчо. Тебя все равно бы стали искать после моей смерти. Бекки говорила, что Вебстеры всегда знали, где тебя можно найти.

– Да, знали. Так что насчет ранчо? Вы собираетесь его продать?

– Оно теперь твое. Мне тяжело было управиться с ним, а твой отец оставил его тебе. Мне пришлось жить здесь. После моей смерти все полностью в твоём распоряжении. Бекки, конечно, будет злиться, но она сейчас неплохо устроена. Ты знаешь, что Том погиб в Корее?

– Я слышала об этом. – Кристел пыталась осознать то, что только услышала от матери. Она тихонько села в кресло-ка-

чалку, стоящее возле кровати, и осторожно дотронулась до руки матери. Оливия ничего не имела против. Кристел показалось, что ее пальцы сжали сухую ветку. – Так что ты говоришь насчет ранчо?

– Оно принадлежит тебе. Так хотел он. Я имела право пожизненно распоряжаться им, кажется, так это называется. Но после моей смерти он хотел, чтобы все досталось тебе. Он всегда говорил, что ты – единственный человек, который сможет нормально вести здесь хозяйство. – Кристел слушала мать, и глаза у нее наполнялись слезами. Отец завещал ей ранчо, а они даже не сказали ей об этом. Они позволили ей уехать, не потрудившись сообщить, что в один прекрасный день она станет владелицей этой земли. – Если хочешь, можешь пока жить в коттедже, правда, там уже много лет никто не жил. Мне недолго осталось. – Она махнула рукой и добавила: – Все равно это уже принадлежит тебе.

– Не говори так. Тебе кто-нибудь готовит?

– Да. Сюда приходят монахини. У меня есть все, что нужно, и доктор Гуди заходит дважды в день и почти всегда приводит с собой сиделку. – Старуха закрыла глаза. Этот разговор утомил ее. Она начала засыпать, а Кристел стояла и смотрела на женщину, которая причинила ей столько зла, которая никогда не любила и не понимала ее и которая чуть не унесла в могилу свой секрет. Кристел не испытывала к матери никаких чувств, ей было просто жаль эту женщину, которая должна вот-вот умереть. И эта земля станет принад-

лежать Кристел. Это неслыханно! Она спокойно вышла из комнаты и сделала знак стоящему у дверей Спенсеру. Когда они вышли, Кристел села на ступеньки крыльца и посмотрела на него в полном недоумении.

– Ты не поверишь, что я только что узнала.

– Она простила тебе все, – улыбнулся он, и девушка улыбнулась в ответ.

– Нет, прощать слишком поздно. И потом, она совсем плоха, так что ее это не волнует.

Кристел обвела взглядом поля, которые скоро будут принадлежать ей, и почувствовала, как волна радости поднимается в душе. В Кристел проснулась любовь к этой земле, не зря отец завещал ей это ранчо. Она вспомнила его последние слова: «...никогда не расставайся с ним... с нашим ранчо...» Она вспомнила свои чувства, когда пришлось покинуть эти места. Кристел снова посмотрела на Спенсера.

– Отец, умирая, завещал ранчо мне, а они не сочли нужным сказать об этом. Мне кажется, именно поэтому они все меня так ненавидели. – Он видел, как ее потрясло услышанное и увиденное. – И что же мне теперь со всем этим делать?

– Жить здесь и работать. Это очень красивое место. Во всяком случае, оно таким было и в один прекрасный день должно снова стать таким. Могу поспорить, что виноградники могут приносить отличный доход, да и пшеница тоже.

– Спенсер, – она вдруг улыбнулась, – а ведь я дома.

– Да, – он тоже улыбнулся, – черт возьми, ты действительно-

но вернулась домой. А ведь ты не хотела сюда ехать.

Они оба улыбались, затем побрели к машине, не зная, куда им отправиться дальше.

– Она сказала, что мы можем пожить в коттедже.

– Мы? – улыбнулся он. – Она знает, что я здесь?

– Нет... ну ладно тебе... она сказала, что я могу. Но, по моему, это совсем не важно. – В любом случае она не хотела оставаться здесь, пока жива мать. – Давай уедем куда-нибудь, а вернемся позже.

Он кивнул, и они пошли к машине.

Заехав на станцию попрощаться с Бойдом, они сообщили ему, что скоро вернутся. Это получилось даже скорее, чем они думали. Бойд позвонил им в гостиницу в ту же ночь и сказал, что ее мать умерла почти сразу же после того, как они уехали. Кристел долго сидела, не говоря ни слова, и пыталась понять, что она чувствует. Ей не было ни грустно, ни радостно, даже гнева она теперь не испытывала. Казалось, все забыто. Она вспоминала лишь женщину, которую знала с самого рождения, которая была ее матерью. И еще было радостно оттого, что ранчо теперь принадлежит ей, как того хотел отец. Она, правда, совершенно не представляла, что с ним делать, но теперь есть где жить.

Кристел и Спенсер вернулись на ранчо на следующий день, а через два дня похоронили мать на берегу реки, рядом с остальными. Два дня Кристел раздумывала, как ей поступить. Все это время они жили у Бойда с Хироко. Наконец

она решила, что переедет в большой дом и поселится в своей старой комнате вместе со Спенсером. Ее старая кровать все еще стояла там, и пол так же скрипел. Казалось, ничего не изменилось. И все же все было совсем по-другому, когда они в тот же вечер брели со Спенсером, взявшись за руки, через поле, любуясь закатом. Он смотрел на нее сверху вниз и улыбался. Странная все-таки штука жизнь. Кристел никак не могла до конца поверить, что она свободна, идет по своей земле. Несколько дней назад у нее не было ничего, а теперь в ее распоряжении огромное ранчо, завещанное отцом.

Они стояли у реки и целовались, глядя, как солнце медленно исчезает за горизонтом. А потом возвратились назад, держась за руки, благодарные судьбе за каждое мгновение, которое им довелось провести вместе. Кристел, как будто вспомнив о чем-то давно забытом, начала тихонько напевать.

На следующий день Спенсер с Кристел объехали почти все ранчо. Большая его часть заросла. Только виноградники и винные погреба остались почти в полном порядке под приглядом двух мексиканцев.

Они купались в речке, которую она так любила в детстве, а потом сидели, завернувшись в одеяла, хохоча и шутливо борясь друг с другом. Она пела песни, которые так любил слушать отец. На какое-то мгновение она почувствовала себя неловко – ведь мать умерла совсем недавно. Но нет, мать умерла для нее уже много лет назад, а ранчо – это подарок отца.

Они вернулись домой, и она поставила на плиту старенький чайник, опять вспомнив бабушку в ее белоснежном фартуке. Кристел рассказала Спенсеру о своих детских годах. Затем они заговорили о Вашингтоне, о том, что ему следует туда вернуться.

– А что с Элизабет?

Они оба понимали, что ему надо принять какое-то решение. Но если он побудет с Кристел еще немного, то вопрос может решиться сам собой. Он даже не представлял, что они должны опять расстаться. Последние три месяца он прекрасно жил без Элизабет и надеялся, что теперь, стоит ему слегка надавить на жену, и она согласится развестись с ним. Кри-

стел тоже очень хотела, чтобы он остался с ней, но она не собиралась навязываться ему. Он сам должен принять решение. Может, он не захочет отказаться от жизни в Вашингтоне. Ей нечего предложить ему взамен того, что он имел от брака с Элизабет, что давало ему знакомство с влиятельными Баркляями. Объехав ранчо, она теперь ясно понимала, что оно с трудом сможет окупить себя. Выжить, конечно, можно, но по сравнению с тем, что есть у Элизабет, Кристел просто нищая. Она могла дать ему только свою любовь и верность.

Он вспомнил, что ему надо позвонить сенатору, и пока Кристел мыла посуду после обеда, Спенсер заказал разговор. Она слушала радио и повернулась, когда поняла, что он повесил трубку. Улыбаясь, она посмотрела на него и вытерла руки о новые джинсы.

– Ну что там?

Он молча уставился на нее. Поистине с ними происходили удивительные вещи. Сенатор Калифорнии очень внимательно следил за процессом и теперь просил Спенсера поработать в качестве его помощника, когда он вернется в Вашингтон. Сенатор надеялся скоро прибыть туда. Работа предстояла серьезная, приближались выборы, и на этот раз дело обошлось без вмешательства Баркляев.

– Это именно то, что ты хотел, правда? – спросила она после того, как он разъяснил ей ситуацию. Да, предложение весьма и весьма заманчивое, работа престижная, и он знал,

что она как раз для него. Но так не хотелось возвращаться в Вашингтон, покидать Кристел. Он хотел остаться с ней на ранчо, в Александровской долине.

– Еще шесть месяцев назад я бы только мечтал о такой работе, отдал бы за нее правую руку. – Он опустил на один из старых кухонных стульев, и она налила ему чашку кофе. – Но теперь не знаю. Мне хочется остаться здесь, с тобой. – Он притянул ее и усадил к себе на колени, все еще думая о неожиданном предложении сенатора.

– Что ты ему ответил? – Она внимательно посмотрела ему в лицо, пытаясь по его выражению понять, что для него важно и чего он действительно хочет.

– Сказал, что перезвоню на следующей неделе, когда вернусь в Вашингтон. Он сам летит туда завтра вечером. Я никак не мог поверить, что это не шутка, но, наверное, это вполне серьезно. – Нет худа без добра, они оба выиграли в результате страшного процесса. – Но что будет с нами? Ты поедешь со мной? – Про Элизабет он уже почти забыл. Сейчас для него важна только Кристел.

– Сейчас главное, что решишь ты.

Он пил кофе и грустно смотрел на нее, признаваясь себе в том, что это было именно то, чего он так всегда хотел. Неожиданно перед ним открылась блестящая политическая карьера. Но теперь, когда у него появилась Кристел, он считал, что это произошло слишком поздно. Он не хотел еще раз потерять ее, даже ради той работы, которую ему только

что предложили. Слушая его разговоры о политике, Кристел прекрасно понимала, что он любит эту работу. И еще она понимала, что он может добиться успеха только с такой женой, как Элизабет. И все его благие намерения пойдут прахом, женись он на женщине, обвиненной в убийстве Эрни Сальваторе. Скандал неизбежен, и что тогда он будет делать? Вести жизнь фермера? Но она совсем не для него. Он рожден для большой карьеры, и Кристел понимала это. В ту ночь, когда они отдыхали в объятиях друг друга, Спенсер заметил, что Кристел как-то странно притихла. Он подумал, что на нее так действуют дом и воспоминания о детстве. Все вокруг казалось старым и поношенным, на всем лежали следы скорби и печали, сам дом был похож на ее мать, когда та умирала. Угнетение, царившее в доме, тут же исчезало, стоило только выйти на улицу и увидеть сказочную красоту долины.

– О чем это ты задумалась? – Он погладил ее по волосам и притянул к себе.

Они лежали на узкой кровати, на которой она когда-то спала с Бекки. Кристел грустно улыбнулась:

– Я думаю о том, что тебе пора возвращаться в Вашингтон и испить чашу до дна. – Это была самая большая жертва, которую ей когда-либо приходилось приносить. Но она понимала, что должна пойти на это.

Он медленно покачал головой:

– Я не хочу снова терять тебя. Мы оба слишком много натерпелись и заслужили счастье.

Она приподнялась на локте и взглянула на него сверху вниз:

– Милый, это не твоя стихия. Ты стоишь гораздо большего. Не по твоему таланту и уму вести хозяйство на старом, заброшенном ранчо. – Она говорила уверенно, но он не хотел ее слушать.

– А ты? Не говори глупостей. Три месяца назад ты была восходящей кинозвездой, а теперь – посмотри на себя. Ты вернулась туда, откуда все начиналось...

– Это разные вещи, Спенсер. – Она поцеловала его в кончик носа. – То, что было со мной, уже в прошлом. А вот ты действительно можешь сделать карьеру. В один прекрасный день ты станешь известным. Может, станешь президентом.

Но только в том случае, если они расстанутся. Ему нельзя оставаться здесь. И ей нельзя поехать с ним. Никакой карьеры не будет, если он женится на убийце. Такой брак перечеркнет все. И она не собирается стоять у него на пути. Он должен вернуться к Элизабет. Именно такая жена ему необходима.

– Я хочу, чтобы ты вернулся в Вашингтон.

– Но почему? – Он посмотрел на нее, потрясенный. – Как ты можешь говорить такое?

– Ты принадлежишь той жизни. И она для тебя не закончилась. Ты должен посещать приемы, встречаться с людьми, делиться своими идеями с теми, кто в них нуждается. У меня все в прошлом, я уже отыграла свое и заплатила за это

слишком большую цену. Больше мне этого не нужно. Но ты только начинаешь. Вот в чем разница. – Она видела выражение его глаз после разговора с сенатором. Она не должна удерживать его. Если он останется с ней, то в один прекрасный день возненавидит ее, и она это очень хорошо понимала.

– И что же мне делать? Оставить тебя здесь? А почему бы тебе не поехать со мной? – Он умоляюще смотрел на нее.

– Куда, в Вашингтон? – улыбнулась она.

– Почему бы и нет?

– Потому что я, как бы сильно тебя ни любила, в один момент разрушу все твои планы. Вспомни, что у меня позади. Меня обвинили в убийстве, Спенсер. И все присяжные признали, что я сделала это в целях самозащиты. Они не признали, что я этого не делала. Твоя карьера закончится в тот же день, когда я появлюсь в Вашингтоне, и ты прекрасно знаешь об этом.

– Я не вернусь. – Он обнял ее и притянул к себе, испугавшись одной только мысли, что может снова потерять ее.

Но голос Кристел звучал серьезно, и ее слова испугали его:

– Я не разрешу тебе остаться здесь.

– Почему?

– Потому что это убьет тебя.

Он ничего не ответил, а когда она уснула, Спенсер долго лежал, прислушиваясь к ее дыханию. Он знал, что если им придется снова расстаться, тогда он точно умрет, если не в

прямом смысле, то, во всяком случае, какая-то часть его души будет мертва. И ничто не сможет вернуть ее к жизни. Но на другой день она опять завела этот разговор, убеждая его в необходимости разлуки. В конце концов она решила, что ей делать. Она должна отправить его в Вашингтон любой ценой, даже если ей придется сказать, что она его не любит. Но она надеялась, что до этого дело не дойдет. Она объяснила, что пока еще не готова к совместной жизни, хочет побыть одна на своем ранчо, как бы неблагодарно это ни звучало после всего того, что он для нее сделал. В свои двадцать четыре года, имея за плечами опыт жизни с Эрни, Кристел не хотела даже думать о замужестве. Она сказала, что хочет пожить одна, но он ей не поверил. Он вспомнил, как полтора года назад она позвонила ему и сказала, что не любит, только для того, чтобы уберечь его от Эрни.

Они шли домой с речки, и он выглядел совершенно расстроенным.

– Но почему тебе так необходимо остаться здесь?

– Трудно объяснить, но поверь, так лучше. Я хочу побыть одна, решить собственные проблемы. Ведь я имею на это право?

Он обиделся до глубины души, а она еле сдерживала слезы. Целыми днями он спорил с ней, но она твердо стояла на своем. И через неделю, после бесконечных уговоров, она наконец поняла, что убедила его. Он согласился, что ему следует вернуться в Вашингтон и принять предложение сенатора,

но он настаивал, что будет часто навещать Кристел. Но Кристел понимала, что может разразиться невероятный скандал, и запретила ему приезжать. Она должна быть с ним построже, ведь любые встречи и отношения с ней могут навредить его репутации. На ней лежит несмываемое пятно позора, и будь он кем-нибудь другим, она бы приняла его предложение. Но его ждала блестящая карьера, она видела, как загораются его глаза, стоит им заговорить о работе в Вашингтоне. Она не имела права лишать его этой работы и той карьеры, которая скорее всего за ней последует. В один прекрасный день он станет очень влиятельным человеком, и она не собиралась останавливать его. Она убеждала его не разводиться с Элизабет, хотя Спенсер спорил с ней до хрипоты. Кристел думала о расставании с ним, как мать, любящая своего ребенка, но понимающая, что должна отпустить его в большой мир.

Наконец, как-то под вечер, наступил момент расставания. Они целовались в последний раз, освещаемые лучами заходящего солнца. Он все еще хотел, чтобы она поехала с ним, но она решительно отказалась. Он согласился уехать и пообещал, что вскоре вернется. Но Кристел уже знала, что этого не произойдет. Она стояла на дороге, высокая и гордая, махая ему рукой и делая вид, что это расставание не очень расстроило ее. Но она уже знала, что не позволит ему вернуться. Это слишком опасно, в один прекрасный день он будет благодарить ее за это. Он уехал, а она проплакала всю

ночь. Сердце разрывалось от боли, и все тело сотрясалось от горьких рыданий. Он снова ушел от нее, и на этот раз она знала, что навсегда, она сделала ему последний подарок. Больше у нее ничего не осталось. Единственное, что она могла ему подарить, – это свободу. Все остальное и так принадлежало ему: ее сердце, ее душа и ее тело.

Кристал отдала коттедж Бойду с Хироко, и они переехали туда в марте после того, как покрасили его, повыдергивали во дворе все сорняки, засадили сад перед домом. Новая хозяйка ранчо наняла двух работников ухаживать за пшеницей, а на виноградниках и в винных погребах работали несколько новых мексиканцев. Бойд продолжал трудиться на газовой станции, а Кристал с Хироко надрывались как проклятые, приводя в порядок ранчо. Малышка Джейн помогала им, как могла.

Однажды в апреле, когда солнце уже хорошо грело, Кристал целый день мыла стены, а вечером решила их покрасить. Хироко, помогавшая ей, села на стул и, нахмурившись, посмотрела на подругу. Как бы Кристал ни храбрилась, Хироко видела, что с ней творится что-то странное. Конечно, последние два месяца совершенно вымотали ее, а перед этим она пережила страшный процесс и год жизни с Эрни. Хуже всего, что она страшно скучала по Спенсеру. Он звонил ей несколько раз, но она была с ним почти резка, настаивая, что пока не готова к тому, чтобы он вернулся. В Вашингтоне шла предвыборная кампания, и у Спенсера с молодым сенатором работы было по горло. Ему нравилась его работа, но он все еще горел желанием вернуться на ранчо к Кристал. Она грубо заявила ему, что приводит в порядок ранчо. Он все еще

был женат на Элизабет, которая, несмотря ни на что, отказалась с ним разводиться.

Хироко положила мокрое полотенце Кристел на лоб и, усевшись рядом с подругой, завела разговор о том, что той необходимо сходить к врачу.

– Не говори глупостей. Со мной все в порядке. Просто я не привыкла работать такими темпами. – Зато ранчо теперь выглядело чистым и ухоженным. Отец наверняка гордился бы дочерью. Бойд же просто ликовал от восторга и никак не мог поверить, что она за такое короткое время смогла все так изменить. Кристел жила дома уже два месяца.

Через три дня она снова упала в обморок, на этот раз в саду, когда полола сорняки. Ее обнаружила Джейн и тут же побежала в коттедж, к матери. Малышка очень любила свой новый дом и новую подругу. Кристел пообещала, что этим летом научит ее ездить верхом. На этот раз Бойд не стал долго церемониться с Кристел и отвез ее в больницу к доктору Гуди.

– Прекрати валять дурака, Кристел Уайтт. Или ты хочешь, чтобы я оттащил тебя силой?

Девушка усмехнулась в ответ. День выдался теплый, но ей было холодно, и она надела шерстяной свитер. Сказать по правде, она сама боялась, что с ней происходит что-то серьезное. Так оно и оказалось. Осмотрев ее, доктор Гуди напрямик заявил, что она беременна. Она недоверчиво уставилась на него, но когда посчитала, то поняла, что он прав.

В тот же вечер она сказала об этом Хироко.

– Что ты собираешься делать? – спокойно спросила та. Она очень хорошо знала, как сильно Кристел любит Спенсера и что отправила его в Вашингтон для его же блага.

Кристел с грустью посмотрела на подругу. Ни на секунду она не сомневалась в своем решении.

– Собираюсь рожать. – Это все, что у нее осталось от Спенсера. Она могла дать малышу, который должен был появиться на свет в начале ноября, хороший теплый дом. Она даже высчитала, что забеременела, когда они со Спенсером любили друг друга первый раз в Сан-Франциско, сразу после суда.

Бойд был потрясен, узнав эту новость, а Кристел сказала ему такое, что сильно его огорчило. Он думал, что она тут же сообщит об этом Спенсеру, но Кристел осталась непреклонной. Она заявила, что Спенсер сейчас очень хорошо себя чувствует, живет собственной жизнью в Вашингтоне, что она очень рада этому.

– Ты хочешь сказать, что не собираешься сообщить ему о ребенке?

Она кивнула в ответ. Она просто не имеет права делать этого. Он и так из-за нее потерял однажды работу, она не имеет права разрушать еще раз его жизнь.

– Я не собираюсь говорить об этом никому, кроме вас двоих.

Она не хотела делиться этой новостью даже с Перл и Гар-

ри. Она считала их частью своей прошлой, совершенно другой жизни. Теперь она останется в долине до тех пор, пока не родит ребенка. И наблюдая, как ее живот растет под ласковым летним солнышком, Кристел не могла теперь думать ни о чем, кроме своего будущего малыша. Он и станет самой большой радостью в ее жизни и последней памятью о Спенсере.

Кристал оказалась права – Спенсеру очень нравилась его новая работа. Он завоевал уважение и сенатора, и его окружения. Он вдруг оказался в самой гуще политического мира, и его юридическое образование сослужило хорошую службу. Он даже подумывал, не баллотироваться ли в конгресс, но, по-настоящему полюбив сенатора, он не хотел с ним расставаться.

Даже Элизабет ходила довольная и именно по этой причине в который уже раз отказалась с ним развестись. Несмотря на то представление, которое он устроил во время процесса, и на его измену, в которой она не сомневалась, эта женщина получила в конце концов то, что хотела. Она замужем за человеком, имеющим положение в обществе. Когда Спенсер вернулся, она встретила его в ярости и первую неделю не хотела даже видеться с ним. Он уже собирался переехать от нее. С Кристал или без нее, но он понимал, что должен развестись. Кристал подарила ему любовь, нежность, то, чего у них никогда не было с Элизабет. Он объяснил, что предпочитает остаться один, когда они в конце концов поговорили на эту тему. Он не стал ей лгать, но не стал и извиняться.

– То, что мы женаты, плохо для нас обоих. Ты заслуживаешь гораздо большего, чем этот брак, да и я тоже. – Он уже неделю работал на новом месте, и после ее угроз, после

того, как он задержался и не вернулся сразу после процесса, он был уверен, что она даст ему развод. Между ними не осталось ничего, и для нее не было секретом, что последние несколько недель он провел с Кристел. – Я думаю, сейчас самое время покончить со всем этим.

Но она была очень довольна его новой работой, считая, что это первый серьезный шаг, который он сделал самостоятельно. К тому же все вокруг только и говорили о том, как благородно он поступил, вытащив из петли кинозвезду. И вместо того чтобы злиться на мужа, Элизабет гордилась им. Он вдруг понял, что совсем не знает свою жену. Он все-таки добился славы, и для нее не важно, что из-за этого под угрозой оказался их брак.

– Почему бы нам не потерпеть еще немного, Спенсер? Мы так долго мучились, давай на время оставим все как есть.

Она была с ним откровенна, и им обоим стало совершенно ясно, что никаких чувств к нему она не испытывает. Но он тоже давно охладел к ней. Те времена, когда он пытался притворяться, что любит Элизабет, давно прошли. Наступил момент, когда он хотел одного – уйти от нее, о чем прямо и заявил жене:

– Для чего, ради всего святого, ты хочешь продолжать это притворство? Неужели тебя это не волнует?

Но для нее это действительно не имело никакого значения.

– Мне нравится, чем ты начал заниматься, Спенсер. Быть

женой помощника сенатора очень приятно.

– Ты что, серьезно? – Он был потрясен.

– Да, вполне. Я хочу, чтобы ты продолжал в том же духе и добился прочного положения. И в любом случае я не собираюсь давать тебе свободу. – Как всегда, ее тон оставался категоричным. – Ты мне ее задолжал.

Он побагровел от ярости:

– За что?

– За то, что сделал из меня посмешище, связавшись с этой куклой. Если надеешься, что я разведусь с тобой и ты женишься на ней, то ты просто свихнулся.

Он не говорил ей о том, что Кристел сама отправила его в Вашингтон и настаивала на сохранении брака.

– Я бы очень хотел жениться на ней, – не стал он лукавить, – но все дело в том, что она этого не хочет.

– Она или совершеннейшая дура, или очень умная женщина. Я даже не знаю, что больше ей подходит.

– Она сказала, что хочет побыть одна, и еще, что такой брак может помешать моей карьере.

Элизабет поняла, как сильно Кристел любит ее мужа. Но она не собиралась говорить ему об этом. Раз уж она решила остаться его женой, она не позволит, чтобы Спенсер так хорошо думал о Кристел.

– Она собирается вернуться в Голливуд?

Он покачал головой:

– Нет, она вернулась домой. С карьерой покончено.

– А где ее дом? – с любопытством спросила Элизабет. Ей хотелось побольше знать о своей сопернице.

– Это не важно.

– Ты собираешься ее навещать? – Она видела по его глазам, что он готов, если Кристел позволит. Но что-то между ними произошло перед тем, как он уехал. Видимо, Кристел сама отправила его домой. В противном случае он бы не приехал. Но теперь, когда он вернулся, Элизабет собиралась использовать всю свою власть, чтобы удержать его. – Ты будешь круглым дураком, если продолжишь шашни с ней. И твоему сенатору это совсем не понравится.

– Это уже мои проблемы, и пусть они тебя не волнуют. – Он не собирался обсуждать с женой отношения с Кристел. День и ночь он думал о ней. Но она все еще продолжала настаивать, что хочет пожить одна. Она говорила, что их жизненные пути слишком далеки друг от друга, и, как он ни старался, он не мог убедить ее в обратном.

Недели пролетали незаметно, он был слишком занят работой и в конце концов так и не переехал от жены, а та и не просила его об этом. Теперь он встречался с ее родителями гораздо реже, чем раньше, хотя судья и поздравил его с новой должностью. А Элизабет никак не могла поверить, что сбылась ее мечта стать женой знатной персоны.

Спенсер, сам не понимая почему, продолжал жить в доме в Джорджтауне. Он был постоянно занят, на переезд у него просто не хватало времени. Элизабет оставила его в по-

кое. Она продолжала ходить с ним на приемы, помогая осваиваться в высшем обществе. У нее жизнь тоже была полна до краев: она занималась общественной работой, постоянно встречалась с бесконечными друзьями, училась на юридическом факультете. Она никогда не жаловалась, и через несколько месяцев он обнаружил, что быть женатым на Элизабет – весьма выгодно. Спенсер ненавидел себя за это, но Вашингтон – довольно странный город. То же самое можно было сказать и о политике. Помощник сенатора прекрасно понимал, что брак с дочерью судьи Баркляя не приносит ему ничего, кроме пользы.

К тому же, проработав с сенатором шесть месяцев, он вообще перестал интересоваться, на ком он женат. Он почти и не видел Элизабет, кроме тех редких случаев, когда они, выполняя свой долг перед обществом, оказывались в одной компании.

Он теперь редко находил время, чтобы позвонить Кристел, и она была почти холодна в разговоре с ним. Рассказывая ему о себе и о ранчо, она явно давала понять, что не хочет его видеть.

Только на День благодарения Спенсеру удалось повидаться со своими родителями. Элизабет устроила очень милый званый ужин. Его родители прилетели из Нью-Йорка и остановились у них. Отец поздравлял себя, что уговорил Спенсера, когда тот только приехал из Кореи, не разводиться с женой. Присутствующие на ужине Барклай тоже были весь-

ма довольны, и никто не спрашивал у супругов, когда они собираются заводить детей. И так ясно, что они слишком заняты, а Элизабет должна в июне закончить обучение.

– Только вообрази себе, – пошутил его отец, – два юриста под одной крышей. Вы можете открыть юридическую контору.

Спенсер подумал, что это единственное, что их соединяет. Элизабет же вела себя как обычно, оставаясь очаровательной и милой. Перед ними открывалось большое будущее, и судья Барклай надеялся, что после того, как Спенсер отработает предвыборную кампанию с молодым сенатором, он откроет свою фирму. И так же, как Элизабет, он полагал, что для его зятя вполне разумно баллотироваться в конгресс. Но сам Спенсер считал, что делать это рано, он завален работой, которую делал с большим удовольствием и усердием. Это помогало убегать от ужасного одиночества. Для своих тридцати шести лет он взлетел довольно высоко, но, взлетая, потерял то, о чем мечтал больше всего на свете. И это была не его жена, а та девушка, которую он встретил на ранчо девять лет назад. Он потерял Кристел.

На День благодарения Кристел тоже приготовила обед. Она нафаршировала индейку клюквой и картофелем, украсила свежескрашенную кухню колосьями пшеницы.

На обед к ней пришли, конечно же, Бойд с Хироко и Джейн. Бойд невольно улыбался, глядя на огромный живот Кристел, когда они все вместе усаживались за стол. Джейн вежливо поблагодарила хозяйку. Ребенок, казалось, может родиться в любую минуту. Бойд больше не спрашивал ее, он и так был в курсе, что Спенсер ничего не знает о малыше. Ему было больно смотреть на печать грусти и одиночества, лежащую на лице будущей матери, но она с самого начала оставалась непреклонной в своем решении. Бойд был уверен, что она иногда разговаривает с ним по телефону. Кристел рассказывала о его успехах, о том, что он стал помощником сенатора. Однако она все реже заводила разговор о Спенсере.

Старый дом на ранчо было не узнать. Он сверкал, как новенький, свежей краской. Бойд не переставал удивляться. Они обедали за большим дубовым столом в уютной небольшой кухне, все вокруг сияло чистотой. Трудно было представить, что здесь царил совсем недавно полное запустение. Кристел почти не вспоминала о матери, зато часто думала об отце во время своих долгих одиноких прогулок. Она по-

ка не могла ездить верхом, но у нее накопилась уйма работы по дому. Комнату Джеда она переделала в детскую, покрасив стены в бледно-голубой цвет и повесив на окна белые кружевные занавески.

– А что, если родится девочка? – поддразнил ее Бойд вечером, когда они уходили.

Кристал спокойно улыбнулась в ответ:

– Такого не должно быть.

На следующее утро, когда Хироко пришла проведать Кристал, она увидела ее сидящей в кресле, бледной и очень сосредоточенной. Хироко тут же вспомнила себя и, посмотрев в лицо подруги, заметила, как оно исказилось от боли.

– Что, началось?

– Да. – Кристал улыбнулась сквозь боль и в следующее мгновение вцепилась в ручки кресла. Она не могла даже слова произнести от боли, и Хироко побежала к Бойду, чтобы тот вызвал врача. Еще месяц назад они уговаривали ее лечь в больницу, но Кристал заявила, что хочет родить ребенка у себя дома. Ее еще не забыли, фильмы с ее участием уже повсюду, и она часто замечала, что люди в городке останавливаются и смотрят ей вслед, гадая, та ли это актриса или нет. О ребенке не должен никто знать – ни репортеры, ни газетчики. Ни одного слова не должно появиться в печати. Если такое произойдет, может разразиться скандал, который коснется и Спенсера, кроме того, он узнает о ребенке, а она хотела сохранить **все** в тайне любой ценой. Но Бойд с Хиро-

ко на собственном опыте знали, что она может поплатиться за это жизнью малыша. Они таким образом потеряли своего второго ребенка, да и Джейн бы у них не было, не приди им на помощь Кристел. Но доктор Гуди сказал, что Кристел – молодая и здоровая женщина, и он не видит причины, по которой она не могла бы родить у себя дома, если она так хочет.

Бойд позвонил доктору Гуди, и когда через час он пришел, Кристел уже едва успевала переводить дыхание в промежутках между схватками. Ее лицо было мокрым от пота, а Хироко сидела рядом с подругой и держала ее за руку, как когда-то так же сидела около нее Кристел. Бойд вывел Джейн из дома и разрешил ей играть в саду, в то время как доктор Гуди и Хироко помогали Кристел рожать.

Было уже далеко за полдень, когда Хироко вышла из дома с озабоченным и усталым видом. Она попросила мужа забрать дочку и идти домой. Доктор Гуди сказал, что роды могут продлиться еще несколько часов.

– Она еще не родила? – Бойд очень волновался за их подругу. Схватки начались уже давно, и ему просто не верилось, что она еще не родила.

– Доктор сказал, что малыш очень большой.

Бойд беспокойно заглянул жене в глаза, помня, что произошло, когда она рожала Джейн. Хироко направилась в дом, но обернулась и улыбнулась мужу:

– Уже, наверное, скоро.

Эти же самые слова она произнесла чуть позже, чтобы

подбодрить Кристел, помогая ей тужиться, в то время как доктор Гуди ловко орудовал умелыми руками. Он был тем самым доктором, который отказался принять японку семь с половиной лет назад, заявив, что не желает помогать ее ребенку появиться на свет. Ведь его собственный сын погиб в Японии. Но теперь, наблюдая за ней, он был тронут добротой, умением и мудростью этой женщины. Казалось, от нее исходит какое-то тепло, нежность и покорность. В какие-то мгновения доктор был готов извиниться перед ней за давние обиды. Он знал, что ее второй **ребенок** умер, и теперь думал о том, что смог бы тогда предотвратить это. Он **смотрел** на женщину, но она ничего не говорила, а только тихонько подбадривала Кристел, которая сжимала ее руки и кричала от боли, ставшей теперь невыносимой, но ребенок все еще не показался.

– Придется отвезти ее в больницу. – Он уже начал думать о кесаревом сечении, но Кристел, собрав последние силы, приподнялась на кровати и так гневно на него посмотрела, что он в испуге замер.

– Нет! Я останусь здесь.

Год назад ее обвинили в убийстве, и сейчас новость о незаконнорожденном ребенке может положить конец карьере Спенсера. Если хоть одна живая душа узнает, что этот ребенок – его, этой новостью будут пестреть все завтрашние газеты.

– Нет! Я должна сделать это сама... о Господи... Новая

боль пронзила ее тело, она не смогла договорить фразу, и, зная, что доктор собирается делать, Кристел начала тужиться еще сильнее. На этот раз она сама почувствовала слабое движение, и доктор одобрительно кивнул:

– Если будешь продолжать в том же духе, то очень скоро у нас появится малыш.

Она слабо улыбалась Хироко, когда боли немного стихали, и доктор, не говоря ни слова, вышел, чтобы позвонить медсестре. Он сказал ей, что, возможно, придется вызывать «скорую» на ранчо Уайттов. Может быть, понадобится отвезти Кристел в больницу в Напу. Если это продлится еще какое-то время, возникнет угроза ее жизни. Медсестра пообещала ему быть наготове и предупредить водителя «скорой помощи». Вернувшись в комнату, врач увидел, что Кристел между тем делает успехи.

– Еще... давай, так держать... тужься сильнее!.. Сильнее!

Кристел уже не могла тужиться сильнее, лицо ее было красным, глаза, казалось, вот-вот вылезут из орбит, а тело готово лопнуть на маленькие кусочки, так сильно она напрягалась. Ей казалось, что из нее выезжает железнодорожный состав, который она теперь не могла остановить. Она продолжала тужиться, и глаза Хироко стали вдруг округляться от удивления. Между ног Кристел показалось красное личико и головка с мокрыми черными волосиками. Доктор бережно развернул малыша за плечи и, ловко вытащив тельце ребенка, положил его на живот матери. Кристел так ослабла, что

не могла произнести ни слова, она только улыбалась, глядя на него сквозь слезы, а потом, собравшись с силами, вдруг разрыдалась:

– Господи, какой он хорошенький... прямо красавец!.. Даже Хироко сразу поняла, что малыш – точная копия Спенсера.

Кристал улыбалась доктору, пока он отрезал пуповину, а Хироко вытирала подругу и заворачивала малыша в чистое белое одеяльце.

– Я же говорила, что смогу родить сама.

Он улыбнулся ей в ответ:

– Да, ты заставила меня слегка поволноваться. Этот твой молодой человек весит добрых десять фунтов.

Они взвесили ребенка на кухонных весах, и оказалось, что доктор прав. Сын Спенсера весил десять фунтов и семь унций⁴.

Доктор передал его матери, и она улыбалась, глядя на сына. Он был подарком, посланным ей самим Господом, она так и решила его назвать: Зебедах. Подарок Бога. Это хорошее имя для малыша, родившегося от удивительной, сильной любви его матери к его отцу.

Доктор побыл с ними еще немного, дождавшись, пока мать и ребенок спокойно уснули. Для них всех выдался тяжелый день, но больше всех устала, конечно, Кристал. Он тихонько вышел из комнаты и увидел Хироко, спокойно си-

⁴ Более четырех килограммов.

девшую в гостиной. Она протянула ему чашку с чаем. Поколебавшись мгновение, он ее взял. Даже сейчас, после стольких лет, ему было тяжело разговаривать с этой женщиной, но сегодня она завоевала его уважение, и он жалел, что этого не произошло раньше.

– Вы оказали мне большую помощь, миссис Вебстер, – осторожно произнес доктор, и она улыбнулась ему. Эта скромная японка была умна не по годам. Жизнь в долине не баловала ее, но иногда делала подарки с помощью Бойда и Кристел.

– Спасибо. – Она застенчиво потупилась.

Уходя, он крепко пожал ей руку. Это не выглядело с его стороны извинением, просить у нее прощения слишком поздно. Но это был первый шаг к взаимопониманию и уважению.

Он рассказал об этом на следующее утро медсестре, когда пришел в свой кабинет. Понадобилось десять лет, пока они наконец простили ей то, что она японка, и поняли, что Хироко Вебстер – совсем неплохая женщина. Она и сама стала замечать, что окружающие смотрят на нее совсем по-другому после этого случая. В один прекрасный день, когда они с Джейн пошли в супермаркет, продавщица улыбнулась им и сказала «привет». А ведь десять лет обслуживала ее в надменном молчании.

Малыш Кристел рос здоровым. Она быстро оправилась после родов, и когда ребенку исполнился месяц, они крестили его в церкви, где когда-то обвенчались Бекки с Томом. Теперь он стал Зебедах Тэд Уайтт, и после церемонии Кристел разрешила Джейн подержать его. Малышка согнулась чуть ли не пополам под тяжестью спящего мальчика, и они все весело рассмеялись. Потом девочка подняла нахмурившееся личико и, посмотрев на Кристел, задала вопрос, от которого у молодой матери на глаза навернулись слезы:

– А кто же будет его папочкой?

Кристел смахнула слезы и посмотрела на девочку, держащую в руках сына Спенсера.

– Думаю, ему достаточно того, что у него есть я. А может, так даже лучше, ведь мы все станем любить его намного

больше. – Она подумала о том, что Зеб, наверное, тоже когда-нибудь спросит ее об этом.

– А можно я буду его тетей?

– Конечно, можно. – У Кристел по щекам текли слезы, когда она наклонилась и поцеловала их обоих. – Тетя Джейн, когда он подрастет, он будет любить тебя больше всех.

Девочка гордо посмотрела на окружающих и отдала Зебедаха Уайтта его матери.

Двадцать шестого ноября 1956 года, через четыре дня после Дня благодарения, Зебедах праздновал свой первый день рождения. В тот год Ингрид Бергман⁵ снялась в роли Анастасии, дочери русского царя Николая II. Она едва пришла в себя после скандала с незаконнорожденным ребенком. Именно этого и боялась Кристел. Конечно, она не так популярна, как шведская актриса, но, будучи за год до этого обвиненной в убийстве, она наверняка стала бы объектом внимания.

Кристел испекла для Зеба именинный торт, и тот, весело смеясь, тут же залез в него руками. Джейн кинулась умывать его. Девочке исполнилось восемь лет, и она обожала малыша. Он стал для нее самой любимой игрушкой.

Хорошо постепенно начали признавать в городке после десяти лет открытой враждебности. Но Джейн все еще приходилось расплачиваться за любовь родителей – большинство детей в школе дразнили ее полукровкой. Она боялась и стес-

⁵ Ингрид Бергман (1915—1982) – шведская актриса. В Голливуде с 1938 г. Лауреат премии «Оскар» (1944, 1956, 1975).

нялась своих одноклассников, по сравнению с которыми была умнее и взрослее не по годам. Наученная Хироко, она умела прощать им все и была с ними терпеливой. Девочка знала все уголки ранчо и всюду водила за собой Зеба. Она очень помогала Кристел, у которой работы было хоть отбавляй, ей иногда приходилось самой работать в поле. Дела на ранчо шли довольно успешно, хотя пришлось продать участок земли с большой выгодой для себя. С другой стороны, она очень хорошо понимала, что ранчо может приносить доход, на который можно довольно скромно жить, платить налоги. Они никогда не станут богачами, да что там богачами! Подняться бы чуть выше уровня бедности. Все это уже несколько месяцев заботило Кристел.

Она видела, что Вебстерам тоже приходится иногда голодать, хоть она и не брала с них плату за дом и землю. Подобно ранчо, маленькая газовая станция не приносила почти никакого дохода. Теперь же у нее был Зеб, и ей следовало думать о его будущем. Она понимала, что надо найти работу и часть денег откладывать для сына. Ранчо продавать она не собиралась, помня слова отца и не видя в этом никакой необходимости. Это ее дом и дом Зеба, а теперь еще и Вебстеров.

Но она ничего не говорила о своих тревогах Спенсеру, когда он звонил. Он все еще делал это время от времени, но боясь, что он может услышать голос ребенка, Кристел не разговаривала с ним подолгу. Он звонил все реже и реже. Он

только лишний раз расстраивался, слыша ее голос, она же продолжала, несмотря на все его уговоры, настаивать на том, что не хочет его видеть. Если он приедет, то увидит Зеба, а это ее секрет, которым она дорожила больше жизни. Кристел знала, что его дела идут очень хорошо. Она как-то прочитала о нем в «Тайм». Иногда в местных газетах ей тоже попадалось его имя.

Весной 1957 года страна вступила в полосу экономического процветания, чего нельзя было сказать о жизни Кристел. Она понимала: так дальше продолжаться не может, ей необходимо было что-то делать. Прошедшая зима была для них очень тяжелой. Ей придется пойти работать, чтобы у них появились деньги.

Зебу исполнилось восемнадцать месяцев, и он повсюду бегал за Джейн. Каждый день он ждал, когда девочка придет из школы. Однажды майским вечером они с Хироко шли следом за детьми по пыльной дороге, вьющейся между виноградниками. Накануне вечером Кристел приняла решение, после того как обдумывала его несколько месяцев. Скандал, связанный с ее именем, за два года поутих и забылся. Она решила, что ей следует вернуться в Голливуд и попытаться найти там работу. Хироко посмотрела на нее с тоской, когда услышала об этом. Она всегда подозревала, что подруга хочет вернуться в Голливуд, поэтому ее слова не удивили японку. Им было очень тяжело расстаться с Кристел, и они боялись, что она захочет продать ранчо. Но насчет этого

Кристал быстро их успокоила, а то, что она сказала потом, просто потрясло Хироко:

– Я хочу оставить Зеба здесь, с вами. – Она посмотрела на сына, семенящего за Джейн. Девочка посмеивалась, а малыш заливался радостным смехом. Каждый день, каждый момент сын был для нее живым напоминанием о Спенсере.

– Ты собираешься поехать в Лос-Анджелес без него? – Хироко не верила своим ушам.

– Мне придется так поступить. Смотри, что произошло с Ингрид Бергман. Если станет известно о моем ребенке, пройдет целая вечность, пока кто-нибудь согласится снять меня в какой-нибудь картине. И так-то, наверное, никто меня не возьмет, но я считаю, стоит попробовать. Ведь это единственное, что я умею делать. – И она знала, что умеет это делать хорошо. Год назад ей довелось увидеть фильм со своим участием, и Кристал очень понравилось, как она выглядит на экране. Сейчас, когда ей уже двадцать шесть, она выглядит прекрасно, красота ее расцвела. Сейчас самое время возвратиться, до того как ее не забыли окончательно, пока она еще молода. Она специально оборвала связи в Голливуде, теперь придется начинать все сначала. Но на этот раз она понимала, что ей придется много работать. Она больше не станет искать легкой жизни и связываться с человеком типа Эрни, не будет больше ничьей любовницей. Уж этот урок она выучила очень хорошо. В тот же вечер Хироко обо всем рассказала мужу, и он удивился не меньше жены:

– Она оставляет Зеба с нами?

Хироко кивнула. Бойда это очень тронуло. Он понял, что Кристел им безоговорочно доверяет, ведь она безумно любит своего сына.

Кристел проплакала целую неделю перед отъездом. Ей казалось, душа отделяется от тела, но ехать необходимо. Она должна заработать деньги. Тянуть нельзя, ведь по голливудским нормам она не становилась моложе. Пройдет еще несколько лет и с карьерой киноактрисы можно распрощаться.

– А что, если он забудет меня? – говорила она сквозь слезы Хироко, которая прекрасно понимала, как тяжело Кристел уезжать от ребенка. Она вообще не представляла себе, что Кристел способна на это.

Но в один июньский день она поцеловала его в последний раз и долго стояла на крыльце, глядя на подаренную отцом землю, освещенную утренним солнцем. Прижав к себе Зебедаха, она в последний раз вдохнула запах его чистого тела и с горестным всхлипом передала мальчика Хироко:

– Будь с ним ласкова...

Малыш плакал и протягивал руки к матери. Он никогда не расставался с ней, а теперь она уходила от него так надолго. Кристел пообещала вернуться поскорее, но вряд ли финансовое положение позволит делать это часто.

Бойд довез ее до города и посадил в автобус. Она в последний раз обняла и крепко поцеловала его, глаза ее были

полны слез.

– Позаботьтесь о моем сыне...

– С ним все будет в порядке. Ты лучше позаботься о себе.

Он думал о всех трудностях, которые она пережила, правда, теперь она стала старше и опытнее. Он надеялся, что ей повезет.

На один день она задержалась в Сан-Франциско, чтобы купить кое-что из одежды. Денег у нее было совсем немного, но на этот раз она знала, что ей нужно. Она купила несколько платьев, выгодно подчеркивающих ее фигуру и в то же время совсем невызывающих. Она обнаружила, что здорово похудела, работая на ранчо. А поскольку не вылезала из джинсов, то этого не замечала. Она построинела, и от этого ноги казались длиннее, талия тоньше, а грудь более пышной. Она купила несколько шляпок, не закрывающих лица, и туфли на таких высоченных каблуках, что с трудом могла в них ходить. Она зашла к Гарри и Перл, а вечером попела для них немного, чтобы вспомнить старое время. Она слегка удивилась, что голос звучит совсем неплохо. Стоя на сцене, она вспомнила тот вечер, когда Спенсер встретил ее в этом ресторане после своей помолвки. Все напоминало ей о нем, и она очень надеялась, что Лос-Анджелес не станет напоминать ей об Эрни.

На следующий день она уже прибыла в Голливуд, чувствуя себя новичком. Казалось, никто не обратил на нее внимания, когда она поселилась в одном из дешевых отелей. Она стала

одной из многих, приехавших в этот сверкающий город за своей мечтой.

Одного дня оказалось достаточно, чтобы немного освоиться. Дважды она звонила домой. С Зебом все было в порядке, он ел хорошо, только несколько раз бегал в большой дом и искал маму. Но Джейн приводила его обратно. Хироко же твердо заявила, что он выглядит вполне счастливым. На следующее утро Кристел дрожащей рукой набрала номер одного из агентов, с которым познакомилась много лет назад. С тех пор как она впервые появилась в Лос-Анджелесе вместе с Перл, прошло уже пять лет, и теперь она знала, что делать. Агент пригласил ее зайти после обеда, но был с ней не очень любезен.

– Честно говоря, я не могу взять вас обратно на работу.

– Почему? – Ее глаза стали грустными, и он признался себе, что эта женщина все так же потрясающе красива. Ему чертовски неловко, но он не лгал: он действительно не мог иметь с ней дело.

– Ты убила того парня. Это странный город. Все здесь делают друг с другом все, что хотят, и у большинства этих людей морали не больше, чем в сердце собаки. Но когда дело доходит до вопроса этики при заключении контрактов, все студии предпочитают иметь дело с новичками. Они хотят, чтобы актеры великолепно играли и имели при этом чистую репутацию. Ты не должен быть дураком, сумасшедшим или рогиносцем. Если ты конфликтуеть с кем-нибудь, или за-

водишь шашни с чужой женой, или, не дай Бог, убьешь кого-нибудь, считай, что твоя карьера окончена. Послушайтесь моего совета, дорогая: езжайте туда, где вы жили эти два года, и забудьте о Голливуде.

Да, он не лгал, он выложил чистую правду. Она стала колебаться. Но она могла позволить себе пожить в Голливуде по крайней мере еще месяца два и в любом случае не хотела сдаваться так сразу. На следующей неделе она побывала еще у троих агентов, и они повторили ей то же самое, только несколько в другой форме. Но суть дела от этого не менялась. Ее карьера актрисы окончена. Они все признавали, что два ее последних фильма имели успех, голос у нее просто потрясающий, все директора фильмов, с которыми она работала, любят ее, но, несмотря ни на что, ни одна студия не станет с ней сотрудничать.

Прошло две недели, и Кристел сидела как-то солнечным днем в небольшом ресторане, потягивая лимонад. Вдруг она увидела своего старого знакомого, с которым она начинала работать. Сначала он удивленно уставился на нее, не веря своим глазам, а потом направился к ее столику.

– Кристел, это ты?

Она кивнула, снимая шляпку и улыбаясь. Несмотря на свою славу, он слыл очень добрым человеком, и Кристел нравилось с ним работать.

– Да, во всяком случае, я сама думаю так. Как поживаешь, Луи?

– Я-то прекрасно. А вот ты, черт возьми, где пропадала все это время?

– Пришлось уехать. – И они оба прекрасно знали почему, но он не стал напоминать ей о процессе.

– А что ты здесь делаешь? Работаешь над картиной? – Он даже не слышал, что она вернулась, и нигде не встречал ее. Да они и не были никогда близко знакомы, но она ему нравилась. Он всегда жалел, что все обернулось для нее так плачевно. Она показала себя настоящим мастером своего дела, и он полагал, что в один прекрасный день она могла бы стать знаменитой. Эрни, правда, тоже так считал.

Она рассмеялась и покачала головой:

– Нет, я не работаю. – Он заметил тоску в ее глазах, когда она произнесла эти слова. – Никто не хочет пожалеть меня.

– Да, народ здесь жестокий. – У него самого недавно были проблемы. Ходили слухи, что этот человек ведет совершенно распутный образ жизни, и ему пришлось жениться на сестре своей любовницы. И сразу все встало на свои места. В Голливуде никто не хочет признавать правду. И человек вынужден или играть по правилам этого жестокого мира, или распрощаться с ним навсегда. – А кто твой агент?

– Да никто.

– Дерьмо. – Он сел на свободный стул, ему вдруг очень захотелось помочь этой женщине. Ему в голову пришла одна идея. – А ты не обращалась непосредственно к кому-нибудь из директоров? Иногда такое срабатывает. Если человек

им действительно необходим, они найдут того, кого нужно, и тогда – опля! – всего один звонок, и ты при деле. Кристел опять покачала головой:

– Я думаю, что в моем случае не все так просто.

– Послушай... где ты остановилась? – Она сказала ему адрес, и он записал его на салфетке. – Ничего не предпринимай и не переезжай. Я тебе позвоню. – Он поднялся и медленно двинулся прочь. Ему было ее чертовски жаль, он знал, как ей тяжело. Но Кристел, в свою очередь, понимала, что надежды на помощь этого человека немного.

Она делала все возможное, но через две недели потеряла всякую надежду найти работу, к тому же она очень тосковала по Зебу. Когда в конце июня в ее дешевом гостиничном номере зазвонил телефон, она уже была готова бросить все и ехать домой. Нет смысла торчать здесь до августа. Она сняла трубку и услышала голос Луи:

– У тебя есть ручка, Кристел? Запиши-ка... – Он продиктовал телефоны известного директора фильма и не менее знаменитого продюсера. Оба они почти всегда делали фильмы, которые завоевывали все «Оскары». Кристел чуть не рассмеялась прямо в трубку, услышав эти имена. Неужели Луи думает, что она осмелится позвонить им? – Послушай, я разговаривал с ними, это отличные ребята. Директор не совсем уверен, что сможет тебе помочь, но сказал, что постарается. А Брайен Форд сказал, чтобы ты ему позвонила обязательно.

– Даже не знаю, Луи... Я уже собралась плюнуть на все и уехать, но все равно, спасибо тебе.

– Послушай, – его голос зазвучал слегка раздраженно, – обязательно позвони, иначе ты меня подведешь. Я им сказал, что ты очень хочешь снова поработать. Ну что, позвонишь или нет?

– Да, конечно... позвоню... но... они знают о процессе?

– Ты что, шутишь? – услышался короткий смешок. Шестнадцать человек из тех, с которыми он разговаривал о ней, заявили, чтобы она катилась к черту. – Конечно, знают. Об этом известно всем. Хотя бы попытайся это сделать. Попытка – не пытка, тебе же все равно нечего терять.

Он абсолютно прав, и на следующее утро Кристел позвонила им обоим. Директор Фрэнк Уильяме был с ней совершенно откровенен, сказав, что это почти нереально – найти для нее работу. Но он предложил сделать новые кинопробы, и, если они будут того стоить, она сможет попытаться показать их. Она решила, что сначала так и поступит, а потом позвонит продюсеру.

Первые пробы получились очень слабыми. Она страшно нервничала, ей казалось, что она забыла абсолютно все. Но Фрэнк настоял на том, чтобы повторить пробы, и на второй раз они вышли гораздо лучше. Они вдвоем стояли и просматривали их, и директор указывал, где она совершила ошибки. Кристел и сама понимала, что ей снова нужен преподаватель, но не могла себе этого позволить. Теперь она ду-

мала над тем, стоит ли вообще звонить Брайену Форду. Пробы не на высоте, она сама устала и изнывала от жары, плюс ко всему у нее за спиной отвратительное прошлое. Но все-таки она позвонила по настоянию Луи. Он попросил ее, и ей не хотелось, чтобы его усилия пропали даром. Кроме того, надо испробовать все варианты и уехать с чистой совестью, с сознанием, что она сделала все возможное. Ей уже хотелось, чтобы пробы не прошли, так она скучала по Зебу.

Казалось, секретарша Брайена Форда прекрасно знала, кто она такая. Она назначила ей встречу на следующий день после обеда, и Кристел, взяв такси, отправилась по указанному адресу. Офис находился в северной части Голливуда, и она нервно наблюдала за счетчиком в машине. Она уже забыла, что такси стоит так дорого. Кристел торчала в этом городе уже почти пять недель, и ее небольшие сбережения быстро таяли. Иногда она даже не позволяла себе лишний раз поесть, но на улице стояла такая жара, что ей почти и не хотелось есть.

Секретарша попросила ее подождать. Кристел показалось, что прошла целая вечность, прежде чем ей разрешили войти в кабинет. Она надела на встречу белое платье с большим разрезом на узкой юбке. Волосы были расчесаны и струились по спине блестящим водопадом. Она привыкла носить такую прическу, когда была еще ребенком. На ногах у нее были белые босоножки на высоких каблуках, а в руках – перчатки. Но на лице почти совсем не было косме-

тики. Она устала постоянно одеваться и краситься, притворяясь, что она не та, кто есть на самом деле. Она мечтала только об одном – поскорее вернуться домой и влезть в свои джинсы, понимая, что это последняя ее попытка. Ей не терпелось поскорее покончить со всем этим и оказаться на ранчо. Именно это смогла прочесть в ее взгляде секретарша, приглашая Кристел в кабинет. Она вошла в огромную, хорошо обставленную комнату: по стенам на стеклянных полках стояли призы, в глубине находился камин и большой стеклянный стол, под ногами лежал толстый серый ковер. Продюсер наблюдал, как она пересекает комнату. Это был сильный человек с белоснежно-седыми волосами и пронизательными голубыми глазами. Когда он поднялся, Кристел поняла, что он просто гигант. Голос у него звучал мягко и мелодично. Когда-то очень давно он был актером. Но потом решил, что способен на большее, нежели простое заучивание ролей. В двадцать пять лет он стал директором своего первого фильма, а десять лет назад начал снимать картины как режиссер-постановщик. Сейчас ему было пятьдесят пять, он снимал фильмы уже двадцать лет, причем среди них не было ни одного плохого. Он был личностью, в Голливуде его очень уважали. Кристел считала, что для нее это огромная честь – просто встретиться с ним. Она сейчас поняла, каким уважением пользуется Луи среди мира киношников.

Он открыто улыбнулся, приглашая ее сесть и предложив сигарету, от которой она отказалась. Тогда он закурил сам и

прищурился, разглядывая ее. Кристел подумала, что его место где-нибудь на ранчо, рядом с лошадьми, или на тракторе, а никак не за этим столом или на съемочной площадке. В нем не чувствовалось ни капли той суетливости и лоска, с которыми несколько лет назад ее встретил Эрнесто Сальваторе. Он воплощал благородство и спокойствие.

– Луи сказал, что с тех пор, как вы вернулись, дела у вас идут совсем плохо.

Она спокойно кивнула, не чувствуя в его присутствии никакого напряжения. С ним легко, как с отцом.

– Да, но я полагаю, этого следовало ожидать.

Они оба прекрасно знали почему, но он был достаточно вежлив, чтобы не заострять на этом внимание.

– Совсем-совсем ничего? – Он сузил глаза от дыма сигареты, глядя, как она еще раз покачала головой.

– Ничего. Завтра я собираюсь ехать домой.

– Это плохо. У меня для вас есть одно предложение. – Но она уже не была уверена, что сможет его принять. Что бы она здесь ни делала, ей придется быть вдалеке от Зеба, а этого она уже не хотела. – Мы сейчас как раз работаем над новым фильмом. И я решил ввести туда небольшую роль как раз для вас. Просто для того, чтобы вы вновь смогли войти в колею. Ничего особенного. Но это даст нам возможность посмотреть, на что вы еще способны.

– Этот фильм будет сниматься на студии? – Она знала, что ни одна киностудия не разрешит ей сниматься у них, как

бы ни мала была роль. Но он, не спуская с нее глаз, покачал головой. Фрэнк Уильяме уже показал ему ее пробы, и они понравились продюсеру.

– Нет, я собираюсь снимать его сам. Конечно, они будут его частично финансировать, но их совершенно не касается, кто там играет. – Он даже подумывал о том, чтобы сменить ей имя, но, честно говоря, ему не хотелось бы этого делать. Не важно, она хорошая актриса. – Не хотите подумать над этим? Съёмки начнутся не раньше сентября.

– Вы хотели бы, чтобы я подписала контракт с вами? Он улыбнулся и покачал головой:

– Только на эту картину. Не в моих правилах приобретать рабов.

Из его слов она поняла, что он в курсе того, что произошло у них с Эрни. Но он согласен дать ей работу. Она чувствовала, что в ней поднимается волна благодарности к этому человеку, ей захотелось попробовать поработать с ним.

– Могу я подумать несколько дней?

Но они оба понимали, что для нее это – единственный шанс. Ей незачем было хитрить с этим человеком, она просто хотела подумать, стоит ли ей снова уезжать от Зеба.

Он еще раз поднялся и пожал ей руку. Она вдруг почувствовала, что ей с ним уютно и надежно. Луи оказался прав. Он действительно замечательный человек и сейчас снова открывал для нее дверь в мир кино. Она не могла уснуть всю ночь, думая о его предложении, а утром перезвонила продю-

серу и сообщила, что принимает его предложение. Казалось, его обрадовала эта новость, и он пообещал прислать ей контракт и сценарий.

– У вас есть адвокат, который проверит полученный вами контракт? – Тут даже близко не пахло фокусами Эрни. – Вы не понадобитесь на площадке до пятнадцатого сентября. – Это была самая радостная новость для нее за всю неделю. Она сможет побыть дома с Зебом весь август и полсентября.

Кристал позвонила Луи и, поблагодарив его, попросила порекомендовать адвоката, который смог бы заняться ее контрактом. И в тот же день, послав в офис продюсера свой адрес, она улетела домой. Вечером Кристал уже ехала в автобусе по направлению долины. А еще позже вечером она сидела в своей кухне и держала на руках сына. Она рассказала Вебстерам, какой хороший человек Брайен Форд и как он добр к ней. На губах молодой матери блуждала счастливая улыбка. Все-таки у нее получилось! Она смогла это сделать! У нее даже есть время побыть дома с Зебом. И все шесть недель она наслаждалась близостью малыша, много работала, готовясь к отъезду.

Бойд с Хироко были взволнованны и рады за нее. Через шесть недель Кристал снова улетела на юг. Роль оказалась совсем небольшой, но Форд был уверен, что она стоящая и как раз для Кристал. И он очень хотел, чтобы она сыграла ее хорошо. Он верил в ее талант, к тому же она ему нравилась.

В ней была честность, которую он ценил. Еще он ценил

исходящую от нее энергию, тепло, открытость и храбрость, рожденную у нее в душе, когда ей довелось пережить страшные времена. Все это было немалым приложением к ее красоте и очень хорошо сочеталось с ее игрой. Наблюдая день за днем ее игру, он все больше убеждался в том, что был прав. Она – прекрасная актриса. Просто великолепная. Он предложил ей сняться еще в одном фильме. Она полетела домой на Рождество и повезла кучу дорогих подарков. После праздников Кристел возвратилась в Голливуд и работала с Фордом до самого марта. Картина вышла на экраны и получила отличные отзывы. Внезапно прошлое Кристел все забыли. Она опять стала любимицей публики. И это был не искусственно раздуваемый ажиотаж. Она действительно снялась в великолепном фильме известного и умного режиссера и действительно хорошо сыграла свою роль. На этот раз не было никаких сплетен, никакого давления на прессу, никаких «подводных течений». Призрак Эрнесто Сальваторе перестал преследовать ее. Кристел Уайтт не только сумела остаться на экране, но и преуспеть.

Спенсер увидел ее второй фильм и был просто потрясен, узнав, что она опять снимается. Он не звонил ей уже несколько месяцев и не знал, что она снова вернулась к своей карьере. Он сидел в кинотеатре и смотрел на экран как зачарованный, чувствуя боль и пустоту в сердце. На следующее утро он попробовал позвонить ей. Но телефон на ранчо не отвечал, а как найти ее в Голливуде, он не имел ни малейше-

го понятия. Да и звонить ей не было никакого смысла. В последний раз она явно дала ему понять, что не очень-то хочет разговаривать с ним. К тому же его жизнь не оставляла ни одной свободной минуты. Он стал главным помощником сенатора и решил не выдвигать свою кандидатуру в конгресс.

В начале 1959 года Кристел начала работать над новой картиной. Теперь у нее была своя квартира, и впервые в жизни она не беспокоилась за свою работу. Ее приглашали почти все киностудии, но она предпочитала сниматься в картинах Брайена Форда. Это немного урезало ее в средствах, но ей нравились качественные фильмы, которые он выпускал, к тому же он оказался превосходным учителем. Насчет денег она теперь не беспокоилась – зарабатывала она отлично. Брайен постоянно приглашал ее куда-нибудь пообедать, и скоро они подружились. Он никогда не требовал от нее больше того, что она хотела бы ему предложить. Теперь она жила только для своего сына. Каждый вечер она разговаривала с Зебом по телефону и не могла дождаться окончания съемок, чтобы съездить домой.

Как-то вечером они обедали с Брайеном в «Казино», когда он повернулся к Кристел и лукаво улыбнулся:

– Между прочим, куда это ты все время исчезаешь, как только выпадает возможность? Все время в сторону севера. – Он был уверен, что дело в каком-нибудь мужчине, ведь в Голливуде она не встречалась ни с кем. Но она улыбнулась, немного поколебавшись, прежде чем ответить. Она не со-

мневалась, что может полностью доверять этому человеку, и в порыве откровенности сказала:

– Я уезжаю на свое ранчо, к моему сыну. Он живет с моими старыми и верными друзьями, пока я работаю.

Брайен Форд нахмурился, глядя на нее, и заговорил, понизив голос:

– А ты была когда-нибудь замужем? – Она покачала головой, но он и так думал, что нет. – Тогда не говори об этом никому. Вспомни, что произошло с Ингрид Бергман. Они тебя с грязью смешают и в один момент выгонят из этого города, да так, что ты не будешь знать, куда спрятаться.

– Я знаю. – Она вздохнула. – Поэтому мне и приходится оставлять его там. – Убийство они еще могут простить, но незаконнорожденного ребенка... тут тебе ничего не поможет.

– А сколько ему лет? – Теперь ему стало уже интересно, чей это ребенок. Может быть, как раз Поэтому она и убила Эрни, может, это как-то связано с ребенком? Он никогда не спрашивал ее об этом, не стал бы делать этого и сейчас.

– Ему два с половиной. – Ответ успокоил его, так как Эрни умер три с половиной года назад.

– Тогда это не ребенок Эрни.

– Господи, конечно, нет! – рассмеялась она. – Я бы скорее покончила с собой, чем родила бы от него ребенка.

– Не могу сказать, что не согласен с тобой. – Он тоже улыбнулся. – Я всегда жалел, что ты связалась с ним. Хорошо бы его убил кто-нибудь прежде, чем это сделала ты.

– Я этого не делала, – спокойно произнесла она, глядя ему прямо в глаза, – но, как посчитал мой адвокат, единственный верный ход – представить дело как убийство с целью самозащиты. Не было ни одного свидетеля, который видел, как я уходила из дома в Малибу и заходила домой. А полиция заявила, что у меня были и мотивы, и возможности для убийства. И мы пошли по единственно верной дороге. И победили. Полагаю, что теперь только это имеет значение. – Правда, все до сих пор считают, что она убила человека, и она ходит с этим клеймом. Снова и снова думая об этом, Кристел понимала, какое счастье выпало ей, когда она встретила Брайена. Она посмотрела на сидящего напротив мужчину с ласковой улыбкой. Она так любила и уважала его. – Спасибо, что поверили мне. Вы для меня так много сделали.

– Да, такие дела – это всегда палка о двух концах. – Потом он снова подумал о мужчине, отце ребенка. – А отец мальчика живет с тобой на ранчо? – Он был уверен, что именно поэтому она так стремилась туда, как только заканчивались очередные съемки, не только к сыну, но и к его отцу.

Но она спокойно покачала головой. Она уже давно смирилась с этим. И была права, когда заставила его уехать. Как приятно слышать, что дела у Спенсера идут как нельзя лучше. Он навсегда ушел из ее жизни, но зато у нее теперь есть Зеб, который останется с ней на всю жизнь. Это самый дорогой подарок для нее... подарок от Бога.

– Его отец уехал раньше, чем он родился. И он ничего не

знает о своем сыне.

Брайен посмотрел на нее долгим изучающим взглядом, чувствуя, как в нем растет уважение к этой женщине.

– Тебе действительно было чертовски тяжело.

Она улыбнулась. В ее жизни происходили события, о которых она действительно жалела. Но только не о сыне. Потом они заговорили о новом фильме с ее участием и о других планах на будущее. В конце разговора, улыбаясь и расплачиваясь по счету, он сказал как бы между прочим:

– Да, ты знаешь, буквально на днях мы собираемся представить тебя к «Оскару».

Но для нее это уже не было так важно. Она опять стала звездой, и очень знаменитой. Люди узнавали ее и просили автограф, стоило ей появиться. Ее узнавали даже в долине. Поэтому приходилось вести себя очень осторожно, чтобы никто не узнал о Зебе и это не попало в газеты.

Брайен еще несколько раз приглашал ее пообедать, а когда они закончили снимать очередной фильм, он устроил большой прием. После ужина он попросил нескольких друзей остаться, и Кристел оказалась среди них. Они все наблюдали восход солнца и завтракали в его летнем домике. Он вдруг рассказал Кристел о двух своих сыновьях. Оба они погибли во время войны. После этого его брак фактически перестал существовать. В конце концов он развелся с женой, и она уехала в Нью-Йорк. Он признался Кристел, что это в корне изменило всю его жизнь. Жениться еще раз он так и не за-

хотел, и теперь Кристел поняла, почему он как-то отказался приехать к ней на ранчо, когда она его пригласила. Ведь тогда он уже знал о Зебе, они не были любовниками, и она просто хотела, чтобы он погостил у нее как друг. Теперь она поняла, что вид ее сына мог причинить ему боль. Он объяснил, что ему теперь тяжело находиться в окружении детей, они слишком напоминают ему о его погибших сыновьях. У них обоих жизнь сложилась тяжело, и понимание этого сближало их еще больше. Их непростые судьбы отражались и в глубоких умных картинах, и в ее великолепной игре.

Они проговорили несколько часов, и, когда гости разъехались, Брайен повез ее домой. Через несколько дней она собиралась на ранчо и думала пробыть там все лето, а осенью снова взяться за работу. На этот раз ей предстояло познакомиться с новым директором фильма. Но Брайен уговорил ее сделать это, заверив, что перемена пойдет ей на пользу. А после того как она снимется в этой картине, он собирался заключить с ней еще один контракт. Теперь казалось, что все эти контракты будут сыпаться без конца. Когда они оказались возле ее дома, она пригласила его подняться. Но он сказал, что очень устал после длинной ночи, и уехал, но уже ближе к вечеру позвонил ей и поинтересовался, не желает ли она пообедать с ним, прежде чем уедет из города. Его звонок тронул Кристел до глубины души.

Они пошли в ресторан и сели за укромный угловой столик. Он посмотрел на нее, и Кристел заметила печаль в его

глазах. Что же его могло расстроить? И вдруг он накрыл ее руку своей огромной ладонью.

– Я, честно говоря, даже не знаю, как сказать тебе об этом. Я очень долго думал, но мое предложение может показаться глупым.

Она ласково улыбалась ему. Ей определенно нравился этот человек. Ему было пятьдесят семь лет, а ей должно исполниться двадцать восемь этим летом. Кристел очень дорожила его дружбой.

– Я бы хотел провести с тобой немного времени, когда ты вернешься. Для меня так необычно, что ты станешь работать в другой картине. Я буду скучать по тебе.

Она мягко рассмеялась в ответ:

– Конечно, мы сможем встречаться. Да и работать над чужой картиной мне предстоит не так уж долго. Ведь в январе мы собираемся начать новый фильм. – Она не поняла, что он пытается втолковать ей.

– Я имею в виду, что мне было бы очень приятно уехать с тобой куда-нибудь на несколько дней. – Наконец-то она поняла и уставилась на него в изумлении. Раньше он никогда не предлагал ничего подобного. – Ты первая женщина, которой я осмелился предложить такое после очень долгих лет. – Он до сих пор удивлялся, что рассказал ей о своих сыновьях. Он не говорил об этом ни с кем уже много лет. Большую часть свободного времени он проводил один в саду, читал, или прогуливался в одиночестве, или работал над но-

выми идеями и будущими сценариями. Посреди того хаоса, который творился в Голливуде, про него можно было смело сказать, что он солидный, спокойный и одинокий человек, у которого есть ум, вкус и который пользуется неподдельным уважением окружающих.

– А почему бы вам не приехать ко мне на ранчо? – Она снова пригласила его, как делала это уже давно. Но на этот раз она решила посмотреть, что из этого получится.

Он улыбнулся и покачал головой:

– Это время полностью в твоем распоряжении, и я не хочу, чтобы ты тратила его на кого-то. Мы сможем поехать куда-нибудь, когда ты вернешься.

А что потом? Они останутся друзьями? Она начала волноваться по этому поводу, но по дороге домой решила не тревожить себя понапрасну. В конце концов, он просил у нее совсем немного к тому, что уже и так существовало между ними.

– Я не говорю тебе о любви, Кристел. Не знаю, смогу ли я еще когда-нибудь полюбить. Все для меня в прошлом. Моя жизнь устроилась и вполне меня удовлетворяет. – Он улыбался ей, пока они ехали через ночной город. – Я не хочу ни детей, ни брака, ни обещаний, ни лжи. Я хочу иметь друга, с которым было бы приятно поговорить, который бы был рядом со мной, но не постоянно. Я действительно не хочу большего, и мне кажется, что, даже будучи такой молодой, тебе наверняка иногда хочется того же. А еще тебе хочется мно-

го работать, успеха, но всякий раз ты должна возвращаться на ранчо к своему сыну. Я прав? Она кивнула, он успел ее неплохо узнать.

– Да, вы правы. У меня в жизни уже было и есть все, о чем я мечтала. Человек, которого я любила больше всего на свете, успех... и теперь еще Зеб. Для меня этого вполне достаточно. – За все это она заплатила свою цену, ее сердце было все в шрамах.

– Нет, этого недостаточно. В один прекрасный день я хотел бы о тебе по-настоящему позаботиться. Но сейчас... пока можешь расценивать это как эгоизм. – Он снова улыбнулся. – Мне бы было очень приятно, если бы ты согласилась провести немного времени со стариком.

Она рассмеялась. Он выглядел лет на двадцать моложе, чем был на самом деле, ну по крайней мере на десять. Он следил за собой, играл в теннис, много плавал, рано ложился спать, никогда не злоупотреблял спиртным. Она не слышала, чтобы он увлекался женщинами, даже начинающими кинозвездами, ни сейчас, ни раньше. Она уже давно поняла, что он весь на виду: удачливый, трудолюбивый и чертовски замечательный человек.

– Когда ты вернешься?

– Сразу после Дня независимости. – После этого пройдет немного времени, и она начнет работать в картине. Казалось, его это вполне устраивало. Он был готов ждать, но ни в коем случае не собирався приезжать к ней в долину на ранчо.

Летом он время от времени звонил ей на ранчо, послал несколько книг, которые, как ему казалось, будут ей интересны, и огромную, великолепную ковбойскую шляпу в качестве подарка на день рождения. Она отметила свое двадцативосьмилетие на ранчо, пригласив Вебстеров. Иногда она думала о Брайене, находя, что он совершенно не похож на мужчин, которые встречались в ее жизни раньше. Между ними не могло возникнуть такого страстного, пылкого и щемящего чувства любви, какое она разделила со Спенсером, но зато в нем не было ничего отвратительного и вульгарного, что внес в ее жизнь Эрни, никаких бриллиантовых браслетов, нарядов и мехов. Только ковбойская шляпа и несколько книг, да еще парочка писем, над которыми она смеялась до упаду. Он описывал некоторые эпизоды голливудской жизни, которая как была, так и осталась сплошным притворством. И когда она вернулась в Лос-Анджелес, он уже ждал ее, как и обещал в начале лета. Они отправились на Пуэрто-Валларта на несколько дней, и там в его поведении не было ничего неестественного и загадочного.

Дела с новой картиной шли успешно, и окружающие, казалось, не замечали, что их отношения изменились. Он был человеком сдержанным и спокойным, и таким же был их роман. Она вскоре узнала, что он уже давно увлекается политикой и болеет за демократов. Особенно ему нравился молодой сенатор Джон Кеннеди, который в этом году собирался баллотироваться в президенты. Постепенно окружающие

начали понимать, что она увлечена Брайеном. Она появлялась только с ним. Но репутация Брайена Форда в Голливуде оставалась безупречной и незыблемой. О нем никогда не ходило никаких сплетен, его поступки никто не обсуждал, и, находясь в тени этого человека, Кристел чувствовала, что ее поведение тоже не привлекает к себе всеобщего внимания. Общественным вниманием она и так уже была сыта по горло. Ее карьера находилась в зените, она считалась популярной и серьезной актрисой.

В апреле наконец-то исполнилось желание Брайена. Кристел поразила, услышав свое имя среди кандидатов на высшую награду академии. Она сидела ни жива ни мертва, пока открывали конверт и читали ее имя. Она никак не могла в это поверить. Она завоевала «Оскар» за лучшую женскую роль. Еще приятнее, что эту роль она сыграла в фильме Брайена. Прочитали ее имя, продюсер сжал ей руку, а она почти минуту сидела неподвижно, боясь, что неправильно расслышала имя. Но ошибки не было, и она медленно пошла по проходу к сцене, в то время как все вокруг аплодировали, а камеры снимали ее. Она никак не могла поверить, что такое произошло именно с ней. В сиянии множества прожекторов она поднялась на сцену и дрожащими руками взяла «Оскар», в то время как ее взгляд был устремлен в зал, туда, где, как она знала, сидит Брайен.

– Я даже не знаю, что сказать, – проговорила она в микрофон глубоким, мелодичным голосом, каким говорила все-

гда. – Я никогда не думала, что буду стоять здесь и принимать награду... с чего мне следует начать? И что я вообще могу сказать? Разве только поблагодарить тех людей, которые всегда верили в меня. Прежде всего, конечно, Брайена Форда, без которого я бы сейчас собирала виноград и сеяла пшеницу в далекой солнечной долине. Но я хочу поблагодарить и других людей, тех, которые поверили в меня много лет назад... Человека по имени Гарри, который предоставил мне работу в своем ресторане, когда мне было всего семнадцать лет. – Когда она произнесла эти слова, Гарри смотрел церемонию по телевизору, и он открыто заплакал. – ...И очень милую и добрую женщину Перл, которая научила меня танцевать и приехала со мной в Голливуд... и своего отца, который всегда говорил мне, чтобы я смело выходила в большой мир и старалась достичь мечты... всех директоров, с которыми я работала и которые научили меня очень многому... актеров, которые снимались вместе со мной... и Луи Брауна, который познакомил меня с Брайеном Фордом. Всем я обязана вам. – С полными слез глазами она подняла над головой «Оскар». – И этим я тоже обязана вам. И еще моим друзьям – Бойду и Хироко, которые заботятся о человеке, которого я очень люблю. – Она на секунду замерла, улыбнувшись сквозь слезы. – Но самое большое спасибо я хочу сказать человеку, благодаря которому я сумела встать на ноги, который значит для меня все... Зеб, я тебя больше всех люблю. – Она улыбнулась специально для сына, надеясь, что он видит ее. – Спа-

сибо вам всем. – Она помахала рукой и, держа «Оскар», пошла на свое место, пока зрители продолжали аплодировать. Они понимали, как высоко она взлетела и чего ей это стоило. Все в зале знали о процессе и теперь своими аплодисментами прощали ее. Она снова полноправно принадлежала миру кино, и он громогласно высказывал ей свое уважение. Когда она села на место, Брайен обнял ее за плечи, крепко прижал к себе. Сквозь слезы она гордо улыбнулась режиссеру.

– Он самый счастливый сын на свете, – прошептал Брайен ей на ухо, в то время как камера продолжала показывать то лицо Кристел, то аплодирующий зал. Казалось, он полон ее поклонников, а все, чьи имена она назвала со сцены, чувствовали себя именинниками. Луи Браун, смотревший передачу с друзьями, был очень горд за нее. Бойд с Хироко прыгали от восторга и подняли тост в честь подруги. Перл плакала не переставая с того момента, как только было произнесено имя Кристел, а Гарри побежал за шампанским, которое изготавливалось в Напской долине. В Вашингтоне Спенсер, отказавшийся от званого обеда, лежал дома в постели с сильной простудой. Он уставился на экран, сознавая, как далеко она пошла. Больше всего на свете он мечтал быть там и разделить с ней эту радость. Каким он был дураком, когда оставил ее, уехал в Вашингтон один. Ведь она выпроводила его для его же блага. А вдруг она вернула его в Вашингтон к Элизабет только для того, чтобы он смог сделать себе карьеру? От нее этого вполне можно ожидать, но теперь ничего

не поделаешь. Теперь он слишком сильно застрял, с головой ушел в политику, а в ее жизни появились другие люди. Он видел, как ее обнимал человек, с которым она сидела рядом. Это наверняка тот самый-самый любимый Зеб, про которого она говорила. Вот кто настоящий счастливец. Спенсер надеялся, что этот человек хорошо относится к Кристел. На экране она выглядела очень красивой. Но Спенсер знал и другую Кристел. Девушку, которая когда-то делилась с ним всеми своими секретами... девочку, которую он встретил впервые, когда она была еще ребенком... и женщину, с которой он как-то приехал в ее родную долину. Женщину, которую он любил больше жизни, даже сейчас, по прошествии стольких лет. Он хотел послать ей телеграмму, но не знал куда, и эта мысль повергла его в грусть. Да, теперь он окончательно потерял ее, потерял то, что для него было самым дорогим в жизни. Спенсер выключил телевизор и пролежал несколько часов в темноте, не в силах заснуть, думая о Кристел.

Малыш Зеб в этот вечер отправился спать, тоже думая о ней. Ему исполнилось четыре с половиной года, и когда мама в телевизоре назвала его имя, он радостно засмеялся.

– Это моя мамочка! – заявил он, протягивая стакан с кока-колой Джейн, которая смотрела на экран как зачарованная. Мальчик тут же начал спрашивать, что там делает его мама, и Хироко заверила, что она скоро приедет домой.

Все гордились Кристел. И больше всех радовался Брайен Форд. У него – особенное отношение к Кристел, и будь он

помоложе, их отношения могли бы сложиться по-другому. Но сейчас положение вещей вполне устраивало обоих. Эти отношения были чистыми и ясными. В них не оставалось места никаким иллюзиям, лжи, заверениям и обещаниям. Они хорошие друзья, и он искренне наслаждался ее обществом. В тот вечер она настояла на том, что угостит его ужином, а потом он пригласил ее потанцевать. Она все повторяла, что до сих пор не может прийти в себя, но Брайен не удивился, что она выиграла приз. Она действительно заслужила его, он понял это, когда только закончил ту картину. Для них обоих это был знаменательный вечер. Когда он проводил ее домой, Кристел долго разглядывала «Оскар», стоящий на столе. Это дорогой подарок и незабываемый вечер. Это ее награда за то, что она вернулась в Голливуд и на этот раз выбрала правильный путь. И как в старые добрые времена, она подумала о своем отце... о Спенсере... и, конечно, о Зебе... о трех дорогих ей людях, двое из которых уже успели уйти из ее жизни. Но у нее остался Зеб, и когда-нибудь она научит его тому, чему сама научилась. Она научит жить в доброте и любить от всего сердца, несмотря на ту цену, которую иногда придется платить за это. И еще она научит его не сомневаться в своих мечтах и сделает все, чтобы его мечты стали явью.

В этом году предстояли решающие выборы, и Кристел вместе с Брайеном волновались по этому поводу. Он несколько раз ездил на восток на званые политические вечера, она продолжала работу над одной из его картин. Как-то раз, вернувшись из Вашингтона, он был ужасно взволнован и обрадован. На этот раз он сказал, что Джон Кеннеди стал президентом, и всем казалось, что теперь для страны наступила новая эра: дни «Камелота»⁶ с его красавицей женой, прелестной дочерью и недавно родившимся сыном.

Кристел отметила пятый день рождения сына на ранчо, а когда вернулась, была удивлена, получив личное приглашение на торжество, посвященное дню вступления нового президента в должность⁷.

Она колебалась, думая, ехать ей туда или нет, хотя как раз в тот день съемки очередного фильма закончились и она освободилась. Вашингтон остался для нее наполненным призраками прошлого, она боялась, что может столкнуться там со Спенсером.

– Ты должна поехать, – настаивал Брайен, – ты не можешь отрицать, что для тебя это большая честь. И это совершенно

⁶ Cameloto – двор короля Артура. Перен. – правительство и окружение президента Кеннеди (1961 – 1963).

⁷ Inauguration Day – 20 января.

особый случай. – Он знал, что такой случай выпадает только один раз в жизни. Ему очень нравился молодой сенатор, и теперь он хотел, чтобы Кристел познакомилась с супругами. Он так настойчиво уговаривал ее, что в конце концов она сдалась. Хоть для нее это было непростым решением. Она читала, что Спенсер – старший помощник Кеннеди, она была уверена, что он тоже будет там. Она уповала на огромное количество народа. Вряд ли в этой толпе придется встретиться. Ей незачем видеть его, за шесть лет много воды утекло. Прошла вечность, и она не хотела прерывать эту вечность и возвращать боль. С ней остались воспоминания о нем, забота о Зебе, который всегда ждал ее на ранчо.

Платье для торжества она купила в Чикаго: серебряное, в блестках. Брайен присвистнул, когда она показала ему наряд, а потом рассмеялся:

– Ты сделала отличный выбор, малышка. Черт возьми, ты будешь выглядеть в нем, как настоящая кинозвезда!

Оно совершенно не походило на те элегантные платья, в которых обычно появлялась Первая дама. Но оно было элегантно по-своему, так же как сама Кристел. Казалось, платье весело подмигивает своими блестками, когда Брайен с улыбкой поцеловал руку Кристел. Он был уверен, что ее первый выход в высшее политическое общество не пройдет незамеченным. Так оно и случилось.

Прием устроили великолепный, Кристел не могла представить себе такое и в мечтах: несколько званых обедов,

два грандиозных бала. Первая дама выглядела потрясающе в платье от Олега Касини. Народу пригласили уйму, Кристел узнавали, к ней постоянно обращались с просьбой дать автограф, она то и дело слышала возгласы восхищения. На Брайене отлично сидел смокинг, он шел рядом с Кристел, ужасно гордый за нее. Он не выглядел на свои пятьдесят девять лет и казался гораздо моложе.

– Ты сам прекрасно выглядишь, – поддразнила она его, когда они одевались в своем номере в отеле «Статлер». Он заказал этот костюм еще месяц назад. Глаза у Кристел горели в предвкушении праздника, она призналась, что рада присутствовать на этом торжестве.

Их отношения оставались такими же, как в начале знакомства: удобными, полными взаимопонимания и дружбы; роман, который никогда не выплескивался наружу, чего не могли понять многие, но что было естественно для таких людей, как Кристел и Брайен. Кристел по-настоящему привязалась к нему, и он, казалось, тоже искренне наслаждался ее обществом. Она считала, что он единственный в Голливуде, с кем можно серьезно поговорить, и частенько советовалась о делах ранчо. Физически они тоже вполне удовлетворяли друг друга, но огонь их любви горел ровно, без вспышек и страсти, никто из них не мучился и не испытывал боли. Очень легко жить рядом с человеком, которого уважаешь и которым восхищаешься.

В тот вечер они посетили оба бала, и Брайен представил

ее президенту. Кристел была очарована его красотой и прелестью его интеллигентной жены, стоящей рядом. Она выглядела очень застенчивой, отвечая кому-то по-французски, а когда ей представили Кристел, она выразила восхищение фильмами с ее участием.

Потом они танцевали, и, когда Брайен пошел за ее шубой, она наконец-то увидела Спенсера. Он стоял около дверей, окруженный другими членами кабинета и работниками секретной службы, непринужденно разговаривал и смеялся. Она повернулась, собираясь уйти, чувствуя, как ее захлестнула волна невероятной тоски, молясь про себя, чтобы скорее вернулся Брайен, но он, казалось, застрял там на целую вечность. Она все-таки слегка повернулась, и легкая вспышка от ее платья попала в поле зрения Спенсера, который тут же перестал разговаривать и уставился на нее, совершенно потрясенный. И в следующую секунду он уже стоял рядом с ней, глядя на нее, замороженный ее красотой так же, как всегда. Он наклонился и нежно дотронулся до ее руки, как бы желая убедиться, что это действительно она. И это действительно была Кристел. Настоящая. Живая.

– Кристел...

Прошло шесть лет. Шесть долгих лет, полных переживаний и радостей, которые дарили ей ее работа и его сын.

– Привет, Спенсер. Я так и знала, что встречу тебя здесь.

Прими мои поздравления. – Голос ее был едва различим в шумном зале, но он слышал каждое слово.

Он смотрел на нее и думал, что никогда еще она не была так красива в этом серебряном платье, которое корочкой тонкого сверкающего льда покрывало ее знакомую и великолепную фигуру.

– Спасибо. Ты тоже проделала нелегкий путь, – улыбнулся он. Он многое имел в виду. Он имел в виду все эти годы, и то, что она стала звездой, и то, что сбылась наконец ее мечта, и то, что она просто попала сюда. Но все это показалось ей таким пустяком по сравнению с тем, что она почувствовала к нему с новой силой. Стоило ей только увидеть его, как в ее памяти всплыло все то, что когда-то было между ними: наслаждение, и боль, и целая вечность, прожитая в таком одиночестве и невероятной тоске. – Ты здесь надолго? – спросил он небрежно, стараясь скрыть свой интерес.

– На несколько дней. – Ее равнодушие тоже было наигранным, она только молила Бога, чтобы он не услышал, как бешено колотится ее сердце. – Мне необходимо скорее вернуться в Калифорнию.

Он кивнул, а ей вдруг захотелось узнать, женат ли он до сих пор или нет.

На другом конце зала во всей своей красе сияла Элизабет. Ее муж – один из главных помощников президента Кеннеди. В тридцать один год она добилась того, чего хотела. Сейчас она завидовала только одной женщине в зале, той, которая была замужем за президентом. Но Спенсер все равно стал очень влиятельным человеком, даже для Барклаев.

– Где ты остановилась?

Она немного поколебалась, но потом подумала, что в этом нет никакого смысла. Все равно у него теперь своя жизнь. А у нее теперь есть Брайен.

– В «Статлер».

Он снова кивнул, и тут появился Брайен с ее шубой из серебристой лисы. Ей ничего не оставалось, как представить их друг другу. Брайен знал, кто он такой, но они никогда не встречались раньше. Он удивился, откуда Спенсер может знать Кристел. Ее отношения с Брайеном не оставляли сомнений, но взгляд Спенсера сказал о многом. Она попрощалась с ним, и они ушли. Сидя с ней в лимузине, Брайен заметил, что она странно притихла, задумчиво глядя на падающий снег. Он не сказал ей ни слова, пока они не добрались до своего номера, но там он не смог сдержаться и спросил:

– Откуда ты знаешь Спенсера Хилла? – Насколько он знал, она никогда не была в Вашингтоне. Он сам видел Спенсера год назад в окружении будущего президента, и ему понравился этот человек. Он наверняка далеко пойдет, да и сейчас он уже имеет немалый вес. Брайену было известно, как ценит его молодой президент.

Слегка нервничая, Кристел расстегнула платье и улыбнулась ему, но ее глаза продолжали оставаться грустными. Он заметил в них острую боль, которая казалась ему невыносимой.

– Я познакомилась с ним много лет назад на свадьбе своей

сестры. Он служил на Тихом океане вместе с моим зятем, – потом она отвернулась, – он защищал меня на суде.

И тут он понял. Он никогда даже представить не мог себе это.

Он медленно подошел к ней, повернул к себе и понимающе посмотрел в глаза.

– Это он отец твоего ребенка?

Последовала долгая пауза, потом она медленно кивнула головой и снова отвернулась.

– А он знает о нем? Она покачала головой:

– И никогда не узнает. Это долгая история, но у него своя жизнь и блестящее будущее. И если бы он остался со мной, это будущее никогда бы не сбылось.

Поэтому она подарила ему свободу и сделала это как раз вовремя. Теперь приятно сознавать, что он не терял зря времени. Он очень хорошо использовал ее подарок.

– Он все еще любит тебя. – Сказав это, Брайен тяжело опустился в кресло. Он знал, что в один прекрасный день это должно было произойти. Сегодня он видел глаза Кристел и Спенсера.

– Не говори глупостей, до сегодняшнего вечера мы не виделись шесть лет.

Но на следующее утро, когда Брайен ушел завтракать со своими друзьями, Спенсер позвонил ей. Услышав, как он произнес ее имя, она подумала, что сердце выскочит из груди, но тут же взяла себя в руки, посоветовав себе не быть

глупой. Он очень хотел встретиться с ней хотя бы ненадолго, пока она не уехала, но она отказала ему.

– Кристел, пожалуйста... ради того, что было между нами. В результате того, что у них было, у нее появился ребенок.

– Мне кажется, мы не должны этого делать. Что, если об этом пронюхает кто-нибудь из репортеров? Это может нам дорого стоить.

– Позволь мне позаботиться об этом. Пожалуйста... – Он умолял ее, и она сама до безумия хотела встретиться с ним. Но зачем? И даже если Брайен прав, полагая, что Спенсер до сих пор влюблен в нее, эта встреча только расстроит Спенсера. Она еще раз попыталась отказать ему, но у нее ничего не вышло.

– Хорошо. Где? – нервно произнесла она. Она боялась не только репортеров, она боялась, что об этом узнает Брайен. Правда, он никогда не ревновал ее, но она не хотела бы его расстраивать. Особенно сейчас, когда он все узнал. Она прекрасно видела, как опечалились его глаза вчера вечером. Кристел хотела убедить его в том, что ничего в своей жизни менять не собирается. Спенсер Хилл ушел из ее жизни навсегда. И никогда не вернется.

Спенсер назвал ей адрес небольшого бара, который он хорошо знал, и она пообещала встретиться с ним в четыре часа.

К тому времени Брайен все еще не вернулся, и Кристел не решилась взять машину, которую он оставил в ее распоряжении, а села в такси. Она боялась, что водитель лимузи-

на может рассказать о них репортерам, если узнает ее или Спенсера.

На ней были огромная шляпа, меховая шуба и темные перчатки. Когда Кристел приехала, он уже ждал ее. Его волосы, в которых появилось еще больше седины, запорошил снег. Глядя на него, она не могла не вспомнить, как он выглядел тогда, когда они встретились в первый раз: его белые брюки и свитер, красный галстук, блестящие черные волосы и теплую улыбку. Он почти совсем не изменился. Зато изменилась она. Можно с уверенностью сказать, что в этой двадцативосьмилетней женщине мало что осталось от четырнадцатилетней девочки.

– Спасибо, что пришла. – Он нагнулся и взял ее за руку, потом они вошли в бар и уселись за столик. – Мне необходимо было тебя увидеть, Кристел. – Она улыбнулась. Сын так похож на отца, на отца, которого никогда не видел и никогда не увидит. Сын – счастье и смысл ее жизни. – А твои дела идут как нельзя лучше. – Он тоже улыбнулся. – Я видел все твои фильмы.

Она рассмеялась, почувствовав себя вновь девчонкой:

– Кто мог предположить тогда, много лет назад...

– Да, я помню, как ты в первый раз призналась, что хочешь стать кинозвездой. – Потом он добавил: – Ты еще не продала ранчо?

– Бойд и Хироко живут теперь там со мной. И я приезжаю довольно часто. – «Чтобы побыть там с твоим сыном... с на-

ШИМ СЫНОМ...»

– Мне бы очень хотелось побывать там. – От этих слов Кристел бросило в дрожь. Но она знала, что по крайней мере четыре года он будет слишком занят, чтобы даже думать об этом.

И потом она решилась задать вопрос, над которым думала накануне вечером:

– А ты все еще женат? – Она ничего не читала в газетах о разводе, и, зная, что Кеннеди католик, полагала, что Спенсер не развелся, иначе не получил бы такой ответственный пост.

Он огорченно кивнул:

– Да, но это только видимость. За этим нет абсолютно ничего. А когда я вернулся... она все про нас знала. И самое смешное, ей на это совершенно плевать. Она захотела остаться женой из своих собственных соображений, которые не имеют с моими ничего общего. И теперь она получила то, о чем так мечтала. – Он по-мальчишески улыбнулся. – Во всяком случае, она так думает. Так же как ты мечтала стать кинозвездой, она с детства спала и видела себя замужем за кем-нибудь, кто бы имел положение в обществе. Мы совершенно разные люди, но должен признать, что ее приемы просто великолепны. – В его словах слышалась не столько горечь, сколько обида. Он должен расстаться с женщиной, которую любил, и почти десять лет провести в обществе совершенно постороннего человека. – Теперь, полагаю, мы все достигли того, чего хотели, правда? – Кинозвезда, помощ-

ник президента и жена человека, который имеет положение в обществе. Но у него нет главного, для чего стоит жить, – женщины, которую он любил вот уже пятнадцать лет. – Когда ты уезжаешь?

– Завтра.

– С Брайеном Фордом?

– Да. – Она посмотрела ему прямо в глаза, прекрасно понимая, что он хочет узнать. Но она не собиралась говорить ему об этом, а он не хотел спрашивать. Это причинило бы им обоим слишком много страданий.

– Некоторые твои фильмы просто замечательные.

– Спасибо. – Она улыбнулась. Как бы много она хотела ему сказать, но знала, что не вправе этого делать.

Он снова рассмеялся:

– Я видел, как ты получала «Оскара». Я готов был расплакаться. Ты выглядела великолепно, Кристел... ты все хорошеешь... становишься все лучше и лучше... как будто ничего не меняется.

– Я становлюсь старше. – Она рассмеялась. – Я помню себя. Мне казалось в детстве, что тридцать лет – это уже почти смерть.

Он тоже засмеялся. Она удивительно молодая и потрясающе красивая. Он по сравнению с ней чувствовал себя дряхлым старичком, к тому же страшно одиноким.

Они поговорили еще немного, а потом он посмотрел на часы. Ужасно, но он должен уйти от нее. Он приглашен на

обед в Белый дом к семи часам, и ему еще надо заехать домой за Элизабет и переодеться.

– Можно мне тебя подбросить?

– Не знаю, стоит ли тебе это делать. – Она все еще волновалась за него, и он улыбнулся.

– Мне кажется, ты уж очень осторожничаешь. Я же не президент, ты ведь знаешь. Я только помощник. В отличие от того, что думает моя жена, я вовсе не такая уж великая персона.

Она скользнула в его лимузин, и они поехали в отель. Он так и не спросил ее, почему она не вышла замуж, а она не стала спрашивать, почему у него нет детей. Они говорили про бал, который состоялся накануне, а потом вдруг машина остановилась, и Спенсер посмотрел на нее умоляюще, крепко держа ее за руку.

– Я не хочу снова расставаться с тобой. Все шесть лет я так тосковал по тебе. – Это были именно те слова, которые он хотел сказать ей, когда звонил и умолял о встрече. Он хотел сказать, что все еще любит ее.

– Спенсер, не надо... теперь для нас все слишком поздно. Ты замечательно преуспел в жизни. Не надо все портить.

– Не будь глупой. Все это может кончиться через четыре года. Неужели ты не понимаешь? Неужели для тебя ничего не значит, что у нас-то ничего не кончается вот уже пятнадцать лет? И сколько ты еще собираешься ждать? Пока мне стукнет девяносто?

Она рассмеялась, а он, закрыв глаза, наклонился и поцеловал ее. От его поцелуя у нее перехватило дыхание, и когда их губы разомкнулись, в глазах у нее стояли слезы. Ей нечего было сказать ему. Для его же блага она не должна с ним встречаться, хотя так тяжело думать об этом. И он никак не мог этого понять.

– Если я окажусь в Калифорнии, можно я встречусь с тобой?

– Я... нет-нет... там Брайен... не надо... Он отрешенно спросил:

– Ты что, живешь вместе с Фордом?

Она покачала головой. Они оба избегали этой темы, но каждый по своим соображениям.

– Нет... я живу одна...

Он счастливо улыбнулся и снова поцеловал ее, пока водитель стоял на морозе, дожидаясь, когда они закончат разговор.

– Я позвоню тебе, как только смогу.

– Спенсер!

Он заставил ее замолчать, целуя ее в последний раз, а потом с улыбкой посмотрел на нее:

– Я люблю тебя... и всегда буду любить... и если ты думаешь, что тебе удастся убедить меня в обратном, то ты глубоко ошибаешься.

Они жили так далеко друг от друга, так часто и старательно избегали встреч, теряли друг друга из виду, и вновь на-

ходили, и снова теряли, теперь им нет смысла притворяться. Так же как и он, она понимала, что они созданы друг для друга. Но любой неосторожный шаг может разрушить все то, что далось ему с таким трудом, и она не хотела, чтобы это произошло.

Она посмотрела на него несколько секунд, думая не о себе, а только о нем.

– Ты действительно этого хочешь?

– Да... я понимаю, что этого очень мало... но это будет все-таки что-то.

– Я очень тебя люблю, – прошептала она, коснувшись губами его шеи. Потом они вышли из машины. Она протянула ему руку, поблагодарив за вечер, и скрылась в дверях отеля, все еще ощущая вкус его губ и думая о том, что же теперь произойдет.

На следующий день они с Брайеном улетели в Калифорнию. В самолете оба молчали, он читал, а она смотрела в иллюминатор. Ему пока не хотелось ей ничего говорить, хотя он все знал. Начиная с трех часов он все время звонил ей в отель, а когда вечером увидел, то по глазам понял, где она была и с кем. Ему хотелось пожелать ей счастья и предупредить об осторожности. В конце концов, когда подали завтрак, он сказал ей об этом. Брайен грустно вздохнул, глядя на звезду, которую он вознес на небосклон, и подумал, что она заслужила немного счастья. Он подумал о тех неприятностях, которые она пережила несколько лет назад, и стал молить Бога, чтобы вокруг нее не разразился новый скандал. А скандал мог разразиться, и очень большой, если Кристел или Спенсер сделают хоть один неосторожный шаг.

– Я хочу, чтобы ты знала: ты можешь звонить мне в любое время. Я всегда был и остаюсь твоим другом, – сказал он Кристел со слезами на глазах. Они улетали в Вашингтон как любовники и близкие друзья, теперь же между ними все было кончено. Но он всегда знал, что этот день когда-нибудь наступит. Он только надеялся, что это произойдет не так скоро. Два года они жили дружно, и Брайен не мог требовать от нее большего. Жениться на ней он не хотел. Беда в том, что это не сделает и Спенсер. Он не может. Об этом Брай-

ен тоже сказал Кристел, но для нее это не было новостью. Она вздохнула и шмыгнула носом. Для них обоих эти два дня оказались очень тяжелыми, несмотря на все очарование торжества, на которое их пригласили.

– Я все это знаю, Брайен. Это продолжается между нами е пятнадцать лет.

Он был потрясен:

– Еще до того, как ты родила сына?

– Задолго до этого. Я влюбилась в него, когда мне было четырнадцать лет.

– Почему же тогда, черт возьми, ты не вышла за него замуж? Или он не предлагал тебе?

– Предлагал, но всегда что-то мешало. Не жизнь, а какая-то комедия ошибок, которые преследовали меня. Мы встретились снова, когда он был уже помолвлен. После женитьбы понял, что не любит жену. Потом попал в Корею, а я связалась с Эрни. Когда же Спенсер вернулся, мне казалось, что я слишком много должна Эрни, чтобы уйти от него. Ну разве это не злая шутка? А потом, когда я попыталась уйти от Эрни, он не позволил мне, а Элизабет не дала развод Спенсеру. И это тянулось и тянулось несколько лет. После процесса он снова захотел на мне жениться, но тогда он по уши завяз в политике, ему предложили хорошую работу, а женщина, которую обвинили в убийстве, согласись, не лучшая жена для того, кто хочет победить на выборах. Поэтому для его же блага я решила прекратить наши отношения.

Он посмотрел на нее с уважением и восхищением и добавил остальное:

– А потом ты обнаружила, что беременна, и решила не говорить ему об этом?

Она кивнула. Он ее прекрасно понял.

– Да, твою жизнь никак не назовешь счастливой. А что теперь?

– Не знаю. – Они с Брайеном уже решили, что прервут свои отношения, но со Спенсером все так и оставалось зыбким. Теперь она свободна, но он-то нет. У него есть жена, и он помощник Кеннеди, так что свободой тут и не пахнет. Она это прекрасно знала. – Он хочет приезжать ко мне, когда у него появится возможность. Ну а потом что?

– Я тебе скажу, что потом. В один прекрасный день тебе исполнится пятьдесят, а ты все еще будешь влюблена в человека, женатого на другой. Он будет приезжать к тебе два раза в год. А что, если он когда-нибудь станет президентом? Тогда что? Для вас все будет кончено, а сколько тебе исполнится лет? Нет, я считаю, тебе следует найти какого-нибудь молодого хорошего парня, который женится на тебе, и вы с ним нарожаете еще детей, пока не поздно. – Сам он не предлагал жениться на ней, они оба знали, что он больше не хочет ни жениться, ни иметь других детей. Рубцы от потери никогда не смогут зажить в его сердце. Год назад он сделал себе вазэктомию, и у Кристел стало меньше проблем.

Но теперь возникла проблема посерьезнее: Спенсер и ее

будущее. Как друг, Брайен не одобрил их связь, он считал, что она поступает глупо. Если Спенсер не может на ней жениться, она должна избавиться от него. Но это легко сказать, но сделать трудно. Когда через шесть недель он прилетел к ней в Лос-Анджелес, часы, которые они провели вместе, были наполнены любовью и страстью, казалось, и не было этих шести лет разлуки. Они закрылись в ее квартире, ни разу за два дня не покинув ее. А потом он улетел, и в ее жизни опять наступила бесконечная пора ожидания. Он смог опять приехать только через три месяца. Расставания убивали их, но ничего другого они не могли себе позволить: украденные мгновения, дни, когда они прятались в ее квартире со своей тайной. Это порождало бесконечные слухи и догадки по поводу того, с кем она встречается. Поэтому ей пришлось завести «легальный» роман с одним из популярных актеров, с которым она вместе работала. Он считался повесой и не заботился о том, чтобы держать в тайне свою интимную жизнь. Время от времени она продолжала видеться с Брайеном, который бранил ее за тайные встречи со Спенсером.

Зебу исполнилось семь лет, и он очень хотел приехать к ней в Голливуд. Наконец она не выдержала и разрешила ему приехать вместе с Вебстерами, которые обрадовались этому не меньше, чем ребенок. Они все отправились в Диснейленд и замечательно провели там время. Она пообещала сыну, что скоро снова пригласит их к себе, но он был рад поскорее уехать на ранчо с Вебстерами и Джейн, которую со-

вершенно искренне считал своей сестрой. Девочке исполнилось уже четырнадцать лет, и она была так же мила и застенчива, как и ее мать. Кристел даже устроила им экскурсию на несколько киностудий и не переставала жалеть, что не приглашала их раньше. Никто из окружающих ничего не заподозрил, потому что Зеб совершенно не был похож на мать.

Их редкие встречи продолжались уже два года, и Кристел наконец смирилась с этим. Она больше не пыталась отговорить Спенсера, зная, что не переживет, если он уйдет из ее жизни навсегда. Она не могла без него жить, и не было необходимости прерывать их отношения. Никто ничего не подозревал, и Элизабет не заботило, чем занимается ее муж. Она всегда была слишком занята, навещая друзей, посещая палату общин, занимаясь в свободное время юриспруденцией, устраивая приемы. Для Спенсера в ее жизни места не было.

В ноябре Кристел работала над очередным фильмом Брайена. Работа захватила ее, фильм очень нравился ей, и Кристел поклялась, что завоюет второй «Оскар». Она сидела на площадке и разговаривала с другими актерами, когда им сообщили ужасную новость. В Далласе кто-то стрелял в президента. У нее упало сердце, и она помчалась в офис, где стоял телевизор. Сначала прошло сообщение, что с президентом погребло и было ранено несколько помощников. Она с ужасом смотрела на экран. Там снова и снова прокручивали кадры, как президента выносят из машины, как его голова лежит на коленях жены, потом фасад больницы, в которую

его доставили. В одиннадцать тридцать пять утра по калифорнийскому времени телевизионный диктор срывающимся голосом сообщил, что президент скончался. Его тело должны отвезти в Вашингтон для гражданской панихиды. Потом на экране крупным планом показали искаженное горем лицо его жены, но про Спенсера не сказали ни слова. Все вокруг плакали, а Кристел сидела бледная как мел. Она не знала, куда ей позвонить, и в отчаянии набрала номер офиса Брайена. Он тоже слышал новости, и она поняла, что он плачет.

– Мне нужно узнать, может быть, Спенсера тоже ранили или убили, – произнесла она отчаянным голосом. – Ты не знаешь, куда можно позвонить?

Последовала долгая пауза, он подумал о том, что с ней будет, если это окажется правдой.

– Я посмотрю, что можно сделать, и перезвоню тебе.

Но прошло несколько часов, прежде чем он смог пробиться к кому-нибудь из своих в Белом доме. Кристел весь день провела в тревоге, ожидая его звонка. Он раздался только в девять часов вечера. К тому времени пост президента занял вице-президент Линдон Джонсон, а тело Кеннеди под всеобщий плач было доставлено в Вашингтон. Вся страна наблюдала за его супругой в забрызганном кровью костюме, стоящей рядом с гробом, в который его укладывали.

Когда Кристел услышала в трубке голос Брайена, она тут же начала плакать, испугавшись, что новости будут ужасные. Но он ее успокоил:

– С ним все в порядке, Кристел. Сейчас он в Вашингтоне, в Белом доме.

Она выслушала его как во сне и, положив трубку на рычаг, упала на кровать рыдая. Ей было жаль Джона и его жену Жаклин и дни «Камелота», которые ушли теперь навсегда.

Но это были слезы облегчения, ведь Спенсер остался жив и не пострадал.

Похороны превратились в траурное шествие боли и слез. Гроб везли на катафалке, двое детей стояли рядом и плакали, вся страна тоже плакала, когда маленький мальчик в последний раз поцеловал своего отца. Казалось, Америка затаила дыхание, а вместе с ней и весь мир в тот момент, когда расстреляли убийцу президента. Это были незабываемые дни, и, естественно, Кристел не имела ни малейшей возможности поговорить со Спенсером. Она не могла знать, что с ним происходит, как он себя чувствует, и не имела ни малейшего понятия, собирается ли он продолжать работать с Линдоном Джонсоном. Брайен отпустил всех своих работников и актеров в двухнедельный отпуск. Никто из них не мог работать на площадке. Нужно было время, чтобы прийти в себя. Как дань уважения президенту, которого он любил, Брайен закрыл свой офис, выражая этим свою скорбь.

Кристел улетела на ранчо и целыми днями сидела возле телевизора, следя за событиями. Даже Зеб плакал, когда смотрел похороны, и они с Джейн взялись за руки, когда показали двух детей, скорбящих о потере отца.

А в Вашингтоне Спенсер принял решение. Все эти дни он не находил себе места и плакал, как никогда в жизни. Прощание для него было слишком горьким, и его корбило от одного присутствия Джонсона. Он понял, что рабо-

тать так, как он работал с Кеннеди, не сможет ни с кем другим. Спенсер действительно успел полюбить погибшего президента всем сердцем.

На следующий день после похорон он отказался от должности, пожелал Линдону Джонсону всего хорошего и несколько часов провел в кабинете, собирая вещи, в то время как по его щекам непрерывным потоком катились слезы. Он собрал папки, книги, прибавил к ним несколько сувениров в память о человеке, которого ему будет теперь не хватать всю жизнь, и ушел домой.

Элизабет увидела, как он заходит в дверь, и остолбенела. Она ходила на похороны со своим отцом, в то время как Спенсер был среди членов парламента.

– Что ты делаешь? – Она стояла посреди гостиной и ошарашенно смотрела на мужа. Он выглядел уставшим и постаревшим. Он чувствовал себя стариком, у которого отняли все его мечты и надежды. Он отказался от должности, понимая, что с гибелью президента, который значил для него так много, все его помыслы и намерения превратились в прах.

– Я отказался от должности. И пришел домой, Элизабет.

– Но это же сумасшествие. – Она продолжала в ужасе смотреть на него. Он не может с ней так поступить. Она прекрасно понимала, что он расстроен, но ведь президент все равно есть, будь то Кеннеди или кто-то другой. Он не может просто так взять и уйти. Она не позволит ему сделать это. – Я не понимаю тебя. – В ее глазах сквозили злость и горечь.

– Каждый здравомыслящий человек только и мечтает о той власти, которую ты держал в своих руках. А ты взял и все выкинул?

– Я ничего не выкидывал, – сказал он. – Мечта, которую я, как ты говоришь, держал в руках, умерла. Ее убили.

– Конечно, я понимаю, сейчас нам всем очень тяжело. Но Джонсону тоже нужны помощники.

Спенсер покачал головой и устало взмахнул рукой.

– Не надо, Элизабет. Для меня все кончено. Сегодня утром я подал заявление. Если тебе нужна эта работа, пожалуйста. Я с радостью замолвлю за тебя словечко перед новым президентом.

– Не валяй дурака. Что ты теперь будешь делать?

Он теперь не мог даже открыть свой офис, у него не было для этого достаточного опыта. Но он повернулся к ней со странной улыбкой на лице. Он вдруг понял, что ему надо делать и куда идти.

– Теперь, Элизабет, мы наконец-то поставим точку. Это должно было произойти еще четырнадцать лет назад. Но и сейчас не поздно. Я, например, не хочу в один прекрасный день проснуться и обнаружить, что мне уже шестьдесят пять, а моя жизнь потрачена черт знает на что.

– Что ты имеешь в виду?

Да, президента убили, но это же не значит, что для них тоже все кончено. Что с ним происходит? Но он прекрасно понимал, что с ним происходит. У него еще осталась одна

мечта, и на этот раз он не собирается упускать ее.

– Это значит, что я ухожу. Я пробыл здесь слишком долго во всех отношениях. Но теперь я решил, что пора с этим покончить.

– Ты имеешь в виду нас? – Она все еще отказывалась понимать, но он утвердительно кивнул:

– Вот именно. Но я думаю, что ты даже не заметила бы моего отсутствия.

– И куда же ты собираешься отправиться? – Она изо всех сил старалась не показать, как напугана.

– Я собираюсь отправиться домой, не важно, где я его найду. А пока уеду отсюда. Для начала в Калифорнию. К Кристел.

– Ты хочешь уехать из Вашингтона? – Она была поражена. Он действительно собирался все бросить.

– Да, ты правильно поняла. Я славно здесь поработал и достиг многого. Но теперь хочу уехать отсюда. Может быть, я открою где-нибудь небольшую частную практику или займусь политикой на более низком уровне. Но я не собираюсь оставаться здесь. И еще я не собираюсь оставаться твоим мужем, Элизабет. Я хочу развестись с тобой, независимо от того, хочешь ты этого или нет. Мне не нужно твое согласие. Сейчас шестьдесят третий год, а не пятидесятый.

– Да ты просто потерял рассудок! – Она села на кушетку, не спуская с него глаз, полных бешенства и удивления.

– Нет. – Он с грустью покачал головой. – Мне кажется, что

я, наоборот, обрел его. Прежде всего нам с самого начала не надо было заключать этот брак, и ты прекрасно знаешь об этом.

– Но это же абсурд! – Она, как всегда, безупречно выглядела, прекрасно подражая в одежде Первой даме. На ней был костюм от «Шанель» и маленькая шляпка. Но теперь и этого у нее не будет. Теперь для нее все кончено.

– Абсурдно только то, что я позволил тебе продержаться так долго. Ты еще молода, у тебя впереди вся жизнь. Ты можешь сама открыть офис, если действительно хочешь. Но после того, что случилось, – его голос осел, когда он подумал о человеке, которого так искренне любил, – я ничего этого не хочу. Пусть все останется тебе. Волнения, разочарования, сенсации и головная боль.

– Ты просто негодяй! – Она плюнула эти слова ему в лицо.

– Может быть. А может, я просто устал. – И еще ему было грустно. И так чертовски одиноко, что хотелось плакать. И еще ему хотелось к Кристел, которой он всегда принадлежал.

– Ты собираешься поехать к ней, да? – Элизабет всегда говорила о Кристел «она».

– Наверное, если она меня примет.

– Ты дурак, Спенсер. И всегда был дураком. Она тебя не стоит.

Но он повернулся и пошел прочь от нее, поднимаясь по лестнице, чтобы собрать вещи. На этот раз он поступает правильно. В тот же вечер он ушел из дома, и они оба знали, что

он уже никогда в него не вернется.

– Из Калифорнии я позвоню своему адвокату, – сказал он, стоя у дверей. Вот и все, что он мог сказать на прощание женщине, с которой прожил почти четырнадцать лет, а она вообще ничего не ответила. Закрыв дверь, Спенсер поехал в гостиницу, чтобы переночевать там, а утром улететь в Калифорнию.

В тот же вечер Спенсер позвонил Кристел, чтобы сообщить новости. Он не связывался с ней с тех пор, как уехал в Даллас. Но ее не было дома, и он решил преподнести ей сюрприз неожиданным появлением в Лос-Анджелесе. Полет показался ему бесконечным, его все время одолевали тяжелые мысли, и лишь скорая встреча с Кристел радовала его. Но в квартире ее не было, и он решил, что сможет отыскать ее на площадке киностудии, где, как он знал, она снималась в новом фильме.

Им нужно столько сказать друг другу, и он до сих пор не мог поверить, что наконец-то свободен. Он бросил все и понимал, что на этот раз поступил правильно. Интересно, как к этому отнесется Кристел, и он дрожал от страха, пока ловил такси, ехал до киностудии и шел к павильону звукозаписи. А что, если для нее теперь слишком поздно? Что, если время упущено? А вдруг она не захочет выходить за него замуж? Все это возможно, но он очень хотел встретить только любовь. Он прекрасно знал, как сильно она его любит и как много они значат друг для друга. В этом он никогда не сомневался все эти годы.

Но звуковая студия была пуста, и ему объяснили, что съемка прекращена на две недели в знак уважения к погибшему президенту. Он постоял несколько минут, раздумыв-

вая, что же ему делать дальше. Потом вдруг понял. Он взял напрокат машину и решил не звонить ей. Оставалось единственное место на земле, где она обязательно должна быть.

Поездка заняла четырнадцать часов, но ему не хотелось лететь самолетом. Он хотел ехать по дороге и думать о ней, о том, что они теперь будут делать. Один раз он остановил машину у обочины и немного поспал. И дважды ему пришлось остановиться, чтобы перекусить в придорожных кафе. И когда над долиной начало подниматься солнце, он почувствовал, что сердце его наполняется музыкой, как будто душа той, которую он чуть было не потерял, оказалась рядом с ним. В этом странном мире происходили странные вещи, но на этот раз Спенсер был уверен, что совершает самый правильный поступок в своей жизни. Было семь часов утра, когда он приехал на ранчо. Солнце, поднявшееся уже довольно высоко, еще не прогрело холодный воздух. Прохладный ноябрьский день обещал быть великолепным. По бескрайнему полю бежал мальчик, и Спенсер приостановил машину, наблюдая за ним. Сначала он подумал, что это Джейн, но, приглядевшись внимательнее, понял, что это не она. У ребенка были черные блестящие волосы, и он кого-то смутно напоминал Спенсеру. Он вышел из машины и не отрываясь смотрел на него. На вид малышу было лет восемь, и, заметив, что его разглядывает незнакомый человек, он остановился и медленно направился к нему.

Спенсер, не двигаясь, смотрел на ребенка, и когда тот при-

близился, у него перехватило дыхание. Он уже когда-то видел это лицо, давно, очень давно, когда сам был ребенком. И это лицо он очень хорошо знал, потому что оно – его собственное лицо. Ему казалось, что это он сам, маленький, смотрит на себя, взрослого. Спенсер наконец двинулся навстречу малышу. И вдруг все понял, что произошло, а она никогда не говорила ему об этом.

– Привет! – Мальчик помахал рукой, и Спенсер замер с полными слез глазами. Он даже не знал, что ему сказать, только улыбался, в то время как слезы катились у него по щекам. И потом он увидел Кристел. Он замерла от ужаса, увидев его, хотела позвать Зеба, но было уже слишком поздно.

Она побежала, как будто хотела схватить его и спрятать. Но и эта попытка слишком запоздала. Она не видела ничего, кроме Спенсера. Он улыбался ей и малышу, и, тихонько заплакав, она остановилась и медленно пошла к нему. Все хорошо, он вернулся домой. На минуту или на день, а может быть, навсегда... Она увидела, как он подошел к Зебу, взял его за руку. Да, теперь он знал все. Теперь ее секрет стал и его секретом... и секретом Зеба... Она подошла в тот момент, когда Спенсер поднял сына на руки. Она бросилась к ним и обняла их обоих. Спенсер смотрел на нее, а Зеб с удивлением переводил взгляд с одного на другого.

– Ты не предупредил, что собираешься приехать. – Это все, что она могла сказать.

И он рассмеялся, не стыдясь своих слез:

– А ты не предупредила, что я могу здесь обнаружить, Кристел Уайтт.

– А ты меня не спрашивал. – Она улыбалась, по ее щекам тоже текли слезы.

Он нагнулся и поцеловал ее.

– В следующий раз я обязательно это сделаю.

Зеб выскользнул из их объятий и побежал к виноградникам, как это всегда делала Кристел, когда была ребенком, и как это со временем будут делать все другие их дети. Спенсер взял ее за руку. Мальчик видел, как они медленно пошли к дому. Когда они подошли к крыльцу, Спенсер спокойно посмотрел на нее, а потом поднял глаза к небу. Стоял солнечный осенний день, но он мог поклясться, что слышит вдалеке раскаты грома и видит вспышки молний. И тогда он нагнулся и еще раз поцеловал Кристел. И они вошли в дверь. Наконец-то они дома. И все вместе.